

Ордена Дружбы народов
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Российская ассоциация исследователей женской истории

Российский национальный комитет
Международной федерации исследователей женской истории



**ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ
В ТРАДИЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЕ:
СОХРАНЕНИЕ,
ФИКСАЦИЯ, ПОНИМАНИЕ**

*Материалы XIII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

В двух частях
Часть 2



Москва

2020

УДК 396
ББК 60+63
Ж 553



Российская
ассоциация
исследователей
женской истории



Казанский
(Приволжский)
федеральный
университет



Институт этнологии и
антропологии им. Н.Н.
Миклухо-Маклая РАН



Институт истории
им. Ш.Марджани
Академии наук
Республики Татарстан

Рецензенты

И.А. Морозов, д-р ист. наук, С.С. Крюкова, к-т ист. наук

Подготовлено при поддержке РФФИ (проект № 19-09-00191), Программы «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» и Программ НИР ИЭА РАН

Ж 553 **Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание.** Материалы XIII международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2-х частях / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова. – М.: ИЭА РАН, 2020. Ч. 2. – 361 с.

ISBN 978-5-4211-0253-3

Издание включает в себя материалы конференции «Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание», организованной Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Российской ассоциацией исследователей женской истории. Площадку для научных дискуссий историков и этнографов, педагогов и специалистов по истории науки, социопсихологов и социологов, литературоведов и фольклористов предоставили Казанский (Приволжский) федеральный университет и Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Издание дает представление о гендерных аспектах сохранения, фиксации и передачи памяти о женском и мужском в традиционной и современной культурах, о методологических подходах к пониманию мужского и женского типа меморизации, гендерных особенностей и различий в обычной и экстремальной повседневности индивидов, по-разному запечатленных в эго-документах женщин и мужчин, о женских судьбах и женских голосах в исторической биографике, об общем и особенном в традиционных и современных семейных отношениях в памяти людей разного пола, о женском и мужском в изобразительном и исполнительском искусстве (особенностях меморизации художественных форм и современных культурных запросах).

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-4211-0253-3

© ИЭА РАН, 2020

© Институт истории АН РТ, 2020

© КФУ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПАМЯТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Раздел 10. Гендерные аспекты воспитания и образования. Социальная адаптация детей разного пола в инокультурной и иноконфессиональной среде

10.1. Особенности образования и воспитания в традиционном обществе, в инокультурной и иноконфессиональной среде

<i>Калюта А.В.</i> Воспитание мальчиков и девочек в ацтекском обществе до прихода испанцев	13
<i>Хасбулатова З.И., Соловьева Л.Т.</i> Гендерные аспекты воспитания в традиционном обществе народов Кавказа	15
<i>Абдулвахабова Б.Б.-А.</i> Женское воспитание у чеченцев и терско-гребенского казачества: общее и особенное	19
<i>Фот А.Г.</i> «...Я с радостью и надеждой бралась за школьный труд». Трудовая повседневность женщины духовного сословия в Оренбургской губернии конца XIX в.	23
<i>Кальсина А.А.</i> Образование и воспитание девушек в Пермской Мариинской женской гимназии (вторая половина XIX – начало XX в.)	27
<i>Жбанкова Е.В.</i> «Физическое воспитание» и «физическое образование» П.Ф. Лесгафта в учебных заведениях дореволюционной России (гендерный аспект)	31

Зайцева С.В. Учреждения помощи матерям и детям в России в начале XX в.: социальный состав нуждающихся (по материалам медицинских документов и отчетов) 34

Шестова Т.Ю. Движение домоводок в деятельности Пермского губернского земства (на материалах «Пермской земской недели») 38

Рыблова М.А. «Секретики» и «красота»: образы девичьего детства в русской народной традиции и советской повседневности 41

10.2. Воспитание и образование в современном обществе (гендерный аспект)

Швецова А.В. «Стыдно, товарищи!»: особенности гендерного воспитания в России 45

Айрапетова В.В. Гендерный подход в преподавании литературы в школе 49

Губанова Т.С. Гендерные проблемы развития российского школьного образования в 2000-е годы 52

Клименко Л.В. Динамика воспроизводства этногендерного этикета в северокавказской семье 56

Крылова Н.Л. Афро-русское детство. Особенности социальной адаптации детей из смешанных семей в культурах родителей 59

Ключко О.И., Сухарева Н.Ф. Гендерная идентичность младших школьников в образовательных условиях мегаполиса и провинциального города 63

Ерофеева М.А. Представления о нормах женского поведения у учащейся молодежи мегаполиса и провинции 67

Штылева Л.В. Роль современного образования в формировании гендерной ментальности девочек и девушек поколения Z 70

Раздел 11. Гендерные асимметрии в науке, политике, образовании, литературе и искусстве

<i>Михайлова С.В.</i> Творить нельзя скрывать: где поставить запятую? (Французская женская волшебная сказка XVII в.)	75
<i>Аллахвердян А.Г.</i> С.В. Ковалевская – выдающийся математик, первая женщина – член-корреспондент Петербургской АН (1850–1891)	79
<i>Афанасьева Ю.Ю.</i> С. Ковалевская и И. Грекова в поисках самоидентификации: от математики к литературному творчеству	81
<i>Трофимова Т.Н.</i> Память о математике и педагоге Любове Николаевне Запольской	85
<i>Россиянов К.О., Помелова М.А.</i> Исследования Н.Н. Ладыгиной-Котс и проблема «женской» науки	89
<i>Сысоева М.Э.</i> Вклад женщин в кавказоведение (на примере уبخских исследований)	93
<i>Зарецкая О.В.</i> Деятельность А.М. Коллонтай на посту наркома общественного призрения	97
<i>Шульга М.М.</i> Трансформация гендерной модели поведения женщины в эпоху кризиса (на примере Великой депрессии в США)	102
<i>Валькова О.А., Гриневич И.И.</i> Профессиональная карьера женщины-ученого в СССР: стратегии адаптации	105
<i>Ермолаева Е.О.</i> Физический факультет Московского университета в женских лицах	109
<i>Солодников В.В., Солодникова И.В.</i> О парадоксах гендерной асимметрии в российской социально-гуманитарной науке	113

Воробьева А.Д. Выставка-проект «9 марта». К вопросу гендерных асимметрий в современном ювелирном искусстве 116

Конюкова М.Л. Лонгрид как жанр социальной журналистики, который частично стер гендерные различия между журналистами 121

Кузнецова Р.Ш., Кузнецов И.В. Культ Реднег на университетском кампусе (этнографические заметки о гендерной симметрии) 124

Раздел 12. Особенности личностной и профессиональной самореализации женщин в традиционном и современном обществе

Соловьева Л.Т. Женщина в сакральной сфере: горные регионы Восточной Грузии 130

Самигулов Г.Х. «Матриархат» как форма спасения благосостояния семьи: к истории семьи Боровинских в Челябинске XIX в. 134

Лачаева М.Ю. Гендерные роли в семье Кувшинниковых: мир московской интеллигенции в конце XIX в. 137

Верменко В.А. «Честная прачка» в России второй половины XIX – начала XX в.: социальный портрет 141

Лебедева Л.В. Социально-политическая активность крестьянок в 1920-е годы: женотделы и делегатские собрания как формы самореализации женщин в традиционном обществе 145

Абдуллаев С.Н. Россия – Средняя Азия: женские и мужские «следы» в межкультурной коммуникации (вопросы идентификации и осмысления концепта «Женщина-мать») 149

<i>Винокурова Н.А.</i> Отношение студентов к предпринимательству: гендерный аспект	153
<i>Каменская Е.Н.</i> Личностные и гендерные особенности работников, успешных в должностной карьере	156
<i>Панина В.З.</i> Роль женщины в современном бизнесе. Стандартизация бизнес-процессов на примере рынка салонов красоты	160
<i>Петрушихина Е.Б.</i> Гендер руководителя как фактор преодоления кризиса в современной организации	164
<i>Покровская С.Е.</i> Удовлетворенность трудом белорусских женщин в возрасте средней зрелости	168
<i>Рахматуллина З.Б., Сиразетдинова Н.А.</i> К вопросу о гендерном неравенстве на рынке труда	171
<i>Ржаницына Л.С.</i> Истории работающих женщин	173
<i>Ушакова В.Г.</i> Индивидуализация и неотрадиционализм в общественном мнении современных девушек и юношей	177
Раздел 13. Женщины-педагоги в истории Оренбургского края. К 101-й годовщине со дня учреждения Оренбургского гос. педагогического университета	
<i>Камскова Т.А.</i> Олимпиада Давидовна Жакмон – начальница Оренбургского Николаевского института благородных девиц (1849–1858)	181
<i>Любичанковский С.В.</i> Ольга Петровна Васильева: жизненный путь в оренбургской системе образования	185

<i>Зубова И.К.</i> О научной и педагогической деятельности оренбургского ученого и педагога Галины Павловны Матвиевской	186
<i>Годовова Е.В.</i> Рослякова Наталия Андреевна: судьба и педагогическая деятельность оренбургского учителя	190
<i>Владимирцева В.Г.</i> Чеботникова Татьяна Алексеевна: студентка, аспирантка, кандидат наук, доктор наук...	194

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВОСПИТАНИЯ ДУШИ И ЛИЧНОСТИ В ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Раздел 14. Самореализация женщин и мужчин в этноконфессиональных практиках: традиции и современность

<i>Гафурова З.Р.</i> Ключевые слова в социокультурных исследованиях бытования женщин из старообрядческих фамилий России в кон. XIX – нач. XX в.	199
<i>Дашибалова И.Н.</i> Дискурс этногендерных отношений бурят в киноисточниках 1950–1980-х годов	202
<i>Анжиганова Л.В.</i> Тенгрианские основания женской культуры хакасов: неотрадиционалистский аспект	207
<i>Горбунова Е.В.</i> Мужское и женское в кризисном обществе	210
<i>Ерохина Е.А.</i> Женское божество и его воплощения в современном социокультурном неотрадиционализме (по материалам исследований в Республике Хакасия и Республике Алтай)	213

Сорокина Е.А. Конфессиональный опыт современной Швеции: гендерный аспект 217

Фролова А.В. «Знающая»: возвращение в традицию в современном сельском сообществе (по материалам Архангельского Севера) 221

Раздел 15. Женское лицо благотворительности и меценатства в традиционном и современном обществе

Юкина И.И. Женский путь в благотворительность: барьеры и инновации 225

Симонова Е.В. Благотворительность в Тульской губ. в XIX – нач. XX в.: гендерный аспект 229

Буланова М.Б. Лидия Алексеевна Шанявская: благотворитель и меценат 233

Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Приходские сестричества в религиозном ландшафте Екатеринбургской епархии в начале XX в. 237

Федотова А.Ю. Женские организации в борьбе с голодом в Казанской губернии в 1905–1907 гг. 243

Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Женское участие в традиционной благотворительной деятельности на Северном Кавказе 246

Азаматова Г.К. Практики благотворительности в культурном поле северокавказского региона: гендерный аспект 250

Коваль К.С. Роль благотворительных организаций в жизни русских эмигранток в Шанхае 253

Якушкина Е.И. Благотворительная деятельность женских организаций в современном российском обществе (на примере Воронежского региона) 258

ЖЕНСКАЯ БИОГРАФИКА И АВТОБИОГРАФИКА. ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ

Раздел 16. Женские судьбы и женские голоса как проблема исторической биографики. Особенности женского эго-нарратива в традиционном и современном обществе

- Заболотная Л.П.* Неизвестные письма о межличностных отношениях Марии Кантемир и Екатерины-Смарагды Голицыной 263
- Кокорина Г.А.* Память французской художницы Э. Виже-Лебрен о России как «новой родине» 268
- Приказчикова Е.Е.* Е. Хвостова (Сушкова) и М.Ю. Лермонтов: жизнь через призму романтического жизнетворчества 271
- Эндерляйн Э.* Размышления о дневнике Марии Башкирцевой 275
- Жидкова Е.М.* Биография с открытой датой. Лидия Кочеткова – эсерка, феминистка, ученая 279
- Морозова А.Ю.* Личное и общественное в воспоминаниях женщин-политзаключенных в России последней трети XIX – первой трети XX в. 283
- Казарова Н.А.* Две Веры (В.И. Засулич и В.Н. Фигнер в эго-документах) 286
- Шебалдина Г.В.* «Вести с того света...» (женский дневник 1937–1938 гг.) 291
- Милова О.Л.* Контрасты повседневной жизни московской школьницы в 1930-х – начале 1940-х годов 295
- Битокова Т.В., Картлыкова Ф.Р.* «В чужой стране и звезды-то чужие...»: женский эго-нарратив об исторической трагедии 299

<i>Рафикова Г.Э.</i> Побег в Советский Союз: аполитичный выбор швейцарской подданной конца 1960-х годов	303
<i>Шалыгина Н.В.</i> Женские письма русскоязычных иммигрантов США как этноисторический источник (1990–2000-е годы)	306
<i>Толстова М.А.</i> Женские автобиографические рассказы как форма передачи гендерных смыслов	309
<i>Буряк Л.И.</i> Женский (авто)биографический нарратив: калейдоскоп контекстов в современной украинской социогуманитаристике	312
<i>Шишелякина А.Л.</i> Женские нарративы о традиции: играя с темпоральностью	316

Раздел 17. Мужское и женское в изобразительном и исполнительском искусстве. Конструирование фемининности и маскулинности в литературе и языке

<i>Трофимова В.С.</i> Память о женщинах-авторах в ранних литературных объединениях Западной Европы и России (XVII – начало XIX в.)	317
<i>Потехина Е.Э.</i> Общественные насекомые и (или?) королевские особы: фиксация представлений о викторианской семье в повести А. Байетт «Морфо Евгения»	321
<i>Тернопол Т.В.</i> Гендерные сказки в романе А. Байетт «Детская книга» как отражение женской семейной памяти	325
<i>Шафранская Э.Ф.</i> Женский вектор в фольклорном эпосе Туркестанского края, записанном Н.Н. Каразиным	328
<i>Кузнецова Е.В.</i> Фемининные и маскулинные нарративные стратегии в женской лирике Серебряного века	332
<i>Зусева-Озкан В.Б.</i> Амазонки в романе М.А. Кузмина «Подвиги Великого Александра»: историческая память vs авторская мизогиния	336

<i>Симонова О.А.</i> Фольклорные мотивы в женских воспоминаниях о махновщине	341
<i>Московчук Л.С.</i> К особенностям формирования женского образа инженерной профессии	344
<i>Сидорова Г.П.</i> Мужские образы российско-советского киноискусства как культурные герои: женский взгляд	347
<i>Югай Е.Ф.</i> Женское в поэтическом искусстве: особенности поведенческих шаблонов от деревенского причитания до современной поэзии	351
<i>Бобровская Е.О.</i> Гендерные особенности памяти героев современной русской прозы (на материале романов Олега Роя)	355
<i>Кук Ж.Х., Сулейманова Ф.Х.</i> Традиционный костюм как отражение социальной памяти о женском и мужском (на примере коллекций художника-модельера Мадины Саральп)	358

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ПАМЯТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

РАЗДЕЛ 10

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ПОЛА В ИНОКУЛЬТУРНОЙ И ИНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

10.1. Особенности образования и воспитания в традиционном обществе, в инокультурной и иноконфессиональной среде

А.В. Калюта

Санкт-Петербург, Российский этнографический музей

Воспитание мальчиков и девочек в ацтекском обществе до прихода испанцев

В докладе на основе широкого круга письменных источников рассматриваются гендерные аспекты воспитания детей в обществе науа (ацтеков) до прихода испанского завоевания. Особое внимание уделяется таким вопросам, как роль родителей, родственников, старших членов общины и государства в усвоении детьми гендерных стереотипов, женским и мужским ролям в обществе и их связи с традиционным мировоззрением науа, построенном на принципах

бинарной оппозиции, а также случаям отклонения от традиционных гендерных ролей и причинам, их вызвавшим. Доклад будет сопровождаться обширным иллюстративным материалом. Он также будет дополнен сравнительными данными о воспитании детей и внедрении гендерных ролей у современных науа, полученными автором в ходе полевой работы в регионе Сьерра-Норте-де-Пуэбла на востоке Центральной Мексики в декабре 2004 г.

В силу своей природной универсальности возраст и пол являются одними из основных критериев социального конституирования. Формы социализации детей как в традиционных, так и индустриальных обществах ориентированы в первую очередь на постепенное освоение детьми половозрастных стереотипов, соответствующих их будущим социальным ролям в обществе. В основе не только социальной организации, но всего мировоззрения науа (ацтеков) была и остается бинарная оппозиция «мужское и женское», которой проникнут весь процесс воспитания детей как до прихода испанцев, так в настоящее время [1, с. 140–141]. В доиспанское время «мужчина» и «воин» составляли единое синкретическое понятие, что сохранилось и сейчас в восприятии роли мужчины как активного защитника своей семьи и своего достоинства, способного при случае взять оружие. До прихода испанцев рождение мальчика повитуха сопровождала боевым кличем, а во время церемонии омовения и наречения именем новорожденного мальчика ему в руки вкладывали лук и стрелу [2, с. 114]. При рождении девочки повитуха внушала ей, что она должна быть в доме «как сердце в теле», и ее пуповина зарывалась в доме под зернотеркой, чтобы привязать ее к жилищу [2, с. 115]. Во время церемонии наречения именем девочки ей в руки вкладывали метлу и веретено. Пережитки этих представлений и обрядов сохраняются у науа по сей день. В дальнейшем воспитанием мальчиков занимались и занимаются отцы, дядья и старшие братья, а воспитанием девочек – матери и старшие сестры. Жесткое гендерное деление проявлялось даже в повседневном языке науа. Женщинам, например, полагалось использовать иные грамматические конструкции и термины родства, нежели мужчинам [3, с. 19, 45].

Однако в традиционном обществе науа встречались и отклонения от этого жесткого гендерного деления, в первую очередь в ритуальной сфере. Во время определенных церемоний жрецы надевали женские одежды, что в повседневной жизни запрещалось под страхом смерти, поскольку персонифицировали богинь. Существовала также такая категория лиц, как *патлаче*, которых испанцы называли «гермафродитами». В настоящее время память о подобном третьем поле практически не сохранилась, так как испанские завоеватели свирепо преследовали все, что, по их мнению, было связано «с извращениями».

Список источников и литературы

1. *Калюта А.В.* Ацтеки: родство, гендер, возраст. Опыт историко-социологического исследования мезоамериканского общества XV–XVII веков. СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 2006.
2. *López Austin A.* Cuerpo humano e ideología: las concepciones de antiguos nahuas. México: UNAM, 1984.
3. *Carochi H.* Grammar of the Mexican Language with an Explanation of Its Adverbs (1645) // Translated and edited with commentary by James Lockhart. Stanford: Stanford University Press, 2001.

З.И. Хасбулатова

*Грозный, Чеченский государственный университет;
Чеченский государственный педагогический университет*

Л.Т. Соловьева

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Гендерные аспекты воспитания в традиционном обществе народов Кавказа

Нормы воспитания в традиционном кавказском обществе имели четко выраженную гендерную составляющую. Для всех кавказских народов было характерно более положительное отношение к рождению в семье мальчиков, что определялось патриархальным характером общества.

Вместе с тем рождение ребенка всегда воспринималось как «дар божий», как благодать, которая снизошла на семью. Женщине, родившей девочку, желали в следующий раз обязательно родить мальчика. Так, хотя чеченцы считали девочку «гостьей в семье», они говорили, что «без девочек в доме нет веселья», «девочка – это благодать». Балкарцы при рождении девочки говорили: «Пусть заботой, нежностью и послушанием будет приносить удовольствие отцу и матери» [5, с. 79]. Многие нормы адыгского этикета символизировали «внимательное, чуткое, почтительное отношение к детям» [1, с. 387, 393].

Если в семье не было сыновей и рождалось несколько девочек, им давали особые имена. Например, у чеченцев – Тоита («Остановись»), Сацита («Хватит») [13], у азербайджанцев – Гызбэсти («Хватит девочек»), Йетер («Достаточно»), Гызйетер («Достаточно девочек») [10, с. 450].

Матери мальчика после родов уделяли больше внимания, ей приносили более сдобную пищу, она более долгий срок находилась в постели; большее внимание уделяли также различным магическим приемам охраны новорожденного мальчика, считая, что «нечистая сила» в меньшей степени враждебна девочкам как существам, не столь ценным для общества [12, с. 39].

Нередко для девочек и для мальчиков пели особые колыбельные.

Гендерные различия прослеживались на всех этапах воспитания.

Совместные игры мальчиков и девочек допускались только для младшего возраста [5, с. 29]. В основном игры для мальчиков и девочек были четко разграничены [4, с. 135–137; 6, с. 63; 13, с. 128]. Если девочки начинали играть в мальчишеские игры, их осуждали «за недостойное поведение», над мальчиками в подобных случаях обычно насмеялись. Многие игры воспроизводили трудовые процессы или хозяйственные занятия, причем с самого раннего возраста детей приучали к тому, что есть четкое деление работ на мужские и женские. Если мальчик начинал делать «женскую» работу (например, брал веник и подметал), ему это запрещали; мальчика, замеченного за женскими занятиями, публично высмеивали [2, с. 127].

На первом возрастном этапе (примерно до 5–6 лет) трудовое воспитание мальчиков и девочек проходило совместно, в основ-

ном под руководством бабушек и дедушек, поскольку родители значительную часть времени проводили на хозяйственных работах вне дома [11, с. 73].

С 6-7 лет дети выполняли работы под присмотром взрослых. Так, у грузин мальчики с 6-8 лет пасли телят, свиней, хромой скот, птицу (гусей, уток), или же их посылали в помощники к пастуху – брату или дяде. Вместе со взрослыми они вскапывали землю, мотыжили (для этого делали специальные маленькие мотыги), перед пахотой и покосом убирали с земли камни, пропалывали посевы. Мальчики исполняли и некоторые работы по дому – приносили дрова, доставляли в поле завтрак и обед. Девочки выполняли «женские» работы [8; 12, с. 89–90].

К 15-16 годам, к возрасту совершеннолетия, юноши и девушки умели выполнять все необходимые в хозяйстве работы.

Дети воспитывались не только в семье. В различных регионах Кавказа имелись определенные социальные институты, которые способствовали воспитанию у подрастающего поколения необходимых знаний и навыков. Мальчики в такого рода «школах» или лагерях, расположенных вдали от селений, обучались прежде всего военному делу, развивали физические способности. Так, у чеченцев мальчикам с 5-7 лет в таких школах старались привить воинственный дух, научить выживать в тяжелых условиях; руководили группами мальчиков и юношей опытные и авторитетные мужчины 65–67 лет («мужчина, снявший пояс»). Основное время уделялось физической подготовке. Сходная практика обучения мальчиков существовала в Дагестане. Так, у каратинцев мальчиков с 6-7 лет дважды в год на полтора месяца забирали в горы на «военные сборы», где они совершенствовали свои военные навыки под руководством старших мужчин, лучших стрелков, фехтовальщиков, наездников. «Из года в год, все усложняясь, такие занятия проводились с мальчиками, подростками и юношами лет до 15-16» [6, с. 123]. Можно сопоставить рассмотренные выше традиции воспитания мужской молодежи с одной стороны с пережиточными формами мужских союзов, а с другой стороны – с элементами инициаций, реликтовые формы которых засвидетельствованы в некоторых регионах Кавказа [3, с. 24].

Девочек в подобных «школах» обучали обычно рукоделию.

Народная система воспитания была направлена на формирование у подрастающего поколения необходимых в жизни качеств, навыков и способностей, в том числе она способствовала формированию гендерных стереотипов как одной из базовых социально-культурных характеристик общества. Основным местом (локусом) конструирования гендерных стереотипов и гендерной асимметрии, т.е. неравенства распределения социально-половых ролей, была в первую очередь семья [7, с. 4; 9, с. 4–5].

Список источников и литературы

1. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011.
2. *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014.
3. *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера, 1996.
4. *Карпов Ю.Ю.* Ребенок и подросток в контексте традиционной культуры народов Западного Дагестана // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1998.
5. *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003.
6. *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Каралал (Каратинцы). Махачкала: Алеф, 2009.
7. *Мафедзев С.Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1991.
8. *Мусаева М.К.* Возрастные особенности и методы воспитания детей в Нагорном Дагестане (XIX – начало XX в.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2006. № 3 (7). С. 112–120.
9. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 4–25.
10. *Раджабов Г., Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т.* Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Азербайджанцы / Отв. ред. А. Мамедли, Л.Т. Соловьева. М.: Наука, 2017. С. 445–460.
11. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: вторая половина XIX–XX в. М.: Наука, 1983.

12. *Соловьева Л.Т.* Грузия: Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995.
13. *Хасбулатова З.И.* Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX–XX вв.). М.: Академия, 2007.

Б.Б.-А.Абдулвахабова

Грозный, Чеченский государственный университет

Женское воспитание у чеченцев и терско-гребенского казачества: общее и особенное

Чечня, как и весь северокавказский регион, представляет сложную в этническом отношении территорию. Здесь жили и живут представители многих народов. В их числе и разные по происхождению, конфессиональной принадлежности группы населения. Терско-гребенские казаки появились на территории Чечни со второй половины XVI столетия. Этнокультурные процессы в этнически неоднородной среде отличались большим своеобразием и, несмотря на конфессиональные различия, складывались относительно благоприятно. И изучение этого опыта во всех социокультурных параметрах на современном этапе развития человечества представляется актуальным, в особенности его гендерные аспекты. Историография обозначенной темы широка, разнообразна: есть серьезные исследования, в которых раскрываются те или иные вопросы этнокультурных связей двух народов [4]. Но обозначенная тема иногда освещается прямолинейными противопоставлениями горской и казачьей культур [7].

Межкультурное общение двух народов в течение нескольких столетий стимулировало возникновение смешанных традиций в культуре чеченцев и терско-гребенского казачества. Заимствования не означало появления новых культур, они были результатом тесного совместничества в едином этнокультурном ландшафте. Мы далеки от идеализации этих культурных контактов. Это взаимодействие культур не было бесконфликтным процессом. Но отношения между казачеством и местными народами были дружественными во всех сферах повседневности и, несмотря на конфессиональные различия – толерантны.

Как в чеченском обществе, так и в среде казачества значительное место занимали представления, традиции, определявшие положение мужчин и женщин в семье, общине и обществе в целом. Социальные роли мужчины и женщины были четко определены в указанных обществах в прошлом. Живя бок о бок столетиями, эти народы переняли друг у друга многое в материальной и духовной культуре. Также этому способствовали и межэтнические браки, которые были нередки среди горцев и казачества.

Женское воспитание в традиционном чеченском обществе, в том числе и казачьем, тесно связано с таким этносоциальным институтом, как семья. Известно, что сохранение традиций и их передача последующим поколениям более эффективно осуществляется в многопоколенной семье. Для чеченского общества вплоть до конца XIX в. была характерна большая, неразделенная семья [8, с. 27–60]. Традиционное воспитание в семьях было дифференцированным и ориентировало на усвоение детьми гендерных стереотипов. Эта особенность характерно была и для казачьих, и для горских семей. С детства у девочек формировали стереотип «женственности». С малых лет девочкам прививали такие качества, как скромность, сдержанность, заботливость, трудолюбие. Чеченская старинная пословица гласит: «Воспитывая мужчину, мы воспитываем человека; воспитывая женщину, мы воспитываем нацию» [6, с. 73]. В семье чеченская женщина была полновластной хозяйкой [5, с. 109]. Свободная от тяжелых и опасных работ, она всецело посвящала себя семье и воспитанию детей. Грузинский писатель А. Казбеги, хорошо знавший нравы, традиции, обычаи чеченцев, писал: «Чеченская женщина свободнее всех женщин и потому честнее всех. Никогда не допустит непристойности...» [6, с. 109]. И именно женщина была в семье главным воспитателем. С малых лет девочек приучали к «женским» занятиям. Достоинством девушки считалось ее умение готовить пищу, ткать, шить, вышивать и т.д. Кроме трудолюбия, одним из лучших качеств девушек считалась женственность, которую формировали с раннего детства, так как они в будущем должны были стать женами и матерями. В соответствии с адатами (обыч-

ное право) горцев, а также нормами ислама, в чеченских семьях девочек/девушек воспитывали в духе уважения и повиновения мужчине: брату, отцу и т.д. Важным гендерным стереотипом в женском воспитании, формирующим мужское и женское сознание, был стереотип «распределения ролей», «недопустимости их смешения или замещения» [3, с. 127].

Не вдаваясь в глубокий анализ семейных традиций терско-гребенского казачества, отметим, что, как и у горцев, институт большой патриархальной казачьей семьи уделял особое внимание женскому воспитанию. Как известно, главную роль в казачьей семье играл глава семьи – отец, или в силу определенных обстоятельств, старший брат. Почти такую же роль выполняла и женщина-мать. Исследователи отмечали, что «до 6-8 лет все дети воспитывались вместе, затем воспитанием девочек больше занимались женщины, мальчиков – мужчины. Начиналось и приобщение детей к определенным (мужским и женским) занятиям» [2, с. 201]. Женское воспитание в казачьих семьях было направлено на формирование у девочек/девушек гендерного стереотипа «женственности».

Надо отметить, что детские игры в семьях, играли большое значение, особенно игры в куклы. Они воссоздавали не только элементы семейного быта, но и предметный мир женщины. Посредством этих игр девочка в казачьей семье не только усваивала гендерные стереотипы, но и формировалась как личность. Но самым значимым гендерным стереотипом в семейном воспитании являлось «содержание труда» приучавшее девочек/девушек к выполнению женской домашней работы. Воспитанная в таком духе казачка могла во время отсутствия мужа взять на свои плечи проблемы ведения всего домашнего хозяйства.

Организованное таким образом женское воспитание, как у чеченцев, так и у казаков обеспечивало сохранение, трансляцию традиционных норм предшествующих поколений, которое помогало дальнейшему развитию общества, укреплению межэтнических связей и сохранению этнической идентичности.

В современную эпоху, в период глобальных изменений во всех сферах жизнедеятельности обществ, вне зависимости от этниче-

ской и профессиональной принадлежности происходят изменения гендерных стереотипов «женского» и «мужского» в современной культуре. Сегодня в указанных обществах женское воспитание строится на том, чтобы современная женщина была не только женой, матерью, хорошей хозяйкой, но и могла успешно самореализовываться вне дома. Женщина сегодня занята в сфере политики, бизнеса, образования, науки и т.д. Современное женское воспитание допускает освоение женщиной мужских профессий. Она также может занимать высокие общественно-политические должности в стране. Активное участие женщины в общественной сфере вызывают у определенной части общества, особенно в моноконфессиональной, серьезные опасения, и звучат требования «вернуть женщину в семью» [1, с. 143].

Таким образом, необходимо констатировать, что женское воспитание в современный период кардинально изменилось под влиянием глобальных изменений, происходящих во всех сферах жизнедеятельности. Сегодня трудно сформулировать концепцию современного женского воспитания не только в чеченском, но и других обществах, в силу указанных выше факторов. Ноясно-одно: это воспитание должно быть направлено на сохранение и укрепление семейного института, как это было в традиционных культурах чеченцев и терско-гребенского казачества.

Список источников и литературы

1. *Баскакова М.Е.* Социальная защита женщины-матери в условиях трансформации общества // *Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен.* Материалы Международной конференции, 1993 г. // Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
2. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону: ЗАО «Скорина», 2001.
3. *Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2014.
4. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки. М.: Изд-во МГУ, 1974.
5. *Исаев Э.А.* Вайнахская этика. Назрань: ЗАО «Полиграфический комбинат», 1999.

6. *Межидов Д.М., Алироев И.Ю.* Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный: «Книга», 1992.
7. Терский сборник // Отв. за вып. О.В. Губенко. М.: МИРАКЛЬ, 2016. Вып. 1.
8. *Хасбулатова З.И.* Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М.: Московская типография № 27, 2007.

А.Г. Фот

Оренбург, независимый исследователь

**«...Я с радостью и надеждой бралась за школьный труд».
Трудовая повседневность женщины духовного сословия
в Оренбургской губернии конца XIX в.**

Во второй половине XIX – начале XX в. Россия вступила на путь модернизации. Естественным последствием данного явления стало активное включение женского населения пореформенной России в трудовую деятельность. Девушки духовного звания, получившие образование в Оренбургском женском епархиальном училище, также не остались в стороне от этого процесса. За первые 10 лет существования (1889–1899 гг.) его стены покинуло 140 выпускниц, 42 из них преподавали в различных учебных заведениях епархии [2, л. 64об.]. Среди девушек, решившихся ступить на профессиональную стезю, оказалась и Анастасия Данилевская. Она окончила училище в 1895 г. по первому разряду, получив при выпуске книгу и похвальный лист [4, с. 193]. Это позволило Анастасии считать, что преподавательская деятельность дастся ей легко. Отправляясь к месту службы – второклассную церковно-приходскую школу города Верхнеуральска – она была полна энтузиазма и надеялась обрести поддержку у своего непосредственного начальства: «...Я с радостью и надеждой бралась за школьный труд, я думала, что принесу пользу. Правда я была еще не опытна, но я твердо была уверена, что протоирей Павел Шмотин заведующий этой школой поможет мне при моих школьных шагах» [1, л. 12] – вспоминала Данилевская впоследствии. Занятия, начавшиеся с 1 октября 1895 г., быстро развеяли эти иллюзии. Прежде всего, половина

учениц вообще не посещало школы. Анастасия обратилась к отцу Шмотину за советом: какие принять меры в этом случае? И получила ответ: «Никаких мер предпринимать не нужно. Ходят - и ладно, а не ходят - так это их дело. А если принимать меры, то у нас оставшееся разбежаться станут» [1, л. 13]. Анастасия посещала дома учениц с целью уговорить их родителей отправить девочек в школу. Но все ее попытки потерпели неудачу. Девочки по-прежнему редко приходили на занятия. Нагрузка молодого педагога возрастала с каждым днем. Вскоре после начала трудовой деятельности Анастасии Данилевской пришлось взять на себя занятия не только с первым, но и со вторым отделением первого класса. Кроме того, заведующий школой постоянно приводил в класс новых неграмотных девочек. Анастасии приходилось обучать их, поэтому уже обученные грамоте ученицы отставали от программы, не успевая за год постичь весь объем материала. Успешному освоению чтения и письма мешала частая смена учебных пособий [1, л. 13об]. Преподавать в таких условиях было крайне тяжело; кроме того, девочки не желали признавать в молоденькой учительнице наставницу. Ученицы заявили Данилевской, что она им не нравится, поэтому они пожалуются отцу протоиерею и он пришлет им другую учительницу [1, л. 12]. Неумение Данилевской найти подход к подопечным неудивителен. В первые годы при епархиальном училище еще не было отстроено образцовой школы, где будущие педагоги могли бы отточить на практике полученные теоретические знания и научиться общаться с подрастающим поколением. Для поддержания дисциплины Данилевская стала заставлять провинившихся учениц стоять 5-10 минут. Из-за этого у нее вышел конфликт с Павлом Шмотиным. Он заметил девушке, что «способная учительница, не прибегая к наказаниям, может внушить: рассеянным внимательность, неисполнительным – охоту к учению». Кроме того, он указывал на свое неприятие наказаний в деле обучения детей. Поскольку наказания «ожесточают сердца детей, отбивают охоту к учению, и многие именно из-за этих наказаний оставляли и оставляют школу. Кроме того наказанная, часто плачущая не может слушать преподавателя и таким образом теряет время каждая минута

которого дорога, и которого и так не хватает для усвоения обширной программы второклассной школы» [1, л. 15об]. По большому счету, протоирей был прав. Однако не стоит забывать, что Анастасия преподавала только первый год: растерявшись в новой обстановке и не найдя помощи у старшего коллеги, она легко совершала ошибки. Кроме того, различные виды наказаний для поддержания дисциплины в классе – в системе образования дореволюционной России. В епархиальном училище, которое окончила Данилевская, за нарушение распорядка следовало наказание: выговор, стояние во время урока, задержка в классе после окончания занятий, оставление без второго блюда на ужин или запрет поехать домой на каникулы [3, с. 34–35]. Так что Данилевская просто воспроизводила привычную для нее в такой ситуации модель поведения педагога. При этом она выбирала самую мягкую форму наказания.

Павел Шмотин не пытался найти компромисс с подчиненной. Напротив, стал высказывать свое недовольство тем, как Анастасия ведет уроки и заведует местной библиотекой в присутствии ее учениц. Все это, разумеется, не добавило ей авторитета в их глазах [1, л. 13–14]. Между тем по своему образовательному цензу, несмотря на отсутствие опыта, Анастасия Данилевская была назначена в школе старшей учительницей. В ее обязанности входила забота об ученицах, которые приехали в Верхнеуральск из других населенных пунктов уезда и проживали в школьном общежитии. Она должна была следить за тем как девочки питаются, готовят уроки и посещают богослужения. Разумеется, ее подопечные также не должны были своевольно и без сопровождения покидать общежития. Однако девочки, наблюдая постоянные конфликты между своей наставницей и заведующим школой, осознавали, что он не одобряет ее действий, и совершенно не слушали Анастасию. Позже Анастасия Данилевская вспоминала: «несмотря на все мои старания девочки занимались, чем хотели, приготавливали уроки, как умели и уходили из общежития, когда хотели» [1, л. 7об]. Такое откровенное признание из уст самой Анастасии Данилевской свидетельствует о том, что молоденькая учительница совершенно перестала контролировать ситуацию. Учитывая это, девушке сле-

довало с пониманием отнестись к постоянным ходатайствам отца Шмотина перед епархиальным наблюдателем за церковно-приходскими школами Гавриилом Петровичем Рыбниковым об освобождении Анастасии от обязанностей старшей учительницы [1, л. 8]. Вместо этого 31 октября 1897 г. Данилевская подала на Павла Шмотина жалобу. Протоиерей Шмотин, объясняя сложившуюся ситуацию, 18 августа 1898 г. сообщал в Оренбургскую духовную консисторию, что епархиальный училищный совет не пожелал заплатить денег двум вновь нанятым учительницам, и они покинули школу. Заведующий был вынужден распределить нагрузку между оставшимися педагогами [1, л. 6об]. Протоирей признавал, частую смену учебников в своей школе, но здесь не было его вины: новых книг, выписанных еще за полгода до начала обучения, из Оренбурга так и не поступило. В результате протоиерей раздал вновь поступившим в школу девочкам прошлогодние буквари, которые быстро истрепались и были заменены на еще более старую азбуку, а потом подросли и выписанные учебные пособия [1, л. 7].

В консистории не пожелали глубоко вникать в это дело. Поскольку Протоиерей Павел Шмотин был уже стар (67 лет), его просто отправили за штат, а Анастасия Данилевская осталась преподавать в Верхнеуральской школе [1, л. 21].

Пример Анастасии Данилевской свидетельствует, что вчерашним выпускницам епархиальных женских училищ было сложно начинать трудовую деятельность. Из-за отсутствия в программе обучения практического курса успешно применять полученные в училище знания и найти правильный подход к подопечным получалось далеко не всегда. В результате возникал конфликт с непосредственным начальством. Дополнительными помехами в трудовой деятельности выступала большая нагрузка и отсутствие необходимых учебных пособий.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области. (ГАОО). Ф. 173. Оп 3. Д. 5462.
2. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10569.

3. Отчет о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1890–91 учебный год (окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1892. № 3. Часть официальная. С. 31–37.
4. Разрядный список всех шести классов Оренбургского епархиального женского училища, составленных после переводных испытаний бывших от 24 апреля по 26 мая 1895 года // Оренбургские епархиальные ведомости. 1895. № 12. Часть официальная. С. 193–199.

А.А. Кальсина

*Пермь, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Образование и воспитание девушек в Пермской Мариинской женской гимназии (вторая половина XIX – начало XX в.)

В 1857 г. начальник Пермской губернии К.И. Огарев предложил пермскому городскому обществу изыскать средства на открытие и содержание в г. Перми женского училища 1 разряда. Городская дума определила на содержание училища сумму в 600 руб. в год, однако средств не хватало [2, с. 3]. Не было и корпуса преподавателей для женского училища. Известный общественный деятель Перми И.Ф. Грацинский предложил преподавателям мужской гимназии преподавать пока на безвозмездной основе и отчислять определенный процент от своего жалования в пользу женского училища. Свой вклад внесли крупные предприниматели: И.Ф. Любимов, А.С. Губкин, графиня Рошфор; они договорились вносить на нужды женского училища ежегодно от 50 до 300 рублей, поскольку являлись членами Попечительского совета училища [2, с. 4]. Новое женское училище в течение 10 лет – с 1861 по 1871 г. – имело шестигодичный курс обучения, а затем было преобразовано в Пермскую Мариинскую женскую гимназию с семилетним курсом обучения.

С самого начала возникли определенные сложности в обучении. Дошкольного подготовительного обучения девочек в

г. Перми не существовало, не было развивающей среды, детских книг, и девочки поступали в училище с крайне ограниченными представлениями об окружающем мире. После первого года обучения из 109 учениц повторно на второй год была оставлена 31 ученица [2, с. 7]. В 1864 г. Попечительский совет училища открыл подготовительный класс, но и он особых результатов не дал, поскольку постепенно общее число воспитанниц стало уменьшаться, шел серьезный отсев. Родители девочек не считали прохождение курса обучения обязательным и забирали их после одного или двух лет обучения. Многие родители обучение в женском училище считали роскошью, хотя принадлежали к чиновничьему и дворянскому сословию.

Попечительский совет училища, чтобы остановить отсев учениц, вскоре открыл дополнительный класс рукоделия. Теперь наряду с Законом Божьим, историей, русским и французским языками, музыкой и рисованием стали преподавать новый предмет – рукоделие. Таким образом для девушек появилась возможность овладеть новым ремеслом на профессиональной основе, и учебное заведение стало привлекательным для многих пермских горожанок [3, с. 8].

В 1871 г. училище было преобразовано в семиклассную гимназию, которая принадлежала ведомству Императрицы Марии. Прием девочек в первый класс осуществлялся с 9 лет, с обязательной предварительной домашней подготовкой к обучению в течение еще двух лет. Были повышены требования к обучению. Воспитанницы гимназии изучали следующие дисциплины: Закон Божий, педагогика и дидактика, русский язык, арифметика, естествознание, география, история, гигиена, пение, французский и немецкий языки. Всего нагрузка составляла 20 часов в неделю, но вскоре были добавлены часы на изучение математики, истории, географии и гигиены [2, с. 11].

Особый порядок жизни учебного заведения был установлен в 1873 г. с назначением на должность начальницы гимназии А.И. Чернеевской. Так, ученицы должны были являться на занятия в 8.45 для того, чтобы совершить общую молитву. Если кто-либо

отсутствовал без уважительной причины, то мог быть подвергнут взысканию. Родители или опекуны воспитанниц должны были в письменной форме заявить, отпускают ли они девиц одних или обязательно с сопровождающими лицами. Родители учениц, которые не проживали постоянно в Перми, должны сообщить начальнице гимназии, кому они поручают своих дочерей. В 9 часов начинались уроки. В половине второго, после четырех уроков, снова общая молитва с хоровым пением. И далее с дежурной воспитательницей – отработка плохо выученных уроков в течение 1-2 часов. Пению (церковному и светскому) обучались все воспитанницы. В гимназии существовал старший и младший хор. В 1882 г. решено было заменить гимнастику танцами, это потребовало дополнительных расходов на ежемесячную оплату музыканту суммой в 10 рублей [2, с. 12]. Летом ученицы могли проводить время на даче-колонии в Курье (пригород Перми); такая дача было создана при содействии родительского комитета и «Общества вспомоществования недостаточным ученицам». Считалось, что пребывание летом на чистом воздухе в благоприятных гигиенических условиях укрепит силы девушек в период их физического роста [2, с. 27].

Особое внимание уделялось нравственному и религиозному воспитанию. Воспитательницы старались оказать влияние на формирование характера своих учениц, они следили, чтобы у учениц формировались товарищеские отношения, взаимная помощь в учебных делах, строго преследовались признаки неуживчивости и сварливости между девушками. Способности и склонности каждой ученицы, проступки, баллы за учебу и поведение записывались в специальные «конduitные» книги, которые предьявлялись раз в четверть для просмотра в Педагогический совет [2, с. 23].

В педагогических кругах того времени высказывалось мнение, что женское гимназическое образование должно быть таким же, как и в мужских гимназиях, где в обязательном порядке преподавались древние и новые языки [1, с. 8].

В 1875 г. в Пермской Мариинской женской гимназии было

введено преподавание латинского языка. Сначала на курс латыни записалось 37 воспитанниц, но до конца курса дошли только 6 человек, и через какое-то время от изучения латыни в гимназии отказались [2, с. 13]. А вскоре вдвое сократилось количество желающих изучать новые языки – французский и немецкий; это объяснялось трудностью программы Мариинской женской гимназии и более пестрым социальным составом воспитанниц. Если в женском училище 1 разряда обучались в основном дочери дворян и чиновников, то в Мариинской женской гимназии учились дети различных городских сословий [2, с. 13].

В 1873 г. в гимназии был открыт восьмой педагогический класс. Окончание педагогического класса давало право на звание домашней наставницы или учительницы. Практически все девушки, которые завершали обучение в гимназии, стремились поступить в педагогический класс, чтобы иметь возможность быть материально независимой. Лучших учениц за отличные успехи награждали большими и малыми золотыми и серебряными медалями, похвальными листами и книгами.

Подводя итог, следует отметить, что Пермская Мариинская женская гимназия стала одним из важных элементов формирования российских традиций образования и воспитания девушек и, кроме того, сыграла важную роль в деле феминизации учительского труда в Пермской губернии, особенно в начале XX в., поскольку все больше девушек стали выбирать учительскую профессию.

Список источников и литературы

1. Днепрова Э. Д., Усачева Р. Ф. Женское образование в России. М.: Дрофа, 2009.
2. Исторический очерк пятидесятилетия Пермской Мариинской женской гимназии (1861–1910). Пермь, Электро-тип. Чердынцева, 1913.
3. Семченков В. И. Двадцатипятилетие Мариинской женской гимназии. Пермь, 1885.

Е.В. Жбанкова*Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***«Физическое воспитание» и «физическое образование» П.Ф. Лесгафта в учебных заведениях дореволюционной России (гендерный аспект)**

Одной из самых основных проблем в организации воспитательного и образовательного процессов во все времена являлись попытки найти разумный ответ на вопрос: одинаковыми или различными должны быть подходы к воспитанию мальчиков и девочек.

Явственнее всего, по нашему мнению, эта проблема заметна в преподавании предметов, связанных с телесным движением.

В России преподавание физической культуры впервые появляется в середине XIX в. в учебных заведениях военного ведомства в виде нескольких гимнастических систем [1].

В 1874 г. Главное управление военно-учебных заведений приглашает в качестве консультанта по вопросам постановки физической подготовки в военно-учебных заведениях и армии П.Ф. Лесгафта, основоположника отечественной физкультуры.

За годы работы в военном ведомстве (1874–1886) Лесгафт разработал программы для юношеских возрастных групп (от 10 до 18 лет), по которым проводились занятия в военных учебных заведениях.

Впоследствии Лесгафтом были разработаны правила, на которых, по его мнению, должно было основываться преподавание гимнастики и в учебных заведениях Министерства народного просвещения и Ведомства Императрицы Марии, в том числе и в женских. До 1890 г. по составленным по правилам программам проводились занятия в 12 военных гимназиях, в Пажеском корпусе, в учительской семинарии военного ведомства. Позже программы были включены в учебные планы значительного количества и штатских учебных заведений [3].

Лесгафт также разработал специальную программу для девочек. Известно точно, что по программе Лесгафта девочки занимались гимнастикой в гимназии М.Н. Стоюниной в Петербурге [4].

Более основательно представления Лесгафта о гимнастике для девочек были реализованы на курсах воспитательниц и руководительниц физического образования, организованных им в 1896 г. и представлявших собой частное высшее женское учебное заведение, которое готовило специалистов по физическому воспитанию. Это было первое в мире высшее женское учебное заведение, которое готовило специалистов данного профиля. Здесь преподавались естественные, математические, а позднее и гуманитарные науки такими учеными, как Е.В. Тарле, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, М.М. Ковалевский и др. [5]

Деятельность Лесгафта по открытию курсов для женщин доказывает, какое огромное значение он придавал физическому развитию девочек. Содействуя организации женских средних учебных заведений нового типа (гимназия М.Н. Стоюниной), Лесгафт стремился утвердить в них принципы научности, всестороннего развития, связи с жизнью в области именно физических упражнений. Он дискутировал с другими теоретиками физического воспитания как раз в вопросе о женской гимнастике. Изучив труд известного французского исследователя вопросов физиологии Ф. Лагранжа «Гигиена физических упражнений детей и молодых людей» [2], он, соглашаясь с большинством идей автора, серьезно критиковал позицию Лагранжа именно в вопросе женского физического развития. «Совершенно непонятно и несогласно с санитарными и гигиеническими требованиями мнение г. Лагранжа о физическом развитии женщин. По его мнению, “танцы, прыгание через веревочку, игры и прогулки на чистом воздухе – вот вся гимнастика женщин”». Лагранж считал, что женщина не создана для работы и усилий, что она не способна к атлетической гимнастике. Лесгафт был категорически не согласен с этим, говоря, что подобное заключение неверно ни с точки зрения особенностей мышечного строения женского организма, ни с точки зрения санитарных требований [3, с. 295].

Лесгафт считал, что во всех учебных заведениях, и женских, и мужских, должны быть приняты сходные программы физического развития, суть которых одна – дать ребенку физическое образование.

Главная задача физического образования по Лесгафту состоит в том, чтобы приучить молодого человека к работе, научить его как можно проще и непосредственнее справляться с любыми жизненными препятствиями, применяя столько физической и нравственной силы, сколько для этого нужно. Чтобы решить подобную задачу, нужно путем физического воспитания сформировать в ребенке целый комплекс нравственных качеств, главными из которых являются воля и ответственность. Определенная система физических упражнений лучше всего, по Лесгафту, справится с воспитанием этих важных черт характера. Физическое образование и воспитание в целом кардинально отличаются по своим задачам и методам применения от обыкновенных физических упражнений, преследующих только гигиенические цели и просто содействующих развитию силы и физического здоровья ребенка. В школе, по мнению Лесгафта, необходимо прежде всего руководствоваться общими педагогическими задачами, в числе которых находятся как умственные, так и физические. Только при посредстве физического образования и воспитания молодой человек «сможет научиться действовать сознательно, работать настойчиво, с возрастающим напряжением; при этом он учится распределять свою работу по времени» [3, с. 329].

Под термином «физическое образование» в конечном счете понималось психофизическое формирование личности, главным педагогическим задачам которого была подчинена вся система физических упражнений Лесгафта. Воспитание, в том числе и физическое, должно было способствовать выработке нравственных качеств человека. Под образованием имелось в виду систематическое умственное, эстетическое и физическое развитие, которое должно было «приучить молодого человека разбираться в получаемых им из окружающего мира ощущениях и впечатлениях, и на основании правильно сделанных выводов уже действовать» [3, с. 235].

Лесгафт утверждал, что сочетание развитой умственной деятельности со слабым телом есть нарушение общей гармонии личности, которое не проходит бесследно. В неразвитом теле даже при наличии сильного интеллекта не хватает энергии для после-

довательной проверки идей и настойчивого проведения и применения их на практике [3, с. 234].

Идеи Лесгафта о «физическом воспитании» и «физическом образовании», безусловно, интересны и важны с точки зрения поисков путей формирования гармонически развитой личности. К сожалению, в дореволюционной России было немного учебных заведений, где пытались применить теорию Лесгафта на практике. В советской России, в совершенно другой исторической эпохе, Лесгафт был официально признан, по его системе воспитывались советские спортсмены и мужского, и женского пола на протяжении длительного времени.

Список источников и литературы

1. *Бутовский А.Д.* Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах. М., 1898.
2. *Лагранж Ф.* Гигиена физических упражнений детей и молодых людей. М., 1890.
3. *Лесгафт П.Ф.* Избранные педагогические сочинения. М., 1988.
4. *Лесгафт П.Ф.* Программа для преподавания гимнастики девицам. СПб., 1876.
5. *Лесгафт П.Ф.* Положение о временных курсах для приготовления руководительниц физических упражнений и игр. СПб., 1896.

С.В. Зайцева

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина*

Учреждения помощи матерям и детям в России в начале XX в.: социальный состав нуждающихся (по материалам медицинских документов и отчетов)

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи, как и в странах Западной Европы, стали создаваться учреждения для помощи матерям и новорожденным детям. Чаще всего эти заведения носили наименования «Консультации для матерей» и «Капля молока». После того, как вопрос о необходимости появления таких органи-

заций был признан одним из главных средств борьбы с детской смертностью на международных и региональных съездах и конгрессах по вопросам благотворительности, призрения, семейного воспитания, детской смертности [см., напр.: 2], представители российской медицинской общественности стали активно призывать к созданию обществ борьбы с детской смертностью, а также молочных пунктов, станций, учреждений в российских городах.

Первые такие заведения появились в Санкт-Петербурге, Одессе, Таганроге и других городах на средства специально созданных обществ. Их главная задача заключалась в обеспечении нуждающихся младенцев качественным молоком, помощи матерям в кормлении и уходе за ребенком, распространении медицинских знаний по детскому питанию и уходу, а также в пропаганде идей этих учреждений с целью их открытия на государственных, а не на общественных началах. Одним из первых на городские средства было открыто городское учреждение «Капля молока» в Санкт-Петербурге в 1910 г. [8]

Результаты деятельности подобных заведений отражены преимущественно в отчетах обществ, курировавших их деятельность. Основное внимание уделялось денежным затратам на медицинское обслуживание, закупку и приготовление молока и молочных смесей для питания младенцев, а также на количество детей и их смертность. Сведения о детях (возраст, вес, состояние здоровья, болезни, количество необходимого молока) фиксировались в весовых книжках и регистрационных листках. Кроме того, во многих учреждениях при первом приеме заполнялись анкетные или патронажные опросные листы. В них помимо информации о детях вносились сведения о родителях, их возрасте, роде занятости, а также о месте и условиях проживания матери и ребенка.

Форма и содержание анкетных листов во многом были заимствованы из подобных учреждений Франции, Бельгии, а также Германии, стран, где впервые появились учреждения «Капля молока» (именно там, как считалось, лучше всего поставлено дело заботы о матери и ребенке). Основные пункты анкеты включали в себя следующие вопросы: имя и возраст ребенка, адрес прожива-

ния, рожден ребенок в браке или вне брака, сведения о родителях (имя, возраст, занятие, заработок в неделю), условия проживания (например, квартира, комната, $\frac{1}{2}$ комнаты, на кухне, угол, койка), размер платы за жилье, характеристика помещения, где живут мать и ребенок (величина комнат, количество окон; чистое, грязное; светлое, темное; сухое, сырое; тесное, просторное; теплое, холодное; сколько человек проживает вместе с матерью и ребенком и есть ли среди них заболевшие). Чаще всего на обороте анкеты помещались сведения о способе кормления ребенка (грудное, искусственное, смешанное), уходе за ребенком, отмечалось, в чем нуждается ребенок, а также указывались примечания, сделанные врачом при приеме или при посещении ребенка на дому [7].

На основе этих данных можно проследить социальный состав нуждающихся в помощи со стороны учреждений «Капля молока» матерей. Как отмечалось в отчетных документах медицинских учреждений, предоставлявших молоко младенцам и помощь матерям в уходе и кормлении, преимущественно обращались матери из бедных слоев общества, заработок семьи не превышал 5-10 рублей в неделю [5, с. 15], бывали даже случаи, когда вследствие бедности «за недостатком одежды и обуви не могли являться за получением молока» [3, с. 2]. По роду занятий наибольшее количество занимали родители (как отцы, так и матери), занятые в ремесленном производстве, торговле, а также фабричные рабочие; кроме того, значительный процент матерей, обращавшихся в учреждения «Капля молока», был занят в домашнем хозяйстве [4, с. 22–23; 5, с. 16–17].

Условия жизни матери и ребенка зачастую были удручающими: либо угол, которую занимала семья, либо комната, размер которой был различным. Например, можно встретить такие описания: «со стен льет» [8, л. 7об] или «квартира состоит из 3-х комнат, кухни и коридора. Во всех комнатах 6 окон, выходящих во двор к помойной яме. В квартире зловоние от помойной ямы и грязного двора» [6, с. 18]. Поскольку учреждения «Капля молока» создавались с целью оказания помощи прежде всего детям и матерям из беднейших слоев населения (именно в этой группе детская смертность

была особенно высокой), то некоторые заведения предназначались только для данной категории. Так, «Капля молока», открытая Е.П. Чеканской в Санкт-Петербурге в 1907 г., давала молоко только матерям – угловым жильцам [1, с. 2]. Учитывая материальные возможности нуждающихся в помощи матерей (а точнее, их отсутствие), многие заведения, помимо молока, которое часто, особенно в первые годы существования организаций, выдавалось бесплатно, обеспечивали матерей бесплатными обедами, детской одеждой, пеленками, одеялами, а также крупами и мукой для варки каш, мылом для купания детей и стирки белья.

Таким образом, общественные учреждения «Капля молока», а также «Консультации для матерей», которые стали появляться во многих городах Российской империи, создавались преимущественно для беднейших семей, проживавших в фабрично-рабочих районах населенных пунктов. Помимо предоставления качественного молока и молочных смесей для младенцев, подобные заведения старались обеспечить медицинскую заботу о детях, а также бороться с невежеством и предрассудками, существовавшими среди малограмотного населения, о кормлении и уходе за новорожденными. Приводимые в отчетах сведения, успех и расширение деятельности подобных учреждений позволяют считать их работу в данном направлении достаточно успешной.

Список источников и литературы

1. Годовой отчет деятельности «Капли Молока» за 1907–1908 гг. СПб.
2. *Зайцева С.В.* Международные съезды по охране и попечению грудных детей в конце XIX – начале XX вв. // Клио. 2020. № 3. С. 36–42.
3. Краткий отчет по «Капле молока» Саратовского Санитарного Общества. Саратов, 1912.
4. Медицинский отчет о деятельности консультаций и «Капли молока» Общества попечения о больных детях г. Одессы в 1912 г. Одесса, 1913.
5. Отчет Киевского Общества «Капля Молока» за 1913 год. Киев, 1914.
6. Отчет правления Общества «Капля Молока» за 1911 год. СПб., 1912.
7. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (ЦГИА СПб). Ф. 210. Оп. 1. Д. 426.
8. ЦГИА СПб. Ф. 241. Оп. 1. Д. 14.

Т.Ю. Шестова

*Пермь, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы*

**Движение домоводок в деятельности
Пермского губернского земства
(на материалах «Пермской земской недели»)**

К началу 1917 г. Пермское губернное земство входило в пятерку лучших по стране. Оно полагало, что при в целом зажиточном населении Пермской губернии «всем известно как грязно, неуютно и нездорово обставлена домашняя жизнь наших крестьян». «Наши деревенские хозяйки не имеют нужных знаний, умений и навыка к лучшему устройству домашнего обихода». С 1910 г. Пермское губернное земство пыталось внедрить в женскую деревенскую среду более рациональные способы ведения хозяйства, введя должность женщин-инструкторов домоводства, или «домоводок», из трех женщин. К 1917 г. «домоводок» стало 12 – по одной на уезд.

Сначала была попытка установить план работы, но женщины высказывали совершенно разные пожелания по тематике, при этом они отказывались говорить о чистоте, приготовлении еды и уходе за детьми, полагая эти темы совершенно интимными. Для начала разговора подходящим моментом считалась демонстрация лучшей дойки коров и бесплатная раздача семян. К декабрю 1916 г. губернская управа провела совещание земских домоводок о способах внедрения в общество деревенских женщин. Было предложены две программы домоводства. Узкая тематика предполагала изучение собственно домоводства (запасы пищи, кройка и шитье, чистота и личная гигиена), широкая включала птицеводство, домашнее молочное хозяйство и другие отрасли, перешедшие в руки женщин с начала Первой мировой войны. Земство решило брать широкую программу, но исключить из нее совершенно женскую сферу ухода за больными и маленькими детьми. Этот раздел возлагался на санитарных врачей, которых

губернское земство также содержало по одному в уезде. Для входа в доверие рекомендовалось заинтересовывать крестьянок беседами по отраслям, а затем переходить на наиболее успешные показательные практики.

Сложностью земство полагало проживание «домоводок» в деревенской среде. Для демонстрации преимуществ новых форм хозяйствования «домоводке» надо было жить несколько дней в семье, «чувствуя, что в качестве чужого человека стесняет семью». Возникали и психологические сложности: «Трудно иногда бывает найти хозяйку, которая согласилась бы на вторжение в ее повседневную работу посторонней женщины». Совещание предложило взять для проживания общежития при крупных сельских школах, а школьные участки использовать для показательных работ. В старших классах предполагалось учить девочек-подростков, а в начальных – старших сестер и матерей. Справедливо полагая, что крестьянки ничего не будут покупать за свой счет, земство предполагало закупку продуктов питания и материала для шитья осуществлять за счет земства. Еду и продукты следовало направлять на школьные завтраки, а продукты курсов шитья – в местные приюты. В методике преподавания желательно было использование светового фонаря и живых картин. На каждый уезд желательно было иметь 2-3 курса на месячный срок. Группы менялись по четырем направлениям – скот, кухня, молочная, ткачество. Курсы шитья занимали от двух до четырех дней [3].

Главным мероприятием Пермское губернское земство считало женские курсы домоводства. Они «уже завоевали прочное положение, привлекли симпатии и земства и населения». Накопленный опыт позволял, наконец, разработать программу курсов. При этом земство оговорилось, что охватить своей деятельностью целый уезд женщина-инструктор не сможет, поэтому сферу воздействия надо сократить до волости, обязательно увеличив число домоводок [1].

Движение домоводок было присоединено к совещанию агрономов для воздействия на крестьянство. Совещания должны были стать ежегодными, с взаимопосещениями других уездов

для обмена опытом, командировками в другие губернии, закупкой приборов и приспособлений за счет земства и министерства земледелия, изданием листков «наставлений». «Это свидетельствует еще об одной маленькой победе на пути завоевания женщинами определенного места в общественной работе, особенно необходимой в нашей русской деревне» [1].

Наиболее успешными уездами Пермской губернии были Екатеринбургский и Оханский. Женщины в отсутствии мужей были заинтересованы и в изучении агрономии, но земство исключило из женских курсов как предметы, трудно усваиваемые крестьянками, химию, жизнь растений и почвоведение.

Губернское совещание агрономов утвердило программу для «домоводок» объемом на 84 часа, куда входили агрономия, скотоводство, молочное хозяйство, птицеводство, огородничество, гигиена, ветеринария, земледелие. Практика включала занятия на скотном дворе, в молочной, на кухне, кройку, ткачество и шитье. Женщин предлагалось учить разделке свиных туш на домашнее консервирование и увеличить курс мясоведения, чтобы использовать все остатки. Для ткачества земство собиралось покупать станки. Слушательниц на курсах предполагалось не больше 40 человек. Женщин-инструкторов земство собиралось урвать с пчеловодами и техниками маслоделания [2].

На совещании происходил и обмен опытом. Женщины-инструкторы проверяли быт своих выпускниц и отмечали, что они действительно пользуются этими сведениями. Инструктора отмечали, что крестьянское домашнее хозяйство велось и ведется исключительно женщиной. Долгое время девочки учились от мам и бабушек, при этом сохранялись самые «идиотские» домашние советы вроде: «чем реже мыть подошник, тем снимочек на крынке будет толще». В Кунгурском уезде был опробован опыт, когда мать отдавала дочери после прохождения курсов домоводства часть огорода или одну корову для нового опыта; в конце концов признавалась «разумность новых способов хозяйствования, видя, что и овощи на дочерей растут лучше, и что коровы их прибавляют молока». В качестве эксперимента предлагалось обратить внимание на свиноводство. «У нас на Урале свинина потребляет-

ся только при варке щей да для приготовления солонины, представляющей весьма непривлекательный на вкус продукт». За границей свинина использовалась намного шире.

В программу земледелия рекомендовалось включить ««женское земледелие, например посадки льна». В Соликамске выделили отдельные курсы кройки и шитья, но это проходило по специальному запросу, на остальных курсах предметы шли в общей программе. В Осинском уезде курсистки попробовали варить мыло, что при его дефиците оказалось весьма значимо. Мыло продавали. Пермское земство к 1917 г. увеличило число инструкторов и собиралось основать среднюю школу домоводства после окончания девушками гимназии или четырех лет обучения [3].

Но, разумеется, все эти начинания, предложенные в феврале 1917 г., не были осуществлены в связи с системным кризисом.

Список источников и литературы

1. Пермская земская неделя. 1917. № 2.
2. Пермская земская неделя. 1917. № 6.
3. Пермская земская неделя. 1917. № 7.

М.А. Рыблова

Волгоград, Южный научный центр РАН

«Секретики» и «красота»: образы девичьего детства в русской народной традиции и советской повседневности

Игра в «секретики» хорошо известна тем, у кого было советское городское детство: в земле вырывалась ямка, в нее укладывались лепестки цветов, веточки, фольга, красивые стеклышки, бусинки и пр. Сверху эта красочная композиция накрывалась осколком прозрачного стекла и засыпалась землей. Потом тайник нужно было («по секрету», в атмосфере таинственности) показать кому-то из подружек.

Впервые с попытками объяснения сути этой игры я столкнулась, прочитав статью С. Адоньевой [1]. Исследовательница определила «секретики» как ритуал, а мотивы играющих обозначила как обре-

тение ими каких-то ценностей, «выделение своего пространства как места реализации своей воли, защищенность такого пространства»; «освоение собственной социальной территории или социального статуса». Далее исследовательница провела параллели между «секретиками» и хорошо известными в традиционной культуре формами ритуальных игровых похорон. Перенесение поиска смысла «секретиков» в глубины народной традиции показалось мне очень плодотворным, однако сам формат «похорон» представился ограниченным, не дающим в полной мере понять роль и значение этой игры в пространстве детства советских девочек. В то же время «секретики» вызвали у меня устойчивые ассоциации с «красотой» – символом девичества в русской народной культуре. Вслед за этим я попыталась перенести исследования «секретиков» из социальной сферы в гендерную, что вполне обосновывалось составом участниц этой игры: девочки в возрасте от 3 до 6 лет. Этот возраст характеризуется постепенным отграничением мира девочек от мальчиков и появлением у детей первых смутных чувств пола или (по терминологии Э. Эриксона) – инфантильной сексуальности. Отсюда становятся понятными и возникшие у меня ассоциации «секретиков» с образами «девичьей красоты», а также намерение рассмотреть эти образы в едином контексте – как части и символы системы воспитания и социализации девочек в дореволюционное и советское время.

В русской народной традиции девичья «красота» имела множество предметных воплощений (коса, ветка, венок, лента, деревце, сад и проч.) и также была окутана флером таинственности. Возможно, именно поэтому исследователям так и не удалось прийти к единому мнению в попытках выявить ее сущность. «Красоту» определяли в качестве «одушевленной субстанции девичьего “Я”», души, девственности. При всей сложности и многоплановости этого образа, на мой взгляд, в нем явно просматривается то, что в переводе на современный язык может быть обозначено как женская психосексуальность. В русском фольклоре «красота» определяется как личное достояние девушки, соотносится с ее волей и в то же время связана с ее подругами и матерью; она является причиной «молодецкой сухоты» и предметом вожделения жениха, который стремится ее уничтожить. Показателен и связанный с «красотой»

образ сада – места протекания жизни девочки-девушки до выхода замуж. Он находится в «особом месте», полон разных растений; девушка с подругами часто его навещает; она имеет и бережет ключи от него. Не исключено, что постепенное оформление «красоты» как некой «девичьей субстанции» происходило вместе с взрослением девочки, а отчетной точкой было именно ее 3-хлетие.

Русская традиционная семья и община уделяли пристальное внимание психосексуальному развитию детей, фиксируя его основные стадии и применяя различные способы регулирования: поощряя и направляя вовне сексуальную активность мальчиков и сублимируя сексуальность девочек с помощью совсем других повседневных практик. Важнейшим из этих практик было рукоделие, а его основой – вышивание (украшение). Исследователи уже анализировали роль «хитро-мудрого рукоделия» в социализации девочек, отмечая, что оно оказывало существенное влияние на особенности развития их психики и поведения, а также помогало в формировании представлений о будущих женских ролях и статусах [2]. И семантика вышивок, и процессы прядения и вышивания демонстрировали в русской традиции непосредственную связь с темой сексуальности и брака. В повседневных практиках символический девичий сад песенного фольклора воплощался во множество вышитых изделий, составлявших в будущем приданое девушки и сохранявшихся в сундуках-скрынях, которые скрывали их от постороннего взгляда до определенного срока. Рукоделие, осуществляемое под руководством матерей и бабушек, закрепляло у девочек чувство своей включенности в сферу родственного женского коллектива, дома и семьи.

Если же от образов и символов девичества в традиционной русской культуре перейти к «секретикам» советских девочек, можно увидеть почти полное соответствие мотивов, установок и ценностей. Это и сокрытие «секретиков» от мальчиков, и ожидание их разрушительного вторжения. Это ощущение своей причастности к особой половозрастной группе и наличие особого тайного мира, связанные с началом осознания девочками своей женской сущности.

Можно рассмотреть и конфигурацию самого «секретика» в контексте, предложенном Э. Эриксеном: как выражение чувства

пола – мужского и женского. В экспериментах с играми мальчиков и девочек он обратил внимание на то, что первые создавали из предложенных игрушек модальности с такими переменными, как высота, падение (башни) и движение, а девочки – статичные интерьеры, отличающиеся мирным характером или подвергающиеся вторжению [3]. Внутренние ограниченные пространства в моделях девочек, по мнению исследователя, отражали особенности женского тела (наличие детородных органов), а также особенности психики и поведения участниц игры. «Секретик», представлявший собой углубление в земле, плотно прикрытое сверху прозрачным стеклом, в полной мере соответствовал конфигурациям, создаваемым девочками в экспериментах Эриксона. Описанные многими участницами игры в «секретике» тайные ожидания разрушительного интереса со стороны мальчиков также соотносятся с мотивами мужского «вторжения» в игровых моделях девочек, зафиксированных психологом.

Таким образом, признавая, что функции «секретиков» могли выходить за рамки собственно гендерных отношений, предлагаю тем не менее рассматривать в качестве возможных истоков этой игры запросы психосексуального развития советских девочек, а саму игру как форму воплощения их растущей женственности, поиска и конструирования межполовых границ и отношений в условиях отказа социума от серьезного решения задач полового воспитания своих членов, активного размывания границ между полами (на фоне пропаганды идей и образов маскулинности), отсутствия четких и ясных ориентиров, целей и стратегий поведения в этой сфере.

Исследование выполнено в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2020 г., № государственной регистрации 01201354248.

Список источников и литературы

1. *Адоньева С.* Игра в «секретике» // СССР: территория любви. М.: Новое издательство, 2008. С. 208–223.
2. *Бернштам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельнице»: (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 191–250.
3. *Эриксон Э.* Детство и общество. <https://bookap.info/genpsy/ericsn>

10.2. Воспитание и образование в современном обществе (гендерный аспект)

А.В. Швецова

Екатеринбург, Уральский государственный педагогический университет

«Стыдно, товарищи!»: особенности гендерного воспитания в России

Гендерное воспитание является неотъемлемым элементом образовательных стандартов многих светских государств. Внедрение этого компонента считается необходимым для развития гендерной культуры как принципа социального взаимодействия, основанного на равенстве прав мужчин и женщин. Кроме того, оно позволяет минимизировать риски, связанные с отсутствием знаний молодежи в области сексуального и репродуктивного поведения. Любопытно, что, являясь светским правовым государством, Россия занимает весьма скромные позиции в области достижения гендерного равенства, а вопросы гендерного образования (особенно если они касаются культуры сексуального поведения) вызывают стыдливый протест значительной части взрослого населения.

Очевидно, корни этого феномена – в причудливой смеси традиционалистской российской ментальности с отрицанием пола, характерным для советского периода. Для православия, как и для авраамических религий в целом, характерно биполярное толкование мира с четкими границами допустимого и запретного поведения для мужчин и женщин, что положило основу жесткой половой дифференциации в обществах, исповедующих его. Соответственно, основным инструментом полового воспитания в дореволюционной России выступали морально-религиозные запреты и наставления (отметим, что для целей данного доклада будем использовать термин «половое воспитание» как синоним «гендерного воспитания» в период, предшествующий возникновению гендерных исследований).

Поскольку жизненный путь женщины не предусматривал профессиональной карьеры, женское образование носило весьма условный характер, и даже в самом Смольном институте (носившем официальное наименование «Императорское воспитательное общество благородных девиц») женские добродетели заключались в повиновении начальствующим, взаимной учтивости, кротости, благонравном поведении, скромности и великодушии [4, с. 13]. Практическая сторона жизни вместе с ее физиологической составляющей игнорировалась. Зафиксирован случай, когда в середине XIX столетия во все институты благородных девиц были разсланы коллекции фигур животных для наглядного изучения зоологии, но воспитатели не осмелились представить животных девицам «в таком неприличном виде» [3, с. 117]. Что, впрочем, не исключало наличия внебрачных связей, адюльтеров, незапланированных беременностей со всеми вытекающими из этих ситуаций последствиями в обыденной жизни.

В конце XIX – начале XX в. вопросы полового просвещения и воспитания стали активно обсуждаться в периодических изданиях «Русская школа», «Вестник воспитания», «Педагогическая мысль», «Педагогический сборник», «Народное просвещение». Основная дискуссия развернулась вокруг совместного и раздельного обучения, организации полового воспитания как сообщения детям и подросткам элементарных сведений о физиологических особенностях мужчин и женщин и специфике репродуктивных процессов. Причиной многих социальных проблем (аборты, заболевания, сиротство и т.д.) называлась половая безграмотность взрослого населения. Доктором Л.М. Василевским описан случай, когда студентка Надеждинских акушерских курсов во время экзамена правильно изложила, что происходит с оплодотворенным женским яйцом, как оно развивается, превращается в зародыш и пр. И вдруг – закончила вопросом: «Я только одного не понимаю, профессор: каким же образом туда попадает семенная жидкость?» [1, с. 84].

Смена социально-политического строя роковым образом отразилась на начавшем свое становление осознанном половом воспитании. Советское общество часто ошибочно трактуется как

общество, лишенное сексуальной составляющей, а, следовательно, половых проблем. В действительности первые годы нового режима, когда прежние моральные запреты утратили силу, а новые правила выработаны не были, ознаменовались кризисом семьи, обилием социально одиноких матерей, социальным сиротством, увеличением числа аборт и ростом проституции [3, с. 6]. В судебной практике сохранились сведения о многочисленных жестоких изнасилованиях, объясняемых подсудимыми естественной реакцией на поведение несознательных комсомолок.

Система не имела адекватных механизмов решения сложившихся проблем. На начальных этапах становления новой, коммунистической половой морали авторы обращались к прогрессивной по тем временам теории сублимации Зигмунда Фрейда. Свою трактовку предложил и психоневролог Б.А. Залкинд: сублимировать постыдную для комсомольца сексуальную энергию в энергию классовой борьбы. Идея нашла поддержку и на долгие десятилетия половой вопрос был решен кардинально: половой подбор должен строиться по линии классовой, революционно-пролетарской целесообразности [2, с. 47–59].

Решение другой грани гендерного вопроса – равноправие мужчин и женщин в новом обществе – требовало более деликатного подхода. Марксизм рассматривает половое неравенство как частный случай экономической эксплуатации, и в этом смысле является родоначальником одной из ветвей западного феминизма. Однако сама идея равенства прав и социальных статусов мужчины и женщины не была органична советскому сознанию, поэтому прижилась лишь в части обязанностей: новая экономика нуждалась в дешевой рабочей силе, которой и стали советские женщины. Стоит отметить, что в Конституции 1918 г. произошло юридическое закрепление равенства прав мужчин и женщин. Кроме того, образование стало доступно вне зависимости от половой принадлежности, что способствовало ликвидации женской безграмотности. Обратной стороной медали стало обесценивание женственности, унификация, потеря права на приватность. Вместо «равенства несмотря на различия», получилось «равенство без различий».

Советская педагогика оказалась в условиях тотального контроля. Редкие попытки вслух заявить о беспокоящих многих педагогов проблемы были обречены на неудачу (например, статья «Педагогическое табу» А.В. Петровского, опубликованная в «Учительской газете» в 1962 г.). Некоторое ослабление внешне-го давления произошло лишь в 80-х годах на фоне обострения медико-социальной ситуации в стране (увеличение числа аборт-ов, распространение ЗППП (в том числе ВИЧ-инфекции) среди подростков и молодежи). Правда, к тому времени практически не осталось специалистов, обладающих необходимыми компетенци-ями в этой области. Счастливым исключением стал выдающийся ученый и просветитель Игорь Семенович Кон, считавший ген-дерное воспитание инструментом развития общей культуры на-ции, адекватного и социально зрелого отношения между людьми. Не без его влияния в короткие сроки российские гендерные ис-следования вышли на высокий теоретический уровень, сформир-овались ряд научных школ по исследованию проблем женщин, стали активно развиваться общественные организации.

Развитие гендерного образования и воспитания в нашей стра-не нельзя назвать беспрепятственным. Помимо устойчивых тра-диционалистских установок, исследователи и практики имеют дело и с новыми вызовами цифровой эпохи. Вопрос уже не за-ключается, как сто лет назад, в нехватке информации или в том, что доступ к ней ограничен. Педагоги и родители конкурируют с интернетом за возможность превентивно ответить детям и под-росткам на интересующие их вопросы. Все чаще они осознают необходимость гендерного воспитания и формирования спо-собности аналитически воспринимать поступающую из разных источников информацию. Осознают. Но, как призналась одна зна-комая, говорить с ребенком «об этом» все равно как-то стыдно...

Список источников и литературы

1. *Василевский Л.М.* Половое воспитание ребенка. Ленинград, 1924.
2. *Залкинд А.Б.* Половой вопрос в условиях советской общественности. Сборник статей. Ленинград, 1926.

3. Кон И.С. Клубничка на березке: сексуальная культура в России. М.: Время, 2010.
4. Устав воспитания двухсот благородных девиц, учрежденного Ея Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю, Самодержицею Всероссийской, Материю Отечества и протчая, и протчая. СПб., 1764.

В.В. Айрапетова

Пятигорск, Пятигорский государственный университет

Гендерный подход в преподавании литературы в школе

Категория «гендер» очень прочно вошла в социокультурное пространство, став базисной и маркирующей для целых сфер человеческой жизнедеятельности. Актуализация гендерной проблематики неслучайна, а скорее вызвана общими тенденциями, характерными для современного научного контекста. Однако вопросы гендерного образования и воспитания остаются в стороне, воспринимаясь до сих пор как научная экзотика [5].

О том, что отечественная педагогика (да и психология) «беспололая», начал говорить уже в конце 1970-х годов И.С. Кон. Прошли долгие десятилетия, чтобы в научных работах стала отражаться тенденция рассматривать воспитание мальчиков и девочек в полоролевом аспекте. А практика образования, как нам представляется, до сих пор не осознала необходимость введения данного знания в повседневную работу или иногда понимает термин «гендерные различия» как просто раздельное обучение по половому признаку. В связи с этим следует в первую очередь уяснить, что под половыми отличиями понимают совокупность генетических, физиологических и морфологических признаков, на основании которых люди различаются на мужчин и женщин, а гендерными называют «социально обусловленные особенности поведения и психики мужчин и женщин, то есть то, что ожидается от них в исполнении тех или иных ролей, в том или ином возрасте» [3, с. 59].

Современная система образования требует от учащихся усидчивости, дисциплины и прилежания, что, по мнению специа-

листов, противоречит мужской природе. Как правило, представители мужского пола лучше разбираются в математике, у них лучше развито трехмерное мышление, им легче даются задания на внимание и память. Такое мышление складывается у них уже к 7 годам. В ситуации, которая вызывает эмоциональные проявления, мальчики хотя и кратковременно, но избирательно и ярко реагируют на эмоциональные факторы, чувственное напряжение у них быстро снимается, и они переключаются на продуктивную деятельность, в то время как у девочек в аналогичной обстановке повышается эмоциональный тонус коры головного мозга, на фоне переживаний резко возрастает общая активность [2].

В последнее время термин «гендер» все чаще проникает в педагогическую науку, сформулирована даже цель гендерного воспитания, заключающаяся в подготовке подрастающих поколений к выполнению в будущем социальных ролей мужчин или женщин. Гендерный подход в обучении, в частности литературе, на всех возрастных ступенях позволяет сформировать новые способы мышления и по-новому использовать хорошо известные произведения. Работу в среднем звене начинают с изучения фольклорных творений, сила воздействия которых основана на природе образов, вызывающих многогранные представления об окружающем нас мире, вводящих читателей и слушателей в особенности взаимодействия человека с другими людьми, природой, отношения к труду, быту, к образцам поведения мужчин и женщин [1]. Личностные качества, присущие представителям мужского и женского пола, очень ярко проиллюстрированы в пословицах и поговорках. Эти сокровищницы народного духа проповедуют неразрывную связь мужа и жены, свидетельствуя о том, что роли людей в обществе различали издавна: в женщине наши предки ценили верность, заботу о близких, бережливость, в мужчинах – умение брать на себя трудности, хозяйственность, преданность семье [4, с. 34].

У девочек познавательный процесс носит словесно-логический характер. Их интересуют проблемы человеческих и межличностных взаимоотношений. Мальчики же эмоционально сдержан-

ны, в их суждениях преобладает логика. Они немногословны, в отличие от девочек, предпочитают соревновательность в любых видах деятельности. Девочки учатся осознанному выразительно-му чтению, что обеспечивает их ценностно-смысловую ориентацию; могут соотносить поступки с этическими чувствами на основе моральных норм; оценивать нравственный аспект действий – своих и окружающих [1]. Изучаемые на уроках литературные произведения выступают таким образом средством, помогающим школьникам найти свое духовное естество, обрести себя, реализовать заложенное в них женское и мужское начало. У девочек одна из эффективных и предпочитаемых форм – урок-беседа. Важную роль играет эмоционально насыщенное слово учителя, обращенное к внутреннему миру девочек, вызывающее в них ответную реакцию, желание высказать свои суждения о добре и зле, сделать самостоятельный вывод о том, чему учит сказка, провести параллели с современностью. Урок в форме игры помогает от начала и до конца держать внимание мальчиков, концентрируя его на конкретных вопросах. Такая форма направлена на сообразительность, задания варьируются, что исключает однообразие, а результат предьявляется наглядно. При обсуждении эпизодов сказки внимание акцентируется на описании как женских образов, так и мужских. Эффективный вид работы в ходе изучения сказки – прием стоп-кадра. Например, для анализа сказки «Царевна-лягушка» учителя берут следующие эпизоды: Иван Царевич находит выпущенную им стрелу, Василиса Премудрая за выпечкой каравая. Для знакомства с былинной «Илья Муромец и Соловей-разбойник» предлагают использовать выборочный пересказ подвига главного героя. Школьники приходят к выводу, что Ильи Муромец превосходит противника по силе духа, находчивости, справедливости, бескорыстно служит Отечеству, принимая на себя ответственность за безопасность родного края.

Мы разделяем точку зрения А.В. Мудрика о необходимости кардинально поменять систему преподавания литературы в школе и в первую очередь перестать обучать «дурному литературоведению» вместо собственно литературы. Гендерный подход здесь

также необходим, поскольку, например, при прочтении «Войны и мира» мальчикам больше понравятся батальные сцены, а девочкам – эпизоды мирной жизни [3, с. 67–68]. Систематический курс литературы должен вестись с учетом как гендерных, так и социокультурных особенностей обучающихся.

Список источников и литературы

1. *Баурова Ю.В.* Гендерный подход в образовании: взгляд на проблему // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 3 (11). С. 93–97.
2. *Казанцева Е.В.* Вопросы гендерного воспитания в контексте современного образования // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2007. № 2. С. 48–51.
3. *Мудрик А.В.* Психология и воспитание. М.: МПСИ, 2006.
4. *Пономарева Л.Е.* Особенности гендерного воспитания на уроках литературы и во внеурочной деятельности // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам LXVIII международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 33–38.
5. *Штылева Л.В.* Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЭР СЭ, 2008.

Т.С. Губанова

*Самара, Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева*

Гендерные проблемы развития российского школьного образования в 2000-е годы

Школьное образование, как и любая сложная социальная система, включает в себя множество различных взаимосвязанных элементов и является эффективным механизмом конструирования гендерных стереотипов у школьников.

Современные исследователи достаточно часто обращаются к проблеме гендера в системе современного школьного образо-

вания. Гендерной экспертизе российских школьных учебников посвящены репрезентативные исследования А.В. Смирновой [4], Л.В. Штылевой [10], Я.С. Соловьева [5]. Л.В. Штылева [9], О.Б. Савинская и Т.А. Мхитарян [3] обращаются к такому феномену, как «скрытый учебный план». К данному понятию относятся и неформальные отношения учителей с учениками, выстраиваемые в процессе организационной и воспитательной работы, и личностные ориентиры учителя, которые ложатся в основу оценивания образовательных результатов обучающихся, и формальная методическая база – содержание учебников и рабочих программ. О.И. Ключко обращается к проблеме социальных ролей и ценностных ориентиров, к конструированию которых стремится система российского школьного образования [2].

О том, как выстраиваются гендерные стереотипы в среде школьников, можно узнать, исследовав некоторые школьные учебники. Например, в одном из популярных учебников по обществознанию для 8 класса авторы вводят определение понятия «гендер», констатируя факт разделения гендерных ролей, в окончании параграфа предлагают ответить на вопрос: «“Ты можешь сделать все те вещи, что ты видишь, независимо от того кто ты – мальчик или девочка?”. Разделяешь ли ты такой взгляд на гендерные роли?» [1, с. 122]. Данная формулировка в сознании школьников косвенно ставит под сомнение необходимость наделение женщин и мужчин равными правами.

В школьных учебниках по истории женщины упоминаются и описываются гораздо реже мужчин. Стоит добавить, что упоминание наделенных властью императриц не будет в реальности подчеркивать роль женщины в российской истории, так как статус этих женщин был предписанным в условиях сословной организации общества. Диспропорция в частоте обращения к историческим фигурам мужского и женского пола зависит от взгляда на историю в целом как на «историю мужчин».

Интересным фактом является внедрение в основные образовательные программы нового модульного курса «Основы религиозной культуры и светской этики». В одном из учебников светской

этики существует глава под названием «Какие правила мужские, а какие – женские?», в которой постоянно говорится: «жена и мать – это главные из обязательных ролей женщины. А защитник и труженик – это главные из обязательных ролей мужчины», предлагаются к выполнению задания по составлению «кодекса женского/мужского поведения» [8, с. 62]. В учебнике другого автора тема «Мужество» и вовсе напрямую связывается исключительно с мужчинами [6, с. 90].

Во многих школах до сих пор отдельно для мальчиков и для девочек преподается технология. При этом авторы программ отмечают: «Выбор направления обучения школьников не должен происходить по половому признаку, а должен исходить из интересов и склонностей учащихся...» [7, с. 5]. Далее остается только представить ситуацию, когда мальчик-пятиклассник, увлекшийся кулинарией, объявляет о своем намерении заниматься изучением технологии ведения домашнего хозяйства в группе с девочками. Очевидно, за этим может последовать высмеивание сверстниками, только что пришедшими с урока светской этики, на котором учитель говорил, что готовить, шить и стирать – дело женское.

В целях исследования гендерных стереотипов при обучении мальчиков и девочек было проведено интервью с участием самарского учителя технологии. По словам педагога, значительная часть самарских школ (около половины) еще придерживается тактики половой сегрегации на уроках технологии, а учителя, родители и ученики выступают против объединения.

Из интервью:

– В некоторых школах после нескольких занятий по новой [объединенной] программе родители девочек пошли жаловаться. Они говорят: «Учите наших девочек шить, готовить – это им в жизни нужно, более востребовано для них».

Данное утверждение может свидетельствовать не только о том, что стереотипные представления о «мужском» и «женском» родах деятельности еще популярны в среде школьников и родителей, но и в несовершенстве программы технологии «для мальчиков», которую педагоги пытаются интегрировать в женский курс при сохранении половой сегрегации на уроках *de facto*.

Таким образом, система современного школьного образования в России включает в себя ряд противоречий по вопросу гендерного равенства. Феномен, который принято называть скрытым учебным планом, в существующем виде негативно влияет на установление равных образовательных условий для мальчиков и девочек. Гендерные стереотипы закрепляются в рабочих программах, методических рекомендациях, учебниках и т.д., что существенно ограничивает возможности самореализации женщин.

Список источников и литературы

1. *Боголюбов Л.Н., Городецкая Н.И.* Обществознание. 8 класс. М.: Просвещение, 2019.
2. *Ключко О.И.* Модели полоролевой социализации в российском образовании // *Женщина в российском обществе.* 2016. № 1. С. 80–91.
3. *Савинская О.Б., Мхитарян Т.А.* Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 3. С. 34–48.
4. *Смирнова А.В.* Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М.: Оолита, 2005. <https://refdb.ru/look/2186144.html>
5. *Соловьев, Я.С.* Гендерный подход в учебниках по истории России для старших классов: опыт сравнительного изучения // *Преподавание истории и обществознания в школе.* 2011. № 1. С. 39–45.
6. *Студеникин М.Т.* Основы светской этики. 5 класс. М.: Русское слово, 2012.
7. *Тищенко А.Т., Синиц Н.В.* Программа по технологии для 5–8 классов. М.: Вентана-Граф, 2015.
8. *Шемшурин А.А., Брунчукова Н.М., Демин Р.Н.* Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. Светская этика. 4 класс (4–5 классы). М.: Дрофа, 2019.
9. *Штылева Л.В.* Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // *Женщина в российском обществе.* 2018. № 3. С. 49–66.
10. *Штылева Л.В.* Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: Per Se, 2008.

Л.В. Клименко

Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Динамика воспроизводства этногендерного этикета в северокавказской семье

Модернизация социально-экономической жизни, как правило, сопряжена с разрушением традиционных принципов конструирования семьи и гендера. Однако в ряде многосоставных сообществ наблюдаются обратные тенденции возрождения и воспроизводства этнических традиций в этой сфере [9; 10; 11]. И важнейшим агентом трансляции традиционной культуры является семья. В ряде исследований показывается, что народы Северного Кавказа продолжают воспроизводиться этнокультурные регуляторы семейно-брачных отношений. Множество современных северокавказских семей характеризует ролевая асимметрия с мужчиной во главе рода и семьи, многодетность, межполовое разделение труда [1; 3; 4; 5]. В тоже время женщины во многих случаях ориентированы на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере [2; 8]. Однако фактором, закрепляющим гендерную сегрегацию, выступает процесс исламизации республиканского сегмента Юга России [6; 7].

В настоящей работе рассмотрим результаты повторно-сравнительных социологических исследований, проведенных в республиках Северного Кавказа и посвященных трансформации семейно-брачных отношений в регионе. Методом стандартизированного опроса в 2004 г. было опрошено 334 человека в Карачаево-Черкесской республике, 270 – в Республике Ингушетия. В 2010 г. в исследовании приняло участие 300 человек в Республике Адыгея, 300 – в Республике Ингушетия, 262 – в Кабардино-Балкарской республике. В 2020 г. было опрошено 331 человек в Республике Адыгея, 420 – в Республике Дагестан, 373 – в Кабардино-Балкарской республике. Опрашивалось население столиц республик и областных центров. Выборка опроса – квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Общепринятым является отнесение гендерных отношений в этнических культурах народов Северного Кавказа к андроцентрическому типу. Помимо гендерного разделения труда и ограничения активности женщин семейной сферой, асимметрия гендерных статусов в традиционной культуре отражается и поддерживается через нормы этноэтикета. Одним из компонентов этнических культур народов Северного Кавказа являются обычаи избегания, когда за одним столом не могли находиться женщины и мужчины, а также младшие и старшие по возрасту и статусу в семейной иерархии.

Результаты проведенных исследований показывают, что на разных этапах опроса традиция раздельной трапезы жены и мужа уже не поддерживается (супруга сидит за одним столом с мужем без посторонних в доме от 85% до 98% случаев). Однако если в доме находится свекор или тесть, то в этом случае этногендерный этикет воспроизводится уже чаще. Пиковые значения фиксировались во время опроса 2010 г. в Ингушетии (жена не присутствует за столом во время трапезы в 89% случаев) и Адыгее (88%). На современном этапе данные показатели в Кабардино-Балкарии (28%) и Дагестане (20%) существенно ниже. Тогда как в Адыгее эта норма продолжает воспроизводиться в 2/3 случаев.

При опросе в 2020 г. фиксируется, что в рассматриваемых республиках по большей части не поддерживается запрет на то, чтобы жены сидели за одним столом вместе с другими родственниками (только в Адыгее эту норму воспроизводят 44% опрошенных). Участие в семейном застолье при посторонних уже в большей степени ограничивается в северокавказских республиках, и показатели запрета в этом случае в Кабардино-Балкарии (59%) и Дагестане (64%) самые высокие в сравнении с другими нормами этнотикета.

На втором и третьем этапах исследования были введены дополнительные вопросы касательно воспроизводства гендерных норм социализации. Эмпирические замеры выявляют тенденцию уменьшения гендерного разделения труда при воспитании детей и ослабление традиции женитьбы/ замужества братьев и сестер по старшинству. В частности, отмечали, что мальчик и девочки

занимаются разными видами бытовой и хозяйственной деятельности в 2010 г. около 2/3 респондентов Кабардино-Балкарии и Дагестана. В 2020 г. эти показатели снизились до 59% в КБР, 61% – в Дагестане и 43% – в Адыгее.

Отмечали, что братья и сестры женятся/выходят замуж по старшинству от 56% опрошенных в КБР и 73% – в Ингушетии. На современном этапе эту традиционную норму поддерживают меньше половины городских жителей КБР и Дагестана и только 19% – Адыгеи.

Таким образом, результаты повторно-сравнительных исследований показывают постепенное ослабление семейных нормы этноэтикета среди населения северокавказских республик. В приватном пространстве семьи (муж, жена и дети) традиционные нормы более размыты. На современном этапе фиксируется ослабление патриархальной власти старшего мужчины в семье (отца, свекра). Вместе с тем в присутствии других родственников и посторонних людей в значимом количестве случаев продолжают поддерживаться обычаи избегания. В меньшем объеме, чем десятилетие назад, но продолжают также воспроизводиться традиционные гендерные нормы социализации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

Список источников и литературы

1. Аккиева С.И. Женщины Северного Кавказа в изменяющихся условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 247–250.
2. Антонова Н.В., Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю., Серебрянская В.Н., Клименко Л.В. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона: монография. Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ, 2015.
3. Верецагина А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 47–59.
4. Клименко Л.В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение. Автореф. дис. ... д. с. н. Майкоп, 2016.

5. Костерина И. Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе (отчет по результатам исследования) // HEINRICH-BÖLL-STIFTUNG. Москва. Российская Федерация. 27.05.2015. <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya>
6. Сиражудинова С.В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д: АзовПечать, 2012.
7. Стародубровская И.В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. №1. С. 39–56.
8. Шоранова З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа. Автореф. дис. ... к. и. н. Нальчик, 2010.
9. Barnett M.A., Mortensen J.A., Gonzalez H. Grandmother Involvement in Mexican American Families // Journal of Family. 2016. Vol. 37 (14). P. 1245–1264.
10. Cheng C. Women's Education, Intergenerational Coresidence, and Household Decision Making in China // Journal of Marriage and Family. 2019. Vol. 81 (1). P. 115–132.
11. Chien W., Yi C. Marital Power Structure in Two Chinese Societies: Measurement and Mechanisms // Journal of Comparative Family Studies. 2014. Vol. 45 (1). P. 93–111.

Н.Л. Крылова

Москва, Институт Африки РАН

Афро-русское детство. Особенности социальной адаптации детей из смешанных семей в культурах родителей

Дети-метисы – уникальное в своем роде сообщество, естественный результат расово-смешанных браков, заключаемых между русскими женщинами и уроженцами африканских стран. Юные афро-россияне – не африканцы прозападного или традиционного африканского воспитания с присущими тем или другим мышлением и культурой. Это – новая культурная величина, психологически отягощенная неизбежным сравнением, которое проходит по границе расовой принадлежности обоих родителей, наделивших своего

ребенка – ребенка двух миров – способностью органично или мягко овладевать пространством Африки и России [5].

Одновременно с точки зрения форм, способов и темпов ассимиляции в новых средах дети-метисы от расово-смешанных браков также представляют собой самостоятельную социальную величину, поскольку человеческое “воспроизводство” – не механический, но динамический процесс, и круг проблем, касающихся социального статуса этого производного смешанных браков, на определенном этапе изолирует ребенка от родителей. Социальный статус как в российском, так и в африканских современных обществах не может автоматически передаваться по наследству, от родителей к детям. Родители могут лишь сделать доступными или передать им некоторые – экономические, культурные и иные – элементы и навыки, из которых впоследствии складывается социальный образ сегодняшнего ребенка-метиса. При этом мы не можем игнорировать очевидную, эмпирически наблюдаемую двойственность детей-метисов в отношении к родительским культурам во всей совокупности элементов, их оставляющих.

Пытаясь определить влияние социальных изменений на макроуровне на микроуровневый процесс подрастания ребенка-метиса в различных социальных и культурных контекстах, нельзя не принимать во внимание тот факт, что современная Африка переживает процесс стихийного разрушения и деформации традиционных институтов. Отток населения в города, будучи следствием глобализационных процессов на континенте, имеет важное культурное воздействие на трансформацию большой африканской семьи, которая все еще остается главным ячейкой африканского общества и в которой зачастую может оказаться ребенок русской матери и отца-африканца [3, с. 177].

Анализ данных анкетного опроса, проведенного в 1997 и 2014 гг. в колониях русских женщин, постоянно проживающих в 19 странах Африканского континента, а также интервью молодых метисов, ныне проживающих в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Тамбове, Рязани [1; 7], показали, что из-за занятости оба родителя на продолжительный период могут отдалиться от воспитательного процесса, время непосредственного участия в нем для

матери заметно сокращается, воспитательные функции вплоть до школы перепоручаются африканским родственникам. Фактически все дети-метисы, прошедшие часть детской и юношеской жизни в стране отца, владеют определенной информацией о местной культуре на уровне ежедневного житейского соприкосновения с ней. И здесь очень важное воспитательное значение на ребенка как оказывает его интеграция в семейную структуру. Важным аспектом формирования гендерной ориентированной личности является половозрастное разделение труда и детская сегрегация, которая выражается в раздельном содержании мальчиков и девочек [4; 6]. Все эти элементы воспитательного процесса «по-африкански» почти всегда – органическая составляющая их культурного достояния, хотя для многих, особенно возвратившихся в Россию, эти воспоминания и ощущения носят характер скорее отвлеченный, по ним нет осознанной ностальгии.

Оказываясь в силу объективных причин в культурном пространстве матери, метисы формируют (или вынуждены формировать) свое мировосприятие лишь через него, оставляя “за скобками” свое африканское начало, дорисовывая его видениями и воспоминаниями детства, фамильной мифологией, мобилизуя положительные и отрицательные эмоции, связанные с феноменом своего африканского отца [2, с. 42–43].

Одна из основных сфер, в которых происходят конфликты между отцами и детьми, – сфера личной свободы молодого метиса, свободы выбора и принятия решений. Конечно, на этой группе молодых людей лежит печать общих процессов дестандартизации социального поведения, затронувших современную молодежь в целом. Меняются идеалы и нормы, определяющие поведение современного подростка, от которого традиционная африканская семья и общество требуют подчинения индивидуума коллективу, общественным задачам. Смешение западных и африканских ценностей приводит к кризису в сознании молодого человека. Зачастую он теряет ориентацию, когда сталкивается с конфликтной ситуацией. Несомненно, подобная дихотомия традиционного и современного в процессе социализации детей-метисов создает им комплекс трудностей.

Касаясь проблемы самоидентификации “по-русски” и “по-африкански”, заметим, что для некоторых из тех детей-метисов, что провели детские годы в Африке, культура и традиции последней сохранились в некоей декоративно-сказочной форме воспоминаний. В то же время никто из информантов не проявил по отношению к культуре отцов этноцентристских взглядов, считая “правильным” только европейский (евразийский) образ и стиль жизни, рассуждая о ней с позиций превосходства своей собственной. Хотя на уровне поведенческих реакций это по-разному выражалось среди информантов и респондентов.

С другой стороны, процесс передачи навыков материнской культуры, происходящий в отчизнах отцов – в странах Африки, затруднен, поскольку сами женщины не всегда могут полноценно использовать опыт собственного детства в качестве модели для воспитания нового поколения. Таким образом, отношения между русской матерью и ее ребенком-метисом изначально выходят за рамки руководства традиционно советскими/российскими нормами и ценностями, а вместе с ними и авторитетом социального статуса, становясь незащищенными от специфических ситуаций и личных мотивов членов африканской семьи [2, с. 44].

В то же время можно отметить чрезвычайно высокую частоту упоминания “русского” элемента во всех практически действиях, настроениях, вкусах и ориентациях опрошенных и проинтервьюированных метисов и в Африке: русский ландшафт, русский язык, русские песни, компании русских сверстников, русские писатели, ансамбли, русская пища, русские партнеры и т.д. Наконец, практически все информанты, живущие в Африке, сами считают себя русскими (или в большей степени русскими) и от этой национальной принадлежности не дистанцируются.

Список источников и литературы

1. Защита прав детей-метисов в г. Москве, Московской области, Тульской области и г. Рязани. Расовая дискриминация. Ксенофобия и толерантность. Анализ прессы, доклады, отчеты. Проект программы ТАСИС Европейской комиссии. М., 2011, с. 9–12.
2. *Крылова Н.Л.* О детях-метисах замолвите слово (к 20-летию Бла-

- готворительного фонда «Метис») // Азия и Африка сегодня. 2019. № 10. С. 41–48.
3. *Крылова Н.Л.* Особенности адаптации детей-метисов в российский социум // Проблемы социализации детей в современном мире. Сб. статей. М., 2018. С. 175–186.
 4. *Famille, migrations et urbanisation au Togo, Fascicule 1, Résultats de l'enquête qualitative, Lomé, URD, 2002 (URD I).*
 5. *Krylova N.L.* Children from the Russian-African Marriages. Destinies. Culture. Future. N.Y., 2000.
 6. *Koudolo S.* L'éducation familiale en mutation // Journal de la Recherche scientifique de Lomé. 2002. № 6 (1). P. 27–41. Lomé, UL.
 7. Protection of the Rights of Mestizo Children in Moscow, Moscow Region, Tula Region and Ryazan. Report on the Results of Sociological and Psychological Research 2008–2010. Draft TACIS Programme of the European Commission. М., 2011.

О.И. Ключко

Москва, Московский городской педагогический университет

Н.Ф. Сухарева

*Саранск, Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева*

Гендерная идентичность младших школьников в образовательных условиях мегаполиса и провинциального города

На протяжении дошкольного и младшего школьного возраста социальная идентичность ребенка интенсивно развивается, гендерная идентичность является активно формирующимся компонентом будущей Я-концепции. В работах И.С. Клециной, В.С. Мухиной, Л.Н. Ожиговой, Л.И. Семеновой, Т.А. Репиной гендерная идентичность рассматривается как наиболее устойчивая часть социальной идентичности, в структуре которой выделяют когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты [3; 4]. Становление гендерной идентичности предполагает интеграцию ролей и представлений о мужском и женском, создание целостного пред-

ставления о себе как представителе конкретного пола [5]. Помимо семьи, институт образования являются мощным фактором гендерной социализации [6]. Изучение гендерной социализации подростков и старшеклассников показывает, что к моменту окончания школы у них сформированы основные компоненты гендерной ментальности – идентичность, установки, представления, нормы [2].

В настоящее время накоплены достаточно обширные эмпирические данные, демонстрирующие множественные сложности формирования современной гендерной идентичности в младшем школьном возрасте (например, превалирование негативных самооценок у мальчиков, дефициты позитивных ролевых моделей, сензитивность к влиянию СМИ и проч.). Наше исследование имело цель проследить специфику гендерной идентичности младших школьников, проживающих в мегаполисе и провинциальном городе. Мы исходили из предположения, что в ходе становления от 2 к 4 классу содержание гендерной идентичности становится более разнообразным и менее традиционным, богатые образовательные возможности мегаполиса позволяют формировать более вариативную идентичность мальчиков и девочек. В данной статье представлена часть данных по конативному (поведенческому) компоненту идентичности младших школьников мегаполиса и провинции, в частности учебно-познавательным предпочтениям мальчиков и девочек 2-х и 4-х классов.

Исследование проводилось на базе ГБОУ «Школа № 2036» г. Москвы и МОУ «СОШ № 1» г. Саранска Республики Мордовия. В нем приняли участие 111 школьников мегаполиса и 99 учеников провинциального города, 2–4-х классов в возрасте 8–11 лет. Инструментом исследования выступила анкета для изучения гендерной социализации (авторы О.И. Ключко и Л.В. Штылева) [1]. Эмпирические данные собраны студентами М.А. Ступенко (МГПУ) и А.А. Зубриловой (МГПИ). Представленные данные ранжированы по частоте проявления изучаемого признака у мальчиков и девочек 2-х и 4-х классов мегаполиса и провинциального города.

Сравнительный анализ предпочитаемых учебных предметов демонстрирует, что у учащихся 2-х классов к гендерно-сензитивным дисциплинам можно отнести следующие:

- литературное чтение (девочки из мегаполиса – 76%, мальчики из мегаполиса – 4%, девочки из провинции – 46%, мальчики из провинции – 30%);
- музыку (девочки из мегаполиса – 76%, мальчики из мегаполиса – 39%, девочки из провинции – 61%, мальчики из провинции – 26%);
- ритмику (девочки из мегаполиса – 45%, мальчики из мегаполиса – 28%, девочки из провинции – 37%, мальчики из провинции – 22%);
- физкультуру (девочки из мегаполиса – 25%, мальчики из мегаполиса – 55%, девочки из провинции – 54%, мальчики из провинции – 87%);
- изобразительную деятельность (девочки из мегаполиса – 62%, мальчики из мегаполиса – 15%, девочки из провинции – 54%, мальчики из провинции – 35%).
- Различия в предпочтении математики (девочки из мегаполиса – 22%, мальчики из мегаполиса – 52%) и русского языка (девочки из мегаполиса – 45%, мальчики из мегаполиса – 30%) проявляются лишь у учащихся мегаполиса.

Анализ результатов анкетирования учащихся 4-х классов демонстрирует, что ближе к подростковому возрасту между девочками и мальчиками из мегаполиса в целом сокращается разрыв в предпочитаемых учебных предметах, в то время как между девочками и мальчиками из провинции этот разрыв по большинству предметов увеличивается.

Однако различия в хобби и посещаемых секциях подчеркивают традиционную гендерную идентичность – только девочки отметили рисование, занятия музыкой, пением, в том числе в музыкальной, художественной, театральной школах, гимнастику, танцы, настольные игры и куклы; только мальчики любят собирать конструктор «Лего», заниматься боевыми искусствами, играть в футбол, плавать.

Обращает на себя внимание тот факт, что лишь в выборке мальчиков названо как хобби – компьютерные игры, прогулки на улице и катание на велосипеде; лишь дети провинциального го-

рода указали, что любят играть в телефоне и смотреть телевизор, читать (преимущественно девочки), гулять на улице (только мальчики). Возможно, данные факты могут быть объяснены как насыщенностью распорядка дня, богатством выбора дополнительного образования, так и более жестким контролем детей мегаполиса со стороны взрослых, большей озабоченностью родителей безопасностью, в том числе информационной, детей. В то же время велика вероятность проявления социальной желательности в ответах детей, поскольку данные наблюдения за школьниками мегаполиса и бесед с ними показывают достаточно частое использование телефона и просмотра телепередач. Однако данные факты самими школьниками оцениваются скорее не как хобби, а как вредные привычки, данный факт требует дальнейшего уточнения.

Как расширение традиционной гендерной идентичности можно рассматривать посещение девочками секций боевых единоборств, рост предпочтения ими таких предметов, как математика, физкультура и окружающий мир, что соотносится с данными других наших исследований [2]. Конативный компонент идентичности мальчиков в виде учебно-познавательных предпочтений изменился меньше, однако у них наметилась активизация в изучении иностранного языка, освоении художественной и музыкальной деятельности. Данные тенденции наблюдаются и в мегаполисе, и в провинциальных городах как отражение общемировых процессов.

На данный момент мы можем говорить о частичном подтверждении гипотезы, представляется необходимым проанализировать предпочитаемые игрушки и игры, домашние обязанности и совместные виды деятельности детей с родителями и близкими.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект 18-013-01207).

Список источников и литературы

1. Гендерная психология и педагогика: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. О.И. Ключко. М.: Юрайт, 2019.
2. Ключко О.И., Штылева Л.В. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 240–255.

3. *Коротаева А.И.* Динамика развития гендерной идентичности младших школьников // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 241–244.
4. *Мелков С.В.* Идеи В.С. Мухиной о структурных звеньях самосознания как методологическая основа изучения гендерной идентичности личности // Развитие личности. 2017. № 4. <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-v-s-muhinoy-o-strukturnyh-zvenyah-samosoznaniya-kak-metodologicheskaya-osnova-izucheniya-gendernoy-identichnosti-lichnosti>
5. *Перегудина В.А.* Возрастные модели гендерной идентичности // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/vozzrastnye-modeli-gendernoy-identichnosti>
6. *Столярчук Л.И.* Методологические ориентиры гендерного подхода в образовании // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 6 (91). С. 25–29.

М.А. Ерофеева

Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

Представления о нормах женского поведения у учащейся молодежи мегаполиса и провинции

Третье тысячелетие еще более обострило социально-политические и духовно-нравственные противоречия, в том числе связанные с процессами глобализации, унификации. Ядром менталитета являются главные жизненные ценности, соответствующие ценностные ориентации и психологические установки [3].

«Гендерные нормы – это определенные правила поведения и предписания, формирующие представления о том, кто есть “настоящий мужчина” и какой должна быть “настоящая женщина”, играющие важную роль в поддержании гендерной системы и конструировании гендерного сознания. Гендерные нормы внедряются в сознание детей в процессе семейного воспитания (в лице родителей и родственников), в системе образования (в лице воспитательниц детских учреждений и учителей), через институты культуры (в том числе при помощи книг и средств массовой информации). Впоследствии эти гендерные нормы поддерживаются с помощью

различных социальных (например, право) и культурных механизмов, например, стереотипы в СМИ. За нарушение гендерных норм общество наказывает людей: например, ярлыки “мужеподобная женщина” или “мужик, а ведет себя как баба” весьма болезненно переживаются людьми и могут вызывать не только стрессы, но и различные виды психических расстройств» [1].

Анализируя результаты теоретических и эмпирических исследований, раскрывающих содержание модели фемининности, Е.В. Иоффе выделяет типичные составляющие норм женского поведения традиционалистского типа. Эти составляющие легли в основу Теста-опросника «Нормы женского поведения» (авторы И.С. Клецина, Е.В. Иоффе). Цель опросника: изучить систему убеждений и установок по поводу поведения женщин как исполнителей социальных ролей [2].

Данный опросник был предложен нами учащейся молодежи в возрасте от 15 до 25 лет. Среди проживающих: в провинции (город и поселок) – 872 человека и проживающих в мегаполисе – 359.

Опишем результаты исследования по каждой шкале опросника.

По шкале «Установка на замужество и материнство». Выраженную приверженность традиционалистскому типу гендерных норм демонстрируют 7,52% респондентов – обучающихся мегаполиса и 12,84% учащейся молодежи провинции. Эгалитарный тип поведения демонстрируют 55,15 % обучающихся мегаполиса и 35,67% обучающихся провинции. Ориентация на совмещение женщинами семейных и профессиональных ролей (смешанный тип) – у 37,33% обучающихся из мегаполиса и 51,49% обучающихся из провинции.

По шкале «Стремление быть хорошей хозяйкой» мы видим, что традиционный тип поведения демонстрируют 11,42% представители мегаполиса и 28,78% представители провинции. Далее значения убеждений распределились: по эгалитарному типу – 49,58% – мегаполис и 29,13% – провинция; по смешенному типу – 39,00% – мегаполис и 42,09 – провинция.

Шкала «Значимость привлекательной внешности» представляет следующие результаты. Традиционный тип поведения демон-

стрируют 13,37% представителей мегаполиса и 25,34% представителей провинции. Эгалитарный тип поведения демонстрируют 52,09% обучающихся мегаполиса и 32,57% обучающихся провинции. Смешанный тип поведения демонстрируют 34,54% обучающихся (мегаполис) и 42,09% обучающихся (провинция).

Результаты по шкале «Готовность заботиться о семье и близких людях». К традиционному типу поведения относятся 9,19% обучающихся мегаполиса и 15,14% обучающихся провинции. К эгалитарному типу поведения относятся 46,80% обучающихся мегаполиса и 24,66% обучающихся провинции. К смешанному типу поведения относятся 44,01% обучающихся мегаполиса и 60,21% обучающихся провинции.

По шкале «Мягкость и чувствительность». Традиционный тип поведения демонстрируют 8,64% обучающихся мегаполиса и 18,58% обучающихся провинции. Эгалитарный тип поведения демонстрируют 37,05% обучающихся мегаполиса и 19,04% обучающихся провинции. Смешанный тип поведения демонстрируют 54,32% обучающиеся мегаполиса и 62,39 обучающихся провинции.

По шкале «Зависимость/самодостаточность в отношениях с женщиной». Традиционный тип поведения выявлен у 10,58% обучающихся мегаполиса и 16,86% обучающихся провинции. Эгалитарный тип поведения выявлен у 44,01% обучающихся мегаполиса и 24,66% обучающихся провинции. Смешанный тип поведения выявлен у 45,40% обучающихся мегаполиса и 58,49% обучающихся провинции.

Шкала «Приверженность традиционным нормам женского поведения» демонстрирует сумму баллов по всем субшкалам и определяет уровень приверженности традиционным нормам женского поведения. На приверженность традиционалистской модели фемининности указывают 10,31% обучающихся мегаполиса и 22,94% обучающихся провинции. Эгалитарный тип поведения демонстрируют 54,04% обучающихся мегаполиса и 29,93% обучающихся провинции. Разные варианты сочетания обоих типов норм женского поведения (смешанный тип с преобладанием традиционалистских норм или смешанный тип с преобладанием

эгалитарных норм) демонстрируют 35,65% обучающихся мегаполиса и 47,13% обучающихся провинции.

На основании полученных результатов можно констатировать, что эгалитарный тип поведения значительно превалирует у обучающихся мегаполиса. В то же время у обучающейся молодежи провинции большинство респондентов демонстрируют смешанный тип поведения. Традиционный тип поведения демонстрирует заметный минимум респондентов (но в провинции их в два раза больше, чем в мегаполисе). Эгалитарный и смешанный типы поведения у учащейся молодежи в целом становятся приоритетными.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-01207).

Список источников и литературы

1. Гендерные нормы // Национальная психологическая энциклопедия. <https://vocabulary.ru/termin/gendernye-normativy.html> (дата обращения 17.04.2020)
2. Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева / Под общ. ред. О.И. Ключко. Текстовое электрон. издан. СПб.: НИЦ АРТ, 2019.
3. Семенов В.Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2015. С. 403–429.

Л.В. Штылева

Москва, Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО

Роль современного образования в формировании гендерной ментальности девочек и девушек поколения Z

Исследование проведено по методике И.С. Клециной «Гендерная автобиография», описанной в практикуме по гендерной психологии [2], основано на гендерном подходе, который понимается

нами как *методологический угол зрения*, направленный на изучение содержания, механизмов, проблем и результатов социального конструирования «мужского» и «женского» в современном обществе и культуре [4].

Теоретико-методологическая основа – комплекс взаимодействующих теорий, концепций и подходов, среди которых теория социального конструирования гендера [5], теория гендерной схемы С. Бэм [1] и концепция гендерных норм И.С. Клециной и Е.В. Иоффе [3], а также сравнительный, структурный и нормативный подходы.

Как следует из гендерных автобиографий студенток второго курса университета, ключевую роль в формировании представлений детей и юношества о различиях между полами студентки отдают социальным институтам (*семье и образованию*) и, непосредственно, субъектам полоролевой социализации в лице близких родственников (родителей и прародителей, старших и младших братьев) и педагогов (воспитателей детских садов и школьных педагогов).

Почти половина респонденток (47,6%; 18 из 38) указали на ***детский сад как активный институт полоролевой социализации*** (а точнее – типизации). С посещением детского сада в возрасте 4-5 лет информантки связывают первые осознанные впечатления о гендерных различиях между девочками и мальчиками. Наибольший вклад в формирование представлений дошкольниц о нормативной маскулинности и фемининности, как следует из текстов, внесли воспитатели, которые активно использовали все известные способы конструирования гендерных ролей своих подопечных. В каждой второй автобиографии указывается на разницу в отношении воспитателей к мальчикам и девочкам, которая выражалось в том, что «*в детском саду девочек заставляли убирать игрушки и за мальчиками*», «*когда плакала девочка, ей говорили: “Тише-тише, успокойся, все хорошо”*». Когда плакал мальчик, ему говорили – «*Ну хватит ныть! Тебе не стыдно? Ты же мальчик*»». По воспоминаниям одной из студенток, «*...в детском саду к поведению мальчиков и девочек предъявлялись разные тре-*

бования. Мальчики должны были сидеть на стульях и не разговаривать, а от девочек требовалось только сильно не шуметь».

Судя по воспоминаниям бывших детсадовок, воспитатели часто обращались к признаку пола, повторяя в самых разных ситуациях «ты же мальчик», «ты же девочка», манипулировали детским сознанием, устанавливали разные правила, организовывали разные игры и игровые среды для мальчиков и девочек. «Любимой игрой в детском саду у меня была игра в дочку-матери или в настоящую семью, – вспоминает одна из студенток. – В детском саду у меня был “настоящий муж”, которого я выбрала за чувство юмора. Играли мы очень серьезно: у каждого была своя роль, я всегда была мамой и готовила всем кушать, а также стирала вещи. <...> Я четко запомнила слова воспитателей, что девочек нужно пропускать первыми при входе в помещение и что нужно им помогать, если они не могут что-то отодвинуть, достать и т.д.».

Воспитатели противопоставляли девичью и мальчуковую модели поведения, говоря, например: «Девочки так себя не ведут! Девочки должны быть аккуратнее и спокойнее! Ты что как мальчишка носишься и возишься во всякой грязи!», «девочки делают это и не делают того» и др.

Еще большая роль в гендерной типизации девочек сыграла школа. 32 респондентки из 38 (84,2%) отметили, что именно в школе они получили наглядные уроки гендерного неравенства, где большинство педагогов транслировали гендерные стереотипы и активно навязывали их обучающимся словом и делом.

По мнению большинства респонденток, мальчикам в классе позволялось гораздо больше, чем девочкам, многие шалости им сходили с рук. От девочек же всегда ожидалась высокая успеваемость по всем школьным дисциплинам и примерное поведение, а также помощь учителям в «воспитании» мальчиков». Чаще всего упоминаются следующие различия в требованиях педагогов к мальчикам и девочкам как в начальной, так и в средней школе:

– Учителя считали, что девочкам непозволительно бегать по коридорам, шуметь и проказничать, а для мальчиков это считалось естественным.

– От всех девочек требовали красивый почерк, мальчикам плохой почерк прощался.

– В старших классах комментарии учителей касались не только поведения, но и внешнего вида: неопрятная прическа – для девочек не положено, спортивные штаны вместо юбки – тоже плохо, однако к мальчикам придирались меньше, ведь «они же мальчишки», они должны быть неопрятными и шумными. Также плохая успеваемость мальчиков никого не смущала, но от девочек всегда требовались высокие показатели

Одновременно, по свидетельству авторов сочинений, педагоги канализировали развитие интересов мальчиков и девочек, транслировали специфические гендерные стереотипы об интеллектуальных и моральных различиях между полами:

– Не раз приходилось слышать от учителей, что девочки более способны к гуманитарным наукам, а мальчики – к точным, что девочкам точные науки не нужны, т.к. маловероятно, что пригодятся в жизни.

– Некоторые учителя насаждали стереотипы: «Девочкам не дано понять математику и физику, этот предмет понимают только мальчишки» и др.

Как показало исследование, распространенным способом конструирования педагогами гендерных различий между полами является демонстрация различий в деятельности:

– В школе учительница поручала мальчикам двигать мебель, а девочкам – присмотреть за первоклашками и накрывать столы. От девочек требовали больше ответственности, доверяли им нести журнал в учительскую.

– В младших классах на продленке девочек учили вязать, а мальчишки гонялись друг за другом.

– В 12 лет от классной я услышала: «Девочкам нельзя поднимать тяжести, потому что им еще рожать» и поняла, что мое главное дело в будущем – родить ребенка.

Вместе с тем обнаружено небольшое количество примеров равного, по мнению респонденток, отношения педагогов к мальчикам и девочкам в образовании. Примечательно, что все авторы

квалифицировали это как «везение» и/или «счастливый случай».

Из вышеизложенного следует, что школа является мощным фактором формирования гендерной идентичности и ментальности обучающихся, и ведущая роль в этом принадлежит учителю, который использует различные способы конструирования гендерных ролей и представлений своих учениц, канализирует их будущие жизненные стратегии. Основная проблема гендерной социализации девочек и девушек в современном школьном образовании – засилье традиционных гендерных стереотипов, воспроизводимых педагогами в процессе учебно-воспитательной деятельности и ежедневном взаимодействии с обучающимися.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-013-01207).

Список источников и литературы

1. Бем С.Л. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Гендерная психология. 2-е изд. / Под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 201–210.
3. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017.
4. Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева / под науч. ред. О.И. Ключко. Текстовое электрон. издан. СПб.: НИЦ АРТ, 2019.
5. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (Doing gender) // Гендерные тетради. Вып. 1. Труды филиала ИС РАН. Спб., 1997. С. 94–120.

РАЗДЕЛ 11

ГЕНДЕРНЫЕ АСИММЕТРИИ В НАУКЕ, ПОЛИТИКЕ, ОБРАЗОВАНИИ, ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

С.В. Михайлова

*Москва, Институт иностранных языков
Московского городского педагогического университета*

Творить нельзя скрывать: где поставить запятую? (Французская женская волшебная сказка XVII в.)

Годы правления Людовика XIV во Франции характеризовались сменой ориентиров: потакание вкусам церкви и аристократии заменилось ориентацией на более широкий круг слушателей и читателей, на аудиторию салонов и Академий. Автор искал уже не защитника и мецената, но читателя-партнера по творчеству, так как в зависимости от ожиданий адресата выстраивалась стратегия повествования. Вкусы читателей диктовали моду на литературу [14, с. 291]. В каждую текстовую эпоху определенные жанры могут представлять собой отличительные знаки элитарных читателей. Сословно-иерархическая дифференциация читателя способствует появлению моды на данный литературный жанр и является фактором общественного признания [1, с. 38], что и наблюдается нами в отношении женской литературной сказки.

Писатели, жившие результатами своего пера, в основном принадлежали к буржуазии [8, с. 83]. Тогда как аристократы – «принципиальные противники профессионализации знания» [6, с. 30] – и те, кто в силу общественных устоев не мог считаться профессионалом от литературы и науки (например, женщины), сформировали салоны, подлинный микрокосмос (*un véritable*

microcosme), в терминологии Э. Древийона [12, с. 98], где определялась новая интеллектуальная мода, вырабатывались прогрессивные принципы литературной деятельности. Салоны как локальные культурные очаги стали «интеллектуальными укрытиями» и «естественным выражением пространственно-временной ритмики жизни значительной части образованных и высших слоев общества» [2, с. 184].

Если спецификой фольклорной сказки является ее коллективность и анонимность, репрезентирующие «усредненную языковую личность» [3, с. 9], то литературная сказка – всегда авторское произведение. Личностное начало писателя, реального человека, выходит на первый план. Однако многие литературные сказки, опубликованные в XVII – начале XVIII в., печатались без указания имени автора.

Произведения женщин-писателей чаще всего печатались именно анонимно, в связи с чем нередко возникали трудности с атрибуцией текстов. Так, Мадам д’Онуа, Мадам де Мюра, Мадемуазель де ла Форс использовали при публикации инициал **D** и астроним, например:

Мадам д’Онуа: *Les contes des Fées*, par Madame **D****, 1697;

Мадам де Мюра: *Histoires sublimes et allégoriques* par Mme la comtesse **D*****, dédiées aux fées modernes, 1699;

Мадемуазель де ла Форс: *Les Contes des Contes* par Mademoiselle **D*****, 1697.

Мадемуазель Леритье, племянница Шарля Перро по материнской линии, никогда не ставила свое имя под произведениями, что привело к тому, что ее сказки были ошибочно приписаны Ш. Перро и лишь в 1888 г. подлинное авторство было восстановлено [15, с. 47–48].

Ученые трактуют анонимность, или псевдонимику, как попытку автора-аристократа избежать осуждения современников за такое «недостойное» занятие, как сочинительство или за обращение к «непрестижным» жанрам романа, сказки [4; 5; 10; 11; 15]. Сословные предрассудки приводили к тому, что писательская деятельность (особенно если речь шла о «низких» жанрах – бас-

нях, сказках) вплоть до середины XVII в. считалась недостойным занятием для аристократических особ [5, с. 425; 11, с. 31]. А женская литературная продукция всегда была жанрово ограничена: «им [женщинам. – С.М.] позволяли писать только то, что им позволяли читать, а именно религиозные и морализаторские сочинения» [5, с. 423]. Говоря о воспитании девочек в XVI–XVIII вв., Мартина Сонне отмечает: «Чтение – это в первую очередь инструмент для религиозного образования. <...> Вне своей религиозной функции чтение становится подозрительным в глазах воспитателей, которые не устают предупреждать против его дурного использования. <...> Книга – священный объект, могущий стать непристойным, если он примет форму романа» [9, с. 140].

Произведения эпистолярного и мемуарного жанров также приветствовались, но читателями их должны были оставаться представители узкого круга, т.е. близкие и знакомые. Письма, мемуарные записки, отчеты о путешествиях зачитывались вслух в аристократических салонах, оставаясь недоступными для широкого читателя в силу ограниченного характера коммуникативного пространства салона. Публиковаться для женщин-писателей значило не только оскорбить приличия, но и отказаться от своего статуса – знатное происхождение. Именно поэтому, на наш взгляд, так распространена была практика использования имен подставных лиц или анонимных публикаций с указанием издателями «особа высокого звания». Издательские пометки о высоком статусе авторов носили, на наш взгляд, прагматический характер: таким образом издатели желали подчеркнуть авторитетность публикуемых ими текстов. Примечательно, что при публикации на современном этапе литературных сказок XVII в. авторство титулованных особ атрибутировано только указанием фамилии, но никогда имени (cf., сказки Шарля Перро, Катрин Бедансье-Дюран, Катрин Бернар, но сказки Мадам д'Онуа, Мадмуазель де ла Форс, Шевалье де Майи). Полагаем, традиционно сохраняется прагматическая установка на повышении престижности жанра.

В условиях подобного сдержанного и даже негативного отношения к женскому сочинительству салонное литературное творчество

было призвано разрушить стереотипность поведения. Полагаем ключевым в данном контексте мнение писателя, переводчика и издателя А. Мангуэля: «Быть одновременно создателем и любителем литературы – образовывать закрытый круг, который производит и потребляет то, что производит, все это в жестких рамках общества, желающего подчинить себе этот замкнутый круг, – должно рассматриваться как акт небывалой смелости» [13, с. 271].

Интерес к «пустышкам» (*bagatelles*) [15, с. 37], к низкому жанру литературной сказки, призванной всего лишь развлечь образованную публику, позволил создать условия для попытки литературного обновления, поступка в области культуры, в терминологии И.В. Пешкова [7, с. 81–84]. Не претендуя занять нишу престижных жанров, женщины-писатели создали пространство для литературной самореализации: литературная сказка в духе барокко стала, таким образом, площадкой для творческой самореализации.

Список источников и литературы

1. *Викулова Л.Г.* Паратекст французской литературной сказки: прагматингвистический аспект. Дис. ... докт. филол. наук. Иркутск, 2001.
2. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
3. *Гронская О.Н.* Немецкая народная сказка: язык и картина мира: монография. СПб.: Санкт-Петербургск. акад. МВД России, 1998.
4. *Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). 2-е изд., доп. М.: Наука, 1980.
5. *Дюлон К.* От беседы к творчеству // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж. СПб.: Алетейя, 2008. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 407–434.
6. *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008.
7. *Пешков И.В.* Введение в риторику поступка: уч. пособие. М.: Лабиринт, 1998.
8. *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? // Ситуации: сборник (антология литературно-эстетической мысли) // Предисловие С. Великовского. М.: Ладомир, 1998. С. 15–266.
9. *Сонне М.* Воспитание девочки // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Н. Земон Дэвис и А. Фарж. СПб.: Алетейя, 2008. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 115–145.

10. *Строев А.* Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–33.
11. *Чекалов К.А.* Формирование массовой литературы во Франции XVII – первая треть XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
12. *Drévilion H.* Introduction à l'histoire culturelle de l'Ancien Régime. XVI-e–XVIII-e siècles. Paris: Sedes, 1997.
13. *Manguel A.* Une histoire de la lecture. Paris: Éditions Actes Sud, 1998.
14. *Rohou J.* Le XVII^e siècle, une révolution de la condition humaine. Paris: Éditions du Seuil, 2002.
15. *Storer M.E.* Un épisode littéraire de la fin du XVII^e siècle: La mode des contes de fées (1685–1700). Paris: Champion, 1928. Slatkine Reprints: Genève, 1972. Slatkine Reprints: Genève, 2011.

А.Г. Аллахвердян

Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

**С.В. Ковалевская – выдающийся математик, первая
женщина – член-корреспондент Петербургской АН
(1850–1891)**

Ковалевская Софья Васильевна, урожденная Корвин-Круковская (15.01.1850, Москва – 10.02.1891, Стокгольм) родилась в семье генерал-лейтенанта артиллерии В.В. Корвин-Круковского и Е.Ф. Шуберт. Мать Софьи была широко эрудированной личностью, владела четырьмя языками и прекрасно играла на рояле. Софья с детства проявляла склонность к математическим занятиям, но, несмотря на существовавший, в те годы образовательный запрет лицам женского пола, она все-таки прошла курс мужской гимназии с домашним наставником И.И. Малевичем. Дальнейшее образование Софья продолжила в Санкт-Петербурге, где брала уроки математического анализа у А.Н. Страннолюбского, известного русского педагога.

В 1869 г. С.В. Ковалевская вместе с мужем выехала в Гейдельберг, где, преодолев немалые бюрократические препоны, два года обучалась в Гейдельбергском университете, а затем четыре года брала частные уроки у выдающегося ученого, профессора математики Берлинского университета К. Вейерштрасса. Ковалевская

не только прошла весь курс математики Вейерштрасса, но и решила под его руководством оригинальные математические задачи. Одна из ее наиболее значимых работ была посвящена проблеме дифференциальных уравнений в частных производных. Результаты этой работы Ковалевской в сочетании с двумя другими ее работами были представлены Вейерштрассом к защите диссертации, и в 1874 г. Геттингенский университет заочно присудил С.В. Ковалевской степень доктора философии с высшей похвалой (*Summa cum Laude*).

В 1874 г., вдохновленная успехом, Ковалевская вернулась в Петербург и была полна надежд на полноценную научную жизнь, но не смогла найти применение своим знаниям на родине: в те годы женщина в России могла лишь преподавать арифметику в младших классах женских гимназий, что для Ковалевской не представляло интереса [1]. В 1883 г. Ковалевская получила приглашение от профессора Миттаг-Леффлера (ученика К. Вейерштрасса) принять должность приват-доцента в Стокгольмском университете. Говоря современным языком, это был один из первых случаев так наз. утечки умов из России. Ввиду успешного завершения курса занятий в Стокгольмском университете Ковалевская была избрана профессором математики на пять лет.

В 1888 г. она достигла вершины своей славы. Парижская Академия Наук присудила ей премию Бордена за работу «Задача о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки». Решение Ковалевской было настолько блестяще, что сумма премии была удвоена, чтобы подчеркнуть эту необычную заслугу перед наукой. Результаты работы Ковалевской сделали ее имя известным всему культурному миру – о ней писали в газетах и журналах [2, с. 115].

Благодаря достижениям С. Ковалевской в математике и их весьма позитивным оценкам в ряде европейских стран в ноябре 1889 г. она была избрана членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Однако в вопросе возможности трудоустройства на родине ничего не изменилось и после присвоения С. Ковалевской высокого академического звания. В сентябре того же года Ковалевская была вынуждена покинуть Россию, по доро-

ге в Стокгольм заболела и после непродолжительной болезни, в расцвете творческих сил, скончалась 10 февраля 1991 г. В честь С.В. Ковалевской среди престижных научных премий следует особо отметить премию, учрежденную Президиумом Академии наук, которая с 1992 г. присуждается за выдающиеся достижения в области математики.

Список источников и литературы

1. *Кочина П.Я.* Софья Васильевна Ковалевская. М.: Наука, 1981.
2. *Прудников В.Е.* С.В. Ковалевская и П.Л. Чебышев // Памяти С.В. Ковалевской М.: Из-во АН СССР, 1951.

Ю.Ю. Афанасьева

Томск, Томский государственный педагогический университет

С. Ковалевская и И. Грекова в поисках самоидентификации: от математики к литературному творчеству

Софью Ковалевскую (1850–1891), известного российского математика и профессора Ирину Грекову (1907–2002), доктора технических наук, родившихся с разницей в полвека, объединяет не только любовь к точным наукам, но и несомненный литературный талант.

Дед Софьи Васильевны Ковалевской, генерал Ф.Ф. Шуберт, был выдающимся математиком, а прадед Ф.И. Шуберт – еще более известным астрономом. Как писала Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства», интерес к математике у нее пробудился по двум причинам. Во-первых, «глубочайшее уважение» к этой науке проявлял ее любимый дядя П.В. Корвин-Круковский. Вторую причину Ковалевская называет «курьезным обстоятельством»: на одну из детских комнат не хватило обоев – и стену оклеили листами из печатного издания лекций академика М.В. Остроградского, рядом с которой она проводила целые часы. Многие формулы и фразы так врезались ей в память, что позже, когда она стала брать

уроки дифференциального исчисления, некоторые математические понятия давались ей на удивление легко. И. Грекова (литературный псевдоним Елены Васильевны Вентцель, урожд. Долгинцевой) родилась в учительской семье. Отец С.Ф. Долгинцев преподавал математику, а мать – словесность. Сергей Федорович считал, что высшая математика проще элементарной, и занимался ею с дочерью, когда той было семь-восемь лет, в результате чего позже ярко проявились ее математические способности. Софья Ковалевская и Елена Вентцель добились значительных успехов в математике. С.В. Ковалевская стала первой в России и Северной Европе женщиной-профессором и первой в мире женщиной – профессором математики. Е.С. Вентцель защитила докторскую диссертацию, стала автором многочисленных научных трудов по проблемам прикладной математики, учебников по теории вероятностей, книги по теории игр и т.п.

Вместе с тем обе эти талантливые женщины, несмотря на признание в научном мире, обратились к литературному творчеству. Именно литература дала им возможность выразить себя, стала источником их самоопределения. Женщины-ученые опубликовали свои первые художественные произведения уже в зрелом возрасте (С. Ковалевская в 35 лет, И. Грекова в 55 лет), когда завершили докторские диссертации, напечатали весомые научные труды. В письме к романистке А.С. Шабельской С.В. Ковалевская пишет: «Что до меня касается, то я всю мою жизнь не могла решить: к чему у меня больше склонности – к математике или литературе? Только что устанет голова над чисто абстрактными спекуляциями, тотчас начинает тянуть к наблюдениям за жизнью, к рассказам» [2, с. 314]. Е.С. Вентцель также отмечает: «внешне я была прирожденным математиком. А внутренне я больше тянулась к литературе. Так и сложилась моя дальнейшая жизнь — между математикой и литературой» [4]. Не случайно математические идеи нередко появляются и в литературном творчестве обеих писательниц.

С. Ковалевская в основу драмы «Борьба за счастье. Две параллельные драмы» (1887), которую написала в сотрудничестве с шведской писательницей А. Лефлер-Эдгрэн, также положила

научную идею. Она была убеждена, что все поступки и действия людей заранее предопределены, но в тоже время могут возникнуть такие моменты, когда человек получает различные возможности для жизненного выбора, в результате чего жизнь может сложиться совсем по-иному. Интересно, что и в научные интересы И. Грековой также входила теория вероятностей, и даже свой литературный псевдоним она образовала от названия латинской буквы «игрек». Литературное творчество дало возможность этим талантливым ученым отразить свои размышления о собственной судьбе, эмоциях, чувствах. Проза, письма, воспоминания этих неординарных женщин отражают духовный рост, становление личности, восприятие внешнего мира и своего «я».

С.В. Ковалевская прожила очень недолгую жизнь, всего 41 год, многие ее произведения остались незаконченными. Но одно из первых ее литературных трудов – автобиографическая повесть «Воспоминания детства» (1889), которая охватывает период первых 15 лет жизни, стала очень важной для понимания истоков формирования ее характера, особенностей личностного развития [1]. Описывая годы раннего детства и юности, она пытается понять причины своего бунтарского характера, стремления стать лучшей во всем и страстного желание быть любимой. Обделенная в полной мере родительской любовью, она до конца жизни осталась в душе маленькой и беззащитной девочкой. Несмотря на всемирную славу и признание в научном мире, она даже в моменты награждения и триумфа чувствовала полную опустошенность после решения очередной научной задачи. Напротив, занятия литературным творчеством приносили ей радость и успокоение.

Елена Сергеевна Венцель, ставшая И. Грековой в литературном мире, обратилась к художественному творчеству в зрелом возрасте. Хотя она уже в детстве начала писать, вновь осознанно вернулась к этому ближе к полувековому юбилею. Возможно, в этом сыграла роль ранняя смерть мужа и желание подвести какие-то итоги своей жизни. Не случайно во многих ее произведениях отражены реалии ее повседневной жизни: как своеобразие научного мышления и исследовательской работы («За проходной», 1962; «На испыта-

ниях», 1967; «Кафедра», 1978), так и сложные отношения между мужчиной и женщиной («Под фонарем», 1965; «Хозяйка гостиницы», 1976; «Перелом», 1987) и другие. Произведения И. Грековой были популярны, некоторые из них были экранизированы (фильмы «Вдовый пароход» и «Благословите женщину»).

Е. Вентцель признавалась: «Я всю жизнь жила под давлением одной и той же мысли: Не быть хуже мужчин! Не отстать от них, чего бы это ни стоило! Эта идея не помешала мне вовремя выйти замуж, родить троих детей, но все это было как бы аккомпанементом к моей подлинной жизни. Быть в жизни равной с мужчинами, в чем-то превосходить их – вот что стало моим флагом» [3]. Даже свою докторскую диссертацию она защищала тайком от мужа-генерала, который не верил в ее успех. Не случайно в ее произведениях часто появляется фигура авторитарного мужа-военного, который полностью определяет судьбу женщины (например, в произведении «Хозяйка гостиницы», 1976). После смерти мужа героиня повести, которая по настоянию супруга отказалась от рождения ребенка, осталась бездетной и полностью посвятила себя дому и быту, переживает душевный переворот. Ее мир становится шире кухни, спальни и гостиной, женщина сама начинает нести ответственность за свою судьбу и находит дело, в котором может самореализоваться.

Проза С. Ковалевской и И. Грековой во многом автобиографична: во многих рассказах и повестях появляются детали и факты из их собственной жизни. Это не случайно: литературное творчество дало возможность для этих женщин-ученых выразить свой взгляд на мир и предназначение женщины, проанализировать свой жизненный путь. Они не успели достигнуть в литературе таких же высот и признания, как в математике, но сделали более ценное открытие – донесли свой голос через годы до новых поколений. Их мысли, размышления, переживания стали доступны не только узким специалистам-теоретикам (как их научные работы), но и людям разных профессий и специальностей. Личностная реализация женщины и поиск женского счастья, вечные ценности добра и зла не потеряли своей актуальности ни в XIX,

XX, ни в XXI веке. Именно поэтому творчество этих писательниц интересно для изучения и в настоящее время.

Список источников и литературы

1. *Афанасьева Ю.Ю.* С.В. Ковалевская: «Воспоминания детства» и кризис идентичности // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bullitin). 2017. Вып. 7 (184). С. 144–149.
2. *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. М., 1951.
3. *Таболкина О.* Точность – вежливость авиапушек: урок от гениальной Елены Венцель // Warhead. 19.04.2018. <https://warhead.su/2018/04/19/tochnost-vezhlivost-aviapushek-urok-ot-genialnoy-eleny-venttsel>
4. *Томашевская В.* Ирина Грекова // Проза.ру. <https://www.proza.ru/2016/11/20/672> (дата обращения: 03.03.2020)

Т.Н. Трофимова

Санкт-Петербург, независимый исследователь

Память о математике и педагоге Любови Николаевне Запольской

Любовь Николаевна Запольская родилась 7 августа 1871 г. в селе Бигильдино Данковского уезда Рязанской губернии в семье учителя математики. В 1876 г. семья переехала в Петербург. Запольская окончила физико-математический факультет Санкт-Петербургских Высших женских курсов (ВЖК) в 1894 г. Она с благодарностью вспоминала педагогов ВЖК: академика В.Г. Имшенецкого, профессора В.И. Шифф и других. 29 октября 1894 г. она была принята в члены Санкт-Петербургского математического общества по предложению В.И. Шифф. В 1894 г. умер ее отец, и семья переехала в Рязань. В 1895 г. Запольской удалось получить разрешение министра на продолжение обучения в Германии, в Геттингенском университете. Она слушала лекции Д. Гильберта, Ф. Клейна и других видных математиков и участвовала в работе физико-математического семинара. Под руководством Д. Гильберта Запольская в 1902 г. написала работу «О теории относительных абелевых кубических числовых полей» и защитила ее в том же году.

В 1902 г. Запольская вернулась в Россию, была избрана членом Московского математического общества. Она принимала участие в работе математического кружка, который основал в 1905 г. и которым руководил Б.К. Млодзеевский. В том же году Запольская опубликовала в Московском университете диссертацию на степень магистра математики «Теория алгебраических областей рациональности, образующихся при решении уравнений третьей степени». Защита состоялась 8 марта 1906 г. Запольская стала первой женщиной в России, получившей степень магистра от российского университета.

С 1903 по 1919 гг. Л.Н. Запольская была профессором Московских высших женских курсов. С 1906 по 1910 гг. Запольская совмещала работу на МВЖК с работой в Рязанской женской Мариинской гимназии, куда она была принята на должность главноуправляющей. Она принимала участие во всех методических конференциях. В 1910 г. она выезжала в Геттинген для прослушивания лекций с 26 апреля по 26 мая. В 1919 г. Любовь Николаевна переехала в Рязань и поступила на работу в Рязанский пединститут, где проработала до 1923 года. В 1923–1925 гг. она была профессором Саратовского университета, а с 1925 по 1930 гг. была профессором, заведующей кафедрой высшей математики Ярославского педагогического института. В 1930 г. Запольская была приглашена на должность заведующей кафедрой высшей математики Кубанского педагогического университета. В том же году Запольская вернулась в Рязань по состоянию здоровья и умерла в Рязани 3 ноября 1943 г.

Сохранился дом Запольской в Рязани – объект культурного наследия регионального значения. Похоронена Л.Н. Запольская на Скорбященском кладбище в Рязани. На ее могиле установлен памятник, который недавно был обновлен.

Память о Запольской как о выдающемся математике сохраняется благодаря изданию статей, посвященных ей, в журналах, биографических сборниках и энциклопедиях. Спустя 21 год после смерти Запольской одним из первых о ней написал историк математики, профессор Брянского технологического института Игорь

Георгиевич Зенкевич (1916–1987) в книге о женщинах-математиках «Судьба таланта», первое издание которой вышло в 1964 г., второе издание – в 1968 г. в издательстве «Брянский рабочий» [3]. В очерке о Л.Н. Запольской он приводит ее краткую биографию, отдельно останавливается на ее учебе в Геттингенском университете и защите ею докторской диссертации. Он также пишет о ее плодотворной педагогической деятельности на протяжении почти 30 лет. Имя Запольской как выдающегося математика попадает в историю отечественной математики 1968 и 1970 гг., изданной в Киеве. Спустя 9 лет о Запольской появляется статья в биографическом словаре деятелей в области математики. Статья эта написана украинскими авторами А.И. Бородиным и А.С. Бугаем и издана в Киеве в 1979 г. Таким образом, география мест памяти о Запольской расширяется. Через год, в 1980 г. выходит статья о Запольской Р. Розенберга и Н.Г. Соколова в газете «Приокская правда», 6 августа 1980 г. В 1981 г. академик Пелагея Яковлевна Кочина пишет о Запольской в своей книге «Софья Ковалевская». Кочина является ключевой фигурой в сохранении памяти о выдающихся математиках прошлого. Через год появляется статья А.М. Кауфман «Первая русская женщина-алгебраист – Любовь Николаевна Запольская» в журнале «Математика в школе» (№ 1, 1982). Автор пишет о Запольской как о первой русской женщине-алгебраисте. Следующее упоминание о Запольской мы находим в Липецком энциклопедическом словаре в статье И. Золотаревой и Н. Соколова «Любовь Николаевна Запольская» (1994). Биограф Запольской А.М. Павлов посвящает ей статьи в № 4 журнала «Рязанский следопыт» за 1995 г. и в журнале «Историко-математические исследования» за 1999 г. Павлов пишет о Запольской как о выдающемся математике, первой русской женщине – магистре математики. В том же 1999 г. появляется статья З.С. Свириной и Н.Г. Соколова в первом томе Рязанской энциклопедии. О работе Запольской в женской Мариинской гимназии написано в статье Н.Ф. Гулиной в книге «Из истории Рязанской женской гимназии» (2002).

В 2000 г. статью о Л.Н. Запольской И. Золотарева включает в «Липецкую энциклопедию». В изданных в 2003 г. биографи-

ческих очерках «Профессора ЯГПУ, 1908–2003» под редакцией М.В. Новикова о Запольской написано как о выпускнице ВЖК в Петербурге и первой русской женщине-алгебраисте и магистре математики. Описывается ее учеба в Геттингенском университете и защита ею докторской диссертации. Также говорится о ее трудовой деятельности.

В 2010 г. главный библиотекарь научной библиотеки РГУ им. С.А. Есенина Н.С. Решетина составила библиографический указатель, включающий биографический очерк Л.Н. Запольской, список научных трудов и библиографию. В 2011 г. появляются две кандидатские диссертации – О.А. Бобылевой и М.Ф. Гольдберг, в которых рассматривается преподавательская деятельность Л.Н. Запольской.

Начиная с 2011 г. наблюдается рост интереса к Л.Н. Запольской и за пределами России. Р.М. Асланов упоминает Запольскую в пятитомном издании «Предшественники современной математики» (2007–2011) и в историко-биографических очерках «Женщины-математики России и Азербайджана» (2016) [1].

В 2014 г. О.А. Валькова упоминает Л.Н. Запольскую как доктора философии Геттингенского университета и магистра Московского университета в докторской диссертации «Женщины-естествоиспытатели Российской Империи: конец XVIII – начало XX вв.» [2]. Примечательно, что в последнее десятилетие закрепление памяти о Запольской идет не только в тех городах, где она жила и работала, но и в других местах.

Интересные сведения из биографии Л.Н. Запольской приводятся в трудах XII Колмогоровских чтений, изданных в Ярославле, в статье З.С. Галановой и Н.М. Репниковой «Бестужевки-математики – ученицы Д. Гильберта» (2015).

Продолжаются и краеведческие исследования, посвященные Л.Н. Запольской. 27 августа 2011 г. И. Малюков публикует статью «Математик из Бигильдино» в газете «Заветы Ильича» [4]. Целью автора было обосновать необходимость установить памятную доску на родине Л.Н. Запольской. Сведений о том, что доска была установлена, обнаружить пока не удалось.

З.С. Свирина говорит о Л.Н. Запольской в книге «Таланты земли Рязанской» (2013) [5]. Автор вдохновила учителя математики из Рязани Л.А. Кожевникову на разработку инфоурока, посвященного Л.Н. Запольской (2018).

В отношении Л.Н. Запольской практически отсутствует музеефикация как способ закрепления памяти о ней. Главными местами памяти становятся те учебные заведения, в которых она работала, прежде всего РГУ и ЯГПУ, а также многочисленные статьи в справочниках, в научных сборниках и диссертациях и в местных газетах.

Список источников и литературы

1. *Асланов Р.М.* Женщины-математики России и Азербайджана. М.: Прометей, 2016.
2. *Валькова О.А.* Женщины-естествоиспытатели Российской Империи. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2014.
3. *Зенкевич И.Г.* Судьба таланта. Брянск: Педагогическое общество РСФСР. Брянское областное отделение, 1968.
4. *Малюков И.* Математик из Бигильдино // Заветы Ильича [Данковский район]. 2011. 27 августа.
5. *Свирина З.С.* Таланты земли Рязанской // Ред.-сост. В.И. Крылов. Рязань: Литера М, 2013. С. 310–314.

К.О. Россиянов, М.А. Помелова

Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова

Исследования Н.Н. Ладыгиной-Котс и проблема «женской» науки

Процессы модернизации и трансформации отношений между людьми, переход от одних моделей поведения и социальных практик к другим расширили возможности самореализации для русских женщин в начале XX в., способствуя освоению ими новых профессий, в том числе в высшем образовании и науке. Обретение ими самостоятельной роли в науке вместо подчиненного положения помощницы и/или вдохновительницы, «музы»

ученого-мужчины, обусловило появление, задолго до постановки современными авторами вопроса о возможности «женской» науки – способа познания мира в его «живой» целостности, а не аналитической «мертвой» расчлененности.

Как известно, научная подготовка русских женщин приобрела систематический характер после появления высших женских курсов, учебная программа которых была близка к университетской. Одной из выпускниц Московских высших женских курсов стала известная в будущем зоопсихолог и приматолог Надежда Николаевна Ладыгина-Котс (1889–1963). Наставниками Н.Н. Ладыгиной, поступившей на естественное отделение физико-математического факультета курсов в 1908 г., были Н.К. Кольцов, П.П. Сушкин, С.С. Четвериков [2]. В 1911 г. Надежда Николаевна вышла замуж за Александра Федоровича Котса (1880–1964), организатора и первого директора Дарвиновского музея. В научном мире Н.Н. Ладыгина-Котс приобрела известность благодаря работе по изучению поведения детеныша шимпанзе Иони, жившего в московской квартире Котсов. Особенно исследовательницу интересовал вопрос, на каком этапе развития психики возникает сознание. В результате своих наблюдений Ладыгина-Котс обнаружила способность шимпанзе к абстракции и разработала «метод выбора на образец», который до сих пор используется в психологических и зоопсихологических исследованиях [4].

После рождения в 1925 г. сына Руди – Рудольфа Александровича Котса (1925–2009) – и на протяжении первых семи лет его жизни Ладыгина-Котс вела подробные записи («дневник матери»), послужившие сравнительному анализу поведения, эмоций и мышления ребенка и детеныша шимпанзе [3]. Результаты этих работ были подытожены в двух книгах, вышедших в 1923 и 1935 гг. и отличавшихся живым, эмоционально окрашенным языком. Эмпатия и эмоциональный контакт с изучаемым животным были незаменимой частью ее исследовательского подхода, позволяя лучше «понять» шимпанзе и выбрать адекватный для изучения его поведения и мышления метод [4, с. VI]. Особое внимание Ладыгина-Котс уделяла исследованию психики животного как целого, во многом следуя и развивая представления голландского психолога и зоопси-

холога Ф. Бойтендайка. Примечательно, что рукописи опубликованной в 1935 г. книги предшествовал стихотворный «Пролог», присутствие которого в научном труде вызвало возражения цензора («уполномоченного Главлита»), категорически потребовавшего Пролог удалить. Споря с цензором и требуя сохранения стихотворного текста, Ладыгина-Котс апеллировала к своей роли исследовательницы, отмечая, что требовать от нее «выражаться “мужским” и сухим, несвойственным ей стилем вряд ли уместно» [1].

Однако работы, опубликованные Ладыгиной после Второй мировой войны, демонстрируют изменение метода – эмоциональное отчуждение между исследовательницей и изучаемым ею животным и, как следствие, возрастающую сухость стиля ее статей и книг. Возможно, причина заключалась в том, что Ладыгина-Котс имела теперь дело не с детенышем, а со взрослым, неприрученным самцом шимпанзе, и общалась с ним через решетку клетки [5]. Работая с 1945 г. в Институте философии АН СССР, Н.Н. Ладыгина-Котс приступила к исследованию орудийной и конструктивной деятельности шимпанзе как представителя другого биологического вида, усматривая свою задачу в изучении его «истинного» мышления, не измененного длительным общением с человеком. Объектом исследования стал содержащийся в Московском зоопарке взрослый самец шимпанзе Парис [5]. Важно и то, что публикация трудов на новом месте работы – в Институте философии – предполагала, согласно академическим канонам, рецензирование, а замечания рецензентов, равно как и собственное стремление их избежать, действовали эффективнее, чем любая цензура, навязывая «сухой, несвойственный ей стиль». Тем самым отказ от выражения эмоций в тексте научных публикаций выглядит как жертва, необходимая для продолжения профессиональной жизни. Конфликт между гендерными и профессиональными ценностями, столь ярко проявившийся в судьбе Н.Н. Ладыгиной-Котс, ставит нас перед выбором: прекращение эмоционального контакта с животным может быть понято как творческая неудача, обусловленная разочарованием в возможностях прежнего подхода, либо – как закономерный этап на пути профессионализации, заставившей пожертвовать ценностями

«женской» науки ради более значимых профессиональных целей.

Вопрос о выражении чувств в научных текстах затрагивает самую суть феминистской критики научной рациональности – проблему причин, которые заставляют исследователей отказываться от упоминания своих переживаний и чувств как несовместимых с объективностью, понимаемой в свою очередь как бесстрастность. [6, 7]. Возможно, успех ранних работ Ладыгиной-Котс был связан в значительной степени с тем, что, воспитывая детеныша шимпанзе у себя дома, она делала чувства «легитимными»: мужчины-исследователи готовы были согласиться с их важностью, коль скоро исследования Ладыгиной-Котс были непосредственно связаны с ее компетенцией матери и воспитательницы — ролями, которые она всячески подчеркивала, когда писала о Иони и Руди как двух своих «малышах» [3, с. XVI]. В то же время, завоевав признание в той области, которую ученые-мужчины уступали женщине как отвечающую ее «природе», Н.Н. Ладыгина-Котс так и не смогла осуществить в полной мере идеи о роли женщины как чуткой «собеседницы» животного, оказавшиеся прочно забытыми последующими поколениями исследовательниц и исследователей.

Список источников и литературы

1. Архив Государственного Дарвиновского музея (АГДМ). Ф. 15111 (Н.Н. Ладыгина-Котс). Д. 140.
2. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Автобиография // АГДМ. Ф. 15111. Д. 1798. Л. 10–26.
3. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, играх и выразительных эмоциях М., 1935. XVI.
4. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Исследование познавательных способностей шимпанзе. М.; Пг., 1923.
5. *Ладыгина-Котс Н.Н.* Конструктивная и орудийная деятельность вышших обезьян (шимпанзе). М., 1959.
6. *Keller Evelyn Fox.* A Feeling for the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock. San Francisco, 1983. XIX.
7. *Oreskes Naomi.* Objectivity or Heroism? On the Invisibility of Women in Science // *Osiris.* 1996. Vol. 11. P. 87–113.

М.Э. Сысоева*Санкт-Петербург, Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН***Вклад женщин в кавказоведение
(на примере убыхских исследований)**

В истории изучения убыхской проблематики можно условно выделить четыре периода. В первом преобладают ранние источники, среди которых наиболее важными для реконструирования прошлого являются заметки Эвлия Челеби, посетившего в 1640-е годы интересующий нас черноморский регион Кавказа [2, с. 5]. Второй – период «колониальной политики крепостнической России на Кавказе» [3, с. 30], основными объектами изучения которого становились вопросы локализации и идентичности убыхов (И.А. Гюльденштедт, П.С. Паллас, Ю. Клапрот, Дж. Белл, К.Кох, Г.В. Новицкий, К.Ф. Сталь, Л.Я. Люлье и др.), реже внимание отводилось культуре, а также сведениям о военной организации (С.Т. Званба). Третий этап прерывает практически полвека забвения убыхского вопроса и наступает приблизительно в советские годы. Наверное, этот период можно считать наиболее длительным и плодотворным, поскольку освещались различные аспекты истории и этнографии (Л.И. Лавров, Н.Г. Волкова, З.В. Анчабадзе, Ю.Д. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа и др.), а вместе с тем весомое значение имело и описание убыхского языка (А. Дирр, Ж. Дюмезиль, Х. Фогт, Дж. Хьюитт, М.А. Кумахов, Дж. Коларуссо и др.). Ослабление политики «железного занавеса», а в последующем и распад Советского союза послужили толчком к волне экспедиций отечественных исследователей (Г.А. Климов, В.И. Абабев, В.А. Чирикба).

Четвертый этап озаглавлен очередной волной интереса со стороны исследователей и общественности в связи с кончиной «последнего убыха» Тевфика Эсенча. На этот период приходится ряд экспедиций: убыхов в Турции посещали абхазский писатель Анзор Мукба (1993), историк М. Х.-Б. Кишмахов совместно с Р.З. Берзекковым (2007), филологи В.А. Чирикба (2009–2010) и Б.М. Берси-

ров (2012), языковед Алехо Квахадзе (2015), группа краснодарских исследователей – В.И. Колесов, Р.Ш. Кузнецова, М.Э. Сысоева, З.А. Тлехурай (2015) и др. Несмотря на устоявшийся миф о вымирании убыхов, интерес к сообществу не утихает.

Вместе с тем внимания заслуживает сложившаяся гендерная асимметрия: практически четыре века изучением разных аспектов истории и культуры убыхов занимались преимущественно мужчины. В довольно масштабной историографии женские имена появляются лишь в советский период, но, несмотря на это, вклад исследовательниц в кавказоведение неоспорим.

Особенным подходом к выбору объекта изучения отличалась кавказовед, канд. ист. наук Наталья Георгиевна Волкова (14.12.1931–24.12.1997), в трудах которой находим краткие сведения об убыхах Шапсугии. Правда, этнография не сразу стала делом всей жизни: будучи студенткой исторического факультета МГУ, она всерьез увлеклась балетом. Однако когда возник выбор – быть частью труппы известнейшего хореографического коллектива или сотрудником Сектора народов Кавказа Института этнографии АН СССР, Наталья Георгиевна окончательно останавливает на втором [1].

Несколько позже с членами семьи Черен, которых в своем труде упоминала Н.Г. Волкова, познакомилась историк и краевед Тамара Васильевна Половинкина (23.08.1947). Окончив исторический факультет Харьковского Государственного университета, в 1974 г. переехала в г. Сочи, работала в музее истории города-курорта, а с 1985 по 1994 гг. заведовала этнографическим музеем в пос. Лазаревское. Отсутствие этнографического образования не помешало Тамаре Васильевне стать влиятельной фигурой кавказоведения: «за весомый вклад в изучение этнической самобытности причерноморских шапсугов и широкую пропаганду исторического наследия черкесов» исследовательнице присваивают почетные звания Заслуженного работника культуры Республики Адыгеи (2000 г.) и Кабардино-Балкарии (2008). С выходом на пенсию Тамара Васильевна делится накопленным опытом в социальной сети Facebook: ведет одну из самых популярных черкесских групп «Тамара

Половинкина-АДЫГИ История Сочи» (1623 подписчика), а также является одним из активных авторов постов в сообществе «Т⁰АХЭ АУБЫХЦЭА УБЫХХЭР УВИНЛАР УБЫХИ».

Убыхская проблематика оказалась привлекательной не только для отечественных исследовательниц. Исчезающий язык описывала лингвист Сумру Озсой (Босфорский университет, Стамбул, доктор наук, заслуженный профессор в отставке). Ее интерес во многом преопределил профессор Мичиганского университета, лингвист Иэн Кэтфорд, с которым женщина познакомилась в начале 1980-х годов во время обучения в аспирантуре. В итоге Сумру Озсой проработала с Тевфиком до самой его смерти. Не являясь кавказоведом (все же главным делом жизни оставался турецкий язык), она стала весьма уважаемой фигурой и почетным участником научных мероприятий, посвященных языкам Кавказа. Кроме того, в 1994 г. в память о Жорже Дюмезиле и его прославленном убыхофоне исследовательница организовала международную конференцию. Это было масштабное событие с участием крупных филологов, кавказоведов, а также учеников французского лингвиста [7].

Сегодня изучением и описанием убыхского языка увлечена еще одна исследовательница, Рона Фенвик (11.08.1983, работала в Квинслендском университете, Брисбен, Австралия):

«Мой интерес возник довольно странным способом. Хотя я археолог, меня всегда интересовала лингвистика, особенно языки с необычными свойствами. Я заинтересовалась убыхским, узнав о его сложной фонетике, а, узнав еще и историю убыхского народа, возник более глубокий научный интерес к языку» [4].

Лично познакомиться с Т. Эсенчем Роне не удалось, однако, на основе неопубликованных записей Дж. Хьюитта, сделанных еще в 1974 г., вышел труд «A Grammar of Ubykh» [6]. В последние же годы Р. Фенвик занята работой над колоссальным проектом – убыхско-англо-турецким словарем; кроме того, в планах исследовательницы – учебные пособия и аудиокорсы.

Немаловажный вклад в убыховедение внесла и племянница Тевфика Эсенча – Мераль Чаре (13.07.?), ставшая своего рода

«хранительницей убыхского наследия». Мераль с детства обучалась убыхскому языку у Т. Эсенча, сотрудничала со многими исследователями (Ж. Шарашидзе, Дж. Коларуссо, Дж. Хьюитт), кроме того, выступила информантом и консультантом В.А. Чирикбы во время работы над «Словарем убыхских личных имен» [5].

Каждый приведенный случай по-своему исключителен: для некоторых женщин проводниками в научный мир выступили мужчины, другие стали уважаемыми и компетентными исследовательницами, невзирая на отсутствие формальных критериев принадлежности к академическому сообществу. Но, так или иначе, это единичные истории. Особенности традиционного общества, непростой выбор между научной карьерой и бытом осложняют путь женщин в науку, а карьерный рост зачастую сопровождается личной драмой. Но несмотря на то, что исследовательниц, чье внимание обращено на убыхскую проблематику, гораздо меньше, чем их коллег-мужчин, общий вклад женщин в кавказоведение не вызывает сомнений.

Исследование выполнено в рамках научного проекта № 18-78-10077 «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции» (рук. С.Ю. Белоруссова).

Список источников и литературы

1. Арутюнов А.С., Анчабадзе Ю.Д., Сергеева Г.А. Наталья Георгиевна Волкова // Этнографическое обозрение, 1998. № 6. С. 148–150.
2. Кузнецов И.В., Сысоева М.Э. Из истории изучения убыхов и убыхского языка // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. Вып. 5. С. 5–19.
3. Лавров Л.И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб: Наука, 2009.
4. Полевые материалы автора (ПМА).
5. Чирикба В.А. Убыхские этюды IV. Словарь убыхских личных имен. (Мужские и женские имена. Патронимы. Детские имена. Клички, прозвища. Фольклоронимы, теонимы, мифонимы) // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2016. С. 113–171.
6. Fenwick R.S. *A Grammar of Ubykh*. 2011.
7. Özsoy S. *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics* // *Studia Caucasologica* III, Oslo. 1997.

О.В. Зарецкая*Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова*

Деятельность А.М. Коллонтай на посту наркома общественного призрения

Октябрьская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям во всех сферах жизни общества, в том числе и социальной, что потребовало создания специальных органов власти. 29 октября руководитель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин подписал постановление о создании Народного комиссариата государственного призрения, а 30 октября вручил А.М. Коллонтай мандат: «Республиканское Правительство Совет Народных Комиссаров уполномочивает товарища А.М. Коллонтай наркомом общественного призрения» [6, с. 25]. Таким образом, впервые в истории женщина стала членом правительства.

Несомненно, на назначение Коллонтай на столь высокий пост повлияло множество причин. Имея сильный, непоколебимый характер и яркую индивидуальность, она была широко известна общественности благодаря своему участию в проведении Октябрьской революции, в организации международного социалистического движения и скандальной борьбе за женские права. К тому времени она громко заявила о себе, зарекомендовав себя в качестве профессионального революционера.

На министерском посту Александра Михайловна пробыла совсем недолго, но сделанное ею произвело своего рода революцию. А.М. Коллонтай предстояло наладить работу большого количества организаций и решать непростые социальные вопросы: проблемы приютов и беженцев, больниц, санаториев, колоний для прокаженных, воспитательных домов, родовспомогательных и гинекологических приютов, институтов, клиник, домов для слепых и т.д.

Сложнейшей задачей, которую предстояло решать новому наркому, стали проблемы инвалидов Первой мировой войны, а также раненых и больных. А.М. Коллонтай стала инициатором принятия

решения о создании Временного центрального исполнительного комитета увечных воинов для помощи инвалидам войны и их семьям. После ее выступления на заседании СНК были введены надбавки к пенсиям инвалидов войны. 17 декабря 1917 г. вышло постановление «О выдаче процентных добавок к пенсиям военно-увеченных», в котором говорилось: «СНК предписывает казенным палатам и казначействам немедленно приступить к выдаче процентных добавок к пенсиям военноувечных, согласно постановления Временного Правительства от 11 октября 1917 года, за время с 1 сентября 1917 года... Увечные офицеры, взамен получаемой ими в настоящее время пенсии, имеют право на пенсию, установленную настоящим декретом для солдат. На этот предмет офицеры свидетельствуются общепринятым для солдат порядком» [7].

А.М. Коллонтай стремилась уменьшить влияние церкви на процессы воспитания и образования детей, и по ее инициативе были подготовлены и приняты декреты о свободе совести, церковных и религиозных обществах, которые предполагали отделение церкви от государства, а школы от церкви.

Занимая пост наркома, А.М. Коллонтай активно приступила к реформам и одной из первых была проведена реформа брачного законодательства, осуществленная в декабре 1917 г. В соответствии с декретом «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», церковный брак был заменен гражданским, установлено равенство супругов, в том числе в праве на общую семейную собственность и на свои доходы, а также уравнивание незаконнорожденных детей с детьми, рожденными в браке. Отцовство устанавливалось по заявлению матери [2].

Согласно декрету «О расторжении брака» отменялась существовавшая ранее зависимость женщины от своего мужа, у которого хранился паспорт супруги и, следовательно, заявить о разводе ей было сложно. В декрете говорилось: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них» [3]. Вопросы о том, с кем останутся несовершеннолетние дети, а также на чьи средства будет возложено их воспитание, решал суд.

Назначение на должность Народного комиссара Коллонтай считала прекрасной возможностью для осуществления реформ по проблемам женщин и детей, необходимость в которых была осознана ей уже давно.

Приоритетной задачей своей деятельности А.М. Коллонтай считала организацию и реорганизацию тех учреждений, которые облегчали женщинам тяготы материнства, а также борьбу с высокой детской смертностью. В декабре 1917 г. Коллонтай издает декрет об образовании коллегии, которой было поручено создание отдела по охране материнства и младенчества. Отдел должен был создать сеть учреждений, которые обеспечивали воспитание духовно и физически сильных и здоровых граждан, включая полноценную медицинскую помощь всем будущим матерям за государственный счет.

Существующие в начале XX в. проблемы материнства имели огромную актуальность в обществе и вряд ли могли быть поставлены под сомнение или быть оспорены со стороны политиков. А.М. Коллонтай считала, что в обществе существует конфликт несовместимости профессионального труда женщины и материнства, а для его решения существует только два пути: «1) либо вернуть женщину в дом, запретив ей какое бы то ни было участие в народнохозяйственной жизни; 2) либо добиться проведения таких социальных мероприятий, включая сюда и широкопоставленное страхование материнства и попечение о младенцах, которое дало бы возможность женщине, не бросая своих профессиональных обязанностей, не лишаясь своей экономической самостоятельности и не отказываясь от активного участия в борьбе за идеалы своего класса, все же выполнить свое естественное назначение» [5, с. 171].

Первую возможность Коллонтай исключала, так как считала, что это уже пройденный этап. А вторую возможность можно реализовать только при условии, что заботу о здоровье женщины и обеспечение детей станет обязанностью государства. По словам Л.М. Млечина, «экономическая самостоятельность и полноценное участие в политической и общественной жизни представлялись Коллонтай еще и средствами избавиться от унижительной

для женщины необходимости вступить в брак с нелюбимым человеком только для того, чтобы родить и прокормить ребенка» [6, с. 66]. Таким образом, Коллонтай обозначила проблему, решение которой было абсолютно неожиданным и новым в обществе, тем самым она рушила сложившуюся установку о том, что совмещение понятий «работница» и «мать» невозможно.

При ее участии были разработаны положения об отпусках по беременности и родам, пособиях молодым матерям, созданы специальные курсы, готовившие рабочих и крестьянок для работы в детских учреждениях. В ведение наркомата общественного призрения перешли все ясли, консультации и приюты для детей, созданные до революции различными благотворительными обществами. За 1917–1918 гг. в 16 губерниях были организованы 46 домов матери и ребенка, 66 родильных домов, 59 консультаций, 47 молочных кухонь, 409 яслей [4].

Осенью 1919 г. с целью уравнивания прав женщин и мужчин по ее инициативе был создан ряд женотделов ЦК РКП (б). К основным задачам женотделов относилось информирование о новых условиях труда и организации семьи и борьба с неграмотностью среди женского населения. По словам современной исследовательницы И.В. Алферовой, женотделы «на протяжении своего существования обладали относительной самостоятельностью, согласуя свои решения и деятельность с орготделами и агитпропами, что являлось базой для возникновения “ликвидационных” настроений, а в конечном итоге и привело к их закрытию» [1, с. 18]. Женотделы прекратили свою деятельность в 1930 г.

18 марта 1918 г. А.М. Коллонтай была освобождена от должности наркома общественного призрения из-за протеста против ратификации мирного договора с Германией (Брест-Литовский мирный договор).

Можно сказать, что Александра Коллонтай стала воплощением «нового» человека, обладающего необходимым образованием, опытом публичных выступлений, прекрасным ораторским талантом и, что немаловажно, обладала индивидуальностью и харизмой, которая проявлялась в особой энергетике, интонации голо-

са, взгляде, жестикуляции и приковывала к Коллонтай внимание общественности. Прогрессивные взгляды Коллонтай находили отклик в европейских и в особенности в скандинавских государствах, что послужило предпосылкой ее назначения на дипломатический пост и успешной карьеры в будущем.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 18-09-00734 А «Фундаментальные проблемы международного сотрудничества в сфере образования и науки в Арктическом регионе в XX-XXI вв.».

Список источников и литературы

1. *Алферова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2011.
2. Декрет о гражданском браке, о детях, и о ведении книг актов состояния. 18 декабря 1917 г. Опубликовано в № 37 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 20 декабря 1917 г. // Исторические материалы. <http://istmat.info/node/28231>
3. Декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака». 16 (29) декабря 1917 г. Выверено по изданию: Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ДЕКРЕТ/17-12-16.htm>
4. *Доллидович О.М., Катцина Т.А.* Становление системы социального обеспечения под руководством А.М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в Советской России // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9 (2). С. 255–276. http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/26/1269121890/Dolidovich_Katzina.pdf
5. *Коллонтай А.М.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1972.
6. *Млечин Л.М.* Ленин. Соблазнение России. СПб.: Питер, 2012.
7. Постановление «О выдаче процентных добавок к пенсиям военновечных». 16.12.1917 // Исторические материалы. <http://istmat.info/node/28138>

М.М. Шульга

Смоленск, Смоленский государственный медицинский университет

Трансформация гендерной модели поведения женщины в эпоху кризиса (на примере Великой депрессии в США)

Кризис – сам по себе явление сложное, а поведение людей в период кризиса – еще более сложное явление. Поведение женщин, как в бытовой сфере, так и в общественно-политической, в период кризиса (на примере Великой депрессии в США) представляет крайний интерес для современных исследователей.

Методы исследования – ретроспективный, компаративный.

Источниковая база – публикации в периодических изданиях 1920–1930-х годов, мемуары, художественная литература 1920–1930-х годов, законодательные акты.

Историческая ситуация: в 1929 г. в США начался один из самых тяжелых (если не сравнивать с происходящими сейчас событиями – пандемией, обвалом котировок и цен на нефть) финансовых кризисов. Огромное количество людей, в основном мужчин, лишилось работы и возможности содержать свои семьи. Некоторые находили выход в самоубийстве (таким образом семья не выплачивала долги покойного), некоторые пытались найти лучшую жизнь на новом месте и уезжали в другие штаты (в основном стремились в Калифорнию).

Гипотеза исследования: в социально-бытовом поведении женщин можно выделить две устойчивые, но противоположные друг другу тенденции. Первая – желание добиться чего-то самой, т.е. активно участвовать в общественно-политической жизни, и вторая – «закрыться» внутри семьи, постараться поддержать своего мужа и «добытчика», стать домохозяйкой и заниматься только своей семьей, а не проблемами окружающих и страны в целом.

Первую тенденцию можно проследить на увеличении активности женского движения: начиная от движения суфражисток, борьбе женщин за свои политические права, активное участие

в экономической жизни в годы Первой мировой войны и после ее окончания и заканчивая активными действиями первой леди Элеоноры Рузвельт от простого женского участия (своя колонка в периодических изданиях) в судьбе каждой семьи до активного участия в создании Организации Объединенных Наций и значительном увеличении участия женщин в политической жизни страны. Некоторые исследователи, в частности Г.В. Моховикова [3], много внимания уделяют приходу женщин в высшие сферы политики: женщины активно становятся сенаторами, участвуют в работе федеральных структур и органах управления штатов, а также осваивают профессию дипломатов. Женщина 30-х годов XX в. стремится вперед, пока мужчины дали ей такую возможность. В 1933 г. на пост министра труда США была назначена первая женщина – Френсис Перкинс, именно ей предстояло решить одну из наиболее трудных задач – обеспечить социальные гарантии потерявшим веру во все американцам. Именно она со своими единомышленниками и по поручению Франклина Рузвельта с 1934 по 1935 гг. разрабатывала закон о социальном страховании США [2]. Закон не был идеален, но начало было положено, и активное участие в этом приняла сильная женщина – Френсис Перкинс, сумевшая переубедить многих сильных мужчин.

Активные женщины периода Великой депрессии увидели не кризис, а шанс реализовать себя, встать на одну ступень с мужчинами, управлявшими этим миром.

Но есть и другая точка зрения, высказанная И.В. Епифановой, рассматривающая активность женщин в годы Депрессии как затухающий отблеск активного послевоенного женского движения [1]. Само феминистское движение идет на спад, и проявление активности женщин в 30-е годы и довоенный период – это лишь остатки, которые погасит война. Во многом это суждение верно. Большинство женщин в США все же оставались преданными женами и матерями, так как большую роль в воспитании женщины в США того периода все еще играла религия (в основном консервативный протестантизм) и религиозные представления о том, что жена должна следовать за мужем. Первая мировая война указа-

ла тысячам женщин на возможность своей реализации не только через домохозяйство, но и через профессию. Война закончилась, начались «ревушие двадцатые», жизнь потихоньку возвращалась в прежнее русло, а вместе с ней и бытовая жизнь многих женщин стала возвращаться к привычному укладу. Но грянул кризис, мелкий и средний бизнес в городах стал таять на глазах, равно как и фермерские хозяйства в сельской местности. Мужчины теряли заработок, а вместе с ним и чувство уверенности в себе и собственное достоинство. Многие женщины решили, что именно сейчас настал тот час, чтобы поддержать своих любимых, теперь уже действительно не только в радости, но и горе, как истинные жены. Они становятся домохозяйками, занимаются скромным бытом и детьми, хотя многие имеют возможность устроиться на пусть и низкооплачиваемую, но все же работу. Они направляют своих мужчин домашними непринужденными разговорами, готовые следовать за ними хоть на край света. Женщина фактически вновь становится затворницей в собственной семье, теряет право решать важные вопросы, так как добровольно соглашается перестать быть активной экономической единицей (наемным работником на частном предприятии) и становится бесплатной домашней силой. Патриархальные традиции, подпитываемые сильным религиозным давлением, возрождаются с новой силой. Вновь «освободиться» женщины сможет только в годы Второй мировой войны, когда история снова сделает круг и женщины опять будут активно привлекаться на высвободившиеся рабочие места.

Кризис, в том числе экономический, показывает, насколько женщины способны к трансформации, к изменению своего жизненного уклада и бытовых привычек. В женщине всегда боролось два направления: консервативное и либеральное. Великая депрессия в США в 1930-х годах позволила каждой женщине выбрать свое направление, оставаясь при этом в русле общей тенденции.

Список источников и литературы

1. *Епифанова И.В.* Женское движение в США в эпоху «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта (1930–1940-е годы) / Ученые записки казанского го-

- сударственного университета, 2008 г. Т. 150. Кн. 1. С. 202–206.
2. Кошкина М.М. Становление системы социального законодательства в период администрации президента Ф.Д. Рузвельта / *Власть*. 2010. № 12. С. 150–153.
 3. Моховикова Г.В. «Новый курс» США в гендерном аспекте // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2006. № 6. С. 27–30.

О.А. Валькова

Москва, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

И.И. Гриневич

Рига, Международный сельскохозяйственный университет

Профессиональная карьера женщины-ученого в СССР: стратегии адаптации

Российские женщины боролись за юридическое право на профессиональное научное обучение и профессиональную научную деятельность начиная с 60-х годов XIX в. Окончательно эта цель была достигнута в 1918 г. Однако оказалось, что к новым условиям необходимо приспособляться, в первую очередь потому, что равенство юридическое не обязательно соответствует равенству реальному. Изучение источников показывает, что женщины-ученые различных возрастных групп адаптировались к изменившимся условиям по-разному. Стратегии женщин, начинавших свою научную карьеру в условиях юридического равноправия, отличались от стратегий, выработанных женщинами старших возрастных категорий. В настоящей работе мы рассмотрим модели поведения женщин-ученых, принадлежавших к первому поколению профессиональных ученых, с самого начала своей карьеры учившихся и работавших в условиях юридического равноправия, на примере научной карьеры Амалии Андреевны Цекулины (1902–1981).

Цекулина сделала чрезвычайно успешную академическую карьеру. Она получила степень доктора сельскохозяйственных наук, звание профессора и, наконец, была избрана членом-корреспондентом Академии наук Латвийской ССР. С 1950 по 1954 гг. она занимала

должность ректора Латвийской сельскохозяйственной академии (Рига), став первой женщиной-руководителем высшего учебного учреждения Латвии. Каким образом все это удалось девочке, родившейся в крестьянской семье в отдаленном селе Омской губернии?

Цекулина родилась 24 сентября 1902 г. в селе Станкевическом, Песчаной волости, Тюкалинского уезда, Омской губернии. До 1921 г. Цекулина жила в деревне и работала в отцовском хозяйстве. В 1919 г. она вступила в партию большевиков, в 1920 г. – и именно в таком порядке – в комсомол. Правда, уже в 1921 г. во время партийной чистки ее перевели в кандидаты партии за политическую неграмотность. Отметим в скобках, что в связи с переездом Латышского пединститута из Смоленской губернии в Москву и постановлением XIV партконференции о прекращении приема интеллигенции в партию Амалия числилась кандидатом в члены партии вплоть до 1925 г. В декабре 1925 г. Краснопресненский райком партии г. Москвы принял Амалию Цекулину в члены партии во второй раз [3]. Весной 1921 г. Цекулина поступила на подготовительное отделение Латышского педагогического института в Смоленске, обучение в котором проходило на латышском языке, и закончила его весной 1923 г. Осенью того же 1923 г. институт был преобразован в Латышский рабочий факультет и возвращен в Москву, откуда его эвакуировали в 1919 г. [3]. Цекулина поехала вместе с ним.

Оказавшись в Москве, осенью 1923 года Цекулина поступила в Московский механический институт им. М.В. Ломоносова. Она выбрала специализацию по проблемам электрификации сельского хозяйства [3]. Это был разумный план, поскольку электрификация сельского хозяйства стала, как известно, одним из приоритетных направлений развития экономики советской республики. Было нетрудно предугадать, что в самом скором будущем оно потребует большое количество квалифицированных специалистов. Цекулина училась на отделении Электрификации сельского хозяйства факультета Индустриального сельского хозяйства ММИ им. М.В. Ломоносова вплоть до конца 1929 г. [2]. В феврале 1930 г. ей присвоена квалификация инженера-механика и выдано соответствующее

свидетельство. Однако вместо работы электротехником по созданию сельских электростанций Цекулина предпочла остаться при кафедре электрификации сельского хозяйства института в качестве научной сотрудницы. Уже весной 1930 г. она поступила в аспирантуру Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. В конце 1930 г. она переведена в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института электрификации сельского хозяйства (ВНИИЭСХ), где одновременно работала младшим научным сотрудником до июля 1933 г.

Таким образом началась научная карьера АА. Цекулины в полном соответствии с многолетней традицией, из которой ее старшие современницы в свое время были исключены благодаря действовавшим законам Российской империи. Далее ее карьера также развивалась внешне вполне традиционно: первые публикации (1931), скромная должность научного сотрудника (1933–1937), защита кандидатской диссертации (1937) [1]. После защиты – также вполне скромные должности заместителя руководителя лаборатории и старшего научного сотрудника (1937–1945). Война, проведенная в эвакуации в Казахской ССР. Вероятно, ее социальные преимущества – крестьянское происхождение и членство в правящей партии – немного улучшили ее шансы, но никаких сияющих высот в них не просматривалось.

Однако после окончания войны профессиональная карьера Цекулины сделала крутой поворот, поскольку, как неожиданно выяснилось, у нее было одно преимущество, и существенное – ее национальность. 28 мая 1945 г. Всесоюзный Комитет по Делах Высшей Школы при СНК Союза ССР выписал ей направление на работу в Латвийскую сельскохозяйственную академию (ЛСХА), на должность доцента кафедры Электрификации сельского хозяйства. Цекулина была принята на работу в ЛСХА 1 сентября 1945 г. и проработала в этом учреждении всю свою оставшуюся жизнь, на этот раз стремительно продвигаясь по карьерной лестнице.

В 1945–1949 она занимала должность доцента кафедры Электрификации сельского хозяйства. В 1947–1949 гг. она уже была заведующей кафедрой. 15 сентября 1950 г. Цекулина назначена на

должность ректора ЛСХА, которую занимала до 17 ноября 1954 г. Параллельно с 1951 г. она заведовала кафедрой электротехники, сохранив эту позицию вплоть до 1973 г. и оставаясь профессором кафедры до 1976 г. включительно. 26 марта 1951 г. Общее собрание Латвийской академии наук избрало нового ректора своим членом-корреспондентом [1].

Таким образом, успешная карьера женщины-ученого зависела, конечно, от ее таланта и упорства, но основными факторами успеха были подходящее социальное происхождение, членство в нужной политической партии, ранний выбор перспективного научного направления. Два последних условия зависели от удачного выбора самой женщины, от построенной ею стратегии своего личного развития. Несмотря на все это, окончательный успех, однако, зависел от политической необходимости правительства и того, что женщина оказалась обладательницей необходимого в конкретный момент качества. В случае с Цекулиной – нужной национальности. Предсказать подобную случайность, вероятно, было невозможно, но быть готовой воспользоваться шансом, если он вдруг появится – вполне.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Личные дела руководящих работников высших учебных заведений... Цекулина Амалия Андреевна. Ф. Р.9396. Оп. 34. Д. 388.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Цекулина Амалия Андреевна. Стажер. Личное дело. Ф. 8375. Оп. 3. Д. 1071.
3. mālija Sekuliņa. Latvijas Zinātņu akadēmijas korespondētājlocekļi (26.03.1951– 24.12.1981) // Архив Латвийской академии наук. F. 1. Ap. 15. L. 4119. 37 lapas.

Е.О. Ермолаева*Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова***Физический факультет Московского университета
в женских лицах**

Историю Московского университета, образованного в 1755 г, невозможно представить вне истории нашей родины. Один из самых больших и значимых факультетов МГУ – физический – был основан в 1933 г. после разделения существовавшего с 1850 г. физико-математического факультета. Физфак часто называют факультетом нобелевских лауреатов [2], так как из 20 лауреатов граждан России и СССР, получивших премию в период с 1904–2003 гг., 8 были его сотрудниками или выпускниками. Женщин среди них нет. Отметим, что за всю 120-летнюю историю нобелевского движения женщин – лауреатов в области физики было всего трое: Мария Склодовская-Кюри польская и французская ученая-экспериментатор в области радиоактивности (1903 г.), американка теоретик-ядерщик Мария Гёпперт-Майер (1963 г.) и канадка физик-лазерщик Донна Стрикланд (2018 г.).

В 1930-е годы на физическом факультете МГУ начали формироваться и развиваться новые научные школы. Вводились современные лекционные курсы, производственную практику студенты проходили в ведущих научных институтах и лабораториях. В состав физфака входило 13 кафедр, которыми руководили профессора и члены Академии наук. Кафедру общей физики для естественных факультетов возглавляла одна из первых женщин – профессор Московского университета А.А. Глаголева-Аркадьева. Перед началом Великой Отечественной войны прием на физфак составлял 150 человек, и его выпускники со временем становились ведущими специалистами и руководителями в своих областях. Сразу после начала войны научно-исследовательская работа факультета получила оборонную направленность. Около 400 физфаковцев стали фронтовиками. В октябре 1941 г. в числе семнадцати студенток университета физик Ирина Ракобольская

была направлена в военную авиационную школу. С мая 1942 г. и до конца войны И.В. Ракобольская участвовала в боевых действиях на различных фронтах Великой Отечественной, была начальником штаба легендарного 46-го Гвардейского ночного бомбардировочного женского авиационного полка. Семеро студенток Московского университета были удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Среди них – заведующая отделом Солнца Всесоюзного астрономо-геодезического общества, студентка астрономического отделения Евгения Руднева. Совершая свой 645 вылет, отважная летчица погибла в ночь на 9 апреля 1944 г. Всю войну прошли мастером по вооружению в составе авиаполка имени Марии Расковой И.И. Минакова и ушедшая на фронт первокурсница, хирургическая медицинская сестра Н.А. Тяпунина, обе – будущие доктора физ.-мат. наук, выпускницы и сотрудницы факультета с 60-летним стажем работы. Во время эвакуации МГУ в 1941–1943 гг. обязанности заведующего кафедрой рентгеноструктурного анализа исполняла М.И. Захарова. В мае 1943 г. университет вернулся в Москву, и в новом учебном году к работе на физфаке приступило 17 кафедр. Еще в 1929 г. после окончания университета начала преподавать и вести научные исследования на кафедре рентгеноструктурного анализа В.И. Иверонова – выдающийся физик, педагог, профессор Московского университета. В 1947 г. она защитила докторскую диссертацию, и это была первая в СССР докторская по физике, защищенная женщиной. В 1951–1969 гг. Иверонова заведовала кафедрой общей физики для физиков, которая стала крупнейшей кафедрой Московского университета после переезда МГУ на Ленинские горы. 1 сентября 1953 г. физфак начинал занятия в новом здании, в его состав также вошли кафедры образованного в 1945 г. геофизического отделения и кафедры, работающие на базе созданного в 1946 г. НИИ ядерной физики [4]. Прием на 1 курс физфака с тех пор и до наших дней составляет около 400 студентов, четверть из которых – девушки.

К 250-летию Московского университета по инициативе Совета женщин МГУ был издан биографический словарь [1], посвященный женщинам – докторам наук, профессорам, лауреатам

государственных и университетских премий. Статистика словаря, в котором представлены краткие статьи о 619 персоналиях, показывает, сколь значителен вклад женщин в научную и педагогическую деятельность МГУ во второй половине XX в. В нем 63 статьи о физиках – сотрудницах физфака, НИИЯФ имени Д.В. Скобельцына и Государственного Астрономического института имени П.К. Штернберга, а также выпускницах физического факультета, работающих в других подразделениях МГУ. Лауреатами Государственной премии СССР (РФ) являются Е.С. Андреева, А.М. Кадомцева, О.К. Сильченко и Г.В. Смирницкая, почетного звания «Заслуженный профессор Московского университета» были удостоены А.Б. Васильева, И.В. Ракобольская, Г.Ю. Резниченко, Л.И. Сарычева. В 1966–1990 гг. И.В. Ракобольская была деканом созданного ею факультета повышения квалификации преподавателей вузов по естественным наукам, руководителем Лаборатории космических излучений высоких энергий. Она была основателем Совета женщин МГУ (1987 г.) и его первым председателем. В настоящее время нашей организацией руководит также физик-ядерщик, профессор Н.С. Зеленская. Председателем правления ассоциации «Женщины в науке и образовании», созданной в 1993 г. является биофизик Г.Ю. Ризниченко.

В настоящее время физический факультет – это ведущий учебный и научно-исследовательский центр РФ в области физики и астрономии [3]. Каждый третий академик и член-корреспондент РАН в области физики, геофизики и астрономии – выпускник физфака МГУ, в их числе Л.А. Прозорова и О.Г. Рязская. Физфак возглавляет учебно-методическое объединение всех физических факультетов страны. С 2010 г. на нашем факультете проводятся ежегодные всесоюзные летние школы учителей физики, среди которых обычно три четверти – женщины. Сегодня физфак состоит из 7 отделений, объединяющих 40 кафедр. Среди аспирантов, научных сотрудников и преподавателей, руководителей грантов РФФИ и РНФ женщины составляют 25–30%. Возросла доля женщин профессором – их десятая часть среди всех профессоров физфака, но нет на должностях заведующих кафедр. В числе пер-

вых, получивших грант РФФИ, доктор физ.-мат. наук В.А. Хохлова, соруководитель Лаборатории медицинского и промышленного ультразвука. Среди кандидатов наук (выпускников и сотрудников лаборатории) почти половина – девушки. За последние 20 лет доля женщин-физиков, защитивших докторские диссертации, составляет 15%, и защиты происходят в более молодом возрасте. Лауреатами премии им. И.И. Шувалова за докторские диссертации, выполненные в МГУ сотрудниками не старше 40 лет, были Е.А. Константинова, О.С. Сажина, О.В. Тихонова, О.Е. Филиппова. Шестеро физиков были Лауреатами национальной премии фонда L'Oréal-UNESCO «Для Женщин в Науке» среди кандидатов и докторов наук в возрасте до 35 лет. Женщины физфака – это также уникальные коллективы кафедры английского языка и научной библиотеки. Их большинство в общефакультетских подразделениях, которыми на физфаке руководят в основном женщины. С 2002 г. Международный союз теоретической и прикладной физики раз в три года проводит съезды женщин-физиков. В команду, представляющую РФФИ, входят участницы – физики из ведущих институтов и университетов страны, включая МГУ. На одном из своих юбилеев физфак был назван еще и факультетом смельчаков. Хотелось добавить – и смелых, талантливых женщин, самоотверженно идущих по своему пути в науке.

Список источников и литературы

1. Московский Университет в женских лицах. Биографический словарь // Под общ. ред. ГФ. Беляевой, Н.С. Зеленской, М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004 г.
2. Сайт МГУ. <https://msu.ru/info/nobel.html> (дата обращения: июнь, 2020 г.)
3. Сайт физического факультета МГУ. <https://phys.msu.ru/> (дата обращения: июнь, 2020 г.)
4. Энциклопедия Московского университета. Физический факультет // Под общ. ред. В.И. Трухина, В.А. Караваева, М.: КДУ, 2008 г.

В.В. Солодников, И.В. Солодникова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

О парадоксах гендерной асимметрии в российской социально-гуманитарной науке

При анализе представленности женщин в науке принято говорить о *gender gap* («гендерном разрыве»), имея в виду количественное доминирование мужчин и дискриминацию женщин при получении грантов, рецензировании рукописей, приеме на работу на временную позицию и т.п. [1; 2].

Так, Э.К. Шмидт и М. Какас солидаризируются с выводом Европейской Комиссии о том, что «нет никаких свидетельств естественного сокращения со временем гендерного неравенства в Европе» [8, с. 112]. Проведенный авторами анализ 125 программ (направленных на сокращение гендерного неравенства) в 23 странах (более 3/4 организаций – университеты и некоммерческие организации) предлагает рассматривать этот феномен как многомерный. А разработчикам социальной политики важно оценивать такие программы (самые популярные среди них – создание сети (*networking*), программы наставничества (*mentoring*) и распространение информации) с помощью предлагаемого авторского инструментария.

Между тем С.Дж. Цеси [6] констатирует, что в математически «нагруженных» отраслях академической науки в последние два десятилетия «гендерный разрыв» сокращается. При этом, по мнению автора, стереотипы о «неспособности» женщин к математике закладываются в начальной школе и интериоризируются девушками в старших классах (за исключением нескольких школ, поставляющих участниц математических олимпиад). Но при обучении в колледже по этим специальностям девушки демонстрируют лучшие академические успехи, чем юноши.

В завершении своих рассуждений автор останавливается на парадоксе: с одной стороны, в области естественных наук (GEMP – Geosciences, Engineering, Mathematics/computer science/economics, Physical science – науки о Земле, инженерные специальности, мате-

матика/компьютерные технологии, экономика и физика) женщины представлены в наименьшей степени (за исключением экономики). Но, с другой стороны, именно они наиболее успешны при найме, продвижении по службе и занятии должности профессора. Так, например, в машиностроении среди женщин только 8% аспирантов, имеющих научную степень (PhD), но среди доцентов их 18%, т.е. в этой области феномен «протекающего трубопровода» (*leaky pipeline*) практически отсутствует [6, с. 39].

Д. Нгила (Ngila) и ее коллеги в 2017 г. обобщили результаты двух независимых исследований, проведенных Академией наук Южной Африки (The Academy of Science of South Africa – ASSAf) и Межамериканской сетью академий наук (InterAmerican Network of Academies of Sciences – IANAS) в 2014–2015 гг.

Типичной величиной представленности женщин в национальных академиях наук оказалась 12%. При этом в естественных науках и инженерных специальностях доля женщин составила менее 10%, но в социальных и гуманитарных науках – более 20% [7, с. 100].

Наконец, согласно оценкам, приводимым Н.Л. Пушкаревой [3], в 2000 г женщины в России составляли: среди докторов наук – 20% (варьируя от 13% до 37% в зависимости от специальности, – соответственно – географических наук и искусствоведения).

Далее обратимся к нашим данным. Сравнение пола авторов (социологов и психологов) научных журнальных публикаций о семье в 1986–1992 гг. и 2000–2016 гг. обнаружило, что социология и психология семьи из преимущественно «мужских» наук (69% авторов) стали преимущественно (даже с большим перевесом) «женскими» (72%). Количество «чисто мужских» публикаций зеркально сократилось (с 69% до 13%), а смешанных (женско-мужских) выросло, оставаясь в подавляющем меньшинстве (с 7% до 15%).

Н.Л. Пушкарева отмечает, что по объективному показателю – количеству публикаций – женщины-ученые уступают мужчинам [3].

Однако, если обратиться к динамике защищенных докторских диссертаций по социологии, то, согласно данным С.Л. Проша-

нова, тенденции оказываются несколько иными: в 1990–2000 гг. около $\frac{3}{4}$ их авторов были мужчины; в 2000–2005 гг. женщины составили около 40%, а с 2005 г. женщины стали большинством [см. более подробно: 4].

Аналогичная, еще более четко выраженная тенденция, по данным А.Я. Анцупова и др., характерна для докторских защит по психологии: с 1935 г. мужчины здесь преобладали, но с 2001 г. стали доминировать женщины, а в 2010–2013 гг. мужчины защитили только 19,7% докторских диссертаций по психологии [см. более подробно: 4].

По-видимому, «феминизация» социальной науки затронула не только и не столько ее российский сегмент. Так, по оценкам Дж. Волферса (J. Wolfers) в академической американской экономике отмечено доминирование женщин-экономистов в следующих темах: рынки труда, «экономика детей», здоровья и образования (мужчины же чаще специализируются в области макроэкономики) [см. более подробно: 5].

Приведенные данные способны стимулировать рефлексию гендерно ориентированных социальных исследователей и социально-политических механизмов (само)регуляции науки об обществе в частности по таким направлениям, как:

- Следует ли продолжать акцентировать роль женщин как дискриминируемого меньшинства, смещая акцент (например, с академической науки в целом на естественно-научные и инженерные специальности)?
- Нужно ли освещать достигнутые «победы», как минимум, – в современной России (например, преобладание женщин высшей научной квалификации в социально-гуманитарных дисциплинах)?

Список источников и литературы

1. Женщины в науке // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». <https://issek.hse.ru/women> (дата обращения: 11.03.2020)
2. Заслуженное признание: новые имена среди женщин-ученых // Тасс. 28.11.2019. <https://nauka.tass.ru/nauka/7217839>

3. Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 3. С. 24–35. <https://docplayer.ru/29515785-Zhenshchiny-v-rossiyskoy-nauke-konca-xx-nachala-xxi-veka-obobshchenie-kolichestvennyh-harakteristik.html>
4. Солодников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в 21 веке: мета-анализ // *Мониторинг общественного мнения*. 2018. № 6 (148). С. 269–332.
5. Солодников В.В. Российская социальная наука о семье: гендерная асимметрия авторства // *Семья и семейные ценности в современном мире*. Мат-лы Всероссийского очно-заочного научно-практического семинара с международным участием. Уфа, 27 апреля 2018 г. Ч. 2. / Отв. ред. З.Я. Рахматуллина. Уфа: РИЦ БашГУ. 2018. С. 215–217.
6. Ceci S.J. Women in Academic Science: Experimental Findings from Hiring Studies // *Educational Psychologist*. 2018. Vol. 53 (1). P. 22–41.
7. Ngila D., Boshoff N., Henry F., Diab R., Malcom Sh., Thomson J. Women's Representation in National Science Academies: An Unsettling Narrative // *South African Journal of Science*. July/August 2017. Vol. 113 (7/8). P. 96–102.
8. Schmidt E. K., Cacace M. Addressing Gender Inequality in Science: The Multifaceted Challenge of Assessing Impact // *Research Evaluation*. 2017. Vol. 26 (2). P. 102–114.

А.Д. Воробьева

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Выставка-проект «9 марта». К вопросу гендерных асимметрий в современном ювелирном искусстве

Данная работа посвящена проблеме гендерных асимметрий в современном ювелирном искусстве, выявленным при помощи структурного анализа объектов, представленных на выставке «9 марта: современные украшения о гендерных стереотипах», прошедшей в Москве в галерее «Граунд Солянка» весной 2020 г. Кураторы проекта – Катя Рабей, Александра Павловская и Мария Старикова.

Центральной темой и ключевым средством для художественных высказываний и манипуляций в ювелирном искусстве является человеческое тело. Украшая тело, конструируя для него определенную форму, ювелирное искусство предстает художе-

ственным элементом образа. Оно также формообразует предмет искусства, фактически определяя телесность как таковую.

В современном ювелирном искусстве преобладают деконструирующие тенденции относительно художественной репрезентации телесности. Тело становится материалом, подобным холсту для художника-живописца. «В русле структуралистской традиции тело трактуется как скольжение означаемого и означающего. Не случайно в постмодернистских концепциях появляется такое определение, как «тело без образа», в котором «ничто не репрезентативно» (Ж. Делез); его приходится создавать подобно вербальному тексту. Художник искажает, увечит, порой “препарирует” и даже уничтожает изображаемое тело, лишая его привлекательности для властных притязаний и манипуляций» [5, с. 226].

Тем не менее ювелирное искусство в современной западной культуре все еще гендерно асимметрично: «Воспринимая собственную телесность как обещание счастья и произведение искусства, объект мужского внимания, женщина сосредоточивается на ее украшении и таким образом компенсирует свою “неполноценность” в социальной сфере» – пишет Евгения Гольман [4, с. 145], ссылаясь на труды Симоны де Бовуар.

Приведем другой тезис из этой статьи: «Телесные практики рассматриваются как ресурс для сопротивления доминирующим образцам феминной привлекательности» [4, с. 148]. В данной выставке как раз превалирует подобная эстетика. Об этом пишет А. Павловская в предисловии каталога: «На протяжении долгого времени украшения рассматривались мужским арт-сообществом в лучшем случае как инвестиция, а не как независимый вид искусства» [7, с. 4]. Однако сегодня положение дел меняется.

Репрезентация «женского искусства», как правило, проходит на основе символики женских гениталий. Большинство работ выставки обращают внимание на женскую эмансипацию в социальной, репродуктивной и художественной сферах. Подобный взгляд, фокусирующийся на угнетаемой группе женщин, может быть радикально узким, так как не предполагает роли для мужчины, провоцируя новые гендерные асимметрии.

Мы с уверенностью можем фиксировать бинарную дихотомию «мужское/женское» в ювелирном искусстве. По утверждению философа Г.А. Андреева, разговор о «женском» и «мужском» возможен, «но нельзя в жизни получить эти концепты в чистом виде» [1, с. 60]. Учитывая это, мы ограничим обозначение «гендерной асимметричности» результатами сравнений взглядов сквозь «женское» и «мужское».

В качестве примера возьмем пару обручальных колец Марии Стариковой. Женское кольцо имеет небольшую выемку, из-за которой снять его практически невозможно. Мария акцентирует внимание на более глубоком переживании разрыва брака женщиной, а не мужчиной (или обоими). По мнению художницы, женщины после развода страдают сильнее мужчин. И пускай статистика подтвердит этот взгляд, манифестация данного утверждения не учитывает возможности такого же глубоко переживания для мужчин, подкрепляя общее представление о черствой маскулинности.

Важным для нашего исследования будет кураторское решение выставки. Экспозиция пространства – основной нарратив; то, как и под каким углом кураторы представляют заявленную тему. Хотелось бы отметить выстроенную систему коммуникации между залами. Пространство включало шесть залов, объединенных тематически: «Труд», «Матрица» (матка), «Тело», «Насилие», «Ритуалы», «Манифест».

Данное разделение работает на общее понятие феминисткой эстетики, о которой пишет Л.Ф. Буланова-Дувалко: «Феминистская эстетика скорее представляет совокупность подходов феминистской философии для рассмотрения таких ключевых вопросов эстетической мысли как субъект творца, культ феминности, женское искусство, каноны нормативной эстетики и тому подобное» [3].

Наиболее любопытным в рамках данной дискуссии для нас будет зал «Ритуалы».

Здесь работы Тамар Пейли «На краях одежды ее» (серия ритуальных облачений) и Татьяны Корневой «Четки среднестатистической русской женщины», поднимающие проблему женской роли в современном религиозном контексте. Критика одной из

самых ригидных сфер патриархального общества заложена в данных работах, предлагающих переосмысление религиозных традиций с точки зрения гендерных ролей [7, с. 5].

Приведем еще несколько примеров из других залов. Работа китайской художницы Цянь Ван на тему женского труда и репрезентации его в обществе «Я не варю макароны, я делаю украшения». В этой серии брошек из макарон мы чувствуем скептический взгляд художницы на «чисто женские» обязанности и черты, такие как готовка, стремление быть всегда красивой.

Серия ожерелий для настоящих мужчин итальянского художника Карло Лучиди под названием «κάθαρσις I» [катарсис I], «κάθαρσις II» [катарсис II] открывает дискурс о нарочитой мужественности, мешающей человеку быть самим собой. Художник решает проблему по-своему. Он создает ожерелья для мужчин из алюминиевых труб брутального вида, куда можно вставлять живые цветы.

Работа «Я стану папой» Йотама Бахата раскрывает чувственную сторону отцовства: эмалевые украшения с изображением маленького эмбриона с сердцем обыгрывают тему зачатия, выражая желание художника выносить ребенка самому. Данная работа является исключением из дихотомии «мужского/женского», так как выражает взгляд не бинарной гендерной группы. Серия украшений Йотама отсылает нас к запрету однополых браков в Израиле.

Еще одной важной темой выставки становится преодоление гендерной асимметричности. Так, кольцо Марии Стариковой под названием «Парни не плачут» дает нам, по определению Т.В. Барчуновой, путь преодоления «эгоистичного гендера» [2, с. 190], так как «мужскую» тему поднимает женщина. По замечаниям К.Н. Канатьева, эгалитарное направление в современном феминистском дискурсе должно быть доминирующим, чтобы объединить между собой «мужское» и «женское» [6, с. 86].

Таким образом, выставка-проект «9 марта» обнажает эссенциальные проблемы гендерной асимметрии в культуре: женскую саморефлексию через быт и искусство («Труд», «Манифест»), новое отношение к телесности как эстетическому переживанию («Тело», «Матрица»), социальные конструкты семьи («Наси-

лие», «Ритуалы»). Мы также можем рассмотреть определенные гендерные стереотипы относительно «мужского/женского», их понимание художниками и стремление к перераспределению (reclaiming) современных понятий феминного и маскулинного в общепринятых контекстах.

Список источников и литературы

1. *Андреев Г.А.* Мужское и женское в новейшей философии культуры. «Культурные исследования» // Вестник ЧелГУ. 2013. № 38 (329). С. 59–63. <https://cyberleninka.ru/article/n/muzhskoe-i-zhenskoe-v-noveyshey-filosofii-kultury-kulturnye-issledovaniya>
2. *Барчунова Т.В.* «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 180–192.
3. *Буланова-Дувалко Л.Ф.* Философские аспекты понимания направления феминистской эстетики // Studia Humanitatis. 2015. № 3. <http://st-hum.ru/content/bulanova-duvalko-lf-filosofskie-aspekty-ponimaniya-napravleniya-feministskoy-estetiki>
4. *Гольман Е.* Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 4 (125). С. 129–156.
5. *Каменецкая Н.Ю.* Гендерные аспекты репрезентации тела в современном искусстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 224–232. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-aspekty-reprezentatsii-tela-v-sovremennom-iskusstve-1>
6. *Канатьев К.Н.* Социальная стратификация и современные направления гендерных исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. №2 (30). С. 84–88. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-stratifikatsiya-i-sovremennye-napravleniya-gendernyh-issledovaniy>
7. 9 марта. Современные украшения о гендерных стереотипах: каталог выставки. М: Арт Гид, 2020.

М.Л. Колюкова*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина***Лонгрид как жанр социальной журналистики, который частично стер гендерные различия между журналистами**

В течение более чем столетия система жанров в журналистике стагнировала. Небольшие изменения наблюдались лишь в области конвергенции жанров. Но в последние годы произошел скачок: появились новые жанры: бекграундер, саммери, чек-лист, лонгрид. Хочу сфокусировать внимание на последнем, потому что именно его можно назвать жанром социальной журналистики, в котором себя в последнее время стали проявлять мужчины-журналисты наряду с женщинами. Конечно, гендерные различия по-прежнему присутствуют, но они уже не те, что были в прошлые годы.

Если рассматривать социальную журналистику в контексте прошлого, то можно заметить, с одной стороны, ее распространенность, а с другой стороны, презрительное отношение к ней коллег по цеху. Ее на профессиональном жаргоне именуют «социалка», намекая как бы на небольшую общественную значимость материалов о социальных проблемах, их неэффективность и невысокий уровень профессионализма авторов текстов о язвах общества. Если до революции звездами социальной журналистики были такие личности, как В. Г. Короленко и В. М. Дорошевич, то после революции эту нишу, по большей части, заняли женщины. Безусловно, дефицит женщин в социальной журналистике до революции связан с дефицитом женщин в отечественных СМИ вообще – и речь тут о патриархальности русского общества, где женщины в течение долгого времени были сильно ограничены в праве на труд.

Но и позже, уже в советское время, работы таких звезд советской журналистики, как Фрида Вигдорова, Ольга Чайковская, Татьяна Тэсс не изменили уничижительного отношения к «социалке» мужчин-журналистов, которые пишут о «высоком и сложном»: о культуре, о политике, о спорте.

Появление лонгридов и приход в журналистику нового поколения работников сформировал две положительные тенденции:

1. Изменение отношения к социальной журналистике в сторону положительного и уважительного.

2. Стирание гендерных различий между журналистами: в социальную журналистику пришли мужчины.

Правда, круг тем, на которые пишут женщины, вовлеченные в социальную журналистику, шире.

Итак, лонгрид можно определить как материал огромного объема (доходящего до 80 000 знаков), с медленным темпом повествования, где есть место деталям и мелким авторским психологическим наблюдениям. Этот жанр не стоит путать с очерком: наличие разных видов подачи материала, большого количества ссылок внутри материала и жесткий стиль изложения информации о самом широком круге тем свидетельствует о том, что лонгрид – особый жанр.

Тем, на которые пишут лонгриды, великое множество. В качестве примера можно привести текст «Дорога в Аскиз» (автор – Таисия Бекбулатова) [2] – о том, как полиция игнорировала преступления маньяка-убийцы, охотника на женщин, до тех пор, пока за расследование не взялся отец одной из жертв.

Лонгрид «Все впереди» (автор – Евгения Волункова) [3] рассказывает о женщине-инвалиде без обеих ног, жертве домашнего насилия, чуть не оказавшейся за решеткой за убийство мужа, от которого она оборонялась.

Название лонгрида «Как петербуржцы доказывают, что им подбросили наркотики? Три истории о задержаниях, судах и проблемах законодательства» (автор – Евгений Антонов) [1] полностью отражает содержание материала. Автор текста – мужчина. Можно сказать о том, что история менее «чувствительная». Большой фокус сделан на том, как избавиться от несправедливого уголовного преследования. В центре не столько герои и их образы, сколько технические подробности избавления от незаслуженного наказания. За эту работу молодой автор получил в 2019 г. премию «Редколлегия».

Кирилл Руков для интернет-издания «The Village» сделал материал «Света Уголек – модель с ожогами 45% тела. Как полюбить себя, сбежав от побоев матери, детдома и Дальнего Востока» [4]. И тут название полностью отражает содержание. И тема – уже совсем «чувствительная», из тех, что раньше назвали бы «женской». Такой материал с мужской подписью нечасто встретишь в СМИ. Но, если вчитаться, в нем все равно видна как бы «неженская» рука. Автор сообщает читателям душераздирающие подробности жизни девушки-инвалида: «Мать продолжала избивать – например, выдавливала глаза, выворачивала шею, зажимая голову между ног или избивала металлической трубой. Потом стала меня резать». Такой «по-хемигуэевски» сдержанный стиль изложения часто трогает больше, чем эмоции, высказанные прямолинейно. Но опытный журналист может заподозрить такого коллегу просто в циничной погоне за «палеными» историями. Тем более, что материал пестрит фотопортретами обнаженной героини со страшными шрамами от ожогов.

В то же время в тексте «Все впереди» [3] чувствуется: автор разделяет боль героини. И подспудно призывает не осуждать женщину, которая в жизни наделала много ошибок: она и так за них жестоко поплатилась. О героине Волункова пишет с теплом: «О молодости Лариса вспоминает с улыбкой, протягивает черно-белое фото тех времен. На карточке кудрявая девушка с выразительными глазами. «Вот какая я была! – с гордостью говорит Лариса. – А теперь, как говорят, стала “страшнАя”».

Ларисе 43 года, но выглядит она старше. На лице среди морщин и шрамов – ярко-голубые глаза. Даже сейчас, после всего пережитого, они сияют». В тексте чувствуется «женская рука».

Можно привести еще множество лонгридов, написанных авторами-мужчинами и авторами-женщинами. Вывод не поменяется: если раньше мужчины-журналисты даже не брались за рассмотрение социальных проблем, то сегодня можно смело говорить о том, что в области выбора тем гендерные различия стерлись. Но почерк в любом тексте угадывается: мужчины либо рассказывают о путях выхода из житейских переделок, опираясь на личный

опыт героев, либо демонстрируют захватывающие истории, смакуя тяжелые подробности. То есть можно говорить о том, что некая положительная эволюция наблюдается, но даже в социальной журналистике мужчины пока продолжают пребывать в роли невозмутимых суперменов, которые «предлагают решение и демонстрируют детали», не погружаясь в эмоции вообще. Конечно, в социальной журналистике не должен наблюдаться такой же накал страстей, как в греческой трагедии. Но читателю предоставляется выбор между «сдержанными» мужскими лонгридами и более эмоциональными женскими текстами в том же жанре.

Список источников и литературы

1. Антонов Е. Как петербуржцы доказывают, что им подбросили наркотики? Три истории о задержаниях, судах и проблемах законодательства // Бумага. <https://paperpaper.ru/photos/kak-peterburzhcy-dokazyvayut-chno-im-pod> (дата обращения: 28.06.2020)
2. Бекбулатова Т. Дорога в Аскиз // Холод. <https://holod.media/road-to-askiz> (дата обращения: 28.06.2020)
3. Волункова Е. Все впереди // Такие дела. <https://takiedela.ru/2019/11/vse-vpered> (дата обращения: 28.06.2020)
4. Руков К. Света Уголек – модель с ожогами 45% тела. Как полюбить себя, сбежав от побоев матери, детдома и Дальнего Востока // The Village. <https://www.the-village.ru/village/people/experience/316133-ugolek> (дата обращения: 28.06.2020)

Р.Ш. Кузнецова, И.В. Кузнецов

Блумингтон, шт. Индиана (США), Индианский университет

Кульг Реднег на университетском кампусе (этнографические заметки о гендерной симметрии)

В истории антропологии особое место у Х. Майнера занимают исследования телесных ритуалов (медицины и гигиены) загадочного народа, скрывающегося за анаграммой Nacigema – «североамериканской группы, проживающей на территории между канадскими кри, яки и тарахумара в Мексике и карибами и араваками

Антильских о-вов» [6, р. 503]. В дальнейшем у этого антрополога, а главное у его методологического подхода, нашлось множество последователей. Спустя двадцать лет Н. Томпсон обратил внимание на опасный с нашей точки зрения культ Либомотва, угрожающий непоправимыми изменениями в окружающей среде. Но, как известно, его прогнозы о скорой гибели цивилизации накирема оказались сильным преувеличением [8]; и Р. Джоунс принялся за изучение символики ритуальных практик Иголоицос – «большого децентрализованного клана, распространенного по всей территории, занятой накирема» [4, р. 207]; а Г. Хиллеру удалось даже описать еще один важный ритуал – Йеккох [2, р. 225–228].

Наше скромное намерение включает продолжение поисков в данном направлении применительно еще к одной области культуры племени, лишь разрастающегося в числе, несмотря ни на что. Источником послужили данные, полученные во время полевой этнографической работы. В 2019/20 уч. г. муж первого соавтора, этнограф, занимающийся изучением коренных американцев и историей русско-американских контактов в антропологии, получил стипендию от Индианского университета на реализацию собственного проекта. Тем временем она сама посещала курсы английского языка в указанном университете. Таким образом, у обоих возникла возможность изучать поведение коллег, а у первого соавтора – еще и возможность понаблюдать за вторым.

Преимущественно студенческий город Блумингтон впечатляет своим огромным университетом, не самым крупным у накирема (ок. 50 тыс. студентов, более 135 корпусов и др.). О царящих здесь вкусах и нравах свидетельствуют попадающиеся то тут, то там радужные флаги и плакаты, призывающие к толерантности, в том числе приветствующие прибытие очередной волны беженцев. В туалетах нет недостатка во всевозможных бесплатных средствах женской гигиены, и на дверях наклеены памятки о том, что является сексуальным насилием, как себя вести и куда обращаться. В них предусмотрительно сказано: «Сексуальные проступки включают сексуальные домогательства, сексуальные посягательства, другие формы сексуального насилия, насилие

на свиданиях, домашнее насилие, сексуальную эксплуатацию и преследование. <...> [Д]искриминация по признаку пола или гендера (sex- or gender-based) считается сексуальным проступком» [3]. Будучи отнесен к профессорско-преподавательскому составу, второй соавтор получал рассылку о происшествиях, в которой наряду с оповещениями о надвигающемся торнадо нет-нет да мелькали события скучноватой криминальной хроники, чаще всего о краже велосипедов, но иногда и об изнасилованиях.

Теорией всего, что относится к полу и гендеру, занимаются особый департамент гендерных исследований и Институт исследования секса, гендера и воспроизводства им. Кинси (Легендарный сексолог Альфред Кинси тоже отсюда.). Как и подавляющее число учебных заведений, это – женское место. А, как известно, женщины на университетских кампусах у намирема очень активны. Не так давно имел место эпизод, грозивший перерасти в нечто большее, во всяком случае о нем написала «The New York Times» [1]. Одна из торговек на местном субботнем фермерском рынке («зеленый» муниципалитет Блумингтона запретил на своей территории фастфудные сети типа «Мак-Дональдса») была замечена в «f» за расистскими высказываниями. По слухам, таких расистов немало в соседнем депрессивном белом городке Мартинсвилл. На рынок стали ходить с протестами, страсти накалились, и в один день молодая американка азиатского происхождения – профессор истории в университете – попробовала даже выгнать с рынка нежелательную персону и ее мужа, за что полиции пришлось арестовать ее, расценив ее героический поступок как действие, угрожающее свободе слова. А на подступах к злополучному месту были выставлены ограждения, чтобы предотвратить массовые беспорядки.

О том, какое значение придают намирема уважительному отношению к культурным особенностям этнических меньшинств, свидетельствует еще одна история. Ким, которая вела языковые курсы у первого соавтора, планировала, куда бы ее студенты могли сходить, чтобы получить практику разговорного английского. В числе возможных мест она называла музей, который находится прямо напротив и недавно открылся после реставрации. Но вдруг

его посещение было отменено, чтобы не обижать религиозные чувства студентов-мусульман, как огня боявшихся смотреть на обнаженную натуру.

Второй соавтор в качестве результатов своей деятельности подготовил статью для публикации в одном из престижных антропологических журналов *накирема*, но прежде он столкнулся с весьма экзотическими правилами оформления, которые необходимо было учесть [5]:

«JONA настоятельно не рекомендует использовать личные местоимения (т.е. первого и второго лица). Редакторы, тем не менее, рекомендуют авторам писать предложениями в действительном залоге и разрешают иногда ограниченное использование личных местоимений, если они необходимы, чтобы придать дополнительный акцент. Журнал подчиняется постановлению Американской антропологической ассоциации от 1973 г. о гендерных терминах, в котором не рекомендуется использование гендерного языка (т.е., *his, her, man* и др.) в контексте, не посвященном специально полу (*non-sex-specific*). Следует использовать более нейтральные термины (*they, one, humans*, исследователи и др.)».

Думается, что ученые прошлого удивились, если бы редакция журнала потребовала от них такой редактур. Ему же (второму соавтору) довелось присутствовать на ежегодной конференции Общества этномузыкологии. Им, как и музыкальной школой, университет особо гордится. Секция под названием «Песни коренных американцев» включала три доклада, один из которых был посвящен сообществу индейнок кри, исполняющих хип-хоп, рассчитанный на аудиторию из женщин, трансгендеров, а также слушателей, отнесенных к категориям «*two-spirit*» и «*non-binary*», но не мужчин [7, р. 61]. Докладчица в подчеркнуто мужском костюме начала свое выступление с благодарности делаварам, поттаватом и прочим коренным народам, некогда проживавшим на территории современного Блумингтона.

Серьезность, с которой современные *накирема* подходят к вопросам культа Реднег, поражает. Тем не менее, мы не почувствовали, чтобы от такой «пропаганды нетрадиционных ценностей»

исходила бы угроза их семейным устоям. На все праздничные заседания кафедры (в начале и в конце семестров, на Новый год и др.) они стараются приходить семьями и даже с детьми; никаких помпезных речей заведующие не произносят, а все садятся, как хотят, и едят с одноразовых тарелочек, умеренно выпивая при этом. Вместе с первым соавтором на курсы английского ходила Хон Ли, проживающая в Блумингтоне с сыном, который учился в университете. Она ждала еще одного ребенка. Преподаватели были очень доброжелательны и внимательны к ней, помогая разобраться в рекомендациях врачей, которые следили за ее беременностью. Но однажды произошло нечто невообразимое. Одна из преподавателей, Амбер, во время разговоров, касающихся здоровья Хон, ставших уже привычными, узнала, что бизнесмен-муж последней оставался в Китае и мог лишь изредка приезжать. Толерантная до нельзя профессорша с недоумением и возмущением спросила: «Так ты поедешь к своему мужу»? «Не знаю, у меня здесь сын, и я уже семь лет живу с ним в Америке. Как я могу оставить его здесь одного?» – оправдывалась студентка. Амбер же настаивала, что раз у нее есть муж, то он должен быть с ней, а сын уже достаточно взрослый, чтобы обойтись без мамы: «Кто будет тебе помогать с ребенком? Езжай домой к мужу»!

Разумеется, культура и гендерный уклад накирема требуют дальнейшего изучения. Но уже сейчас видно, что основной вывод проф. Майнера соответствует истине: «Наш обзор ритуальной жизни накирема определенно показывает, что они – народ, зависимый от магии (magic-ridden)» [6, p. 507]. Важно понять, в какой мере это является универсальной чертой, повсеместно присутствующей развитому академическому сообществу, либо все просто объясняется лишь национальной спецификой.

Список источников и литературы

1. *Healy J.* Amid the Kale and Corn, Fears of White Supremacy at the Farmers' Market // The New York Times. Aug. 18, 2019.
2. *Hiller Harry H.* Understanding Culture: The Discovery of the YEKCON Ritual // The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie. (Spring, 1989). Vol. 14. No. 2. P. 225–228.

-
3. Indiana University: Stop Sexual Violence, Key terms and definitions. <https://stopsexualviolence.iu.edu/policies-terms/key-terms.html> (Date of Access: May 1, 2020).
 4. *Jones R.A.* Myth and Symbol among the Nacirema Tsigoloicos: A Fragment // *American Sociologist*. (Nov., 1980). Vol. 15. No. 4. P. 207–212.
 5. *Journal of Northwest Anthropology 2019 Style Guide*.
 6. *Miner Horace M.* Body Ritual Among the Nacirema // *American Anthropologist*. (Jun., 1956). Vol. 58, No. 3. P. 503–507.
 7. *Przybylski L.* This Music is Not For You: Humor, Rage, and Hip Hop // SEM 64th Annual Meeting, Bloomington, Indiana, November 7–10, 2019. Bloomington: The Society for Ethnomusicology, 2019.
 8. *Thompson Neil B.* The Mysterious Fall of the Nacirema // *Natural History*. (Jan., 1972). Vol. 81. No. 11. P. 412–417.

РАЗДЕЛ 12

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.Т. Соловьева

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Женщина в сакральной сфере: горные регионы Восточной Грузии

Христианизация горных районов Восточной Грузии началась после принятия царями Картли этой религии как государственной (IV в. н.э.); в горных местностях, по сообщению летописцев, проповедь христианства вела сама св. равноапостольная Нина. Тем не менее здесь прочно сохранялись древнейшие религиозные верования, которые отличались значительной синкретичностью. Повсеместно здесь сохранялись общинные и родовые святилища, называвшиеся «хати» (груз. икона) или «джвари» (груз. крест), служителями которых могли быть только мужчины. Даже на территорию святилища женщинам заходить запрещалось. Во время праздников, которые сопровождались молениями и жертвоприношениями, женщины и дети находились за пределами святилища и там ожидали причитающуюся им долю ритуального угощения. На территорию святилища допускалась только одна пожилая женщина – «хозяйка» (груз. диасахлиси), выбранная сельчанами для приготовления ритуальной трапезы.

Однако определенное место в сакральной сфере отводилось и женщинам. Некоторые святилища в качестве служителей – оракулов, прорицателей (груз. кадаги) – могли «выбирать» и жен-

щин. Так, в Хевсурети святилище Хахматис джвари (св. Георгия) (Хахматский св. Георгий славился как покровитель плодородия, размножения людей и животных) имело право выбирать себе женщин-кадаги, причем независимо от того, в каком из селений региона они обитали. Хахматский св. Георгий, согласно народным преданиям, имел к тому же 5 (по другой версии 3) названных сестер, самой известной из которых была Самдзимари. Деятельность прорицательниц не ограничивалась только Хахматским святилищем; начав вещать от имени Хахматского св. Георгия, женщины-кадаги в дальнейшем могли посещать и другие святилища [5, с. 99].

Главной обязанностью кадаги было обеспечение взаимодействия между божеством и его подданными, извещать людей о воле божества, поэтому оракул пользовался большим авторитетом. Именно кадаги (обычно на Новый год) предсказывали события, которые должны были произойти в данном сообществе: болезни, смерти, война с соседями, кровная месть, природные катаклизмы.

По народным представлениям, джвари/хати само выбирало человека, который будет ему служить. Факт подобного избрания назывался «дамизезеба» (от груз. мизези – причина), «дачера» (от груз. держать, схватить) [4, с. 16–17].

Об «избрании» божество извещало человека каким-то заболеванием, которое было вызвано тем, что божество «возложило на него руку», желая превратить в кадаги. Некоторые исследователи отмечали, что в роли кадаги обычно выступали лица, имевшие «невропатическую конституцию», которые легко впадали в экстаз [6, с. 33]. Если «избранник» не хотел подчиниться требованию божества, просил освободить его от служения, здоровье его резко ухудшалось. В этот период как для мужчин, так и для женщин существовали запреты на сексуальную жизнь: считалось, что божество запрещает им вступать в брак [2, с. 20–22].

Как правило, первое пророчество, первое достижение состояния транса у мужчины-кадаги происходило на дворе святилища во время какого-нибудь большого праздника: Новый год, Амаглеба – Вознесение, Атенгеноба); для женщин-кадаги время и место этого события не было четко определены.

Женщины-кадаги, предсказания которых охватывали более узкий круг повседневных проблем, занимались пророчеством в основном в доме. Допускалось, если впервые женщина начинала пророчествовать в святилище, но все же в той его части, куда допускались женщины. В древности же, как в 1940-е годы сообщали информанты, женщины-кадаги также имели право пророчествовать в самом святилище [4, с. 91].

Нередко «прорицание» происходило в доме в случае болезни или если был нанесен урон скоту. В этом случае или больного приводили к кадаги, или кадаги приглашали в дом пострадавшего. В качестве вознаграждения полагалось приносить свечи (нечетное число) и серебряные монеты (тетреули). Хлеб приносили, если дело касалось загробной судьбы родственника [4, с. 87]. Так, Важа Пшавела, повествуя о том, как вдова отправилась узнать, что требуется ее умершему мужу на том свете, напекла лепешек и лаваша, налила в маленький бурдючок араки и уложила все в кожаный мешок [3, с. 287–330]. Вот как происходила «работа» прорицательницы, когда к ней пришли узнать о судьбе души в загробном мире: она «зажгла свечи, долго вздыхала, зевала, щурила глаза, охала, словно роженица, и наконец стала что-то бормотать...», затем объявила, что перед ней явился покойный, «статный мужчина», и начала вещать от имени покойного: «Отдайте неимущим мое платье. Вам грозило еще одно горе, но я умолил создателя: семь дней и ночей, упрашивая его, простоял я на коленях. Поддержали меня крест святого Лашари и архангел. Смилостивился создатель, отвратил свой гнев. Принесите им в жертву кувшин пива, теленка и поставьте свечи. Не осрамите меня, да не прослышу я неблагодарным. Еще нужны мне конь и какая-нибудь обувь» [3, с. 296]. Следует отметить, что когда кадаги пророчествовала в святилище, никакого вознаграждения ей не полагалось.

Статус женщины в обществе грузин-горцев был довольно высок, что объяснялось ее важным вкладом в хозяйственную жизнь. Тем не менее ее участие в религиозной сфере было незначительным, поскольку присутствие женщин, как считалось, могло «осквернить» святилище и тем самым лишить местных жителей

покровительства общинного божества. В связи с этим особую изоляцию (в помещениях, расположенных в удалении от селения) приходилось соблюдать женщинам в периоды, когда она считалась «ритуально нечистой» (менструация, роды и послеродовой период). Изоляция женщины в определенные периоды ее жизни, запрет находиться во владениях святилища объяснялись тем, что только таким образом община, особенно учитывая тяжелые условия жизни в высокогорном регионе, могла обеспечить себе покровительство и благосклонность божества, а, следовательно, благоденствие и благополучие всего народа.

Народная традиция допускала женщину в сферу сакрального только в качестве оракула, посредника между божеством и общиной. Причем женщины могли выражать волю только Хакматского св. Георгия, покровителя плодovitости людей и скота [1, с. 41–42]. Как прорицательница-кадаги женщина могла обрести авторитет не только в своей общине, но и в соседних селениях. Институт прорицателей был связан как с религиозными верованиями местного населения, так и с некоторыми сторонами общественной и семейной жизни.

Список источников и литературы

1. Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. М.: Наука – Восточная литература, 2015.
2. Бардавелидзе В.В. Система управления хевсурской общины // Моамбе [Сообщения АН Груз. ССР]. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР. 1952. Т. 13. № 10. С. 623–630 (на груз. яз.).
3. Пшавела Важа [Разикашвили Лука]. Жизнь пшавы // Важа Пшавела. Избранная проза. Тбилиси: Мерани, 1985. С. 302–332.
4. Очиаури Т.А. Кадагоба в Хевсурети. Тбилиси: Фонд защиты этнографического наследия Грузии, 2010 (на груз. яз.).
5. Соловьева Л.Т. Институт оракулов-прорицателей кадаги у горцев Восточной Грузии // *Studia Religiosa Rossica*: Научный журнал о религии. 2019. № 3. Июль–Сентябрь. С. 92–111.
6. Худадов Н.А. Заметки о Хевсуретии. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887.

Г.Х. Самигулов

*Челябинск, Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)*

**«Матриархат» как форма спасения благосостояния семьи:
к истории семьи Боровинских в Челябинске XIX в.**

Семья Боровинских – одна из самых влиятельных в Челябинске XVIII в., сыгравшая немалую роль в истории города в целом. В конце XVIII в. купец Иван Андреевич Боровинский, подрядившийся поставлять соль в крепости Исетской провинции, оказался не в состоянии выполнить принятые на себя обязательства – барка, везшая соль со складов в Тобольске, затонула. На имущество И. Боровинского был наложен секвестр в счет долга за соль. Долг висит над семьей Боровинских, точнее, над Иваном Андреевичем. Жена же по закону не несла ответственности за долги мужа.

Дарья Авраамовна, жена Ивана Андреевича Боровинского, проявила незаурядные черты характера и завидную энергию, отстаивая интересы семьи. Дочь тобольского купца Авраама Шевырина вышла замуж за Ивана в 1791 г. [3, л. 317]. Постепенно вся активная деятельность семьи начинает производиться от имени Дарьи. Для гарантии того, что никто не станет с нее спрашивать долги за мужа, Дарья в декабре 1806 г. собрала подписи уважаемых людей города Челябинска под справкой о том, что она не занималась совместной торговлей вместе с мужем, т.е. не причастна к его делам [3, л. 314, 317].

Значительная часть «имения» Боровинских была продана с торгов для покрытия долга. В частности двор, в котором они жили, а также движимое имущество – мебель, одежда, посуда... Причем часть вещей была изъята не из дома Боровинских, а у купца Дмитрия Бабушкина. Первым шагом по восстановлению хозяйства стало требование Дарьи Боровинской вернуть изъятые для продажи с торгов вещи, принадлежавшие ей, а не ее мужу. Имелось в виду имущество, данное за ней как приданое. Вещи ей вернули, по крайней мере часть.

В январе 1805 г. челябинский купец Семен Иванович Попов покупает с торгов лошадей, конфискованных у Ивана Боровинского и продает их... Дарье Боровинской [2, л. 40–40 об]. В 1807 г. в городской магистрат поступает заявление от жены купца Бабушкина о том, что в 1803 г. Дарья Боровинская взяла у ее мужа в долг 500 рублей под залог сундука с вещами. Кроме того, у них хранились вещи, принадлежавшие старшему брату – Семену Боровинскому, которые были сложены у них до того времени, когда хозяин увезет их в Пермь, где он жил. Затем городские власти этот сундук изъяли (как и вещи Семена Боровинского) как имущество, принадлежащее Ивану Боровинскому. Поскольку Дарья на момент написания заявления долг Дмитрию Бабушкину не вернула, Мария Бабушкина требовала, чтобы городской магистрат вернул им (Бабушкиным) сундук с вещами, оставленными Дарьей в качестве залога. При заявлении приложена опись, в которой перечислены те вещи, которые магистрат уже вернул Дарье Боровинской [3, л. 314–315]. То есть магистрат поставлен в тупик – вернуть вещи он не может, поскольку их у него уже нет, заставить Боровинскую вновь отдать сундук Бабушкиным не имеет права. Мария Аврамовна Бабушкина была дочерью тобольского купца Шевырина и приходилась Дарье Боровинской родной сестрой... [3; 4; 5]

В 1807 г. в дело вступает мать Ивана Боровинского, Наталья Михайловна. Правда, не лично, а через внучатого племянника, Семена Попова, на которого она выписала доверенность. Речь шла о вещах, которые хранились у купца Дмитрия Бабушкина и являлись собственностью Семена Андреевича Боровинского. Семен скончался в Перми в 1806 г., и мать как прямая наследница требовала, чтобы челябинский магистрат вернул ей вещи, принадлежавшие ее умершему сыну [3, л. 323–327].

В 1808 г. Семен Иванович Попов покупает с торгов практически всю конфискованную недвижимость Ивана Боровинского и продает, как легко догадаться, Дарье Боровинской. Таким образом, недвижимое имущество (за исключением каменного двухэтажного дома, который городские власти не продавали) вернулось к хозяевам, но собственницей теперь вытупала Дарья, а не Иван

Боровинский. Впоследствии Дарья пыталась получить арендную плату с организаций, которые некоторое время располагались в том самом каменном двухэтажном доме. Учитывая, что дом был секвестирован, т.е. находился в собственности города, такое требование было довольно странным, но власти начали выяснять – кто же именно и сколько времени занимал помещения в этом доме. Кроме собирания своей собственности, Дарья занималась и ее приращением. Так, в 1815 г. она купила у наследников купца Кураева мельницу, располагавшуюся выше Челябинска по реке Миасс [1, л. 40]. В 1830-х годах она продала эту мельницу Корнилию Ивановичу Покровскому [1, л. 17].

Имущество было в целом собрано, оставалось его сохранить и приумножить. Иван Боровинский скончался в 1810-х годах. Ответственность за казенные долги переходила по наследству. То есть по достижении взрослого состояния сын Ивана Андреевича Боровинского, Иван Иванович, должен был платить по долгам отца. Существовал изрядный риск, что отвоеванное с таким трудом имущество после смерти Дарьи Боровинской снова уйдет в казну. В 1830-х годах, когда делом занялся челябинский Сиротский суд, у Ивана Ивановича Боровинского затребовали информацию о собственности на имущество и оказалось, что он фактически иждивенец! Недвижимое имение мать, Дарья Боровинская, продала его жене – Екатерине Васильевне Боровинской, лишив тем самым его возможности получить двор по наследству после смерти матери и, соответственно, отдать его в казну за долги покойного отца...

Каменный дом Ивану Ивановичу Боровинскому вернули в 1847 г., все дела в отношении долгов покойного Ивана Андреевича были закрыты, но Боровинские, очевидно, предпочитали дуть на воду, обжегшись на молоке. По крайней мере, когда внук Ивана Андреевича, Николай Иванович Боровинский, был избран городским обществом на пост городского главы, то оказалось, что он не имеет собственности и, соответственно, не ведет своего торга. А в городские головы мог быть выбран только человек «прожиточный», то есть имеющий недвижимость и какое-либо дело. Пришлось делать справку о том, что, хотя он «состоит при

матери», тем не менее ведет самостоятельную торговлю. То есть имущество все еще числилось по «женской линии».

Выявленных материалов не хватает, чтобы реконструировать реальные отношения внутри семьи Боровинских и сравнить деловые качества разных представителей фамилии. Представляется, что и имеющихся данных достаточно для констатации важной роли женщин семьи Боровинских в сохранении и развитии фамильного дела.

Список источников и литературы

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 56.
2. ОГАЧО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 217.
3. ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 208.
4. ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 3.
5. ОГАЧО. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 12.

М.Ю. Лачаева

Москва, Институт истории и политики МПГУ

Гендерные роли в семье Кувшинниковых: мир московской интеллигенции в конце XIX в.

Об историко-культурном значении семьи Кувшинниковых известно многим, даже об этом и не подозревающим людям. Московский врач Дмитрий Павлович Кувшинников – это тот самый охотник, которого с большим интересом слушают другие охотники, изображенные на картине В.Г. Перова «Охотники на привале», написанной в 1871 г. И эмоциональный рассказ явно касается охоты. Его супруга Софья Петровна, по ее собственным словам, «дочь помещиков старого закала», урожденная Сафонова, чей род происходил из симбирских дворян, у современников чаще всего ассоциировалась с «Попрыгуньей», главной героиней рассказа А.П. Чехова.

Известность семейной истории придали скандальные последствия публикации рассказа, которые долго обсуждала московская

публика. Болезненное восприятие чеховского рассказа Софьей Петровной и близким ей тогда И.И. Левитаном привели к продолжительной размолвке И.И. Левитана и А.П. Чехова. Данный сюжет известен и прописан в литературе, в том числе и благодаря Т.Л. Щепкиной-Куперник, помирившей приятелей. Отмечу, что узнаваемые детали гостиной героини рассказа и сюжет о любви героини к художнику Рябовскому послужили для многих поводом перенести черты Попрыгуньи на хозяйку салона, популярного среди московских литераторов, художников и театральных деятелей – С.П. Кувшинникову, и отождествить их. Т.Л. Щепкина-Куперник отмечала устойчивое, не по-чеховски непримиримое неприятие Чеховым Софьи Петровны. Беллетрист А.С. Лазарев-Грузинский, близкий знакомый Антона Павловича, разбирая историю с «Попрыгуньей», писал о неосторожности или литературной ошибке Чехова в сюжете с «Попрыгуньей». Чехов любил Левитана и не стал бы писать на него карикатуру. О Левитане Чехов говорил: «Этот еврей стоит пятерых русских!» В отношении Чехова к Кувшинниковой – подруге Л. Мизиновой – один из левитановедов В.Н. Маштафаров заметил: «Тут где-то близко примыкает и история отношений Чехова и Мизиновой. Трагическая история...» [1, с. 164–165].

Московские сплетни, раздувая скандал, молчали об одном: «Как реагировал муж»? Это было не интересно. Интересны были главные действующие лица: Чехов и Левитан.

Нам же важно другое, Кувшинникова была сложнее и интереснее, чем тот прототип, который с нею ассоциировался. Она не отличалась красотой, но была незаурядным человеком, притягивала к себе интересных людей, мужчин и женщин. И удивительным был ее муж – Дмитрий Павлович.

Софья Петровна прожила 53 года. Она была крепким, энергичным человеком, умерла в августе 1907 г. от дизентерии, буквально «сгорела». Ее царство, по ее собственным словам, было «среди полей, лесов, цветов и снега» [1, с. 7]. Прививка детства осталась на всю жизнь. Софья, ее братья Александр, Сергей, Николай и младшая сестра Евгения росли в родительском имении в Дмитровском уезде Московской губернии, расположенном на

реке Яхроме, близ Влахернского монастыря. Ныне это поселение Деденево, подмосковная станция «Турист» по Савеловской железной дороге. Затем имение было продано и все пятеро детей жили небогато, зарабатывали средства своим трудом.

От отца Софья унаследовала страсть к охоте, отнюдь не женскую черту, которую с ней разделял ее муж – страстный охотник, и любивший охоту Исаак Левитан. В 1887–1895 гг. С.П. Кувшинниковой довелось «быть ученицей, товарищем по охоте и другом Левитана» [1, с. 16]. Она была старше Исаака на шесть лет. Впервые Софья Петровна взяла в руки кисть в 32 года благодаря брату-художнику Александру. Акварельный портрет Д.П. Кувшинникова кисти Александра Петровича Сафонова хранится в РГАЛИ. И он иной, отличный от изображения, сделанного Перовым, – задумчивый.

«На охотах» Софья Петровна носила мужской костюм, так было удобнее. Муж был намного старше своей жены и заботился о ней по-отечески. Детей у них не было. Софья Петровна вспоминала: «Жизнь шла шумно, разнообразно, часто необычайно, вне всяких условностей... жизнь была почти сплошным праздником» [1, с. 13]. После смерти мужа ее мир оказался разрушен. Она сильно нуждалась, много писала пейзажей и цветов, продавала их дешево. Ее 10-15-рублевые картины охотно покупали.

Софья Петровна никогда не считала себя самостоятельным художником, не верила в свои силы, видела в себе дилетантку. Хотя, принимая во внимание тот факт, что она прошла восемь лет рядом с Левитаном и делала успешные шаги в живописи под его руководством, а ему был особенно важен в ее работах «мотив» и «тон», – это психологически понятно. Но тем не менее среди многих женщин-художниц своего времени она выделяется.

Картины С.П. Кувшинниковой, которых осталось мало, хранятся в музеях и частных коллекциях. В Плесском музее-заповеднике находятся: «Ручей в лесу», 1889; «Московский переулок», 1891; «Заброшенный парк. В окрестностях Звенигорода», «Тихий летний день», «Пейзаж с церковью», 1893; «Плѣс», 1895; «Плѣс. Интерьер Петропавловской церкви», 1897; «Опушка леса», 1904, и др.

Хранятся ее картины и в других музеях. Например, в Севастопольском художественном музее им. М.П. Крошицкого («Ока», 1888), Государственной Третьяковской галерее («Весенний пейзаж», этюд «Дерево на краю поля»), Тверской областной картинной галерее («Дом в Курове-Покровском», 1892), Музее-заповеднике А.П. Чехова «Мелихово» («Осенний пейзаж»).

Специалисты на сегодняшний день выявили в общей сложности 80 работ, написанных С.П. Кувшинниковой с 1885 по 1907 г. Она была художником-тружеником, преданным природе и живописи, занятие которой позволяло ей реализовать свою любовь к природе в картинах и этюдах.

Софья Петровна была еще и одарена литературно. Она была одновременно честна и деликатна в жизни и творчестве, но особенно во всем, что касалось памяти мужа и Левитана.

Своего мужа Софья Петровна характеризовала как «гуманнейшего, великодушного человека, глубоко любящего искусство», помогавшего занятиям жены. Друг мужа, художник А.С. Степанов, сопровождал С.П. Кувшинникову и И.И. Левитана на этюды, и в 1887 г. сам написал несколько этюдов, где главными героями стали Левитан и Кувшинникова – на прогулке, они же на этюдах.

Воспоминания Софьи Петровны о И.И. Левитане остаются во многом исключительным и незаменимым источником творчества гениального художника. Сохранились фотографии С.П. Кувшинниковой и ее портреты, созданные кистью великого друга. Два портрета Софьи Петровны были написаны И.И. Левитаном в 1888 г. На обоих портретах перед нами безукоризненно, с большим вкусом одетая милая дама. Левитан-портретист для нас звучит непривычно. Это глубоко личная сторона его творчества.

Похоронили эту женщину в Москве, в Скорбященском монастыре, на месте которого сейчас стоит университет «Станкин». Ее могила не сохранилась, но остались узелки памяти, начиная развязывать которые, узнаешь многое о мире московской интеллигенции, и не только.

В распределении ролей в семье многое зависит от характеров супругов и силы любви каждого из них. Ведущим в семье Кувшинни-

ковых был Дмитрий Павлович, любивший свою жену и дававший ей возможность заниматься любимым делом, реализовать свой неумный потенциал общественной активности. Увлеченность Софьи Петровны живописью, ее темперамент и любовь к Левитану стала испытанием для ее мужа. По отношению к жене он проявлял удивительную душевную щедрость и деликатность, оказывал ей всемерную поддержку и в главном, и в мелочах. В частности, играя со своим другом-художником А.С. Степановым в карты во время салонов Софьи Петровны, не на глазах у гостей и хозяйки, а уединенно, в соседней комнате, он одновременно и присутствовал, и не присутствовал. Его поведение – это поведение умудренного жизнью врача и культурного человека, которое встречается на страницах произведений А.П. Чехова. Вспоминая же картину В.Г. Перова, можно только догадываться, какие страсти кипели в его душе.

Список источников и литературы

1. Софья Петровна Кувшинникова // Автор-составитель Ю.А. Королева. М.: Гелиос АРВ, 2016.

В.А. Веремко

*Санкт-Петербург, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина*

«Честная прачка» в России второй половины XIX – начала XX в.: социальный портрет

Одной из самых распространённых городских женских профессий в России во второй половине XIX – начале XX в. была профессия прачки. В данный период только в Петербурге ежегодно в этой сфере официально было занято ок. 10 000 чел. [10, с. 7, 41; 11, с. 62–68]. Об условиях труда и организации деятельности данной категории населения я уже писала [2], в предлагаемой статье речь пойдет о том, как представляли себе современники представительниц этой социальной группы.

Профессия прачки была, пожалуй, единственной, в женской сфере услуг, наиболее частым прилагательным к наименованию

которой было слово с положительной коннотацией. Женскую прислугу вообще, и горничных в особенности, чаще всего называли «глупыми» или «дурами», к кухарке обычно добавлялась «пьяная», и только рядом с прачкой утвердилась «честная». Ярким примером такой характеристики служат слова, которые бросает Аглая в адрес Настасьи Филипповны в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: «Захотела быть честною, так в прачки бы шла» [4, с. 473].

Такое отношение, прежде всего, объяснялось признанием тяжести работы прачки, зарабатывавшей своей хлеб действительно «честным трудом», который к тому же однозначно оценивался как «ужасный» [9, с. 7], и «непосильный для женщины» [5, с. 166]. Не зря в женском отделении тюрем, где хозяйственные работы выполнялись самими арестантками, труд женщин четко разделялся на три группы – приготовление пищи и кваса рассматривалось как поощрение; к остальным работам: топке печей, мытью полов и «сохранению чистоты и опрятности тюремных дворов и помещений» – привлекались осужденные за нетяжкие преступления; осужденные же по более суровым статьям помимо этих дел должны были еще заниматься стиркой и выносом нечистот [12, л. 14].

Вместе с тем, если значительная часть домашней прислуги, не выдержав тяжелого труда, постоянных придиорок хозяек, а также приставаний хозяев и мужской прислуги, обзаводилась «желтым билетом» или «подрабатывала» проституцией параллельно с официальной работой [3], то прачки отказывались от «честного заработка» в пользу «улицы» значительно реже. Недаром из суммарного числа венерических больных в женском сифилитическом отделении московской больницы для чернорабочих в середине XIX в. прачки составляли только 1,7%, в то время как на долю кухарок приходилось 34,8% пациенток, а горничных было 15,4% [6]. В Петербургской же Калининской больнице в 1872–1876 гг. прошло лечение 3032 женщины, из них прачек 74 (2,4%), а девушек, занятых в домашнем услужении, – 708 (24%) [13, с. 60–61].

Редко переходя в категорию «сексуальных рабынь», прачки также редко имели возможность расширить свой кругозор. Ярким примером является анализ социального состава учащихся действо-

вавшей в конце XIX в. в Пензе женской воскресной школы, показавший наименьшее представительство в ней прачек, число которых было значительно ниже не только домашних хозяек и «пушниц» (занимавшихся домашним кустарным промыслом – вязанием пуховых платков), но даже домашней прислуги. Сами организаторы школы связывали данный факт с тем, что прачки не имели сил для занятий и не могли сами располагать своим временем [8, с. 99].

В определенной степени на «честность» прачек оказывали влияния жилищные условия и специфика труда. В отличие от домашней прислуги, прачки, как поденщицы, нанимавшиеся на стирку в конкретные семьи, так и наемные работницы, служившие в прачечных заведениях, не получали «угол» [1] в хозяйской квартире и должны были решать свой жилищный вопрос самостоятельно. В результате они в значительно меньшей степени подвергались сексуальному домогательству со стороны работодателей. Это, конечно, не снижало опасности приставания со стороны соседей по квартире, но противодействовать им прачке было значительно легче, чем домашней прислуге своим господам. Наконец, поденная работа прачки давала возможность женщине сохранить ребенка, даже если она не была замужем. И хотя такие женщины нередко назывались «падшими» и «глубоко безнравственными», они все равно вызывали «уважение» за то, что не бросили свое дитя и пытались прокормить его «честным» трудом [7, л. 119–121об].

Таким образом, из всех сфер городской женской занятости особо в пореформенной России выделялся труд прачки. С этой работой были хорошо знакомы представители самых разных социальных групп. На фоне широкого распространения в модернизирующихся городах, особенно среди прислуги, разного рода девиаций этот женский «тяжелый» и «честный» заработок, без «пагубного» стремления к знаниям, виделся современникам бастионом традиционализма, а сами труженицы – не подверженными «всеобщему распутству», но и не ставившими перед собой недостижимых целей изменения своего положения...

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

Список источников и литературы

1. *Веремко В.А.* «В чужом углу» – организация проживания городской женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начала XX в. // XXIII Царскосельские чтения. Матер. междунар. науч. конф. / Лтв. ред. А.А. Беляева. Т. 1. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. С. 151–155.
2. *Веремко В.А.* Городские прачки в России во второй половине XIX – начале XX в.: организация деятельности и условия труда // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Лтв. ред. В.В. Карпова. Вып. 11. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. С. 133–138.
3. *Веремко В.А.* Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3. С. 37–40.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: d 30 т. Т. 8. Идиот: роман. Л.: Наука, 1973.
5. *Лейкин Н.А.* Прачка-поденщица // Лейкин Н.А. Повести, рассказы и драматические сочинения. Т. 2. СПб.: Издание книгопродавца К.Н. Плотникова, 1871. С. 166–183.
6. *Мартыненко Н.К.* Сифилис как главная причина начала регламентации проституции в России в середине XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 4. С. 43–55.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 323.
8. *Паршина В.Н.* Основные типы начальных женских учебных заведений Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 95–101.
9. *Попов Н.А.* Хозяева и прислуга. СПб.: Тип. СПб., 1907.
10. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 3. Распределение жителей Санкт-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам существования. СПб.: Изд. Центр. Стат. Ком., 1875.
11. Санкт-Петербург по переписи 15-го декабря 1900 года. Население / Ред. и предис. Н. Федулова. Вып. 2. Распределение населения по занятиям. СПб., 1903.

12. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) Ф. 253. Оп. 3. Д. 1051.
13. *Шперк Э.* К статистике сифилиса в женском населении г. Санкт-Петербурга. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1877.

Л.В. Лебедева

Пенза, Пензенский государственный технологический университет

**Социально-политическая активность крестьянок
в 1920-е годы: женотделы и делегатские
собрания как формы самореализации женщин
в традиционном обществе**

Утверждение новых общественных отношений, связанных с установлением советской власти, во многом зависело от распространения новой идеологии. Она включала в себя равноправие обоих полов в политической, экономической, социальной сферах, вовлечение женщин в общественное производство и политическую жизнь страны. Наибольшие трудности в претворении в жизнь идей равенства и общественно-политической деловитости проходили в крестьянской среде. Женщины-крестьянки в большинстве были безграмотны, далеки от политики, пассивно относились к общественным делам, религиозны. Меры государства направляли их стать политически и экономически активными. А крестьянкам необходимо было научиться пользоваться данными правами.

Для повышения образованности, информированности женщин, изменения их ценностных ориентаций, подготовке среди них лидеров, способных убедить, увлечь женщин за собой при ЦК партии и местных комитетах создавались женотделы. Они просуществовали до января 1930 г. и были ликвидированы в связи с новой реорганизацией структуры аппарата ЦК ВКП(б) и достижением поставленных задач. Женотделы на местах одновременно подчинялись вышестоящим отделам по работе с женщинами и партийным комитетам, в состав которых входили [5]. Непосредственно работу с женщинами проводили организаторы – члены местных ячеек

партии. Для них в основном это была бесплатная общественная нагрузка. Обучение женработников проходили в губернских партийных школах. Сложнее всего агитационно-пропагандистскую работу было проводить в деревне: не хватало кадров, способных работать с крестьянками и обладающих даром убеждения; мужчины не хотели заниматься подобной работой; агитаторам необходимо было перемещаться на дальние расстояния между волостями, что требовало дополнительные средства на оплату транспорта.

Работа с крестьянками соответствовала общей политике партии в деревне. Первоначально в политическую жизнь страны вовлекались беднейшие слои крестьянок и те, кто входил в артели, коммуны, т.е. «отличающиеся более пролетарской психологией» [1, л. 8]. В период нэпа стали активно работать с середняками.

Насколько эффективна была работа с крестьянками, и какие методы использовали женорганизаторы свидетельствуют различные источники: протоколы совещаний женотделов, данные этнографических и социологических обследований, крестьянская корреспонденция. В качестве примеров нами использовались источники по Пензенской губернии.

Женорганизаторы устраивали в избах-читальнях для крестьянок громкие чтения газет, книг, проводили лекции и беседы, организовывали спектакли, вовлекали их кружки, помогали разрешить возникавшие конфликты в семье. На совещаниях женорганизаторам рекомендовался следующий подход: «Крестьянка – человек практический и всю работу надо строить на практической заинтересованности, на хозяйственно деловых вопросах», «подходить к крестьянке не формальным путем, как агитатор, а путем участия в ее обыденной жизни» [1, л. 7]. Там, где работа действительно проводилась, крестьянки проявляли большой интерес, были «битком набитые» залы, а в собраниях участвовали «даже сторбившиеся старушки» [3, с. 184]. Крестьянки интересовались организацией садов, детских домов, «но как только они узнавали, что государство эти учреждения ничем снабжать не будет, а необходимо организовать все на свои средства, так у них пропадал интерес к делу» [1, л. 5]. Нехватка средств сказыва-

лась на работе по ликвидации неграмотности. Женорганизаторы на собраниях приводили следующие примеры: «Грамотные крестьянки сами обучали неграмотных, но у них не было книг и благое начинание нельзя было довести до конца» [1, л. 5].

Для более широкой политизации населения и подготовки новых лидеров проводились беспартийные женские конференции. Женотделы вовлекали работниц и крестьянок в работу волостных, уездных, губернских конференций. Эта деятельность вылилась в общественное делегатское движение женщин, которое просуществовало до 1933 г. [4]. С делегатками проводилась теоретическая и практическая работа [6]. Для крестьянок в программу включались вопросы, направленные на «поднятие сельского хозяйства путем вовлечения крестьянок в селькомы, посевокмы, комитеты взаимопомощи и прочие органы землеустройства», развитие кооперации, вовлечение их в совхозы [1, л. 7].

Протоколы заседаний конференций и собраний свидетельствуют, что женщины активно включались в прения, высказывались о существующих проблемах по улучшению положения женщин – организации помощи нуждающимся, созданию яслей, делились опытом работы, приводили примеры из своей практики, анализировали причины неэффективности работы [5]. В качестве злободневных проблем отмечалось, что «крестьянка особенно нуждается в защите своих прав при вопросе о разводе, тогда большинство хозяйства достается мужчине, а женщине мало». Для борьбы «с этим злом» делегатки предлагали «участие крестьянок в народных судах в качестве заседателей, обвинителей и защитников, для этого нужно при выделении заседателей войти в соглашение с соответствующими парткоммами» [1, л. 8]. Делегатки губернского съезда татарок также отмечали, что в некоторых уездах Пензенской губернии «татарки выразили желание участвовать в нарсуде по бракоразводным делам, т.к. эти дела часто разрешаются не в пользу женщин» [2, л. 2].

Политическая активность женщин, особенно крестьянок, воспринималась в своей социальной среде неоднозначно. Их «раскрепощение» вызывало «пересуды» на селе, недовольство и

рукоприкладство со стороны мужей и отцов. На совещания женорганизаторы указывали: «Стоит только крестьянке уйти на собрание, как является пьяный муж и чуть не с побоями уводит домой. Иногда даже агитатору грозит опасность быть избитым» [1, л. 5]. Сложности работы женорганизаторов, делегатов были отражены в прессе. Например, организатор женотдела отмечала, как первое время делегатки «боялись пересудов и крались в темноте в женотдел по стенке, чтобы не видел их никто» [3, с. 175]. В письмах делегатки-крестьянки жаловались, что мужчины разгоняли их собрания; мужья, свекора, родители запрещали их посещать, избивали [3, с. 176, 179, 180, 184]. Сложности были в работе с татарским населением. Делегатки отмечали, что «в некоторых уездах <...> приходилось собирать прежде мужей, которые предварительно познакомившись с сущностью женских собраний, с их вопросами, разрешали своим женам пойти на собрания» [2, л. 2].

К началу 1930-х годов задачи государства по вовлечению женщин в общественную и экономическую жизнь страны были решены. Деятельность женотделов и делегатских собраний, несмотря на отдельные недостатки работы, была результативной. Среди крестьянок появилось много активисток, которые использовались на государственной и партийной работе. Вовлечение женщин в политическую жизнь страны способствовало, с одной стороны, росту их политической и общественной активности, грамотности, осознанию своей значимости в обществе и семье, а с другой, они были вовлечены в решение внутривнутриполитических задач партии, общественное производство, над ними, как и над всем населением страны, был установлен идеологический контроль.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. П. 36. Оп. 1. Д. 400.
2. ГАПО. Ф. П. 36. Оп. 1. Д. 401.
3. Крестьянские истории. Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / Сост. С.С. Крюкова. М.: РОСПЭН, 2001.
4. *Лебедева Л.В.* Делегатские собрания как форма вовлечения крестьянок в общественную жизнь страны // Современные исследования

- социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–2. Красноярск: Научно-Инновационный центр. С. 38–40.
5. *Лебедева Л.В.* Женотделы и делегатские собрания как формы подготовки женского лидерства // *Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск: в 3-х томах / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 2. С. 82–85.*
 6. *Лебедева Л.В.* Реализация политического равноправия женщин в первое десятилетие советской власти (на примере крестьянского социума) // «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем»: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 г., Череповец – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 350.

С.Н. Абдуллаев

Каракол (Киргизия), Иссык-Кульский государственный университет

**Россия – Средняя Азия: женские и мужские «следы»
в межкультурной коммуникации (вопросы идентификации
и осмысления концепта «Женщина-мать»)**

Наша работа посвящена идентификации и осмыслению гендерного аспекта трендов в межкультурной коммуникации «Россия – Средняя Азия» в течение периода со второй половины XIX в. и на протяжении XX столетия. При этом целью, которая ставится нами, является модельная интерпретация межкультурного концепта «Женщина-мать», оцениваемого нами в качестве лакуны в процессе исследований исторического межкультурного взаимодействия и коррелята гендерной роли фемининности. Для достижения поставленной цели предполагается решение таких задач, как применение метода моделирования к исследуемому объекту исследования, обращение к концепту «Женщина-мать» в аспекте гендерной концептосферы, осмысление системного места выделенного концепта в исследовании процессов межкультурной коммуникации в контексте гендерной асимметрии, интерпретация соотношения с ролью феминного в обществе.

В своей работе мы обращаемся к методу моделирования с тем, чтобы решать задачи идентификации обобщенных признаков гендерных трендов в межкультурной коммуникации. Модели в современной науке употребляются очень широко. Условно в первом приближении их можно разделить на представительные и теоретические. Такое разграничение в основном обусловлено тем, имеют ли определенные научные термины и концепции какую-либо непосредственную связь с сенсорным (чувственным) восприятием объектов. Мы намерены иметь дело с теоретической моделью. Такая модель не строится физически, но она обсуждается на концептуальном уровне. Говоря иначе, такая модель описывает объект или систему, используя характеристики элементов, поведение которых объясняет различные связи, присущие объекту или системе [5; 6].

Гендерные «следы» межкультурной коммуникации резонно рассматривать в контексте масштабных культурно-цивилизационно-просветительских процессов между Россией и Средней Азией [1, с. 23]. Для адекватного научного описания этих процессов мы предлагаем обратиться к специфической семиотической модели межкультурной коммуникации. Эту модель мы понимаем как бинарный исследовательский конструкт [2, 38]. Он имеет формальный и содержательный аспекты. Модель, на наш взгляд, не утратила своей актуальности в наши дни хотя бы в контексте идей евразийских интеграционных процессов. Саму модель мы, вслед за Г. Абдуллаевой [2], конструируем как бинарную знаковую конструкцию, компоненты которой выделяются в формальном и содержательном планах. К числу первых можно причислить, в частности, объекты материальной культуры, учреждения образования и их «продукцию», в том числе и выдающихся выпускников, торговые и промышленные объекты. Ко вторым относятся духовность, образование и просветительство, новые экономические отношения.

Использование модели облегчает задачу идентификации и интерпретации гендерных векторов в рассматриваемых нами социальных процессах прежде всего в плане работы с концептом «Женщина-мать». Термином «концепт» мы обозначаем менталь-

ную единицу, погруженную в культурный контекст. Это своеобразный «след» в ментальном мировосприятии социума. В нашем случае мы намерены говорить о наличии в ментальности среднеазиатских народов вышеобозначенного концепта.

Межкультурные процессы взаимодействия между Россией и Средней Азией позволяют наметить в них мужской и женский тренды. С одной стороны, строительство мануфактурных и впоследствии промышленных предприятий, населенных пунктов, политические и просветительские нововведения в большей мере связаны с маскулинностью. С другой стороны, глубокие инвариантные процессы, приведшие к зарождению местной интеллигенции и культуры, детерминированы с недостаточно артикулируемой в научном сообществе темой женщин-матерей. Это своеобразная лакуна в исследовании процессов межкультурной коммуникации между двумя регионами. Мы имеем в виду матерей таких деятелей культуры и искусства, как Ч. Айтматов, Б. Минжилкиев, М. Байджиев, М. Магомаев и др., которые являются представительницами российских женщин [3]. Типизация гендерной ситуации дает основание рассуждать пусть не о ключевом, но концепте «Женщина-мать» в межкультурном плане.

В том факте, что затронутая тема мало артикулируется в специальной литературе, можно усмотреть гендерную асимметрию. Кроме того, данное обстоятельство обуславливает наличие малоисследованной лакуны в концептосфере народов СНГ. Под концептосферой мы, вслед за Д.С. Лихачевым, понимаем совокупность лингвокультурных концептов. Ученый писал: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами. Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации, отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют. Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [4, с. 5]. Относительно самого

термина исследователь делает следующее уточнение: «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр.» [4, с. 9].

Таким образом, обращение к линвокультурному концепту «Женщина-мать» в контексте противопоставления феминного и маскулинного позволяет говорить о специфическом аспекте гендерной асимметрии. Она заключается в том, что изучаемая социальная роль мало артикулируется в специальной литературе, хотя представляет собой заметный «след» в межкультурной коммуникации. Рассматриваемый концепт как ментальная единица выступает как коррелят феминности в социуме. Он обнаруживает противоречие между особым восточным почтением к матери даже по сравнению с отцом («под ногами матерей рай», «трижды послушай мать, а затем отца») и явной гендерной асимметрией.

Список источников и литературы

1. *Абдуллаев С.Н., Ногоева Ч.А.* Иссык-Кульская манифестация межкультурной коммуникации как интенция духовной свободы // Актуальные вопросы гуманитарного знания в современном обществе. Казань, 2017. С. 23–25.
2. *Абдуллаева Г.* Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2016.
3. *Байрамова Ф.* Ана. Казань: Книжн. изд-во Татарстан, 2015 (на тат. яз.).
4. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
5. *Ожиганов Э.Н.* Моделирование и анализ политических процессов. М.: РУДН, 2009.
6. *Петухов А.Ю.* Моделирование социальных и политических процессов. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2015.

Н.А. Винокурова*Москва, Центральный экономико-математический институт РАН***Отношение студентов к предпринимательству:
гендерный аспект**

В предпринимательской среде в России преобладают мужчины. Так, по данным Национального отчета глобального мониторинга предпринимательства за 2018/2019 гг. (GEM) доля мужчин в общем числе предпринимателей в 2018 г. составила 55,9%. Это соотношение мало меняется во времени. При этом мужчины больше вовлечены во вновь создаваемые бизнесы, женщины предпочитают уже созданные предприятия. Их часто побуждает к вынужденному предпринимательству невозможность найти другую работу с «нормальной» оплатой [3]. Среди лиц, работающих не по найму, 40% составляют женщины и 60% – мужчины. А вот работодателями из них являются всего 31% женщин и 69% мужчин [2]. Россия занимает лишь 56-е место по уровню вовлечения женщин в предпринимательство. Однако, если говорить о желании женщин заняться предпринимательской деятельностью, то ситуация совсем другая. По результатам исследования, проведенного «Опорой России» совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ), 50% женщин готовы стать предпринимателями. Более того, по их данным, 84% женщин задумывались о возможностях заняться предпринимательской деятельностью [1]. Наибольший интерес к предпринимательству проявляет молодежь.

В данной работе исследуется отношение к предпринимательству студентов, поскольку студенты как образованная и активная часть молодежи являются стратегической силой развития малого и среднего предпринимательства в России. Акцент сделан на гендерные различия во взглядах студентов на предпринимательство.

Работа базируется на данных социологического исследования студенческой молодежи. Анкетный опрос проводился в 2019 г. в пяти городах РФ: Москве, Воронеже, Тюмени, Астрахани, Твери. Объем выборки – 800 респондентов.

Подавляющее большинство студентов относится к предпринимательству положительно, считая, что эта деятельность заслуживает глубокого уважения. В этом отношении ответы девушек и юношей практически не отличаются, когда мы рассматриваем в сумме ответы «да» и «скорее да». Однако молодые люди проявили большую уверенность в своих ответах: у них больше ответов «да», а у девушек – больше «скорее да».

Гораздо сильнее гендерные различия проявляются в ответах на вопрос о том, где бы молодые люди предпочли работать после окончания вуза. Основать собственное дело хотели бы 56,9% юношей и лишь 39,9% девушек. Как видим, эти цифры практически совпадают с оценками гендерной структуры предпринимательства в официальных источниках. Большая в сравнении с девушками заинтересованность юношей в предпринимательских занятиях отмечена и в [4].

Известно, что предпринимательство связано с рисками. Мужчины меньше боятся рисков и больше задумываются о доходах. Так, 43,6% юношей и всего 36,7% девушек предпочли бы работу нестабильную, но с высоким окладом. Для 20,4% юношей наиболее привлекательной и желаемой представляется руководящая работа. Только 16,4% девушек желали бы стать руководителями, а для предпринимательской деятельности умение руководить людьми может быть востребовано.

Различаются в гендерном аспекте и представления о том, какие качества респонденты считают наиболее важными для предпринимателей. К примеру, девушки выше ценят готовность рисковать и работоспособность, а юноши – умение договариваться и постоянный личностный рост.

Неслучайно больше половины юношей заинтересовано в предпринимательской карьере. Ведь у 68,6% из них уже есть идеи для предпринимательской деятельности, а 4,1% назвали себя предпринимателями. Для девушек аналогичные цифры ниже: 61,1% и 1,1% соответственно.

Интересно, почему в принципе молодые люди хотели бы стать предпринимателями, какие аспекты наличия собственного бизне-

са являются наиболее важными для них. По ответам респондентов видно, что юноши разделяют традиционный взгляд на роль мужчины в семье – роль кормильца. По сравнению со своими однокурсницами они больше озабочены получением стабильного дохода и возможностью обеспечить будущее своих детей и передать им свое дело. Это два наиболее важных мотива для мужской части выборки. Девушки тоже считают самым важным для себя получение стабильного дохода, хотя и в меньшей степени, чем юноши. Но на втором по важности месте у них находится возможность постоянного саморазвития. А вот оценки возможности заработать быстро и получить признание окружающих практически не имеют гендерных различий.

Еще один вопрос анкеты предназначен для выяснения того, что наши респонденты готовы были бы сделать в случае, если они захотят открыть свое дело в реальности. И у мужчин, и у женщин на первом месте идет готовность учиться тому, что необходимо для предпринимательства, и готовность работать много и напряженно. Но у девушек это проявилось более сильно. А вот отказаться от развлечений были бы готовы 17,2% юношей и лишь 11,3 % девушек. Видимо, развлечения играют в их жизни большую роль. Действительно, 38,6% девушек предпочитают тратить свободное время на посещение театров, выставок, кино или на встречи с друзьями в кафе и т.п. Среди юношей любители развлечений составляют 32,7 %. Готовность к отказу от крупных покупок на период становления бизнеса совсем немного, но выше у девушек (16,3% против 15,4%). И еще раз подтверждается опасливое отношение девушек к возможности риска. Если 10,5% мужчин готовы были бы рисковать своими деньгами, то среди женщин только 8,2% были бы согласны на это.

Склонность женской части респондентов к развлечениям отразилась и на выборе предпочтительных для себя сфер предпринимательства. Почти четверть девушек выбрала бы для себя предпринимательскую деятельность в сфере развлечений и досуга. Среди юношей такой выбор сделали бы только 15,8%. На первом месте у юношей (20,8%) – занятия торговлей. И ожидае-

мо предпочтения юношей выше в «мужских» отраслях: ремонт и строительство, промышленное производство, нефтяная отрасль, обслуживание автомобилей. Юноши также больше расположены к предпринимательству в сфере информационно-компьютерных технологий, а девушки – в сфере образования и здравоохранения и в риелторской деятельности.

Таким образом, гендерную асимметрию в сфере предпринимательства можно во многом объяснить довольно традиционными взглядами молодежи.

Список источников и литературы

1. Волкова А. Исследование показало, что 50% российских женщин готово стать предпринимателями // Planet Today. 10.11.2016. <http://planet-today.ru/novosti/obshchestvo/vne-politiki/item/56243-issledovanie-pokazalo>
2. Женщины и мужчины России 2018. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018.
3. Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия. 2018/2019» (GEM). https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchet_fin_rgb.pdf
4. Широкова Г.В., Цуканова Т.В., Богатырева К.А. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия 2013/2014. СПб., 2016. http://www.ruace.ru/about/documents/GUESSS_2013_Rus.pdf

Е.Н. Каменская

Таганрог, Южный федеральный университет

Личностные и гендерные особенности работников, успешных в должностной карьере

Карьера является способом профессионального самоутверждения человека, признанием его профессиональных успехов и представляет собой процесс профессионального развития и должностного продвижения. При этом профессиональный успех рассматривается и как объективный (уровень занимаемой должности), и как субъективный показатель (удовлетворенность карьерой) [1, с. 147].

В исследовании приняли участие 60 человек, представителей обоего пола и различных организаций, в возрасте от 20 до 60 лет.

Гипотеза: работники, успешные в должностной карьере, обладают адекватной самооценкой, интернальностью, внутренней мотивацией профессиональной деятельности, нервно-психической устойчивостью и высоким уровнем маскулинности.

По анкете, разработанной с целью выявления уровня успешности в должностной карьере, мы всех респондентов разделили на две группы:

«Успешные в должностной карьере» – 35% респондентов. Основными параметрами успешности в должностной карьере мы взяли продвижение по служебной лестнице (критерий объективной успешности) и мнение респондента о том, достиг ли он успеха, к которому стремился (критерий субъективной успешности). Все респонденты, вошедшие в данную группу, являются руководителями среднего и низшего звена.

«Неуспешные в должностной карьере» – 65% респондентов, которые хотели бы быть руководителями, но пока не достигли своей цели.

Сравнительный анализ половых различий респондентов «успешных» и «неуспешных» в должностной карьере показал, что в группе «успешных» доминируют мужчины – 40% (женщин только 20%). В группе «неуспешных» в должностной карьере большинство женщины – 25% (мужчин только 10 %). Полученные данные соответствуют гендерным стереотипам, согласно которым мужчинам приписываются самореализация в инструментальной сфере деятельности, возможность самораскрытия в руководящей деятельности и творчестве. А для женщин самореализация возможна только в экспрессивной сфере деятельности, возможность самораскрытия в обслуживающей деятельности.

Сравнительный анализ возрастных особенностей работников, «успешных» и «неуспешных» в должностной карьере, показал, что существенных различий нет.

По методике «Исследование самооценки» Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан) были получены следующие резуль-

таты. В группе работников, успешных в должностной карьере, на 40% респондентов больше имеют адекватную самооценку, которая свидетельствует о соответствующем уровне притязаний, принятии своих достоинств и недостатков. А в группе работников, неуспешных в должностной карьере, 35% имеют завышенную самооценку, которая свидетельствует об идеализированном представлении личности о себе и своей ценности и 27% – заниженную самооценку, которая указывает на неуверенность личности в своих силах, недооценку своих достоинств, низкий уровень субъектности.

С применением критерия U Манна-Уитни нами были получены значимые различия по показателю адекватная самооценка ($U_{\text{эмп}} = 162$, $U_{\text{кр}} = 265$, $p \leq 0,01$) у работников, успешные и неуспешных в должностной карьере.

По методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана в группе работников, успешных в должностной карьере, превалирует внутренняя мотивация, которая выражается чувством собственной компетентности, уверенностью в своих силах, удовлетворением от собственной деятельности и самореализацией. Также для группы работников, успешных в должностной карьере, характерной также оказалась внешняя положительная мотивация, которая включает материальное стимулирование, карьерный рост, признание со стороны коллег и коллектива.

В группе работников, неуспешных в должностной карьере, в большей степени преобладает внешняя отрицательная мотивация. К внешней отрицательной мотивации относятся: наказания, критика, осуждение, штрафы и т.п.

С применением критерия U Манна-Уитни нами были получены значимые различия по показателю внутренняя мотивация ($U_{\text{эмп}} = 158$, $U_{\text{кр}} = 275$, $p \leq 0,05$) у работников, успешные и неуспешных в должностной карьере.

По методике «Локус контроля» Дж. Роттера были получены следующие результаты: 35% работников имеют экстернальный локус контроля, а 65% – интернальный.

Для группы работников, успешных в должностной карьере, характерен интернальный локус контроля, который характеризует

респондентов как людей ответственных за результаты своей деятельности, уверенных в себе, последовательных, независимых и настойчивых. У респондентов, неуспешных в должностной карьере, преобладал экстернальный локус контроля, характеризующий их как людей, склонных перекладывать ответственность за неуспешность своих действий на внешние обстоятельства, причины. Для таких работников характерны неуверенность в себе, тревожность, конформность. С применением критерия U Манна-Уитни нами были получены значимые различия только по показателю интернальный локус контроля ($U_{\text{эмп}} = 162$, $U_{\text{кр}} = 265$, $p \leq 0,01$) у работников, успешных и неуспешных в должностной карьере.

По методике «Прогноз» для определения уровня нервно-психической устойчивости были получены следующие результаты.

В группе работников, успешных в должностной карьере, преобладает высокий уровень нервно-психической устойчивости. В второй группе, наоборот, преобладает низкий уровень нервно-психической устойчивости.

С применением критерия U Манна-Уитни нами были получены значимые различия по нервно-психической устойчивости ($U_{\text{эмп}} = 158$, $U_{\text{кр}} = 275$, $p \leq 0,05$) у работников, успешных и неуспешных в должностной карьере.

По полоролевому опроснику С. Бем были получены следующие результаты. При анализе результатов по данной методике мы использовали промежуточные данные по шкалам «маскулинность» и «фемининность», не считая интегральный показатель.

В группе работников, успешных в должностной карьере, превалирует маскулинность, для которой характерны активность личности, ее доминантность, уверенность в себе, стремление к лидерству. Во второй группе преобладает фемининность, для которой характерны тревожность, зависимость, эмоциональность. При этом маскулинностью обладали не только представители мужского пола, следовательно, не только мужчины ориентированы на карьерный рост, что подтверждается и другими гендерными исследованиями [2, с. 37].

С применением критерия U Манна-Уитни нами были получены значимые различия только по маскулинности ($U_{\text{эмп}} = 162$, $U_{\text{кр}} = 265$, $p \leq 0,01$) у работников, успешные и неуспешных в должностной карьере.

Таким образом, гипотеза, что работники, успешные в должностной карьере, обладают адекватной самооценкой, интернальностью, внутренней мотивацией профессиональной деятельности, нервно-психической устойчивостью и высоким уровнем маскулинности, подтвердилась.

Список источников и литературы

1. *Хаммер Я.С.* Профессиональный успех и его детерминанты // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 147–153.
2. *Хоробрых О.С.* Гендерные особенности реализации потребностей в профессиональном росте личности // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 51. С. 37–41.

В.З. Панина

*Казань, Казанский национальный
исследовательский технологический университет*

Роль женщины в современном бизнесе. Стандартизация бизнес-процессов на примере рынка салонов красоты

До недавнего времени роль женщины в обществе была очень ограничена. Основным занятием женщин традиционно была работа во благо семьи, то есть стирка, уборка, готовка и воспитание детей.

Однако современные женщины куда более амбициозны. Представительницы прекрасного пола управляют корпорациями, добиваются успехов на государственной службе, в науке и успешно ведут свой бизнес, ничем не уступая мужчинам. На сегодняшний день женщина-бизнесмен уже не редкость в нашей стране. Однако роль женщины в современном бизнесе очень неоднозначна. Мужчины зачастую не хотят воспринимать женщин всерьез. Женщины,

решившие открыть свое дело, встречают не одобрение со стороны мужчин, которые относятся к ним с недоверием и даже с пренебрежительностью. Более того, женщин-бизнесменов осуждают за то, что они занимается своей карьерой, тем самым отдаляясь от семьи.

Жизнь женщины в бизнесе не проста. Тем не менее количество женщин, занимающихся бизнесом, растет и доля женщин-руководителей составляет 30% от общего количества.

Все виды бизнеса доступны в равной степени и для женщин, и для мужчин. Но часто приходится слышать фразу «женский бизнес» или «это не женский бизнес». Данные высказывания, несомненно, приуменьшают роль женщины в бизнесе, а словосочетание «женский бизнес» часто отождествляют с «легким бизнесом». Приведу пример так наз. женского бизнеса – салон красоты. Принято считать, что владельцами парикмахерских и салонов красоты являются в основном женщины. Однако это мнение ошибочно, 50% салонов красоты в нашей стране владеют мужчины. Данный бизнес является одним из самых сложных в сфере предоставления индивидуальных услуг и совсем «не легким».

Мой опыт работы в «красивом бизнесе» – салоне красоты – составляет 10 лет. Это годы трудной и напряженной работы «на износ», без выходных и праздничных дней, в круглосуточном режиме. В течении десяти лет были пройдены все этапы жизненного цикла бизнеса: рост (открытие салонов и магазинов профессиональной косметики), стабилизация (создание сети собственного бренда салонов-магазинов), стагнация (закрытие убыточных салонов-магазинов) [1, с. 21–27]. И сегодня для того, чтобы не дать бизнесу погибнуть, необходимо принять меры для запуска нового витка жизненного цикла, найти новые точки роста.

Известный классик менеджмента Макс Вебер, представитель школы классического (административного) менеджмента, в конце XIX – начале XX в. работал над созданием идеальной системы управления организацией. Он считал, что глобализация приведет к росту и укрупнению организаций, для эффективного управления которыми будут необходимы бюрократические системы: правила, инструкции и стандарты [3, с. 178–185].

Сегодня, в XXI в., накопив достаточный практический опыт управления бизнесом, разделяя теоретические взгляды Вебера, приступаю к разработке единого стандарта обслуживания клиентов в сфере парикмахерских и салонов красоты.

Разработка документа, в котором будут зафиксированы стандарты обслуживания клиентов салона красоты – сложный, многоступенчатый процесс. Необходимо учесть все этапы в работе салона, начиная от встречи посетителя и оказания ему услуг до момента расставания [2]. Поэтому создание стандарта сервиса необходимо на законодательном уровне. Все нормы, регулирующие обслуживание, должны быть понятны для мастеров и легко выполнимы. Мастера должны осознавать, какие плюсы даст им работа по разработанному стандарту. Преимущества работы по стандарту – улучшение имиджа салона красоты, повышение конкурентоспособности, выход сервиса на новый, более качественный уровень. Что приведет к увеличению числа удовлетворенных клиентов и, как следствие, росту прибыли.

Стандарт обслуживания в обязательном порядке должен включать:

1. Показатели качества взаимодействия с поставщиками и подрядчиками (работа с официальными представителями компаний-поставщиков косметических средств и оборудования, имеющие сертификаты соответствия и оказывающие сервисное гарантийное и постгарантийное обслуживание);
2. Стандарт обслуживания клиентов в салоне красоты: последовательность встречи и приема посетителей; представление заведения, его услуг и специалистов; методика выявления потребностей клиента и этапы проведения процедуры; проведение консультаций; устранение претензий; завершающий этап обслуживания, предложение средств по уходу, реализуемых в салоне.
3. Стандарт оформления и внешнего вида: наличие специальной одежды и обуви – униформа, ухоженная и опрятная внешность мастеров, наличие бейджа. Оформление в

- едином стиле всех зон салона красоты, мест продажи косметических препаратов, полок с продукцией.
4. Стандарт чистоты и безопасности. Прописываются гигиенические нормы для мест, ориентированных на обслуживание и отдых клиентов, санитарных зон, прохождение медосмотров.
 5. Профессиональные стандарты. Требования, предъявляемые к уровню образования персонала, повышение квалификации и дополнительное обучение.
 6. Стандарт работы с жалобами и предложениями посетительниц. Наличие и правильное оформление уголка потребителя. Разрабатывается определенная и строго соблюдаемая последовательность действий персонала в конфликтных ситуациях.
 7. Стандарты внутреннего трудового распорядка. Соблюдение дисциплины труда, последовательность сдачи смены, правила ведения картотеки посетителей, отчетной документации и пр.

На первый взгляд все понятно и просто, однако на практике внедрить стандарт обслуживания сложно. Внедрение представляет собой многоэтапный процесс, но он позволит создать комфортные условия для работы самих мастеров, устраняя часть погрешностей, упрощая разрешение конфликтных ситуаций. Сотрудникам станет легче и понятнее работать, улучшится атмосфера в коллективе. Каждый сотрудник салона будет знать свои обязанности и исполнять их на должном уровне. Использование стандартов приведет к порядку в работе салона и снижению числа ошибок, допускаемых сотрудниками.

Что очень важно – стандарт обслуживания должен быть един для всей сферы бизнеса. Как все медицинские учреждения работают по единому регламенту оказания медицинских услуг, так любая парикмахерская или салон красоты должны обслуживать клиентов по единому стандарту предоставления услуг.

Более того, стандартизация отрасли – сферы индивидуального парикмахерского обслуживания – позволит не только качествен-

но улучшить процесс обслуживания клиентов и, как следствие, увеличить прибыль организаций сервиса [4, с. 52], но и нивелирует гендерный стереотип, присущий данному бизнесу.

Список источников и литературы

1. Барановский А.Г., Тренихин А.П. Жизненный цикл организации (предприятия). Ч. 1. Эволюция понятия // Экономика и социум. 2014. № 2 (11). С. 21–27.
2. Гостева П.П., Колчина И.В. Роль стандартов организации в обеспечении качества // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум – 2019». <https://scienceforum.ru/2019/article/2018015687>
3. Классики менеджмента / Под ред. М. Уорнера / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2001.
4. Предводителева, М.Д., Балаева О.Н. Организация сферы услуг: экономика и управление. М.: Госуниверситет «Высшая школа экономики», 2011.

Е.Б. Петрушихина

*Москва, Институт психологии им. Л.С. Выготского
Российского государственного гуманитарного университета*

Гендер руководителя как фактор преодоления кризиса в современной организации

Тема дискриминации женщин остается одной из наиболее важных в литературе по менеджменту. Почему на лидерских позициях женщин меньше, чем мужчин? Каковы барьеры и препятствия на пути женщин к лидерству [2]?

В течение десятилетий в западных странах шло широкое общественное обсуждение структурных ограничений в организации для женщин в их карьерном продвижении и достижении высших управленческих позиций. В восьмидесятих годах XX в. дискуссии концентрировались вокруг метафоры стеклянного потолка, описывающей невидимые барьеры, блокирующие карьеру женщин [1]. С начала 2000-х к этой дискуссии добавилась метафора стеклянного обрыва. Стеклянный обрыв (glass cliff) – термин, предложенный в 2005 г. Мишель Райан и Александром Хасламом. Он означает тен-

денцию предоставлять женщинам высокие посты, заведомо сопряженные с высоким риском и большой вероятностью неудач [5].

В сравнении со стеклянным потолком, феномен стеклянного обрыва является более тонким и сложным и характеризует скорее качество лидерской позиции, нежели саму возможность обретения женщинами лидерского статуса [3].

Первоначальные данные о существовании стеклянного обрыва были получены на относительно маленькой выборке советов директоров Великобритании в ограниченный промежуток времени. Поэтому вполне закономерно возникал вопрос о том, насколько широко это явление распространено. Дальнейший анализ документов компаний, входящих в рейтинг Fortune 500, показал, что предприятия, в которых в последние годы разгорался какой-либо скандал, с большей вероятностью назначали женщин-руководителей в свое правление. Ряд авторов изучили компании Fortune 500 с 1996 по 2000 г. и обнаружили, что фирмы с недостаточным уровнем эффективности чаще продвигают женщин на позиции СЕО по сравнению с белыми мужчинами. Кроме того, оказалось, что явление стеклянного обрыва фиксируется не только в корпоративном секторе, но и в общественных организациях и в политической сфере [6].

После того, как было установлено, что стеклянный обрыв – реальное и довольно распространенное явление, встал вопрос о причинах его происхождения. Обзор экспериментальных данных позволил выделить ряд факторов, влияющих на назначение женщин на рискованные позиции (возникновение стеклянного обрыва). В числе таковых исследователи называют стереотипы в области лидерства и гендера, потребность в организационных изменениях, предпочтения женщин и их возможности [4; 6]. Известно, что стереотипная трактовка маскулинных черт в значительной мере сходна со стереотипными представлениями о лидере. Это явление в литературе по управленческим наукам выражается как тезис «Думаешь как менеджер – думай как мужчина». В соответствии со стереотипами мужчины воспринимаются скорее как действующие (компетентные, независимые, склонные к соперничеству, уверенные в себе).

Женщины характеризуются как более общительные (заботливые, понимающие, доброжелательные). Данные предубеждения могут приводить к двум последствиям. Во-первых, по сравнению с женщинами, мужчины имеют тенденцию оцениваться как более подходящие для лидерских позиций. Во-вторых, женщины на лидерских позициях оцениваются менее позитивно по сравнению с мужчинами: есть тенденция обесценивать их достижения, меньше верить в их успех, осуждать их компетентность.

Однако исследования показывают, что связь между маскулинностью и эффективностью лидерства ослабляется в период кризиса, открывая возможности для женской воспринимаемой общительности – качества, востребованного в трудные времена. В исследованиях М. Райан с соавторами было обнаружено, что предписывающие стереотипы, характеризующие качества, которыми *должен* обладать менеджер неуспешных компаний, в большей мере связаны со стереотипными описаниями феминности. Таким образом формулируется новый тезис – «Думаешь о кризисе – думай как женщина». Данная формула имеет подтверждение в ряде исследований: в кризисных ситуациях предпочтение отдается кандидатам-женщинам, в том числе потому, что они характеризуются как обладающие стереотипными феминными чертами (коммуникативностью, заботой, вниманием к другим).

Кризис в организации может иметь разное происхождение, и к руководителю в ситуации кризиса могут предъявляться разные требования. Например, это может быть:

- пребывание в исходном состоянии и необходимость трудности перетерпеть;
- принятие на себя ответственности за неизбежные неудачи, т.е. стать козлом отпущения;
- руководство людьми и решение проблем персонала;
- отслеживание и контроль возможных угроз, обеспечение контроля и повышение эффективности деятельности компании.

Исследования показывают, что респонденты отдают предпочтение лидерам с феминными характеристиками тогда, когда кризис надо перетерпеть, выступить козлом отпущения и, в особен-

ности, когда надо решать проблемы людей. Если предполагается, что лидер будет фактически выступать докладчиком об уровне и характере угроз, или ставится задача улучшения деятельности, предпочтительность феминных свойств не является очевидной, и стереотипные маскулинные и феминные черты оказываются одинаково желательными.

Таким образом, феминность руководителя является фактором преодоления кризиса – в периоды затруднений людям особенно важно ощущать заботу, внимание, помощь со стороны лиц, облеченных властью. Надо подчеркнуть, что феминные характеристики могут быть реализованы и женщинами, и мужчинами. Но в силу особенностей гендерной социализации все же более успешно они реализуются женщинами и в большей степени ожидаются от женщин.

Использование метафоры стеклянного обрыва обогащает дискуссию о гендерно-специфичных стратегиях формирования топ-менеджмента. Изучение других индивидуальных характеристик – возраста, религии, культуры – поможет продвинуться далее в понимании роли социодемографических особенностей в композиции высших органов управления организацией. Подобный подход требует объединения усилий разных специалистов и будет полезен психологам, социологам, менеджерам, экономистам. Также, сравнивая показатели до и после назначений, можно понять эффективность изменений демографических параметров в управленческих структурах организаций.

Список источников и литературы

1. Бендас Т.В. Психология лидерства. СПб.: Питер, 2009.
2. Бендас Т. В., Петрушихина Е.Б. Проблемы гендерной психологии лидерства: новый этап развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 1. С. 134–142.
3. Петрушихина Е.Б. Барьеры против женского лидерства // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. Иваново, 2019. С. 89–94.
4. Eagly A.H., Heilman M.E. Gender and Leadership: Introduction to the Special Issue // The Leadership Quarterly. 2016. No. 27. P. 349–353.
5. Ryan M.K., Haslam S.A. The Glass cliff: Evidence That Women Are Over-Represented in Precarious Leadership Position // British Journal of

Management. 2005. No. 16. P. 81–90.

6. Ryan M.K., Haslam S.A., Morgenroth T., Rink F., Stoker J., Peters K. Getting on Top of the Glass Cliff: Reviewing a Decade of Evidence, Explanations, and Impact // *The Leadership Quarterly* 2016. No. 27 P. 446–455.

С.Е. Покровская

*Минск (Республика Беларусь), Институт психологии
Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка*

Удовлетворенность трудом белорусских женщин в возрасте средней зрелости

Любой жизненный кризис женщины переживают болезненно, поскольку преодоление кризиса требует много сил и энергии. Профессиональный кризис не исключение, это достаточно серьезное испытание для любого человека. Умение не игнорировать и не отвергать, а пережить кризис и выйти из него обновленным с пониманием своей новой карьерной цели достойно уважения любой личности.

З.Ф. Зеер [1] выделяет несколько этапов профессионального кризиса на пути профессионального становления женщины. Немногие женщины позволяют себе полноценно пережить профессиональный кризис. Как правило, женщина, которая стала замечать у себя «тревожные симптомы», начинает прилагать огромные усилия, чтобы от них поскорее избавиться и вернуться в исходное (привычное для себя и окружающих) состояние. Этот процесс можно затормозить или начать активно игнорировать, но вернуть все «на прежние места», сделать все «как было раньше» не получится. Все это приводит многих женщин к неудовлетворенности трудом и своей профессией.

Последователь Маслоу Ф. Херцберг [2] показал, что факторы, которые вызывают удовлетворенность работой, отличаются от факторов, вызывающих неудовлетворенность ею. С потребностями избегать страданий, неудобств, дискомфорта Ф. Херцберг связывает факторы трудовой деятельности, которые он называет факторами «сохранения» (это надзор, линия поведения

администрации, межличностные отношения, устойчивость работы, заработок и т. п.). Их благоприятное состояние приводит к уничтожению чувства неудовлетворения (чаще временному). Со стремлением человека к самоактуализации связаны факторы – «мотиваторы» реального переживания удовлетворения: достижения в работе, признание другими этих достижений, ответственность, продвижение, возможность роста.

Цель исследования: изучить показатели удовлетворенности трудом белорусских женщин.

Задачи исследования:

1. Изучить проблему удовлетворенности трудом женщинами в возрасте средней зрелости.
2. Провести эмпирическое исследование взаимосвязи уровня самооценки и удовлетворенности трудом женщин государственного предприятия;

Метод исследования: теоретический анализ литературы, интегральная методика удовлетворенности трудом (Дембо-Рубинштейн), метод математической статистики (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

В исследовании принимали участие 30 женщин – сотрудниц государственного предприятия Республики Беларусь. Возраст испытуемых 32-38 лет (возраст средней зрелости).

В возрасте средней зрелости ведущим видом деятельности человека остается труд. К этому возрасту большинство людей накапливает достаточно большой опыт в выбранной профессиональной деятельности, которая позволяет человеку компенсировать наступающие возрастные изменения в его организме. Отношения с супругом к этому возрасту, как правило, у женщин определяются и стабилизируются, а на передний план выступают проблемы помощи: с одной стороны, вступающим в самостоятельную жизнь детям, с другой — пожилым родителям. Основную часть свободного от основной работы времени большинству людей приходится тратить на дополнительные заработки и обеспечение быта, поэтому досуговую самореализацию могут позволить себе очень немногие женщины.

Удовлетворенность трудом – совокупность взаимосвязанных частных удовлетворенностей (удовлетворенность условиями труда, удовлетворенность организацией труда, продуктивностью труда работниц и т.д.), результирующей которых является общая удовлетворенность. Функционально удовлетворенность трудом играет роль регулятора в механизме функционирования мотивации трудящихся женщин. По отношению к мотивационному ядру удовлетворенность трудом может стабилизировать существующую структуру либо провоцировать ее изменение: по отношению к трудовому поведению – усиливать или снижать трудовую активность женщин. Удовлетворенность трудом – основа социального самочувствия женщины; удовлетворенность жизнью зависит от удовлетворенности труда.

С помощью самооценки происходит регуляция поведения личности. Чтобы понимать человека, необходимо отчетливо представлять себе действие этих бессознательно складывающихся форм управления женщиной своим поведением, обращать внимание на всю систему оценок, которыми она характеризует себя и других, видеть динамику изменения этих оценок.

Женщины, которые участвовали в исследовании, имеют средний уровень выраженности удовлетворенности трудом, все показатели колеблются в диапазоне от 51,1 до 56,3 балла. Опрошенные женщины из данной выборки имеют в целом адекватную самооценку. На основе полученных данных можно констатировать, что у них: присутствует интерес к работе, удовлетворенность достижениями в работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством находится на приемлемом уровне, в целом присутствует удовлетворенность условиями труда. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что уровень профессионального кризиса в данной выборке находится на среднем уровне.

Адекватная самооценка позволяет трудящейся женщине отнестись к себе критически, правильно соотнести свои силы с задачами разной трудности и с требованиями окружающих. Женщины с адекватной самооценкой ценят свою индивидуальность, развиваются во всех сферах своей деятельности, радуются достигнутым успехам, все свои поражения воспринимают как цен-

ный опыт. Такие женщины уверены в себе и своих силах, они без особого труда принимают трудные решения, не боятся перемен. Женщина с адекватной самооценкой ставит себе цели в жизни и уверенно их достигает.

Результаты математической обработки полученных данных показали значимую корреляционную связь между шкалой «удовлетворенность трудом» и шкалой «уверенность в себе» ($r=0,52$, при $p<0,05$). Это значит, что при увеличении показателя самооценки «уверенность в себе» – усиливается удовлетворенность трудом у женщин. Гипотеза исследования была подтверждена статистическим путем.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что у белорусских женщин возраста средней взрослости присутствует удовлетворенность трудом, уровень кризиса профессиональной карьеры в данной выборке находится на среднем уровне.

Список источников и литературы

1. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб., доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
2. *Херцберг Ф.* Мотивация к работе. М.: Вершина, 2007.

З.Б. Рахматуллина

Уфа, Башкирский государственный университет

Н.А. Сиразетдинова

Уфа, Уфимский техникум железнодорожного транспорта

К вопросу о гендерном неравенстве на рынке труда

По данным Международной организации труда, в среднем в мире женщины зарабатывают на 19% меньше, чем мужчины, в нашей стране разница составляет 27%. Пол, по мнению исследователей, влияет не только на зарплату, но и на продвижение по карьерной лестнице. Между тем эти проблемы опровергаются самими женщинами – руководителями, которые уверены в том, что пол не

помешал их карьере. В своих резюме женщины указывают средние ожидаемые заработные платы на 15–20% ниже, чем мужчины в той же профессиональной сфере, говорит директор HeadHunter по Северо-Западному округу Юлия Сахарова. Однако на выбор между мужчиной и женщиной при поиске нужного специалиста могут влиять много других факторов – от существующего в предприятии соотношения полов и личных предпочтений руководителей до реальной структуры предложения на рынке труда [1].

Кроме того, работодатели в нашей стране особенно учитывают пол работника при найме на низкооплачиваемые рабочие места. К такому выводу пришли эксперты ассоциации «Равные права и равные возможности» и компании HeadHunter по результатам совместного исследования. В этом опросе участвовали работники более 100 предприятий нашей страны. В основном большинству (96%) предприятий в какой-то период времени приходилось искать на свои вакансии работников определенного пола, хотя большие предприятия, где работает более 500 человек, сталкиваются с такой проблемой реже. По результатам проведенного исследования, 30% работодателей заявили, что постоянно ищут только мужчин или только женщин на низкооплачиваемые вакансии. Когда речь идет о вакансии руководителя или ведущего специалиста, ситуация меняется, т.е. о том, что они учитывают пол работника, сообщили только 9% работодателей. В ситуации найма руководителей низового уровня тенденция к равноправию проявляется еще сильнее (заявили о предпочтениях 7%, об их отсутствии – 31%). Вместе с тем при найме руководителей среднего и высшего уровня гендерные предпочтения работодателей смещаются в противоположные стороны, а именно: с одной стороны, являются достаточно высоким долей тех, у кого нет предпочтений (44%), и доля тех, кто готов о них заявить (12%). Исследование также продемонстрировало, что крупные предприятия зачастую объясняют наличие требований к полу соискателя желанием руководства (75%), причем малые и средние предприятия в основном ссылаются на специфику должностных обязанностей (63% и 77% соответственно).

В своем выступлении вице-премьер России Татьяна Голикова сообщала, что женщины занимают сейчас 41% руководящих по-

стов в России, что соответствует результатам вышеприведенного исследования. Между тем, возможно в силу разницы в количестве мест наверху и внизу иерархической лестницы, Россия занимает достаточно низкие позиции в рейтингах стран по уровню гендерного равенства. Это подтверждается данными Всемирного экономического форума (ВЭФ), где наша страна занимает всего лишь 71-е место среди 144 стран по индексу гендерного неравенства с учетом положения женщин во всех сферах общества, включая экономику, политику, образование и здравоохранение [2].

Список источников и литературы

1. *Войцеховская Я.* Карьерный корсет. Гендерное неравенство // Коммерсантъ. «Топ менеджеры года». Приложение № 232. 17.12.2019. С. 26. <https://www.kommersant.ru/doc/4190345?query=%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80>
2. *Мануйлова А.* Гендер не при деньгах // Коммерсантъ. № 199.30.10.2019. С. 2. <https://www.kommersant.ru/doc/4142070?query=%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80>

Л.С. Ржаницына

Москва, Институт экономики РАН

Истории работающих женщин

История о женщине-предпринимателе.

В подмосковном Климовске все знают «Дом Солнца» – Центр психолого-медико-педагогического сопровождения детей и подростков. Центр за свой счет создала и возглавляет индивидуальный предприниматель с двумя высшими образованиями Влада Заболева. Она многодетная мать – у нее четыре сына. Центр работает уже почти 10 лет и за это время добился успехов и признания. Начали работу в арендованном помещении, теперь Центр располагается в собственном помещении, для чего пришлось взять кредит, который, естественно, необходимо погашать. Коллектив тщательно подобран, состоит из специалистов – педагогов, психологов и врачей, любящих детей и желающих сделать их счастливыми. Каждый, кто посещает «Дом Солнца», отмечает теплую и душевную атмосферу, царящую

в этом месте. Цены в детском центре невысокие, есть льготы для детей из малообеспеченных семей. Кроме того, в центр принимают детей, больных аутизмом, детей с дефицитом внимания и задержкой речевого развития. Для детей, чьи родители не хотят отдавать их в детские сады на полный день или желают научить их общаться со сверстниками, есть развивающие группы временного пребывания. Ребенок имеет возможность не только общаться, но и развиваться с помощью специальных игрушек, книг и оборудования для сюжетных игр. В детском центре есть изостудия и занятия фитнесом для взрослых. Психологи центра проводят консультации с семьями по вопросам воспитания детей и взаимоотношений в семье.

История о женщине-служащей.

Екатерина Г. в 17 лет осталась сиротой. В это время она была студенткой первого курса Академии внешней торговли. Ее мать рано умерла от рака, ребенка она растила без отца, в воспитании помогали родители.

У Екатерины прекрасные способности и образование. Несмотря на смерть матери, она выстояла, успешно окончила академию, владеет двумя языками (английский и французский), имеет музыкальное образование. После окончания академии начала работать на государственной службе, но поняла, что это не ее призвание.

Сейчас работает в коммерческой фирме. Замужем, двое детей – девочки-погодки. Конечно, без помощи дедушек и бабушек двоих маленьких детей растить сложно.

Кроме того, возникли трудности с устройством девочек в детских сады – одной дали место в детском саду по месту жительства на юго-западе Москвы, а другой – на севере Москвы. Почти год маленький ребенок совершал путешествие в детский сад туда и обратно через всю Москву, пока не появилось место рядом с домом.

Работающей матери воспитывать детей тяжело. Даже такие случаи, как каникулы в школе, карантин выбивают из рабочей колеи. Дети маленькие, одних дома без присмотра не оставишь. Приходится изыскивать возможности – брать ребенка с собой на работу, где ему явно не место, пользоваться услугами частных организаций для детей.

Но жизнь идет. Екатерина успешно делает карьеру, дети растут. Несмотря на занятость, Екатерина много времени уделяет развитию способностей детей. Это различные кружки, посещение театров, бассейн, спортивные секции.

История женщины в сельской местности: работа и подсобное хозяйство.

Людмила С. 40 лет, Женщина проживает в сельском населенном пункте Курской области. Она замужем, трое детей – взрослый сын и две девочки-школьницы начальных классов. Девочки хорошо учатся, Людмила ими гордится. В сельской местности устроиться на работу трудно, но у Людмилы есть работа, правда, платят мало. Она отвечает за школьное хозяйство и библиотеку. Муж – водитель, заработная плата непостоянная, в зимний сезон часто отправляют в отпуск без содержания.

На две зарплаты не проживешь, и поэтому опора на личное подсобное хозяйство. Есть корова, теленок, свиньи, куры, а летом еще сад и огород. Основные продукты питания для семьи выращивают сами. Можно было бы что-то продать из излишков, но некому. В город на рынок ездить некогда, а в деревне никто не покупает – у многих есть свое подворье.

Работа, личное подсобное хозяйство, домашние дела занимают у Людмилы практически все свободное время. А она еще находит время помогать соседям в деревне – здесь живет много пожилых одиноких людей.

Типичность женских судеб, приведенных автором выше из собственной практики и рассказов близких друзей, подтверждается всероссийским исследованием. В преддверии Международного женского дня Аналитический центр НАФИ изучил отношение женщин и мужчин к различным сферам жизни, и итоги опубликовал 6 марта 2019 г. Так, для женщин в приоритете – семья и домашние обязанности, тогда как для мужчин – карьера. Почти половину своего времени и усилий (45%) женщины обычно посвящают домашним обязанностям и заботе о близких, работа – на втором месте (24%). У мужчин противоположная картина: сначала идет карьера, потом – семья. В других сферах – хобби,

общение с друзьями, обучение – женщины и мужчины тратят одинаковое количество времени и усилий.

В некоторых сферах женщины тратят в несколько раз больше времени, чем мужчины: они в два раза чаще готовят пищу, почти в три раза чаще занимаются уборкой, в пять раз – стиркой. Мужчины чаще указывают, что уделяют время работе, однако отрыв от женщин не так велик: 52% против 40%. Также мужчины чаще женщин занимаются спортом (22% против 16%) и делают мелкий ремонт по дому (39% против 13%).

Резюмирует проблему Елена Никишова, директор направления социально-экономических исследований Аналитического центра НАФИ [1]:

«Сегодня домашние обязанности в России делятся между мужчинами и женщинами неравномерно: несмотря на развитие технологий и трудовую активность женщин, большинство бытовых вопросов остаются именно за ними – стирка, уборка, приготовление пищи, уход за детьми. Также женщины чаще заботятся о здоровье членов своих семей.

Однако ситуация меняется. Так, уже сегодня в России мужчина может уйти в декретный отпуск или взять больничный по уходу за ребенком наравне с женщиной. Для женщин открываются профессии, закрытые ранее. К примеру, сокращен список запрещенных профессий, теперь женщина может быть шофером-дальнобойщиком, капитаном корабля и проч., исключение – не может быть шахтером, подземные работы по-прежнему запрещены в соответствии с конвенцией МОТ. Однако ряд женских профессий (бухгалтер и т.п.) попадает в зону риска – ликвидации их в связи цифровизацией и роботизацией.

Для женских судеб имеет значение также и развитие технологий, упрощающих организацию бытовых вопросов. Отсюда коррекция социальных ролей будет продолжаться.

Список источников и литературы

1. 8 ролей женщины: исследование к 8 марта // НАФИ. Аналитического центр. 6.03.2020. <https://nafi.ru/analytics/8-rolej-zhenshchiny-issledovanie-k-8-marta/>

В.Г. Ушакова*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет*

Индивидуализация и неотрадиционализм в общественном мнении современных девушек и юношей

В современном российском обществе усиливаются тенденции неотрадиционализма и неоконсерватизма с активным обращением к исторической памяти, собственному культурному коду. Одновременно с этим общество переходит в качественно новое состояние, усиленное пандемией коронавируса. Российское общество уже фактически является цифровым/информационным [1, 2].

Проблемная ситуация видится в том, что при переходе общества в новое качество отношение к семье, браку, семейно-брачным ценностям также претерпевает изменения. Научный интерес представляет характер и содержание этих изменений. В этой связи представляется актуальным изучение общественного мнения студентов по семейно-брачной проблематике, поскольку от этой социально-демографической группы во многом зависит как демографическое будущее нашей страны, так и структура ценностей, присущих нашему обществу.

В феврале-марте 2020 г. в Санкт-Петербургском государственном университете под руководством автора было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса студентов 3 курса. В опросе приняли участие 100 человек: 48% мужчин и 52% женщин. Основной гипотезой была следующая – семейно-брачные ценности современной студенческой молодежи обусловлены культурным кодом и сохраняются в реалиях современного общества благодаря исторической памяти и отечественной культуре.

В рамках данной научной статьи интерес представляет мнение студентов по следующим проблемам:

1. Создание семьи и заключение брака.
2. Наиболее подходящий возраст создания семьи и заключения брака.
3. Желаемые условия, способствующие реализации семейно-брачных установок.

4. Модель семейных отношений, релевантная индивидуальным ценностям.

Первичный анализ полученных ответов позволяет сделать первые предварительные выводы.

1. Семья и брак сохраняют свое высокое значение в качестве фундаментальных ценностей. Около 80% опрошенных отметили, что планируют создание семьи и заключение юридического брака. В качестве мотивов чаще всего назывались следующие: «1) Ради объединения с любимым человеком. 2) Создание ячейки общества, в том числе, по причине схожих интересов, а также работы. 3) Возможно, продолжение рода».

2. Как наиболее приемлемый для вступления в брак и создания семьи был отмечен возраст 25-29 лет у 72% респондентов. 15% указали возраст 21-24, а 13% – 30-34 года.

3. Все опрошенные не мыслят создание семьи без получения качественного образования, наличия хорошей работы по профессии и приобретения собственного жилья.

4. Желаемая модель семейных отношений: для 56% опрошенных – «Молодые родители на равных совершенствуются в профессиональной деятельности, зарабатывают деньги, занимаются домашними делами и уходом за детьми». 38,8% выбрали вариант – «Обязанности по обеспечению семьи выполняют отцы, матери ухаживают за детьми и выходят на работу, когда ребенок повзрослел». Вариант «И отцы, и матери стараются больше времени уделять семье и ребенку (детям), работа вне дома для обоих – лишь средство семейного благополучия» предпочли 3%, а вариант «Обязанности по обеспечению семьи выполняют отцы, а матери занимаются исключительно только домом и воспитанием детей» – только 2,2% студентов, заполнивших анкету.

Следует отметить, что наша гипотеза подтвердилась лишь частично.

Семья является и остается одной из базовых, фундаментальных ценностей нашего общества. Для двух третей опрошенных студентов семья равнозначна личному успеху в образовании, профессиональной карьере или другим ценностям жизни.

В то же время одна треть студентов заявила о том, что семья имеет «первостепенное значение в моей жизни», и еще одна треть высказала мнение: «семья менее важна, чем личные цели».

Смена ценностей в обществе обычно происходит вследствие перехода к другому типу общества. Вдобавок гендерные отношения также подверглись серьезным изменениям. В современном обществе, при сохранении исторической памяти, очевидно снижающееся значение традиционных ценностей, усиливается тенденция индивидуализации.

Такую тенденцию можно связывать и с более высоким процентом образованных женщин. Действительно, процент бездетных женщин среди получивших высшее образование выше, чем в других группах женщин.

Кроме того, в современном обществе молодые люди дольше зависят от своих родителей, дольше получают образование, позже достигают социальной и экономической зрелости. Из-за этого возраст формирования своей семьи отодвигается к 30 годам.

Следует также принять в рассмотрение и гендерную проблематику, актуальность которой доказывается следующими аргументами.

В среднем, по статистике, женщины живут дольше, чем мужчины, поэтому многие пожилые женщины живут одни. Кроме того, согласно исторической памяти и традициям общества, именно женщины должны воспитывать детей. Вследствие этого далеко не всем женщинам удается полноценно заниматься карьерой. Как и прежде, обществом зачастую поощряется то, что женщины не должны работать, чтобы заниматься хозяйством и детьми. Как правило, за детьми ухаживает мать – отцы редко уходят в отпуск по уходу за ребенком. Данный факт часто приводит к ролевым внутриличностным конфликтам – практически невозможно быть «идеальным отцом» и «кормильцем семьи» одновременно. По этой причине мужская гендерная проблематика также является актуальной.

С другой стороны, при равной должности женщины в среднем зарабатывают меньше мужчин, около 70% от мужской заработной платы. В этом видится причина того, что женщины получают относительно небольшую пенсию и нуждаются в заботе государ-

ства. В России женщины осведомлены об этом и в большинстве своем не хотят иметь детей в юном возрасте. Они планируют сначала получить достойное образование, построить карьеру. Создание семьи дается в наше время тяжело.

Традиционная модель семьи (мужчина – «добытчик», женщина – «домохозяйка») сегодня часто избегается в реальной жизни, но на политическом уровне наблюдается поддержка именно подобной модели.

В индустриальном обществе неравенство между мужчинами и женщинами рассматривалось большинством как норма, однако сейчас, на пути к цифровому/информационному обществу, оно является неприемлемым уже с экономической точки зрения. Традиционно основным ресурсом для заботы о членах семьи считались женщины, однако в современных условиях, когда многие из них имеют желание пожить «для себя», им приходится в определенной степени отказаться от заботы такого рода. Теоретически мужчины могли бы представить собой дополнительный ресурс, тогда женщины, надо полагать, не чувствовали бы себя такими перегруженными работой, домашними делами и детьми одновременно. К примеру, отпуск по уходу за ребенком можно было бы разделить между родителями, это разрешено российским законодательством.

Итак, можно сделать вывод не только о возрождении неотрадиционализма, но и о набирающих силу процессах индивидуализации, а также о значительном влиянии гендерного фактора.

Список источников и литературы

1. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030): материалы Всероссийской конференции с международным участием, 20–21 апреля 2018 г., ИвГУ, г. Иваново. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018.
2. Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: материалы Международной научной конференции. Москва – Иваново – Плес, 16–18 мая 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.

РАЗДЕЛ 13

ЖЕНЩИНЫ-ПЕДАГОГИ В ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ.

К 101-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ГОС. ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т.А. Камскова

Оренбург,

Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской

Олимпиада Давидовна Жакмон – начальница Оренбургского Николаевского института благородных девиц (1849–1858)

В биографии О.Д. Жакмон (урожденной Будри) причудливо соединились имена и страны. Ее отец – Давид Иванович Будри – в 1784 г. был приглашен в Россию камергером Салтыковым в качестве воспитателя его детей, а в 1811 г. назначен профессором французского языка и словесности в Царскосельский лицей. А.С. Пушкин был учеником де Будри по лицею и упоминает в своих записках о том, что «де Будри был родной брат Марату. Екатерина II переменяла ему фамилию, по просьбе его, придав ему аристократическую частицу де, которую Будри тщательно сохранял» [2]. Таким образом, начальница Оренбургского Николаевского института благородных девиц являлась родной племянницей известного политического деятеля времен Великой французской революции Марата. Муж Олимпиады Давидовна – Петр Львович Жакмон – преподаватель французского языка в 3-й Санкт-Петербургской гимназии и школе гвардейских подпрапорщиков, «автор французской грамматики для

русских и разговоров» [3]. После его смерти в 1845 г. она осталась в Петербурге фактически без средств к существованию, имея на попечении двух маленьких детей. В этих трудных жизненных обстоятельствах О. Жакмон проявила не свойственную большинству женщин России того времени самостоятельность и решительность. Она начала хлопотать о назначении ее на службу в один из институтов ведомства императрицы Марии. Решение это объяснялось не только плачевным финансовым положением, но и тем, что уже в 1830-е годы она являлась инспектрисой классов в первом женском институте – Воспитательном обществе благородных девиц (позднее – Смольный институт) [1, с. 49]. Получить должность в Петербурге Олимпиада Давидовна не смогла, а скорее всего не захотела, хотя возможность у нее была. Позднее, уже находясь на службе в Оренбурге, она воспользовалась в служебных целях покровительством вдовствующей императрицы Александры Федоровны.

Осенью 1849 г. она была назначена начальницей Оренбургского девичьего училища II разряда. Однако отправиться в дорогу Олимпиада Давидовна смогла только в конце года: болезнь детей (сына и дочери) задержали ее в Петербурге. И только в декабре того же года семья отправилась в Оренбург. Очень интересные записки «Из воспоминаний Оренбургского старожила» оставил ее сын П. Жакмон, который на момент отъезда был учеником 4 класса гимназии. Он так описывает путешествие: «...мать, забравши нас с собою, могла предпринять путешествие в далекую восточную окраину – в Оренбург. В те времена не было еще в России никаких железных дорог, кроме Царскосельской, и потому пришлось ехать из Петербурга на почтовых. Переезд из Петербурга в Оренбург мы совершили в шестнадцать дней... В это время Оренбург уже был административным центром обширного Оренбургского края. Число жителей не превышало, вместе с войсками, 12 тысяч человек. Военным губернатором был генерал от инфантерии Владимир Анатольевич Обручев. Это был служака в полном смысле слова. Единственным его недостатком была скупость, доходившая почти до скарденности, по отношению к казенному интересу» [4]. Учебное заведение, которым предстояло

руководить О. Жакмон, было открыто 6 декабря 1832 г. и носило название «Отделение Неплюевского военного училища для воспитания девиц». Приступив к своим служебным обязанностям, она увидела, что хозяйство училища было организовано на принципах мелочной экономии дров и мыла, тогда как занимаемые помещения требовали ремонта, а обеспечение учебного процесса и пансиона – дополнительных денежных средств. Перед Жакмон стояла тяжелая задача изменить весь строй учебной и экономической жизни училища, и она оказалась необыкновенно деятельным организатором и талантливым педагогом. Она не щадила ни сил, ни здоровья для реформирования своего учебного заведения. Она изменила существовавшие порядки в организации питания, стирки белья, пошиву одежды, составлению отчетности, организации учебного процесса, подбору учителей и т.д. Но самую главную проблему составляли ученицы: «числом до 40, были почти все грубые, невоспитанные казачки, говорившие на “о” и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Притом все они были немытые, грязные, и у многих из них на белье и в волосах водилось множество насекомых. У некоторых тело было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами» [4]. Во-первых, от нее потребовался чисто физический труд, чтобы привести воспитанниц в нормальный вид, во-вторых, труднее было отучить их от употребления непристойных слов, а в-третьих, особого внимания требовало религиозно-нравственное воспитание. Многие из них не только не знали ни одной молитвы, но не умели даже сложить пальцы и правильно перекреститься. Немало трудов потребовало устройство и украшение домового церкви училища, создание церковного хора, для чего ей пришлось обратиться в императорскую капеллу с просьбой прислать опытного регента.

В мае 1854 г. состоялся первый выпуск, на котором присутствовали первые должностные лица, представители дворянства, купечества, родители и родственники. За прошедшие годы воспитанницы настолько изменились к лучшему (манеры, походка, умение поддержать разговор, в том числе на французском и немецком языках), что в них трудно было узнать прежних – грубых и неопрят-

ных. Ежедневная напряженная работа педагогического коллектива под руководством О.Д. Жакмон принесла свои результаты: выпускницы подготовили выставку работ по рукоделию, рисунков, прочитали стихотворения А. Пушкина, М. Лермонтова, а также исполнили отрывки из опер М. Глинки и Ш. Гуно. Успехи учениц были так очевидны, а торжественный вечер произвел такое благоприятное впечатление на оренбургское общество, что в новом учебном году насчитывалось уже более 80 воспитанниц. Хотя О.Д. Жакмон достигла хороших результатов, ее деятельная натура не могла остановиться на достигнутом. В 1855 г. отделение было переименовано в Николаевский женский институт. Наметив программу неотложных реформ, Олимпиада Давидовна побывала летом 1856 г. в Петербурге, получила поддержку и помощь императрицы Александра Федоровны и продолжила успешно руководить институтом.

Таким образом, именно О.Д. Жакмон стоит у истоков женского образования Оренбургского края. Она много сделала для того, чтобы Николаевский женский институт вплоть до самой революции оставался одним из лучших учебных заведений, который готовил образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества. Выдающие личностные качества позволили ей полностью реализоваться в профессии и обрести определенный социальный статус, несмотря на выпавшие на ее долю жизненные трудности.

Список источников и литературы

1. *Большакова Т.Л.* Марат. Пушкин. Оренбург // *Лица Оренбуржья*. 2010. № 4. С. 48–49.
2. Будри, Давид Иванович де // *Большая биографическая энциклопедия*. https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Будри, Давид Иванович_де (дата обращения: 8.04.2020)
3. Жакмон, Олимпия Давидовна // *Большая биографическая энциклопедия*. https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Жакмон,_Пьер (дата обращения: 8.04.2020)
4. *Жакмон П.П.* Из воспоминаний Оренбургского старожила // *Гостинный Двор: альманах*. 1997. № 4. С. 132–142.

С.В. Любичанковский*Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет***Ольга Петровна Васильева: жизненный путь
в оренбургской системе образования**

В основу исследования лег уникальный материал, сохранившийся в семейном архиве О.В. Мосоловой, внучки О.П. Васильевой [1]. Рассказано о семье Ольги Петровны Васильевой (особенно о сложной военной судьбе ее братьев, один из которых был также известным композитором [2]), напрямую повлиявшей на жизненный путь Ольги Васильевой. Показано, что с именем Ольги Петровны Васильевой связана история сразу двух образовательных учреждений Оренбурга: детского дома № 1 и тридцатой оренбургской школы (сейчас это физико-математический лицей). Свой учительский путь она начала в 1927 г., став учительницей «по ликвидации неграмотности с неорганизованным населением при школе № 1 г. Чкалова»; через год, «после окончания школы с педагогическим уклоном» ее назначили на должность заведующей Нижне-Никольской школой первой ступени. В предписании указывалось, что ей «надлежит выехать к месту своего назначения приступить к организации школы». Школа начала действовать, и двадцатилетняя учительница вела занятия во всех трех классах, а также «кроме своих основных обязанностей выполняла общественно-полезные работы: участвовала в ликбезах, агротчитках и политчитках».

В 1931 г. Ольга Петровна вернулась в Оренбург и начала работать в детском доме № 1. Четыре года, до переезда учреждения в Бугуруслан, Ольга Петровна руководила всей учебно-воспитательной работой коллектива и преподавала в 1–4 классах. Показан большой вклад, который внесла О.П. Васильева в развитие детского дома. В 1935 г., когда детский дом переехал в Бугуруслан, Ольга Петровна осталась в Оренбурге и стала работать учителем начальных классов в только что открывшейся школе № 30, которая стала ее детищем. В 1942 г. ее назначили завучем старших классов, а в 1944 г. – директором. В январе 1945 г., Ольга Пе-

тровна первой среди учителей Оренбурга была удостоена ордена «Знак почета». Позже ее наградили еще одним орденом «Знак Почета» и орденом Трудового Красного Знамени.

Проанализированы свидетельства выпускников школы, их воспоминания о своей учительнице О.П. Васильевой.

Список источников и литературы

1. Семейный архив О.В. Мосоловой.
2. *Большакова Т.Л.* Оренбургский композитор Георгий Васильев // Оренбуржье музыкальное. 2009. № 2. С. 52–54.

И.К. Зубова

Оренбург, Оренбургский государственный университет

О научной и педагогической деятельности оренбургского ученого и педагога Галины Павловны Матвиевской

В докладе будут представлены научная биография Г.П. Матвиевской и очерк ее педагогической деятельности.

Галина Павловна Матвиевская родилась 13 июля 1930 г. в Днепропетровске. Ее отец, Павел Евменович Матвиевский (1904–1987), в это время был заместителем директора Днепропетровского Исторического музея. Вскоре он был переведен на работу в Харьков, где работал до 1941 г. Здесь Галина Павловна поступила в школу. Однако продолжать учебу пришлось в Оренбурге (в то время – Чкалове), куда семья переехала в начале Великой Отечественной войны [2].

В 1948 г. Г.П. Матвиевская окончила с золотой медалью среднюю школу и поступила на математико-механический факультет Ленинградского (теперь – Санкт-Петербургского) государственного университета. Обучалась по специальности «Математика», специализировалась по теории чисел под руководством профессора Б.А. Венкова. Окончив университет с отличием в 1954 г., Г.П. Матвиевская поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР по специальности «История математики». Под руководством акаде-

мика В.И. Смирнова она подключилась к изучению хранящихся в Архиве Академии наук математических рукописей Леонарда Эйлера, величайшего математика XVIII в. [1]. Перед Г.П. Матвиевской была поставлена задача: выявить в записных книжках Эйлера и изучить записи, относящиеся к теории чисел. В 1958 г. ею была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук «Неопубликованные рукописи Леонарда Эйлера по теории чисел».

После окончания аспирантуры Г.П. Матвиевская работала в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, продолжая изучение записных книжек Л. Эйлера.

Годом ранее Галина Павловна вышла замуж за аспиранта из Узбекистана, биолога Карима Рахимова (1930–2001) (впоследствии – доктора биологических наук, профессора, физиолога-гастроэнтеролога), который, также успешно защитив кандидатскую диссертацию, должен был вернуться на родину. В 1959 г. супруги переехали в Ташкент. Здесь Г.П. Матвиевская более 30-ти лет проработала в Институте математики им. В.И. Романовского Академии наук Узбекистана, была сначала младшим, затем – старшим научным сотрудником, заведующим отделом, позже – главным научным сотрудником.

Основным направлением ее научных исследований стало теперь изучение истории математики средневекового Ближнего и Среднего Востока. Ею был сделан обзор русских и иностранных научных публикаций, посвященных творчеству средневековых математиков Центральной Азии, который лег в основу изданной в 1962 г. монографии «К истории математики Средней Азии IX–XV вв.».

В 1967 г. вышла из печати монография Г.П. Матвиевской «Учение о числе на средневековом Ближнем и Среднем Востоке», написанная на материале сделанных ею переводов арабских комментариев к X книге «Начал» Евклида. В 1968 г. Г.П. Матвиевская защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук «Учение о числе в средние века». Продолжая изучать историю формирования понятия числа, в 1971 г. она издает монографию «Развитие учения о числе в Европе до XVII в.».

В последующие годы на основе исследования арабоязычных первоисточников ею были опубликованы циклы работ по истории алгебры, плоской и сферической тригонометрии, астрономии на Ближнем и Среднем Востоке. Важное место среди работ Г.П. Матвиевской занимают статьи и книги, посвященные жизни и научному творчеству выдающихся ученых Востока [4].

Занимаясь историей средневековой восточной математики, Г.П. Матвиевская продолжала и работу над рукописями Эйлера, публикуя ее результаты в российских и зарубежных научных изданиях. В 1974 г. она стала членом редколлегии 4-й серии издающегося в Швейцарии полного собрания сочинений Эйлера.

Самостоятельный раздел исследований ученого представляет работа над библиографией. Результаты этой работы отражены, в частности, в трехтомном справочнике «Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVII вв.)», написанном в соавторстве с Б.А. Розенфельдом и опубликованном в 1983 г.

Интересуясь также проблемами истории науки в Европе, Г.П. Матвиевская стала автором нескольких книг, вышедших в академической серии «Научно-биографическая литература» и посвященных жизни и деятельности европейских ученых-математиков.

К изучению истории точных наук на средневековом Востоке Г.П. Матвиевская с успехом привлекала молодых исследователей. Под ее руководством по этой тематике было защищено девять кандидатских диссертаций.

В 1990-е годы по семейным обстоятельствам Г.П. Матвиевская переехала в Оренбург и с 1992 по 2017 г. работала в Оренбургском государственном педагогическом университете. С 1994 г. – профессор этого университета. С 2004 по 2009 г. заведовала кафедрой алгебры и истории математики. Читала на физико-математическом факультете курс лекций по истории математики, ряд спецкурсов, курс лекций по истории науки для аспирантов, а также курсы по математике, истории науки и краеведению на филологическом и историческом факультетах. Руководила научным семинаром по истории и философии математики.

В Оренбурге Г.П. Матвиевская продолжала работу по изучению научного наследия Леонарда Эйлера. Под ее руководством были подготовлены и защищены еще четыре кандидатские диссертации. Кроме того, здесь она заинтересовалась вопросами краеведения, в первую очередь историей научных исследований в Оренбургском крае в XVIII–XIX вв. Исследования в этой области ведутся ею на основе изучения документов Государственного архива Оренбургской области и других архивов [3].

Трудно переоценить роль таланта, образования, примера родителей и учителей в профессиональном и личностном становлении человека и ученого. Но не менее важно суметь реализовать свои возможности, не растерять напрасно все, что тебе было дано в юности. Галине Павловне удалось найти свое призвание и самореализоваться в жизни в немалой степени благодаря удивительной жизненной стойкости и, как сама она говорит, – упрямству. «Еще в детстве стремилась ни в чем не отставать от друзей-мальчишек – вспоминает она. – Наверно, это стало привычкой навсегда! Просто старалась любую работу сделать не хуже других, несмотря ни на какие личные обстоятельства». В самом деле, трудно припомнить, чтобы она когда-либо проявила хоть небольшую слабость в каких-либо сложных ситуациях, каких, к сожалению, в ее жизни бывало немало.

Список источников и литературы

1. *Боголюбов А.Н.* Математики. Механики. Биографический справочник. Киев: Наукова думка, 1983.
2. Галина Павловна Матвиевская (материалы к библиографии ученых Республики Узбекистан). Ташкент: Изд-во «Фан», 1992.
3. Материалы к библиографии ученых. Галина Павловна Матвиевская. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005.
4. *Онопrienko В.И.* Стремление к вершинам. (К юбилею Г.П. Матвиевской) // Дослідження з історії і філософії науки і техніки. Науковий журнал. Днепропетровск. Т. 29. № 1. 2020. С. 60–72.

Е.В. Годова

*Оренбург, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
Оренбургский государственный педагогический университет*

Рослякова Наталия Андреевна: судьба и педагогическая деятельность оренбургского учителя

Идея написания этой статьи о моей маме возникла после прочтения монографии Н.А. Беловой «Повседневная жизнь учителей» (Москва, 2015), в которой автор на примере Костромского края рассматривает особенности социальной мотивации и ценностной сферы советских учителей, их бытовые и семейные отношения, а также влияние идеологии на учительское сообщество. Обозначая актуальность исследования, Н.А. Белова справедливо отмечает, что повседневный быт педагогов мало изучен в российской социально-антропологической науке и обращение к микроистории с ее интересом к отдельным социальным группам ставит перед исследователями методологическую проблему генерализации собранных сведений и наблюдений для получения общей картины, а персонализированный, биографический подход позволяет лучше увидеть, каким образом советская эпоха отразилась на судьбах конкретных людей [1, с. 7, 9].

В городе Оренбурге на улице Советской в 2012 г. был установлен Памятник первой учительнице. Это 10-тонная пятифигурная скульптурная композиция, выполненная из бронзы. В центре – фигура стройной молодой учительницы в легком платье, слева и справа от нее школьники (два мальчика и две девочки), устремившие свои взгляды на нее и поднимающиеся к ней по «лестнице знаний». В руках учеников цветы. За скульптурной композицией расположена памятная стела «Летопись учительской славы Оренбуржья» с фамилиями лучших педагогов области. Одна из надписей гласит: Рослякова Наталия Андреевна, заместитель директора школы № 24 г. Оренбурга.

Наталия Андреевна родилась 18 июля 1947 г. в городе Оренбурге в семье служащих. Родители: отец, Андрей Федорович

Головкин, 1905 г.р., по профессии водитель, участник Великой Отечественной войны, награжден медалью «За боевые заслуги»; умер в 1982 г.; мать, Александра Николаевна Головкина, 1916 г.р., по профессии продавец, награждена орденом Трудового Красного знамени; умерла в 1983 г.

В 1965 г. Наталия Андреевна с золотой медалью окончила среднюю школу № 30 г. Оренбурга. Вопрос о выборе института не стоял, ведь с самого детства она мечтала стать учителем. В 1969 г. Оренбургский государственный институт им. В.П. Чкалова был окончен ею, и Наталия Андреевна получила диплом с отличием.

Трудовая деятельность учителя русского языка и литературы Наталии Андреевны Головкиной началась в Бурлыкской средней школе Беляевского района Оренбургской области. Коллеги сразу отметили увлеченность молодого педагога, а ученики души не чаяли в своем учителе. В сельской школе Наталия Андреевна проработала год и по семейным обстоятельствам вернулась в Оренбург. В 1970 г. Наталия Андреевна Головкина вышла замуж и стала Росляковой. В семье появились дети – сын и дочь, а потом и внуки.

В сентябре 1971 г. она была принята на работу в среднюю школу № 24, где проработала 35 лет до сентября 2006 г.

Из квалификационной характеристики:

«Рослякова Н.А. – это высококвалифицированный самобытный учитель, в совершенстве владеющий содержанием преподаваемых предметов, смежных дисциплин, методикой их преподавания. В течение ряда лет она занимается проблемой развития познавательного интереса, его влияния на качество образования школьников. Ею разработана система игровых приемов, способствующих более глубокому и полному усвоению учебного материала, более прочному запоминанию необходимой информации, побуждающих детей к творчеству. Так, учащиеся средних классов инсценируют литературные произведения, пишут сочинения от лица их героев, создают собственные сказки, составляют кроссворды и викторины по изученному материалу, а старшеклассники оказываются в положении исследователей, литературных критиков, сотрудников редакционных коллегий и т.п.

Учитель организует коммуникативную деятельность учащихся, создает условия для развития навыков монологической и диалогической речи, используя такие формы занятий, как диспут, дискуссия, ролевая и деловая игра. Она проводит уроки с компьютерной поддержкой, учащиеся старших классов создают мультимедийные программы-презентации по литературе.

Проводя предпрофильную подготовку в 9 классе, Наталия Андреевна разработала программу “Деловой русский язык”, обеспечила ее дидактическим и раздаточным учебным материалом, средствами контроля» [2].

За сухими словами характеристики тысячи интереснейших уроков, вечеров, праздников, сотни тысяч часов, проведенных в общении с детьми и их родителями.

Наталия Андреевна – не только яркий, творческий учитель, но и человек большой души, добрый, открытый, чьи нравственные уроки остались в сердцах ее учеников на всю жизнь. Из письма Андрея Рыжевалова, выпускника школы № 24 1984 г.: «Дорогая Наталия Андреевна! Уважение к ВАМ мое огромно. Конечно, огромно! Это и уроки литературы, которые пригодились в жизни как нельзя лучше, и уроки жизни, которые и до сих пор учат меня, непутевого. Спасибо Вам огромное хочу сказать и поклониться в пояс за все, что, может быть, и не ценилось мной тогда, когда надо было. СПАСИБО!!!! [3]». Из письма Марины Мухиной, выпускницы 2003 г.: «Любимая, моя Наталия Андреевна!!!!!!!!!!!! Вы – Учитель с большой буквы! Самая лучшая вторая мама! Чуткая, красивая, любимая, самая, самая! Оставайтесь всегда такой! Мы ВАС любим!» [4].

За время работы Н.А. Рослякова подготовила большое число учащихся, закончивших высшие и средние образовательные учреждения, ставших хорошими специалистами и достойными гражданами России. Среди них есть и те, кто пошел по стопам своего учителя и, окончив педагогический институт, работает в школах и других образовательных учреждениях.

Как заместитель директора Наталия Андреевна особое внимание уделяла работе по профессиональному становлению молодых учителей, совершенствованию педагогического мастерства

предметников, оказывала им практическую помощь в подготовке уроков и внеурочных мероприятий, консультировала аттестуемых учителей, проводила психолого-педагогические и методические семинары и конференции.

Самоотверженный труд Наталии Андреевны Росляковой отмечен Почетными грамотами и правительственными наградами. Она – Лауреат премии Администрации Оренбургской области, награждена значком «Отличник народного просвещения РФ» [5]. В 1997 г. Наталии Андреевне было присвоено звание «Заслуженный учитель Российской Федерации» [6].

В течение ряда лет Н.А. Рослякова была членом комиссии по награждению при Общественном совете Администрации г. Оренбурга, членом предметной комиссии по награждению выпускников средней школы золотыми и серебряными медалями, членом жюри конкурса «Учитель года», руководила районным методическим объединением учителей русского языка и литературы, имеет сертификат эксперта при аттестации педагогических и руководящих работников, включена в Банк экспертов по проверке ЕГЭ, является членом предметной апелляционной комиссии по русскому языку и литературе ЕГЭ.

Сегодня Наталия Андреевна Рослякова на заслуженном отдыхе, но часто бывает в родной школе как педагог-ветеран и как член общественной организации ветеранов Центрального района г. Оренбурга. В октябре 2011 г. она была награждена Благодарственным письмом Администрации города за активную жизненную позицию и в связи с 55-летием образования Всероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы, в 2014 г. – Благодарственным письмом главы Южного округа администрации города Оренбурга и Благодарственным письмом главы города Оренбурга.

Наталию Андреевну Рослякову уважают и любят коллеги, ученики, но больше всех любим ее мы – ее семья.

Итак, педагогический путь, пройденный Н.А. Росляковой, на наш взгляд, является типичным для большинства советских учителей. Желание в будущем учить детей было свойственно многим

девочкам, рожденным в середине XX в. Для реализации мечты – поступление в педагогический вуз, после его окончания – работа по распределению и долгие трудовые учительские будни. Но не для каждого учителя его профессия стала призванием, тем более что самоутверждаться учительнице в сформировавшихся женских коллективах учительских сообществ было достаточно сложно. Именно профессионализм, самоотверженность, любовь к своему делу позволили Н.А. Росляковой добиться успехов в труде и признания со стороны коллег и учеников. На примере ее жизненного пути ярко продемонстрирована реализация «миссии Учителя».

Список источников и литературы

1. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2015.
2. Квалификационная характеристика Н.А. Росляковой // Личный архив Н.А. Росляковой.
3. Письмо А. Рыжевалова Н.А. Росляковой // Личный архив Н.А. Росляковой.
4. Письмо М. Мухиной Н.А. Росляковой // Личный архив Н.А. Росляковой.
5. Удостоверение № 325813 о награждении Н.А. Росляковой знаком «Отличник народного просвещения» // Личный архив Н.А. Росляковой.
6. Удостоверение о присвоении почетного звания «Заслуженный учитель Российской Федерации» // Личный архив Н.А. Росляковой.

В.Г. Владимирцева

Москва, Школа «Технологии обучения»

Чеботникова Татьяна Алексеевна:
студентка, аспирантка, кандидат наук, доктор наук...

Каждый человек – камешек в мозаичном узоре жизни.

Никола де Шамфор

Настоящая статья как по названию, так и по содержанию представляет собой нарратив, в котором отдельные факты биографии увязываются в некое смысловое единство. Очевидно, что любая история (личности или общества) всегда может быть рассказана

по-разному, если иначе расставить акценты [5], и тогда появится другая история и другой человек.

Целью статьи является представление профессиональной биографии человека, формирование взглядов и представлений которого на себя самого, на мир, ощущение себя в мире и обществе складывалось в советский период.

Итак, Татьяна Алексеевна Чеботникова – выпускница отделения русского языка и литературы историко-филологического факультета Оренбургского государственного педагогического института им. В.П. Чкалова (ныне – Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ)). Практически вся ее профессиональная, научная и творческая деятельность была связана с филологическим факультетом, с кафедрой современного русского языка: с 1 сентября 1973 по 2018 г. Т.А. Чеботникова работала на филологическом факультете на кафедре русского языка, в разные годы занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой. На протяжении пятнадцати лет исполняла обязанности заместителя декана филологического факультета. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации. Автор более 150 научных и научно-методических работ, в том числе трех монографий [3; 7; 8], инициатор, составитель и научный редактор сборников [1; 2; 11]. Дважды лауреат премии Губернатора Оренбургской области в сфере науки и техники (2011, 2015 гг.)

Вполне вероятно, как считает сама Татьяна Алексеевна, все могло бы сложиться как-то иначе, если бы не люди, встретившиеся на жизненном пути и обратившие внимание на ее лингвистические способности и научный потенциал.

Именно с такой позиции и под таким углом зрения всегда представляет свою профессиональную жизнь доктор филологических наук Т.А. Чеботникова.

Еще в студенческие годы не остались незамеченными присущее Татьяне Алексеевне языковое чутье, интерес к особенностям функционирования современного русского языка, способность анализировать и обобщать. Так, кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка ОГПИ Майя Ефимовна Шафи-ро – первый научный руководитель – заметив искру самостоятельности в подходе к анализу собранных языковых фактов, привлекла способную студентку к чтению научной литературы, к исследовательской работе, к активному участию в студенческих научных конференциях и оказала содействие в получении рекомендации к поступлению в аспирантуру.

Многие годы не только ученичества, но и дружбы связывали Татьяну Алексеевну и Майю Ефимовну. Первая научная статья Т.А. Чеботниковой (тогда Т.А. Смирновой) «О некоторых реализациях компаративных отношений в простом и сложном предложениях» была написана под руководством М.Е. Шафи-ро и опубликована в сборнике «Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка» [4], где была напечатана и новаторская для того времени статья М.Е. Шафи-ро «К проблеме изучения контактоустанавливающей функции языка и ее синтаксических реализаций» [10], в сущности, ставшая предтечей будущей докторской диссертации Т.А. Чеботниковой [9].

Большую роль в формировании Т. А. Чеботниковой как преподавателя и ученого сыграла встреча с заслуженным деятелем науки РСФСР Борисом Николаевичем Головиным, доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой русского языка и общего языкознания Горьковского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, автором учебников «Введение в языкознание», «Общее языкознание», написанных для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов всего Советского Союза, а также создателем первого учебного пособия по новому для того времени университетскому курсу «Основы культуры речи». Такой человек, как Б.Н. Головин, с огромным, если не сказать необозримым лингвистическим кругозором, взял к себе в аспирантуру начинающего ассистента кафедры русского языка ОГПИ Т.А. Чеботникову, отметив в отзыве на представленный реферат, что «автор обнаруживает самостоятельность в подходе к сложным вопросам изучения современного русского языка, навыки исследовательского осмысления фактов и достаточную начитанность в области темы».

Под руководством Б.Н. Головина была написана и успешно защищена кандидатская диссертация «Опыт описания терминологических микросистем “Синтаксис”, “синтагматика”, “синтагма”», пополнившая теорию Б.Н. Головина описанием функциональных особенностей синтаксических терминологических номинаций [6].

И еще одна встреча стала знаменательной в профессиональной судьбе Т.А. Чеботниковой. Это встреча с основателем научной школы по проблемам номинации и коммуникации доктором филологических наук, профессором Челябинского государственного университета (ЧелГУ) Людмилой Александровной Шкатовой, названной Международным биографическим центром Англии по итогам XX в. выдающейся женщиной мира.

Научное общение с Л.А. Шкатовой, ее неукротимая энергия стали толчком, как считает Т.А. Чеботникова, для написания и защиты докторской диссертации «Речевое поведение личности в системе формирования социального образа (на материале художественного дискурса)» [6].

Как видим, в профессиональном само-нарративе (*self narrative*) Т.А. Чеботниковой доминантой оказываются **люди**, принявшие участие в ее становлении и развитии: М.Е. Шафиро, Б.Н. Головин, Л.А. Шкатова.

Думается, что подобная самооценка и мироощущение, блестяще сформулированные А. Камю: «Я нуждаюсь в других, а они – во мне и в каждом человеке», – свойственны сегодня людям преимущественно старшего поколения, чье становление и развитие пришлось на советский период, когда взаимопомощь и взаимовыручка были образом жизни, а уважение к старшему, признание авторитетов, чувства благодарности и долга – нормой.

Как видим, само-нарратив дает представление не только о конкретном человеке, но и о времени, в котором формировалась личность. Именно поэтому само-нарратив может восприниматься как источник познания и отдельного конкретного человека (его характера, специфики мышления, жизненных координат), и общества в целом.

Нам представляется, что широкомасштабное изучение и анализ само-нарративов учеными различных отраслей знания – историками, психологами, филологами, социологами, гендерологами, феминологами и др. весьма интересно и перспективно, поскольку может помочь в выявлении и формировании продуктивного вектора воспитания общества в целом.

Список источников и литературы

1. Говорим по-русски, говорим по-оренбургски. Филологические этюды. Выпуск I // Ред. Т.А. Чеботникова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2018.
2. Давайте писать грамотно: сборник диктантов // Под ред. Т.А. Чеботниковой; Мин-во образования и науки РФ, Оренбург. гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013.
3. Кузнецова Н.Н., Чеботникова Т.А. Якимов П.А. Язык, речь, образ: филологическое обеспечение профессиональной деятельности. Оренбург: ГБУ РЦРО, 2015.
4. Смирнова Т.А. О некоторых реализациях компаративных отношений в простом и сложном предложениях // Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка. Вып. II. Ульяновск. 1976. С.69–75.
5. Труфанова Е.О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. Вып. № 15. М., 2010. С. 183–193.
6. Чеботникова Т.А. «Опыт описания терминологических микросистем «Синтаксис», «синтагматика», «синтагма». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горьковский государственный университет им. Н.И. Лрбачевского, Горький, 1982.
7. Чеботникова Т.А. Ното communicans: его роли и образы. Коммуникативно-прагматическое описание. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.
8. Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в дискурсе художественного произведения: роли, маски, образы: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011.
9. Чеботникова Т.А. Речевое поведение личности в системе формирования социального образа (на материале художественного дискурса). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинский государственный университет, Челябинск, 2012.
10. Шафиро М.Е. К проблеме изучения контактоустанавливающей функции языка и ее синтаксических реализаций // Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка / Ульяновский гос. Пед. Ин-т. Вып. II. Ульяновск, 1976. С.123-132.
11. Ящик Пандоры: теория, практика, контрольно-измерительные материалы по культуре устной и письменной речи / Научн. ред. д. филол. н. Т.А. Чеботникова; отв. ред. к. пед. н. П.А. Якимов. Оренбург: ГБУ РЦРО, 2014.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ВОСПИТАНИЯ ДУШИ И ЛИЧНОСТИ В ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

РАЗДЕЛ 14

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

З.Р. Гафурова

*Москва, Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»*

Ключевые слова в социокультурных исследованиях бытования женщин из старообрядческих фамилий России в конце XIX – начале XX в.

То, что мы называем ключевыми словами – словами, передающими основную мысль текста или выступления, употребляются в жизни двояко: с одной стороны, они поддерживают дисциплинарные цели, с другой – используются в обычной речи. Ключевые слова как устоявшиеся социокультурные понятия могут быть привнесены из других языков (так называемые слова-эмигранты), но могут происходить из родного языка (слова-иммигранты). Именно последние, взятые в контексте исследования бытования женщин из старообрядческих фамилий России конца XIX – начала XX в., являются предметом нашего интереса. Нами отобрано несколько популярных слов, которые позволяли людям релевантно обсуждать действия, планы, события, говоря о ключевых процессах обыденной жизни женщин из старообрядческих фамилий в указанный период времени. Это – *учение, старина, творчество, благотворительность.*

Период конца XIX – начала XX в. выбран не случайно, так как в это время старообрядчество постепенно «отходит» от шока дискриминировавшего его во многих отношениях Указа Николая I 1854 г., а движение за свои права способствует принятию в 1905 г. Законодательного акта «Об укреплении начал веротерпимости». В первое десятилетие 1900-х годов в Российской империи было зарегистрировано 1300 старообрядческих общин, и о вкладе старообрядцев в экономику страны говорит тот факт, что две трети предпринимателей были выходцами из старообрядческой среды при 1,5% староверов от общего населения. Принимая во внимание историю старообрядчества, нельзя не согласиться с высказыванием авторитетного мыслителя и экономиста И.А. Кириллова, что старообрядчество – это прежде всего «образ жизни человека в соответствии с церковными требованиями жизни “по-Божьи”» [3, с. 435].

Здесь также важно отметить, что в силу исторической обусловленности многие старообрядцы меняли веру, входили и выходили из нее (Рябушинские, Хлудовы, Алексеевы, Морозовы и др.), хотя всегда помнили о своих корнях и старались им следовать. С другой стороны, часто в целях укрупнения капитала совершались династические браки, объединявшие представителей разных христианских конфессий. Некоторые женщины, будучи не старообрядками, но в браке со старообрядцами, следовали во многом канонам старообрядчества (именно так можно рассматривать деятельность М.К. Морозовой, Л.Г. Щукиной). Семьи, разные по конфессиональному признаку, часто сближались по роду занятий, месту проживания, наличию общих родственников. Таковы истории семей Якунчиковых, Поленовых, Мамонтовых, Алексеевых, Третьяковых, Боткиных и др. Таким образом, среда, например, успешного московского купечества была весьма конфессионально неоднородна, и только исследование ключевых слов на присутствие в них старообрядческих «свидетельств» позволяет понять истоки тех или иных общественно значимых явлений, а также то, что объединяло женщин из разных христианских конфессий во многих сферах деятельности.

Обратим свое внимание на ключевое слово *учение*. Реверсивность этого слова замкнута между двумя точками: *учение* как учение простой грамоте (письму и чтению) и *учение* как учение вы-

соким и разнообразным истинам. Женщины из старообрядческих семей обязательно учились простой грамоте, а более “высокое” учение если не обеспечивалось, то поощрялось, Видя в детях продолжателей своего дела, старообрядцы не скупались на “количество и качество” учителей, и порой в их домах (как, например, в доме купцов Щукиных в Москве) “был целый штат гувернеров, воспитателей и преподавателей” [1, с. 11]. Последовательность в обучении детей «обоего пола» продемонстрировал крупный московский коммерсант, старообрядец П.М. Рябушинский, дочь которого, названная старинным раскольниковым именем Евфимия, получила современное художественное образование в области декорации и интерьера. Соответственно женщины, получившие знания, стремились организовывать и для своих дочерей хорошее обучение. Та же Евфимия Рябушинская (Носова) учила своих детей (Киру и Августу) истории, английскому языку, рисованию, музыке. С одобрением в старообрядческих семьях смотрели на интеллектуальные и художественные занятия замужних женщин: чтение, рисование, музицирование. Так, Л.Г. Щукина (с 1883 г. – жена купца С.И. Щукина) в 1903 г. издает свою книгу «Спартанцы», весьма достойный труд по античной истории. Можно констатировать, что женщины из старообрядческой среды, с детства находившиеся в равных условиях с мальчиками в вопросе обязательного учения грамоте, могли и далее постоянно пребывать в учении, ибо понятие *учение* в старообрядчестве несет большую смысловую нагрузку. Это ясно видно из объяснения, что такое старообрядческий храм, который сами верующие называли «моленной». У моленной несколько функций: богослужение, учение, вероисповедание, поэтому здесь присутствуют и текст, и визуальность, и информативная напряженность, и интимность. Литература подпитывала старую веру, поэтому «строгое следование старине и в быту, и в основах воспитания, сосредоточенность на проблемах полемики с официальным “никонианским” православием – все это требовало постоянного общения с книгой, авторитет которой был незыблем» [2, с. 55]. Книги были почти в каждом старообрядческом доме, и они играли особую роль в самосовершенствовании, работе над собой и развитии интеллектуальной деятельности. Женщины из

старообрядческих фамилий и “примкнувшие” к ним по причинам, указанным выше, представительницы иноверческих семей учились повсеместно. Их учили, и они сами были нацелены как на расширение своих знаний, так и на обучение других, организуя и поддерживая школы, училища, народные выставки.

Таким образом, мы отмечаем, что *учение* не просто русское слово; это слово с оттенком веры, из религиозного лексикона. Его использование несет определенное долженствование, обязанности, ригористичность, отличающие религиозные положения в старообрядческой вере. Поэтому слово *учение* более сильное в русском языке, нежели, например, близкое к нему слово познание.

Столь же тесно увязаны с положениями старообрядческой веры ключевые слова *старина*, *творчество*, *благотворительность*, употребление которых выдает стремление причаститься к тем высоким христианским добродетелям, которые подчеркивало старообрядчество. Обращение здесь к ключевым словам весьма важно, ибо «жизнь цивилизации невозможна без преемственности традиций, без связи со своей корневой системой, складывавшейся на протяжении многих веков» [4, с. 1]

Список источников и литературы

1. *Думова Н.Г.* Московские меценаты. М.: Молодая гвардия, 1992.
2. «Для памяти потомству своему...». Народный бытовой портрет в России. М.: «Галактика Арт», 1993.
3. *Кириллов И.А.* Правда старой веры. Барнаул, 2008.
4. *Кожурин К.Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. М.: Молодая гвардия, 2014.

И.Н. Дашибалова

Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Дискурс этногендерных отношений бурят в киноисточниках 1950–1980-х годов

Этническое и гендерное равенство отчетливо конструируется в культурных практиках советского кинематографа [6]. Тематика

сюжетов бурятских кинофильмов связана со скотоводческим бытом, типовой портрет главного героя – бурят, мужчина, житель села, включенный в военные, образовательные, антирелигиозные и другие перипетии. Этническое кино в советский период андроцентрично [8]. Активно художественная репрезентация этногендерных образов бурят в игровом кинематографе проявляется в период 1950-х годов. Если на 1920-е годы приходится удачная попытка соединить документальную, антропологически аутентичную съемку бурят с набирающей силу советской политической кинопропагандой, а в 1930–1940-е годы практически отсутствуют художественные фильмы, снятые о бурятах, то в 1950-е годы сняты фильмы по произведениям бурятских писателей Д. Батожабая «Песня табунщика» и Н. Дамдинова «Пора таежного подснежника» на союзных киностудиях с широким кинопрокатом [1, 2, 4].

В отличие от изображений «буряты» в раннем советском кино, который стоит на фронтире этнической и гегемонной маскулинности [7], в 1950-е годы мы наблюдаем оформившийся лирический персонаж в жанре красочной «музыкальной комедии», личное счастье которого неразрывно от общественного достояния [5]. Героем комедии А. Фролова «Песня табунщика» является колхозник Тумэн Жаргалов, которого отправляют учиться в Москву. Характерной чертой художественных фильмов сталинского периода является демонстрация женских и мужских образов через призму приватного как публичного. Хотя данный фильм был выпущен в 1956 г., он содержит повествовательные схемы фильмов «сталинского стиля». Так, героиня, невеста Тумэна – Сэсэг, символизирует опеку, заботу и попечительство (в первой реплике героиня говорит: «*Ой, смотри – это Тумэн, мой Тумэн...*, – и потом усиливает, – *наш Тумэн!*»). С одной стороны, это традиционные понятия женственности, в том числе в этнокультуре бурят, с другой стороны, они прямолинейно стереотипизированы, а, следовательно, демонстрируют нормированную практику достижительного поведения. И если мужчине по сценарию позволено ошибаться, а затем исправляться, то репрезентация женского этнического образа наделена исключительно линейным положи-

тельным смыслом. Она беспокоится о женихе, ее жизнь в рамках сюжета целиком посвящена подчиненной роли помощницы, реализующей планы юноши. Примечательно, что в фильмах с сюжетом о Бурятии нередко в роли буряток снимались актрисы другой национальности (Д. Джурабаева – «Песня табунщика», Н. Аринбасарова – «У озера»). Отчасти данный факт объясняется отсутствием профессионалов в области кинематографа, с другой стороны, это был тоже ориенталистский «взгляд Запада» – не все ли равно, кто играет, лишь бы с азиатской внешностью.

Система персонажей кинокартины «Песня табунщика» выстроена по схеме музыкальных любовных комедий довоенного и послевоенного периода в постановках Г. Александра, И. Пырьева: «главный герой» – юноша, проходящий становление, «лирическая героиня» – добрая, преданная девушка, «соперник» – герой второго плана, «помощники» – мудрые старики, «наставники» – друзья героя, преподаватели консерватории, милиционеры. Характерным саундтреком фильма является песня «Старшина милиции» композитора С. Соловьева-Седого, т.е. визуализация приватной сферы, интимных отношений героев происходит на фоне либо маршеобразной музыки, либо шуточных песен «старшего русского брата», либо сублимированной демонстрации природы и песен о родном крае. Идеологизация частной сферы и этногендерных отношений в советских художественных фильмах отражает проблему «катартического объяснения» социального напряжения, выделенного К. Гирцом [3, с. 235]. В течение фильма герой осуществляет не только переход из периферии в центр (из бурят-монгольского колхоза в столицу), но и обретение нового социального статуса (становится старшиной конной милиции и студентом Московской государственной консерватории), которые, опять же, происходят на фоне развития любовной линии. Герой в завязке киносюжета проходит совершенно сказочную инициацию, мистический процесс ломки прежней культурной идентичности, в соответствии с жанровой спецификой советского кинематографа 1950-х годов. После провала вступительного экзамена он ночует у памятника П.И. Чайковскому. Во сне памятник оживает, мэтр разговаривает

с Тумэнном, советует ему учиться музыкальной грамоте и вручает ноты. Визуализация переходного обряда, изображение фигуры табунщика, оптически меньшей по сравнению с гигантской фигурой композитора, посвящение в столичный мир в метафорической форме воплощают в данной сцене материализацию мечты героя.

В 1970–1980-е годы репрезентация этногендерных образов кардинально меняется, данный процесс был связан с подъемом этнической профессиональной культуры, ростом этнического самосознания творческой интеллигенции [9]. Создание и трансляция изображений бурят в визуальной культуре становится более тонкой, рефлексивной, глубокой задачей. Переосмысление своих корней, связей с родовой территорией, групповая память, коллективные представления явно и подспудно отражаются в произведениях национальной живописи, скульптуры, гобеленного искусства и, в том числе, кинематографа. На экранах позднесоветского периода наблюдаются более сложные отношения внутри бурятской семьи, частные характеры, индивидуальные линии судьбы, раздумья и жизненные решения героев в связи с необходимостью выбора. Начинает артикулироваться щемящая тоска по малой родине – улусу, матери, родственникам по различным линиям родства, а значит, выдвигание на первый план понятия «рода», важной атрибутивной характеристики бурят. Но поскольку все-таки мы имеем дело с визуальной культурой соцреализма, нетрудно догадаться, в какую пользу будет выбор героя.

Так, в картине Б. Халзанова «Горький можжевелник» (1985) воспроизводятся традиционные патриархальные отношения внутри бурятской семьи, разделение мужских и женских социальных ролей, устойчивые межпоколенческие связи, а также этнические ценности и стереотипы. Гендерные предписания в исполнении женских обязанностей сходны в картинах «Песня табунщика» и «Горький можжевелник» – бурятская девушка, женщина, мать должны заботиться прежде всего о детях, хранить верность мужу, родному очагу. Характерно, что главные героини упомянутых кинофильмов являются молодыми учительницами, обучают подрастающее поколение, маленьких ребятишек из колхоза, рассказывают им о Москве,

о правилах поведения, о том, что должно. Престарелая мать Долсон в фильме Б.Халзанова диктует письмо сыну на фронт о том, что ждет его, но самое главное – дает ему завет, чтобы он служил Родине. Таким образом, нормированная этническая феминность конвенциональна предписанным функциям социальной политики, которые ставило советское государство перед женщиной.

Выделенные для анализа фильмические репрезентации являются визуальными документами, демонстрирующими взгляд художника советской эпохи, представителя национальной интеллигенции, преломленного через парадигму идеологических суждений. Дискурс этногендерных отношений выстраивался в соответствии с легитимными в искусстве советского периода текстами. Визуальная культура, как и словесная, формируется по установленным властью правилам; она продолжает словесную, комментирует ее. Конструирование образа женщины и мужчины, «национальное по форме, социалистическое по содержанию», соответствует историческим канонам времени, и тем самым оказывается лояльным власти. Вместе с тем даже при ограниченных ресурсах выражения этничности символическое пространство указанных фильмов наполнено воображаемой реальностью в восприятии зрителей данных кинолент. Образ «бурята» в советском игровом кино прошел своеобразную андроцентричную эволюцию от агента фронта и наивного колхозника к рефлексирующему интроверту.

Список источников и литературы

1. *Батожабай Д.О.* Песня табунщика: повесть / Пер. с бурят-монг. И. Чернева и Н. Рыбко. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957.
2. *Батожабай Д.О.* Приключения Тумэна: Отрывок из сценария // Бурят-Монгольский комсомолец. 1954. 21 мая, 20 июня, 27 июня.
3. *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
4. *Дамдинов Н.Г.* Избранные произведения: в 2 томах. М. Советская Россия, 1981. Т. 2: Драматургические произведения. Статьи. Выступления.
5. *Дашкова Т.* Идеология и кинорепрезентация (любовь и быт в советских фильмах 30–50-х годов) // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов: Научная книга, 2007. С. 436–467.
6. *Дашкова Т.Ю.* Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный

- канон и советская повседневность. М.: Издательство НЛЮ, 2013.
7. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 251–279.
 8. Рабжаева М.В. Гендерная антропология: концептуальная и институциональная характеристика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 2. С. 133–147.
 9. Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004.

Л.В. Анжиганова

Абакан, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Тенгрианские основания женской культуры хакасов: неотрадиционалистский аспект

В современной науке сложились два подхода к кругу проблем, связанных с пониманием природы этнических процессов – примордиалистский и конструктивистский [2]. С позиций конструктивизма этничность, как известно, рассматривается прежде всего как результат интеллектуального и социального конструирования акторами «воображаемых общностей» для достижения групповых интересов. Как правило, конструктивисты придерживаются модернистских позиций, рассматривая этничность в развитии и в более широком социальном контексте. Заслугой конструктивизма является выделение особой роли этнического самосознания, которое и формирует этническую идентичность в современном полиэтничном мире. Но «слабым местом» данного подхода, на наш взгляд, является исключение из поля исследовательского интереса онтологических оснований этничности.

Примордиалисты, наоборот, делают акцент на именно на них, подчеркивая значение родства и связанных с ним атрибутов – антропологических характеристик, генетических особенностей, эндогамности. Очевидным преимуществом данного подхода представляется особое внимание к биосоциальной природе этнических процессов.

В условиях глобализации этнические общности первыми подвергаются угрозе масштабного экологического кризиса, становясь уязвимыми перед лицом утраты онтологических оснований собственного воспроизводства. Этнолог С.В. Лурье подчеркивает: «Для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакции на ситуацию, которая угрожает ему гибелью» [1, с. 85]. Восстановление целостности и полноты бытия этносов в качестве установки деятельности этнических акторов становится, таким образом, предметом исследовательского интереса.

Поскольку исследуемый нами феномен имеет двойственную природу, постольку и методология изучения должна опираться на двойное основание: изучение наследия и включение его в актуальный социальный контекст. Методология неотрадиционализма становится в этой связи особенно востребованной, так как именно в этом случае можно использовать прошлое как ресурс развития «новых этничностей», способных «вписаться» в модернизацию.

Как показали исследования в тюркских республиках Южной Сибири, особенно в Хакасии, неотрадиционализм может быть не только исследовательским подходом, но и социокультурной практикой, нацеленной на воспроизведение онтологических оснований жизнедеятельности этнической группы в современных условиях. Например, базовых маркеров общеродовой территории, элементов историко-культурного наследия и т.д. Воспроизводство таких маркеров, как общетюркские символы, в условиях глобализации осуществляется носителями современной культуры. Следовательно, даже самые архаичные формы культуры даны исследователю для изучения как современные феномены.

К числу таких феноменов относится религия. Для тюрко-монгольского мира одним из ценностных ориентиров религиозной жизни остается тенгрианство, наиболее полно нацеленное на сакрализацию естественных оснований бытия человека. На наш взгляд, тенгрианство в религиозной жизни многих тюркских народов олицетворяет поиск и установление сакральных связей рода/народа с природными основаниями бытия.

В данном контексте предметом постоянной дискуссии является вопрос о субъектах тенгрианских обрядов: кто может быть услышанным Вечным Синим Небом? В традиционной культуре для проведения обряда выбирался наиболее авторитетный, всей своей жизнью доказавший нравственную чистоту мужчина – алгысчи. В современных практиках неотрадиционализма главным и единственным субъектом обращения к Небу может быть род. Обряд тигир-таих – исключительно коллективное действие людей, объединенных единством цели, обращением к Великому Синему Небу.

Поскольку народы тюрко-монгольского мира исторически ориентированы на примат коллективных ценностей («материнское и отцовское владение») как родина, «черноголовый народ с солнечной грудью», например, у хакасов), то и тенгрианство можно трактовать как коллективистскую религию. Образец добродетельной жизни, которую являет герой эпоса, прославляет подвиг не во имя личной славы, а ради сохранения родины («божественного государства») и народа. Избегание порока также диктовалось заботой о роде, так как предполагалось, что человек реинкарнирует внутри рода. Самые сильные грехи, как известно, наказывались прекращением рода. В этом смысле цель земной жизни человека заключалась не в индивидуальном спасении в нирване или христианском рае, но в вечном возвращении в этот лучший из миров. Коллективную благодать испрашивали всем родом на обряде тигир-таих от Великого Синего Неба. Известно, что в обряде тигир-таих запрет на участие налагался только на женщин детородного возраста в силу особой функциональной связанности с нижним миром. Для участия в обряде девушек и пожилых женщин препятствий не было.

Исторические исследования генезиса тенгрианства в ареале распространения кочевой культуры косвенным образом подтверждает этот тезис. У народов тюрко-монгольского мира в Средневековье женщина в правовом отношении занимала равное с мужчиной положение. В пространстве же своего мира – дом и его окрестности – она сама принимала решения.

Современная хакасская женщина и сегодня, как правило, доминирует в семье, активна в сфере политики, экономики, культуры.

Как показывают данные социологических исследований, в общественном сознании фиксируются опасения, что такая активность является следствием утраты мужчинами маскулинных качеств (мужественности, ответственности, силы духа и проч.). Поэтому все более востребованным становится знание о функциональных ролях мужчин и женщин в традиционном хакасском обществе. Именно об этом говорили делегаты Форума хакасских женщин, состоявшегося в 2012 г.: для того, чтобы мужчины вернули свои маскулинные качества, женщины должны вернуться в свой «женский мир» (материнство, воспитание семейных ценностей). Однако социологический опрос, проведенный автором в 2015 г., что хакасские женщины не готовы отказаться от своих амбиций.

Работа подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-00365 «Проблемы эффективного использования человеческого капитала: региональное измерение».

Список источников и литературы

1. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.
2. *Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.

Е.В. Горбунова

Новосибирск, Новосибирский государственный университет экономики и управления

Мужское и женское в кризисном обществе

В век новых прогрессивных технологий человек по-прежнему остается наедине со «старыми» вопросами: кто я? что есть «мы»? где границы моей самости? «Эпоха перемен» уже слишком далеко ушла от «традиционных» ценностей и предлагает новые способы определения морали, собственной идентичности, представлений о норме. Граница между «привычным» и тем, что может повергнуть в шок, становится все более размытой. Это относится в том числе к гендерной идентичности и гендерным нормам

Датский режиссер Ларс Фон Триер устами героини фильма «Нимфоманка» Джо удивительным образом «рисует» нам портрет современной женщины. Джо считает любовь обманом: она оставляет ребенка и мужа, самостоятельно делает аборт, получив неодобрение и отказ в больничном учреждении. Женщина, не получившая высшего образования, работает секретаршей и выполняет достаточно рутинную работу на протяжении большей части своей жизни. Она хранит в секрете свою «нимфоманию», но в конце концов приходит к выводу, что она вовсе не больна, а ее «сексуальный опыт» ничем не хуже университетского образования.

Итак, современная женщина имеет «права», но при этом она все также заключена в рамки. Однако это уже не традиционалистские рамки. Это внутренние ограничения, возникающие из чувства неуверенности перед лицом постмодернистской неопределенности. Отказ от самоопределения через свою социальную роль, распад личностной целостности на множество мелких осколков, диссоциация своей идентичности... Эти и другие признаки кризиса идентичности человека в современном мире указывают на сдвиг социальной нормы в определении того, что является женским или мужским.

Какой должна быть нормальная женщина и нормальный мужчина? Представления о гендерной норме ясно прочитываются в так наз. типичных качествах, которые якобы должны присутствовать у женщины или мужчины. Однако, если в модерне условные «паттерны» превращались в особый тоталитарный режим, где все «отклонения» становятся преступными, то в постмодернистской повестке дня мы становимся свидетелями иной ситуации. Пресловутый «выбор» и поиск себя в современном обществе превращается в бесцельное блуждание.

Одни запреты исчезают, чтобы появились новые: свобода выглядывает лишь слегка приоткрытой дверцей. Мы не просто мужчины и женщины, пережившие сексуальную революцию и пытающиеся определиться с гендерной «нормой». Перемена пола, отказ от своей гендерной принадлежности и другие проявления сексуальной раскрепощенности есть своеобразная реакция на беско-

нечные попытки создания «идеального» мужского или женского образа в прошлом. Однако возможность распоряжаться своим телом, задавать вопросы и получать ответы по поводу биологического и социального пола остается бременем и ответственностью. Не приведет ли эта ситуация к новому тоталитаризму и «бегству от свободы», к возвращению контроля над телесностью и приватностью со стороны государства, рынка или иных структур?

Переживание одного из героев постмодернистского романа Томаса Пинчона «Радуга тяготения» как нельзя кстати отражает нашу текучую действительность: «Но здесь, в Зоне, категории затуманились напрочь. Статус имени, которого ты хватился, которое любишь и ищешь, стал теперь двусмыслен и далек, но сие не просто бюрократия массового отсутствия — *есть* еще живые, есть уже мертвые, но многие, многие забыли, которые же они. От их подобий проку нет. Здесь, внизу, они лишь обертки, брошенные на свету, во тьме: образы Неизвестности...» [2, с. 359]. Наша новая реальность не чуждается «перверсии», и готовность нести на себе бремя чужеродности, восприятие мужского и женского, очевидно, нарушены. «Женщина – это будущее мужчины», – так звучит название рецензии на фильм Б. Мандико «Дикие мальчишки», сюрреалистичной драмы, где мужчин играют женщины [1]. Гендерная дисфория – лишь отголосок реалий, в которых мужчина нередко «учится» становиться женщиной, и наоборот. «Флюидным» становится не только восприятие мужского и женского: в этой «текучести» риск исчезновения нормы вовлекает нас в мир, где границы не очерчены.

Список источников и литературы

1. Женщина – это будущее мужчины. «Дикие мальчишки» Бертрана Мандико // Cineticle. Интернет-журнал об авторском кино. 18.12.2018. <http://cineticle.com/reviews-/1703-wild-boys-mandico.html>
2. Пинчон Т. Радуга тяготения. М.: Эксмо, 2012.

Е.А. Ерохина*Новосибирск, Новосибирский государственный университет;
Институт философии и права СО РАН***Женское божество и его воплощения в современном
социокультурном неотрадиционализме (по материалам
исследований в Республике Хакасия и Республике Алтай)**

На рубеже XX и XXI вв. Россия, как и весь остальной мир, пережила «религиозный ренессанс», который поставил под вопрос постсекулярный характер современного общества. Не только религиозные институты, но и религиозные верования и мифологические представления продолжают влиять на социальные изменения. Для описания данного парадокса, наиболее выпукло проявляющегося в региональном развитии, Л.В. Анжиганова, С.А. Мадюкова и Ю.В. Попков использовали концепт социокультурного неотрадиционализма [1, 4]. Данный концепт позволяет описать внешне противоречивое развитие региональных полиэтничных сообществ как гибридных, синтезирующих традиционализм и модернизацию.

В научном дискурсе социокультурный неотрадиционализм в настоящее время существует не только как концепт, но и как феномен, требующий исследования. Кризис, в котором оказалось постсоветское общество, породил массовое обращение к архаическим культурным смыслам и социальным практикам, в том числе к осознанному возрождению этнической культуры для решения проблем современного развития общества. Несмотря на различие регионов России, тенденции архаизации и разнообразие форм неотрадиционализма наблюдаются повсеместно. Так, например, анализируя происходящие в 1990-е годы изменения в сибирских регионах с этнической структурой населения (Алтай, Тува, Бурятия, Хакасия), Ч.К. Ламажаа отмечает, что феномены архаизации здесь выразились в первую очередь в натурализации хозяйственной деятельности, в актуализации архаических представлений о земле как территории коллективного пользования родов и отторжении идеи частной собственности на землю, в

массовом возрождении архаических семейно-родовых объединений и правил взаимопомощи (Ламажаа). Указывая на религиозные формы неотрадиционализма, она подчеркнула одновременное возрождение шаманизма и подъем влияния мировых религий [3, с. 69–71].

Ядро традиционной религии алтайцев и хакасов достаточно полно представлено в трех коллективных монографиях под редакцией А.М. Сагалаева «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири» [6, 7, 8]. Можно выделить такие его характеристики, как осознание своего «младшинства» по отношению к окружающей природе [6, с. 187], подчиненность природным ритмам бытия, открытость и незавершенность картины мира, безразличие к противоречиям в структуре картины мира, которая включает следующие компоненты: 1) культ родовых гор и природных объектов; 2) поклонение земле и воде, почитание женской богини Умай; 3) поклонение огню и почитание Неба; 4) представления о едином боге (Кудае, Курбустане) – творце всего сущего; 5) представления о душе (душах) человека, их способности к путешествию в пространстве и во времени [2, 5, 9, 10].

Одним из глубоких архетипических символов культуры коренных народов Южной Сибири является женское божество. Так, например, у хакасов поклонение ему сохранилось до настоящего времени, чему свидетельством является обряд приношения даров Хуртуях-Тас. Стела окуневской культуры, именуемая Хуртуях-Тас (*Мать матерей, Великая Каменная бабушка*), является памятником историко-культурного наследия и культовым объектом. К ней обращаются с просьбой о здоровом потомстве женщины, желающие иметь ребенка, и беременные. Считается, что Хуртуях-Тас покровительствует роженицам и маленьким детям.

В современном фольклоре нередко упоминается связь между почитанием Хуртуях-Тас и поклонением женскому божеству тюркских народов, Умай, покровительнице детей и матерей. Является ли Хуртуях-Тас воплощением богини Умай в традиционной культуре хакасов, определено сказать трудно. Но можно предположить, что часть верующих сегодня считает именно так.

В пользу этого говорят и свидетельства участников ритуального кормления, и характер подношений, среди которых не только пища, но и детские игрушки.

Другим примером формирования нового фольклорного нарратива вокруг Хуртуях-Тас является появление различных вариантов интерпретации изображений на ее поверхности, трактуемых как элементы традиционной картины мира, космогонического мифа, включающего его трехчастную структуру и возможность путешествия душ между мирами. Насколько эти натурфилософские реконструкции адекватны мировоззрению людей, живших на рубеже III и II тыс. до н.э., сказать трудно. Тем не менее потребность связать древних окуневцев с современными хакасами как предков и потомков выступает свидетельством жизнеспособности традиции, которая существует в том числе благодаря проникновению научных знаний в религиозный дискурс.

В современных реалиях в ткань религиозного творчества вплетаются не только традиционные мифопоэтические сюжеты, но и элементы научной картины мира, научно-популярные представления и открытия. Так, например, в 1993 г. на плато Укок была сделана уникальная находка пазырыкской женщины, известной ныне как принцесса Кыдын (Очи Бала). В массовом сознании алтайцев она подверглась сакрализации как алтайская принцесса.

В современной неомифологии феномен принцессы Укока играет важную роль. Так, например, серия стихийных бедствий, таких, как землетрясение 2003 г. или наводнение на Катунь в 2014 г., связывались с гневом принцессы, по сути, нового женского божества. В настоящее время вокруг этого символа сформировался круг адептов, отстаивающих идею ее признания в качестве божества – прародителя алтайцев. Ее внешний облик и элементы татуировок обыгрываются в художественном творчестве, в том числе в профессиональном искусстве, соединяя научный, эстетический и религиозный нарратив в социальных действиях, имеющих политическое и этическое содержание. В этом дискурсе примечательно соединение иррациональных по своей природе, религиозных убеждений с вполне светскими и рациональными

этическими аргументами, такими, например, как право умершего на погребение и уважение к его личности.

Хотя христианство и другие мировые религии оставили глубокий след в религиозном синкретизме тюрков Южной Сибири, можно заметить, что элементы языческого политеизма продолжают сохранять свое значение в устойчивой системе воспроизводства традиционной религии алтайцев и хакасов. В ней большую роль играет культ женского божества как покровительницы семьи, рода, народа, всех людей, живущих на земле.

Список источников и литературы

1. *Анжиганова Л.В.* Женский мир: эволюция ценностей, символов, ритуалов. Абакан: Дом литераторов, 2017.
2. *Дыренкова Н.П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012.
3. *Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш.* Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.
4. *Мадюкова С.А., Попков Ю.В.* Феномен социокультурного неотрадиционализма. Новосибирск: Алейтейя, 2011.
5. *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991.
6. *Сагалаев А.М., Октябрьская И.В.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990.
7. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988.
8. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989.
9. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.
10. *Тюхтенева С.П.* «Земля-мать» в онтологии и фольклоре современных алтайцев // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 6. С. 11–116.

Е.А. Сорокина*Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН***Конфессиональный опыт современной Швеции:
гендерный аспект**

Церковь Швеции является одной из крупнейших лютеранских церквей в мире. Членами церкви являются более 5,5 млн человек. Но посещает регулярно богослужения лишь около 2% из них. Пастора выбирают в общине (приходе) совместно прихожане-миряне и церковнослужители. В Швеции церковь была окончательно отделена от государства в 2000 г. Тогда же отменили и церковный налог, который прежде платили все, кто входил в шведскую церковь. Шведская церковь в наше время по-прежнему может регистрировать рождение детей своих прихожан, проводить церемонии бракосочетания, совершать отпевания, следить и ухаживать за кладбищами. Исследователи отмечают, что пасторы в шведской церкви обсуждают часто темы, волнующие все гражданское общество (вопросы экологии, толерантности, равноправия, помощи инвалидам и проч.) и значительно реже – чисто богословские темы [1].

Обратимся к некоторым современным реалиям этноконфессиональной практики шведской лютеранской церкви. Одним из значительных шагов в либерализации церковных норм и устоев стало разрешение введения в Швеции женского священства еще в 1958 г. Это означало, что женщины могли становиться священниками; после определенного срока обучения и работы в иных качествах их могли рукоположить в священники. В наши дни уже более трети пасторов – это женщины. И в настоящее время главой Церкви Швеции избрана епископ Антье Якелен (с 2014 г.).

Обратим внимание на несколько важных, на наш взгляд, деталей. Так, священник (или же священница – такое название нам тоже встречалось в литературе) может воспринимать свою деятельность нередко лишь как определенный (даже не особый) вид трудовой деятельности. В таком случае, обсуждения религиозных

догм и прочие специальные темы необязательно будут приоритетными в работе священнослужителя. Священнослужение – это вид трудовой деятельности и существует необходимый элемент рынка труда – это профсоюз, который называется Ассоциацией работников Церкви Швеции. Кроме того, в приходах шведской церкви очень распространено хоровое пение, и руководители хоров и музыканты могут также получать в приходе зарплату и состоять в своих отдельных профессиональных союзах.

На протяжении последних лет одной из важных и востребованных обществом и прихожанами тем деятельности Шведской церкви стала ее работа по оказанию разнообразной помощи мигрантам, прибывшим в страну. Эта благотворительная работа очень разнообразна – от организации питания мигрантов, предоставления им временного приюта, обеспечения самым необходимым до решения иных практических вопросов – поисков работы и школ для детей. Особо отметим, что такого рода благотворительную помощь Шведская церковь оказывает независимо от вероисповедания мигранта (неважно – христианин, буддист и т.д.). Но на сегодня основная масса мигрантов (более 90%) – это мусульмане. Приходы, таким образом, могут стать своего рода культурными и, нередко, образовательными центрами. Такая работа шведской церкви высоко ценится в шведском обществе и воспринимается как важная миссия. Можно сказать, что в настоящее время шведская церковь ориентирована в своей деятельности во многом на реализацию социальных проектов, в центре ее внимания гендерные темы и задачи воспитания толерантности. Но надо отметить, что не все воспринимают однозначно позитивно такую вовлеченность Шведской церкви в работу с мигрантами. Некоторые считают, что такая активность может способствовать «размыванию» шведской церкви.

В 2005 г. церковный Собор (высший орган Шведской церкви) принял решение благословлять гомосексуальные союзы. (Решение о венчании таких пар было принято позднее, в 2009 г.). В 2007 г. (в связи с вышеуказанным актом) прекратились официальные взаимоотношения представителей Московского патриархата и Шведской церкви. В 2009 г. епископом Стокгольма стала откры-

тая лесбиянка Ева Брунне. На протяжении последнего времени для всей шведской общественной жизни и, в частности, для церковной жизни становится все более обычной практикой говорить о некоем нейтральном, так называемом «третьем» поле, который называют *hen*. Традиционно речь шла о мужчинах и женщинах («он» (*han*) и «она» (*hon*)). Шведское общество в целом и шведская церковь в частности очень толерантно относятся к трансгендерам, ЛГБТ-сообществу, его представителям и их проблемам.

Такая «терпимость» может приобретать довольно странные, на наш взгляд, формы и проявления. К примеру, в церкви Святого Павла в Мальмё в ноябре 2019 г. открыли алтарь, на котором изображен так наз. рай для секс-меньшинств. Это означает, что вместо изображения традиционных Адама и Евы были представлены две однополые пары [3]. Это первый и единственный на данный момент алтарь такого плана. Этот алтарь создан, так сказать, «по мотивам» известной картины «Адам и Ева» Лукаса Кранаха (XVI в.), которая для своего времени была достаточно смелым изображением. Распространение нетрадиционной сексуальной культуры и ориентации приносит и свои «плоды». Так, специалисты отмечают, что на протяжении последних нескольких лет увеличилось число подростков, которые хотят сменить пол, стать трансгендерами. Мотивировка удивительная – они так себя чувствуют и ощущают, что их личные представления не соответствуют реальности их половой идентичности (или психологическое самоощущение девочки-подростка не совпадает с биологическим) [2]. Таким девочкам-подросткам даже могут назначить операцию и гормональную терапию, и никто им не объяснит, что проблемы могут быть в том, что мы бы назвали «трудностями переходного возраста». Также подросткам не говорят о медицинских, этических особенностях и последствиях такого рода операций. Думается, что открытая пропаганда нетрадиционных ценностей приводит не только к размыванию и даже уничтожению традиционных ценностей (семья, дети, родители), но и негативно воздействуют на психику подростков.

Традиционная шведская лютеранская церковь на протяжении последних десятилетий демонстрирует, можно сказать, крайне мо-

дернистский и либеральный подход в решении, казалось бы, традиционных вопросов. И, к сожалению, в таком контексте нередко даже не приходится говорить о какой-либо полноценной самореализации мужчин и женщин в этноконфессиональных практиках, если не иметь в виду женское священство. Нередко на первый план выходят совсем иные темы, далекие от поддержки традиционных моральных ценностей и норм. Думается, что роль семьи в воспитании детей и передаче им традиций трудно переоценить. Такая позиция православного священника прихода Сергия Радонежского в Стокгольме категорически не совпадает со шведской официальной ювенальной юстицией, действиями государственной службы опеки и в целом шведской концепцией по отношению к детям [4]. Если коротко сформулировать – считается, что ребенок всегда прав. Он может пожаловаться омбудсмену на родителей и будут приняты меры против них, «притесняющих» ребенка. Надо констатировать, что ответ на вопрос, который задают сами шведские пасторы – «почему традиционная паства разбегается» – состоит и в том, что традиционные ценности и нормы сейчас не находятся в центре внимания современной шведской церкви.

Подготовлено по плану НИР «Многообразие культур и стратегии развития. Институты и управление в полиэтничных обществах. Европейский образ жизни в диалоге культур».

Список источников и литературы

1. Религия и церковь в современной Швеции // Отв. ред. О.В. Чернышева. М.: Наука, 2015.
2. Explosionsartad ökning av tonåringar som genomgår könskorrigering // svt.se. 10.02.20. <https://www.svt.se/nyheter/granskning/ug/explosionsartad-okning-av-tonaringar-som-genomgar-konskorrigering/20190628/245369707>
3. Malmökyrka inviger ny altartavla hbtq versionen av paradise // Expressen. 30.11.2019. <https://www.expressen.se/kvallsposten/malmokyrka-inviger-ny-altartavla-hbtq-versionen-av-paradiset//246370964Wf960G-B9HjkFUV2hmB7mjmJIu>
4. Shvedy i russkii prihod v Stockholm // Skandinavia.livejournal. 17.10.2019. <https://skandinavia.livejournal.com/186282.html>

А.В. Фролова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

**«Знающая»: возвращение в традицию
в современном сельском сообществе
(по материалам Архангельского Севера)**

Для написания статьи использовался обширный полевой этнографический материал, собранный автором в деревнях Пинежского, Мезенского, Лешуконского р-нов Архангельской обл. в 2003–2011 гг., а также опубликованные материалы.

Многовековой опыт севернорусского населения, живущего в экстремальных природных условиях, отразился и в общем высоком уровне бытования магии. В традиционной жизни сельского сообщества Архангельского Севера люди, обладающие магическим знанием и знающиеся с нечистой силой, всегда занимали особое место. Это явление можно назвать феноменом севернорусской культуры. Как правило, и по сей день в кусте (нескольких рядом расположенных деревень, объединенных родовыми и историко-культурными традициями) обязательно есть человек, который, по общему мнению, умеет колдовать – знает, как говорят местные жители. Обычно сами эти люди не склонны афишировать свое знание, и о них не говорят о них открыто, однако это не мешает всем окружающим знать, к кому следует обращаться в случае болезни, для поиска заблудившегося в лесу человека, для приворота возлюбленного и т.д. На Архангельском Севере таких людей называют *знатками*, *знающими*. Это самое общее наименование, отражающее не оценочную позицию, а суть явления: эти люди знают нечто, чего не знают другие, – обладают особым, тайным знанием – и еще они знают с потусторонними силами. Весь комплекс тайного, магического знания и в наши дни называют *знатьём*. Фигура знающего возникает, когда «домашних» средств в лечении или других проблем оказывается недостаточно. *Знаток*, к которому обращаются за помощью, не обязательно сам принимал участие в обряде – он может просто дать *слова*: наговорить на предмет или написать заговор на бумажке и сказать, что с этим предметом и словами делать.

Анализируя полевой материал, можно отметить, что в последние годы происходит трансформация значения термина *знающий*. Достаточно четко разделяют термин «знающая, знаток» и «колдун, колдунья». Под определением *знающие* на Архангельском Севере подразумевают, как правило, добрую бабушку, пожилую женщину, лечащую травами, а сильная *знающая* способна заговаривать грыжи и главное снимать с детей сглаз. Как говорили мои информаторы. «Урочат много – глазят – бабушки тоже лечат» [1]. Колдун, колдунья – соответственно, мужчина и женщина – отрицательные персонажи, злые и более сильные по сравнению со знающими.

Отношение к *знаткам* со стороны окружающих может быть разным: страх и уважение, недовольство и надежда – всё это определяет достаточно высокий статус знатка в современной сельской среде Архангельского Севера. Его опасаются и к нему идут за помощью, в нем видят и спасение, и причину многих проблем.

Широко распространено представление о том, что колдовать мог лишь тот знающий, у которого были все зубы. «Женщины были знающие, раньше Егоровна была нет-нет да и подлечит, а сейчас, говорит не могу, зубов совсем нет» [2]. По общему народному мнению, современное Пинежье и Мезень оставляют за собой славу районов, где больше колдуют, и в наши дни здесь продолжают рассказывать удивительные истории о способностях знающих, однако сильных *знающих*, таких, какие бывали раньше, теперь не стало.

На протяжении советского и постсоветского времени происходила нивелировка функций и значения *знающего* в сельской среде, стерлись четкие грани между понятиями, определяющими их как колдунов или знахарей. Теперь могут назвать *знающим* и бывшего охотника, рыбака или пастуха, обладающих лишь традиционными знаниями. В наши дни по народным представлениям носителями сакрального знания могут быть и странно выглядящие, и соответственно ведущие себя люди – иноверцы, буддисты, цыгане, нищие.

В последние десятилетия интерес к феномену *знающего* увеличился. Часто *знающими* становится сельская интеллигенция: учителя, медицинские работники, и поступок этот осознан с их стороны. Медсестра стала знатоком, применяя знания, услышанные от сосед-

ки. Учительница сельской школы собирала материал о знающих, что-то узнавая от родственников, затем сама начала лечить людей [3].

Многие специально перенимают знатё у престарелых родственников, могут даже идти ради этого на некоторые ограничения и жертвы, чтобы затем *мочь знатить*, лечить, колдовать, а впоследствии оказаться перед опасностью тяжелой мучительной смерти, какой умирают знатки, не передавшие своего знатья. Подчас в условиях фактически отсутствующей в деревнях медицины и родовспоможения *знатки* и выполняли эти функции, иногда сильно облегчая жизнь односельчанам. К сожалению, мой полевой материал выявил не просто осторожное отношение, а недоверие сельчан к медработникам и современной медицине. Реалии нашего времени вносит коррективы в традиционную культуру, таковы мотивы соперничества врачей и *знающих*. Что не получается у современных медиков и специалистов, получается у знахарок.

В процессе многовекового освоения края у севернорусского населения сложилась и своеобразная культура народно-медицинских практик, с разнообразными способами лечения больных. Практически все действия по излечению включают в себя элементы православной символики и атрибутики. Многие из этих практик не забыты и продолжают бытовать и в наши дни, особенно распространенным является заговор от детской пупочной грыжи. Подобные тексты старинных лечебных заговоров передаются в наследство от бабушек, мам. Также многие черпают информацию из СМИ, Интернета. В целом набор рациональных средств лечения определяется и сейчас спецификой местных лечебных растений [5, с. 226–229], а также обязательностью банных процедур для излечения практически всех болезней. Естественно, при тяжелых заболеваниях используют все известные способы лечения – от православных до травных и магических. Как наиболее действенное средство для исцеления заболевшего воздвигали кресты по обету. Эта традиция широко распространена и в наши дни [4].

Этнокультурный феномен *знающего* сохраняется и продолжает играть значительную роль в севернорусской деревне, оставаясь важной частью ее жизни. Возможности *знающего* претер-

пели трансформацию и ограничены, как правило, семейными и хозяйственными рамками. Этот феномен, приспособившийся к требованиям новой реальности, безусловно, достаточно устойчив и обладает локальной спецификой.

Вера в колдовство представляет собой своего рода символическую оболочку социальной структуры, имеющую тенденцию к сохранению до тех пор, пока существует особая информационно-коммуникативная среда, характерная для микросоциумов традиционного типа, или «соседских сообществ» [6, с. 149], каковым является севернорусская деревня. Представления о *знающих* оказываются тесно сопряжены с идеями власти как повышения социального статуса, а также с разнообразными социальными страхами.

Этому способствовал и сформировавшийся своеобразный комплекс народной культуры с определенным типом мировоззрения, которому соответствовал скрытый характер народной религиозности. Гендерные стереотипы и традиционные представления при всем их разнообразии сохраняются и продолжают оказывать определенное воздействие, особенно на женщин, не давая забыть и полностью игнорировать православные нормы поведения.

Работа выполнена при финансовом содействии гранта РФФИ № 20-09-00063 А «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ».

Список источников и литературы

1. Полевые материалы автора (ПМА). 2003 г.; д. Шотова, Пинежский р-н (информант: М.А. Суховерова, 1931 г.р.).
2. ПМА. 2005 г.; с. Дорогорское Мезенский р-н (информант: Е.М. Макурина, 1924 г.р.).
3. ПМА. 2003–2005 гг. Экспедиция в Пинежский и Мезенский районы.
4. ПМА. 2003–2011 гг. Экспедиция в Поморский, Кенозерский, Холмогорский, Пинежский и Мезенский районы.
5. *Фролова А.В.* Травы и знающие в современной традиции Пинежья и Мезени // Медицинская антропология, проблемы, методы, исследовательское поле. Труды по медицинской антропологии. М.: ООО «Публисити», 2015. С. 225–235.
6. *Христофорова О.Б.* Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010.

РАЗДЕЛ 15

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И МЕЦЕНАТСТВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.И. Юкина

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»*

Женский путь в благотворительность: барьеры и инновации

Несмотря на то, что милосердие в XIX в. считалось исключительно женским качеством, имманентно присущим женщинам, путь в благотворительную деятельность для них не был легким. С одной стороны, существовали структурные барьеры, одинаковые для всех подданных империи, с другой – специфические женские. В 1848 г. (после революций в Европе) Николай I наложил запрет на учреждение благотворительных обществ. Законодательство и процедуры и до этого указа жестко ограничивали круг людей, которые могли стать благотворителями. Так, для создания добровольного благотворительного общества требовалось Высочайшее разрешение, поданное через Комитет министров, а для открытия благотворительного заведения необходимо было обеспечить его основным капиталом. Только состоятельные люди с положением в обществе могли заниматься этой деятельностью. В 1859 г. император Александр II отменил этот запрет, нет сомнений, что под давлением общественности, так как прошения об учреждении благотворительных обществ росли как снежный ком [2, с. 285]. Женщины разных сословий, прежде всего дворянки, включились в созидательную общественную деятельность.

Благотворительность в России строилась на тех же самых принципах, на которых держалось российское домодерное общество – жесткая иерархия, патернализм, контроль. Женские инициативы в годы Великих реформ привнесли новые принципы в благотворительность – всеословность, уважение к получателям благ, их собственную ответственность за свою судьбу, инициативность, солидарность и сотрудничество.

В отечественной историографии хорошо известен факт создания в 1859 г. «Общества дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга». Цель проекта – предоставить бедным жителям возможность вести достойный образ жизни, проживая в хорошей квартире на кооперативных началах. Практически сразу учредительницы разошлись во мнении о принципах отношений с опекаемыми. Одна часть настаивала на традиционной модели отношений – полный контроль и назидание, другие (М.В. Трубникова, А.П. Философова, гр. В.Н. Ростовцева и др.) – на уважении к чувству личного достоинства подопечных и солидарного сотрудничества с ними. В результате инициаторши создали два общества и сняли две квартиры. Нужно констатировать тот факт, что проект группы Трубниковой провалился. Опекаемые – работницы, ремесленницы, бедные чиновницы, оказались не готовы к таким отношениям. Они демонстрировали безучастность, инертность, иждивенческие настроения, в их комнатах было грязно, долги по квартплате росли. Дамы-благотворительницы признали свое поражение. По их мнению, причиной неудачи было то, что женщины городских низов были слишком задавлены обстоятельствами и оказались «не способными изменить свои взгляды» [3, с. 39], но сами принципы «конструктивной» благотворительности остались для них незыблемыми.

Придворные дамы действовали с большим размахом. В их планах (блестяще осуществленных) было создание общенациональной организации также на новых основаниях как частного, добровольного, всеословного общества, объединяющего всю нацию в ответственности перед его защитниками. Доступ в организацию был открыт «всем и каждому, без различия звания, состояния и пола» [1, с. 9].

Несмотря на обширную историографию о Российском Обществе Красного Креста (РОКК), мало известен тот факт, что его инициаторшами были две придворные дамы – учительница музыки императорских детей М.С. Сабина и фрейлина императрицы баронесса М.П. Фредерикс при мощной поддержке императрицы Марии Александровны.

Идея создать общество в поддержку воинов, проливших кровь за Отечество, принадлежала М.С. Сабининой. Ее инициатива откликнулась на идеи прав человека, ценности человеческой жизни, деятельного участия подданных в судьбе общества, набравших силу в России. На пути их деятельности встал еще один барьер – представления о роли женщин в публичной политике. Несмотря на то, что инициатива нашла «великое сочувствие» среди многих влиятельных людей (военных, врачей, чиновников), против выступила церковь. Митрополит Московский и Коломенский Филарет категорически воспротивился участию женщин в «управлениях» наряду с мужчинами. Устроительницы Общества отреагировали остро. Из письма Фредерикс: «Высокопреосвященный Филарет видит залог для успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях. <...> Без всякого сомнения, женщины, вне круга семейных обязанностей, должны довольствоваться скромной долей деятельности; но во всех государствах, опередивших нас по пути просвещения, в скромной доле сей женщинам не отказывают действовать на поприще благотворительности вместе с мужчинами. Какие соображения могли привести его высокопреосвященство к такому нелестному для Русских женщин мнению, не понятно, а для меня особенно было бы любопытно ознакомиться с ними» [1, с. 14–15]. Но силы были не равны, даже несмотря на поддержку императрицы. Филарет пригрозил, что не останется членом организации, если дамы от мужчин не будут отделены. Пришлось уступить и отказаться от декларируемого тезиса о «пользе и крайней необходимости» участия дам и их праве «быть членами в местных управлениях» [1, с. 13]. Дамам было предложено создавать отдельные Дамские комитеты. Именно Дамские комитеты – губернские и провинциаль-

ные – выполняли основную работу по сбору средств, подготовке сестер милосердия, устройству мастерских для производства необходимых лазаретных приспособлений, организации подачи медицинской помощи и т.д.

В результате энергичных усилий трех дам 3 мая 1867 г. император подписал указ об основании частного «Общества попечения о раненых и больных воинах» (с 1879 г. – РОКК). Созыв общего учредительного собрания членов Общества в очередной раз спровоцировал конфликт между инициаторшами и официальными лицами. Письмо баронессы М.П. Фредерикс председателю Общества генерал-адъютанту А.А. Зеленому дает нам возможность понять ее представления о праве женщин на участие в благотворительности и требование уважения к своей работе: «Я только сейчас узнала от Ея Величества, что вы ей сказали, будто дамам совершенно не нужно быть на общем собрании... Прошу вас объяснить, в чем дело... Все эти противоречия и препятствия, которые ставят дамам в этом благотворительном деле, отбивают у меня всякую охоту ко всякой дальнейшей деятельности в деле, бывшем для меня таким святым, начатым в таком усердием. Я настаивала на присутствии дам на выборах, чтобы в самом начале не было разрыва Общества – разрыва, против которого я так упорно стояла». [1, с. 22]. В ответ Зеленый пишет: «Весьма сожалею, что мой ответ дал повод предположить о нежелании видеть дам в нашем собрании; со своей стороны я напротив, желал бы полного участия дам в нашем совещании; и как весь успех нашего дела, *начатого дамами* (курсив Алмазовой), вижу только в будущей их деятельности, то не мог не желать и присутствия их в собрании... Мне весьма прискорбно, ... если дамы охладели к святому делу Общества: тогда мы будем должны отказаться *от всех надежд на достижение цели* (курсив Алмазовой). Позвольте принести вам искреннюю благодарность за сообщенную заметку о неточности выражения в объяснении к уставу. Я воспользовался ею и изменил редакцию» [1, с. 22–23]. Собрание прошло при участии дам, баронесса М.П. Фредерикс и М.С. Сабина «блестящим образом» были выбраны почетными и пожизненными чле-

нами Общества. Это было единственное, чем присутствующие смогли отметить их труд.

В 1875 г. генерал-лейтенант А.К. Баумгартен написал баронессе Фредерикс: «Самый же важный успех Общества в том именно направлении, в котором вы, вместе с Марфюю Степановною, так хлопотали: это привлечение женщин наравне с мужчинами к деятельности по Обществу. В новом уставе уже допущены в состав местных управлений и дамы, и в самом непродолжительном времени будет сделано представление, чтобы в местных управлениях могли быть председатели или председательницы по желанию. С утверждением этого представления, после восьмилетних колебаний, мы снова встанем в то положение, в котором хотели видеть наше общество вначале» [1, с. 19–20].

Инновации основательниц первых частных, добровольных, благотворительных обществ способствовали смене ценностных оснований и принципов благотворительной деятельности в России.

Список источников и литературы

1. *Алмазова Н.И.* К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892.
2. *Линдермейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1877. М., 1992. С. 283–300.
3. *Менжинская М.* Мое знакомство с М.В. Трубниковой // Женское дело. 1899. № 12.

Е.В. Симонова

*Тула, Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого*

Благотворительность в Тульской губернии в XIX – начале XX в.: гендерный аспект

Влияние модернизации XIX – начала XX в. на социально-экономическое, культурное, политическое развитие страны широко рассматривается учеными в рамках тематических исследований.

В то же время гендерные аспекты благотворительности пока не нашли должного отражения, хотя и являются заметной характеристикой повышения статуса женщины в обществе, расширения ее участия в социальных процессах.

Благотворительность развивалась в российском обществе на протяжении многих столетий, являлась необходимым инструментом для снижения социальной напряженности в обществе, одной из характеристик ментальности социальных страт. Государство пыталось создать структуры, призванные систематизировать и поставить под контроль общественную помощь малоимущим и нищим, однако средств постоянно не хватало, и роль частных пожертвований усиливалась.

Доклад посвящен гендерному аспекту развития благотворительности в Тульской губернии, типичной для Центральной России (сочетавшей в себе как черты Центрально-Промышленного, так и Центрально-Земледельческого районов), в нем исследуется динамика благотворительной деятельности в XIX – начале XX в. по ряду индикаторов (сословная принадлежность, мотивация, формы). Исследование проведено на основе источников, отложившихся в Государственном архиве Тульской области (далее – ГУ ГАТО): отчетов уездных исправников, отчетов губернаторов, отчетов и журналов заседаний городских управ и земств, различных благотворительных учреждений), а также наблюдений санитарных врачей, публикаций в местной прессе и др.

Пореформенные социально-экономические условия (развитие рынка, расширение предпринимательства) позволили имущим слоям общества расширять и благотворительную деятельность (увеличивать денежные взносы, отдавать дома и усадьбы под приюты, богадельни, больницы). Расширение компетенций местного самоуправления во второй половине XIX в. выразилось и в деле контроля благотворительных учреждений на фоне развивающейся тенденции снижения роли государства в этой сфере. Модернизация всех сторон жизни повлияла на процесс эмансипации: женщины не только успешно справлялись с руководством семейными промышленными и торговыми предприятиями [1, с.

34–40], но и учреждали благотворительные общества и содержали благотворительные учреждения.

Мотивация благотворительной деятельности была различной и обуславливалась в первую очередь, религиозными взглядами (у всех сословий взгляд на пожертвования бедным как на возможность искупления грехов прочно закрепился в религиозном мировоззрении). Например, крупный тульский фабрикант А.С. Баташёв, выходец из купеческой семьи, писал в своих воспоминаниях: «Небо награждало меня златом, и его-то раздавал по внушению свыше» [2, с. 41]. Заметную роль играли семейный уклад и традиции помогать обездоленным, вносить пожертвования церквям. Многие семьи на протяжении многих поколений опекали приходские церкви. Так, тульские купцы Володимеровы (Владимировы) с 1712 г. до конца XIX в. являлись жертвователями Вознесенской церкви, Ливенцовы поддерживали Крестовоздвиженскую церковь, купцы Добрынины вносили крупные пожертвования Щегловскому монастырю [12, с. 181, 262, 209]. Вдовы занимались не только исполнением духовных завещаний мужей, но и в память о них занимались благотворительностью: открывали школы [3, с. 337; 12, с. 181, 262, 209], богадельни и лечебницы [7; 11].

Среди мотивов благотворительности – стремление поддержать и повысить общественный статус, заинтересованность в улучшении жизни рабочих на предприятиях, корпоративные интересы (поддержать нуждающихся собратьев по сословию). И если мужчины, расширяя благотворительную деятельность, могли рассчитывать на повышение статуса (получить почетного гражданина города, занять более высокое место в иерархии гласных городской думы, расширить контакты с представителями местной власти), то социальная деятельность женщин дворянского и купеческого сословия (занимающихся вспомоществованием не только представителей своего сословия, но и нуждающихся городских и сельских обывателей) была обусловлена, прежде всего, духовными мотивами, так как возможности участия в самоуправлениях женщины были лишены.

Формы благотворительной деятельности были различны, и в течение времени становились все более разнообразными. Наибо-

лее распространенными формами как у мужчин, так и у женщин были пожертвования в пользу церкви (денежные и вещественные пожертвования церквям и храмам, епархиальным богадельням) [5, л. 41–43; 10, с. 6], личная и прямая помощь (например, пострадавшим от неурожая и голода [3, с. 337], по выходу замуж, раздача денег к праздникам), благотворительным обществам и учреждениям, выдача стипендий для оплаты обучения детей и пособий бедным представителям своего сословия. Становится традицией участие жен генерал-губернаторов в создании и участии в деятельности благотворительных обществ. Так, Е.Ф. Крузенштерн, А.М. Дараган, Л.В. Шидловская, С.Д. Арсеньева, М.А. Ушакова, А.С. Хомякова, Ю.Ю. Ушакова, М.И. Зиновьева в разное время являлись попечительницами Николаевского, Мариинского, Красноглазовского детских приютов [6, л. 48; 8, с. 16–22].

В архивных документах чаще встречаются мужские имена, но круг благотворителей в пореформенный период расширяется, в том числе за счет участия женщин [6]. Так, по данным 1914–1915 гг. среди благотворителей двух учреждений Алексина уже большинство женщины – вдова поручика Е.И. Бенардаки, купчихи Кожевникова, Желудкова, Русакова, наряду с мужчинами – купцами Масловыми, Колобаевым, Рыкаловым [4, л. 40, 56об–57, 65об–66, 90, 100об–103, 118об–119, 136, 150, 161; 9].

Таким образом, социально-экономическая модернизация повлияла и на женщин, все чаще они становились главами семей, что расширяло их финансовые и социальные возможности, в том числе и заниматься благотворительной деятельностью.

Список источников и литературы

1. Антонова И.А. Женщина во главе городской семьи г. Тулы в середине XIX в. // Тульский краеведческий альманах. 2013. Вып. 10. Тула: Тульский полиграфист. С. 34–40.
2. Баташёв А.С. Жизнь и труды. Тула, 1909.
3. Благотворительность в России. СПб., 1907. Т.2. Тульская губерния.
4. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГУ ГАТО). Ф. 52. Оп. 1. Д. 1237.
5. ГУ ГАТО. Ф.776. Оп. 1. Д.6.

6. ГУ ГАТО. Ф.86. Оп.1. Д. 748.
7. Ефремовское попечительство. Б.М., 1891.
8. Историческая записка о тульских детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии. Тула, 1899.
9. Обзор Тульской губернии за 1914 г. Тула, 1915.
10. Отчет о деятельности церковно-приходского попечительства Соборной Успенской церкви г. Каширы за 1897 г. М., 1898.
11. Тульские епархиальные ведомости. 1898. № 1.
12. Тульский Синодик. Тульская епархия (1558–2009). Тула, 2010.

М.Б. Буланова

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Лидия Алексеевна Шанявская: благотворитель и меценат

В истории есть люди, старающиеся еще при жизни сохранить о себе и своих делах память: они, как правило, пишут автобиографии или мемуары либо стремятся к тому, чтобы оставить о себе воспоминания каким-то другим способом. Лидия Алексеевна Шанявская (урожд. Родственная) не относится к таким людям. Она оставила воспоминания, но о своем супруге – Альфонсе Леоновиче Шанявском, написав его биографию для потомков. Вместе с тем, ее вклад как мецената в сфере образования не менее существенный, а более долгая жизнь (после смерти мужа она прожила 16 лет) предоставила ей и большую возможность для благотворительной деятельности.

Исследователям не удалось установить точную дату и место рождения Лидии Алексеевны. Можно только предположить, что, если на момент кончины в 1921 г. ей (по некоторым свидетельствам) было около 80 лет, то самая ранняя дата рождения – 1841. Известны ее родители – отец Алексей Федорович Родственный (полковник в отставке, директор Нерчинских заводов) и мать Аполлинария Ивановна (сибирская золотопромышленница). Лидия получила домашнее образование, ее учителем был участник Варшавской организации «Содружество польского народа» Владислав Рабцевич. Возможно, поэтому ей оказалось проще связать

свою жизнь с поляком по происхождению (как ее учитель) и военным по службе (как и отец) – Альфонсом Шанявским. Брак Лидии Алексеевны Родственной и Альфонсом Леоновичем Шанявским был заключен в Иркутске в 1872 г. По нашим приблизительным расчетам, на момент заключения брака невесте был 31 год. Брак в такие зрелые годы, безусловно, был осознанным и, используя современный термин, эгалитарным (равным). Дальнейшая судьба Лидии Алексеевны это полностью подтверждает.

Возникает естественный вопрос, а чем занималась Лидия Алексеевна до вступления в брак с Альфонсом Леоновичем? По мнению П.Ю. Афанасьева, она занималась предпринимательской деятельностью в сфере золотодобычи (как ее мама). Правда, на момент знакомства с Шанявским дела на приисках семейства Родственных шли не так успешно. Но именно Лидия Алексеевна инициировала с 1874 г. поиски золота на реке Зея, успех которых в дальнейшем привел к появлению компании Сабашниковых-Шанявских. В золотодобыче супруги Шанявские не конкурировали между собой, они были компаньонами с одинаковым количеством паев [1]. Так же единокорны супруги были и в том, как считали нужным распорядиться вырученными на приисках средствами, став меценатами народного образования и просвещения.

Необходимо отметить тот факт, что еще до замужества, в девичестве, Лидия Алексеевна была приверженцем идеи женского образования, а точнее – образования медицинского. В то время медицина считалась занятием мужским, а высшее образование разрешалось только лицам дворянского происхождения, поэтому требовалось немало мужества, чтобы поехать в Петербург решать вопрос организации «Женских медицинских курсов». В том, чтобы преодолеть сопротивление чиновников, далеко не всегда помогали материальные средства. Л.А. Родственная не только пожертвовала на это благое дело весьма солидную сумму – 50 тыс. рублей, но и лично убедила министра Д.А. Милютина в необходимости открытия таких курсов. По мнению ряда исследователей, именно во время «хождения по кабинетам» Лидия Алексеевна встретила Альфонса Леоновича и буквально «заразила его своей идеей».

В 1872 г. при Медико-хирургической академии были открыты «Курсы для образования ученых акушерок» с 4-годовалным обучением. Все слушательницы, окончившие курсы и выдержавшие итоговые испытания, получали специальное разрешение заниматься врачебной практикой. С 1877 г. они были переименованы в «Высшие женские врачебные курсы». Но сопротивление властей не было сломлено. Воспользовавшись тем, что Курсы относились к военному ведомству, в 1881 г. военный министр П.С. Ванновский обратился к императору Александру III с просьбой об их закрытии, мотивируя тем, что помещение госпиталя, которое они занимали, необходимо клиникам Военно-Медицинской академии. С 5 августа 1882 г. прием на Курсы был прекращен, что вызвало возмущение со стороны медицинской общественности во главе с С.П. Боткиным. Не надо говорить, что и супруги Шанявские включились в движение за возвращение «своего детища». И опять Лидия Алексеевна вынуждена была ходить по инстанциям лично. Так, в своих «Записках» М.В. Сабашников вспоминал, что Лидия Алексеевна добилась от наиболее негативно относящегося к идее женского образования члена Государственного совета К.П. Победоносцева обещания не являться на заседание, в повестке дня которого был вопрос об учреждении Женского медицинского института [2]. В 1897 г. курсы вновь открылись как Женский медицинский институт, которому Шанявские пожертвовали (по сведениям из разных исторических источников) от 120 до 300 тысяч рублей. В своей речи на его открытии В.К. фон Анреп (первый ректор) отметил, что, если бы не было Шанявских, не было бы и института. В 1902 г. состоялся первый выпуск женщин-врачей. В 1904 г. институт был передан Министерству просвещения, и с этого времени слушательницы были уравнены в правах со студентами медицинских факультетов университетов.

Однако вершиной благотворительной деятельности Лидии Алексеевны Шанявской является создание и поддержка Народного университета в Москве. Альфонс Леонович не дожил до его открытия, он умер в 1905 г. После смерти мужа, выполняя его завещание, Лидия Алексеевна вновь начала хождение по инстан-

циям и добилась открытия Московского городского университета им. А.Л. Шанявского 1 октября 1908 г. Будучи членом Попечительского совета, она материально поддерживала его деятельность. Так, она передала в библиотеку университета 2 600 книг. В первые годы занятия проходили в здании на Арбате, которое Шанявский подарил Московской городской Думе, но университет начал быстро расти, потребовалось новое помещение. И тогда Лидия Алексеевна в 1910 г. делает инкогнито (!), как она всегда делала, целевой взнос на постройку нового здания на Миусской площади в размере 225 тыс. рублей [3].

В 1917 г., после национализации университета и личного имущества, вдова Альфонса Шанявского осталась практически без средств к существованию и вынуждена была уехать из Москвы. Вернулась она в 1920 г., незадолго до своей смерти, благодаря ходатайству перед ЦИК тех, кто работал с ней в бывшем правлении университета. В 1921 г. Лидия Алексеевна Шанявская была похоронена в общей с мужем могиле в Алексеевском монастыре, ныне не существующем. Так меценат, благотворитель Лидия Алексеевна Шанявская оказалась обречена «истинно народной» властью на нищету, полное бесправие и, как показало время, в отличие от своего мужа, на безвестность.

Список источников и литературы

1. *Афанасьев П.Ю.* Золото Приамурья. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2006.
2. Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М. Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
3. *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух эпох. Воспоминания 1881–1914. М.: Искусство, 1997.

Е.В. Алексеева, Е.Ю. Казакова-Апкаримова
Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН

Приходские сестричества в религиозном ландшафте екатеринбургской епархии в начале XX в.

Социальное служение всегда было главной сферой деятельности многообразных религиозных организаций в лоне РПЦ, действовавших на протяжении истории и в настоящее время. Особого исследовательского внимания заслуживает история дореволюционных приходских сестричеств в России. Следует отметить и тот факт, что в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. начался процесс возрождения православных братств и сестричеств, соответственно увеличилась потребность обращения к историческому опыту [2].

В отличие от некоторых других регионов России, в Екатеринбургской епархии история сестричных братств начинается довольно поздно, в начале XX в. Их численность в этой епархии была не велика, однако сам феномен сестричного братства представляет значительный научный интерес в качестве религиозных обществ, направленных на сохранение и укрепление православной культуры в приходах, нацеленных также на социальное служение.

Одним из первых в епархии являлось, например, сестричное братство при Петро-Павловской православной церкви в Черноисточинском заводе Верхотурского уезда. В «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» о нем говорилось: «В виду того, что подобных организаций в нашей епархии, кажется, нет, и дело, так сказать, новое, смеем думать, что напечатанию небольшого очерка по истории возникновения братства и его устава будет не безынтересно для епархиального духовенства» [1, с. 1112]. Современник отмечал, что в то время религиозная жизнь прихода в каждом пастыре вызывала «невольный страх и опасения за будущее». «Народное море, взболотушенное революционной бурей, выбросило на поверхность жизни негодные элементы, разбудило дикие порывы и низкие инстинкты в человеке, вследствие чего за последние годы повсеместно замечается ужасающее развитие хулиганства и пьянства. С другой стороны – периодическая прес-

са, при полной свободе, питая тенденциозными фельетонами из быта духовенства и монашества своих читателей, создали кадр явных врагов церкви и духовенства и развратителей народа» [1, с. 1112–1113]. Писал пастырь об охлаждении к храму, грубости и вообще нравственной распущенности и «одичании».

Падение нравов заботило священника Черноисточинского завода, где к тому же было немало старообрядческого населения (около 8000 человек), «кажется, самого фанатичного в епархии», «в добавок еще весьма зажиточного», так, что православные жители во многих случаях зависели от старообрядцев. Пастырь понимал, что необходимо сплотить православное сообщество: «Выбирая форму той или иной организации, я остановился на учреждении сестричного братства “из лиц женского пола в приходе”». Важно рассмотреть аргументацию данного выбора: «Женщина, безусловно, отзывчивее на все хорошее и мягче сердцем мужчины; она вернее может влиять на свое семейство, так как больше вращается дома среди детей, да и вообще в религиозных делах отцы семейств уступают первенство женщине и даже охотно слушают их. Кроме того и чисто по местным условиям мне, казалось лучше остановиться именно на женской ассоциации; большинство мужчин почти все время работают на приисках или в заводе, являясь домой лишь по праздникам, или для необходимого отдыха во втором случае». Священник прощупал почву: «Моим, тайным пока, намерениям некоторые прихожанки явно шли навстречу. Так мне приходилось обращаться к благочестивым женщинам по некоторым церковным нуждам, напр. – по ремонту ризницы, и отказа никогда не было. Наоборот – с величайшей охотой исполнялась малейшая просьба, а иные даже говорили: “рада бы всей душой пособить храму, да где же одной? Вот бы сообща разве”. Подобные замечания меня лишь радовали и я стал полегоньку пропагандировать среди лучших прихожанок идею объединения для служения общими силами Богу и ближнему. Ответ был один: “учи нас, батюшка, что велишь, то и сделаем”».

Священник приступил к действиям. На 14 Сентября 1910 г. им было назначено предварительное собрание из женщин прихода в его квартире. Приглашенные явились к назначенному време-

ни, а некоторым из них приходилось идти пешком за 4 версты! Объяснив своим слушательницам, какое трудное время переживала Церковь, как велика сила в единении и насколько необходимо учреждение братства, пастырь предложил общему вниманию несколько уставов подобных братств. Единогласно было решено открыть при местной церкви «сестричное братство», а выработка устава была поручена самому священнику [1, с. 1112–1113]. Братство решили назвать Крестовоздвиженским – в память о том, что первое собрание по открытию его состоялось в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В воскресенье, 19 сентября, в церкви состоялась запись в члены братства, прочитан проект устава, который и был принят [1, с. 1114].

В Уставе Крестовоздвиженского сестричного братства при Петро-Павловской православной церкви Черноисточинского завода Верхотурского уезда говорилось, что это общество «состоит из благочестивых лиц жѣнского пола не моложе 18 лет». В уставе прописывались цели его создания: а) поддержание чистоты и «благолепия» своего приходского храма; б) «материальное вспомоществование» бедным прихода; в) погребению «безродных» неимущих, и г) доброе влияние на приходе путем личного примера, слова и бесплатного распространения в народе листков и брошюр религиозно-нравственного содержания.

Средствами для формирования бюджета сестричества являлись членские взносы и сбор членами братства «доброхотных даяний» в пределах прихода. С разрешения епископа братство имело в церкви соответствующую кружку, обносимую членами братства и старостой для сбора пожертвований. Ежегодный членский взнос составлял не менее одного рубля в кассу братства.

Братством руководил приходской священник, который по мере необходимости, сам или по желанию нескольких членов, назначал время для собраний и руководил ими. Он же вел делопроизводство сестричества, осуществляя запись постановлений, вел братские приходо-расходные книги и хранил капитал сестричества. Собрания считались действительными при наличии не менее половины членов.

Постановлением епархиального начальства 4–5 ноября данный устав был утвержден, общество считалось «слава Богу, официально открытым, хотя фактически оно открылось несколько раньше». В нем насчитывалось 23 члена. В начале его деятельности была приобретена братская икона стоимостью 20 руб., «весьма художественно исполненная в Санкт-Петербурге иконной лавкой Высочайше учр. Комитета Попечительства о русской иконописи», а также аналой с облачением. Киот для иконы стоимостью до 25 руб. был пожертвован церковным старостой Е.Д. Бородиным. На средства сестричества было выписано от Санкт-Петербургского общества религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви различных книг, брошюр и листов (в том числе изданий Александро-Невского общества трезвости) на 29 руб. для продажи и бесплатной раздачи народу. Несколько бедным семействам оказано единовременное пособие от 3 до 5 руб. на семейство. С 21 ноября 1910 г. в приходском храме открылись воскресные религиозно-нравственные собеседования, причем в начале бесед совершалась вечерня с чтением акафиста Сладчайшему Иисусу пред братской иконой. В заключении газетной заметки об открытом сестричестве священник Д. Покровский желал ему успехов, а сестрам братства – «терпения и сил для несения добровольно взятого на себя бремени» [1, с. 1114–1115].

В начале XX в. руководство епархии поощряло и охотно поддерживало инициативы в деле открытия сестриществ. Так, 19 января 1917 г. в Екатеринбурге под личным председательством епископа состоялось собрание настоятелей церквей и церковных старост. На нем был озвучен доклад комиссии по поводу учреждения приходских сестриществ и рассмотрен устав сестричества, существующего в городском Вознесенском приходе, при Иоанно-Предтеченском обществе трезвости, после чего епископ предложил присутствующим высказать свое мнение по вопросу о желательности открытия сестриществ в приходах епархии. Священник Нечаев первый поддержал эту идею. Одним из аргументов являлся тот факт, что в Успенском приходе Верх-Исетского завода уже проводилось предварительное «оповещение прихо-

жан по этому поводу, и последние заинтересовались этим делом и охотно идут ему навстречу» [4]. Отец Петр, поддерживая данную инициативу, лишь предлагал, чтобы совет сестричеств состоял не из трех, а из большего числа лиц. Он полагал также, что сестрическое общество должно по видам деятельности распадаться на отделы, при этом каждый отдел должен заниматься лишь одним направлением работы сестричества на пользу церкви и прихода, соответственно в совет сестричества входило бы по крайней мере по одному представителю (прежде всего, руководителю) от этих отделов. Его поддержал епископ, предлагая сделать соответствующее дополнение в устав, оговорив в нем также, сколько раз в месяц должны происходить заседания совета. Владыка говорил о том, что сестричества необходимо организовать в самое ближайшее время. Большинство присутствующих поддержали епископа, высказываясь за организацию сестричеств, сомневающихся было немного. Один из протоиереев ссылаясь на положительный опыт соседней Пермской епархии. Протоиерей В. Топоркив свидетельствовал об успехах «окрепшего» сестричества в Вознесенском приходе, где в его составе были известные в городе общественные деятели О.П. Злоказова, А.П. Обухова и другие дамы. Один современник указывал, что сестры будут присматривать и за поведением детей в храме. В итоге собрание постановило: «организовать при всех приходских церквях г. Екатеринбурга женские церковные общества за наименованием их сестричествами или Дамскими кружками или другими, соответствующими сим, названиями». Была также принята резолюция поручить комиссии в составе трех человек (о. Игноратова, И. Топоркова, А.О. Антонова) выработать нормальный проект устава и представить на утверждение епархиальной власти [4].

Известно не так много случаев открытия сестричеств после этого собрания, чему, очевидно, помешали последующие политические события 1917 г., коснувшиеся и Екатеринбургской епархии. Известно, например, что 10 февраля 1917 г. открылось сестричество при Александро-Невской (Лужинской) церкви, с благословения епископа. Председателем нового сестричества избрали

Т.И. Бахееву, ее заместителем – А.Е. Гольцову, казначеем – А.Е. Новикову, а делопроизводителем – Ф.И. Золотавину. Членский взнос составлял 25 коп. в месяц. На первом же собрании сестры распределили между собой обязанности, кто будет следить за порядком в храме во время богослужения, кто будет наблюдать за чистотой в храме, кто примет на себя заботу о бедных в приходе. Особенно охотно члены сестричества решили заняться внутренним украшением храма к предстоящему празднику Святой Пасхи, на что сестры собрали тогда же 20 рублей. Состав сестричества по полу не был чисто женским, так как в состав совета нового сестричества входили также члены причта и церковный староста [3].

Рассмотренный материал свидетельствует, что в Екатеринбургской епархии в начале XX в. женщины, организуя сестричества, становились активными акторами церковно-общественной жизни приходов. Очевидно, что деятельность этих сестриществ имела определенные особенности, обусловленные половой принадлежностью их членов.

Список источников и литературы

1. *Покровский Д., священник*. Сестричное братство (при Петро-Павловской церкви Черноисточинского завода) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. 1910. № 49. 19 декабря. С. 1112–1115.
2. *Иванова Л.В.* Православные братства и сестричества как социальная форма деятельности церкви. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 3.
3. Открытие сестричества при Александро-Невской (Лузинской) церкви // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. 1917. № 8. 19 февраля. С. 80.
4. Приходские сестричества в г. Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофф. отдел. 1917. № 6. 7 февраля. С. 40–41.

А.Ю. Федотова*Казань, Казанский федеральный университет***Женские организации в борьбе с голодом
в Казанской губернии в 1905–1907 гг.**

В Российской империи в периоды народных бедствий женщины часто создавали для помощи нуждающимся специальные организации. Историки Б. Энгель и А. Линденмейер интерпретируют женскую благотворительность как попытку имитации ролевого образца русских императриц, которые, начиная с царствования Марии Федоровны (1759–1828 гг.), отличались социальной активностью. По их мнению, создание благотворительных объединений и организаций было «для жен высокопоставленных лиц практической частью должностных обязанностей» [6, с. 43].

В период Первой русской революции в ряде губерний Российской империи случился неурожай и голод. В ответ на это событие в Казанской губернии был создан ряд благотворительных организаций. Они были по своему составу чисто женскими (или почти чисто женскими) или создавалась женщинами.

В ноябре 1905 г. казанская дворянка Наталья Петровна Куприянова открывает Комитет общественной помощи голодающим. В начале 1906 г. Комитет в качестве Казанского отделения вошел в состав Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе.

Казанское отделение состояло из 16 человек, среди которых было 5 женщин (Н.П. Куприянова, Е.С. Васильева, С.А. Орлова, Е.В. Куприянова, П.А. Дубровина). Родная сестра Н.П. Куприяновой, Лидия Петровна Куприянова, в апреле – мае 1906 г. состояла секретарем в Санкт-Петербургском Комитете помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе [3, с. 4, 7]. Кроме того, Наталья Петровна была двоюродной сестрой члена Исполнительного комитета «Народной воли» Веры Николаевны Фигнер, которую в это время освободили из Шлиссельбургской крепости. В ссылку

она отправилась в родовое имение Никифорово Тетюшского уезда Казанской губернии, где приняла недолгое участие в деле помощи нуждающимся крестьянам [5, с. 109–110]. Комитет, а позднее Казанское отделение занималось открытием столовых и пекарен в уездах Казанской губернии, где в качестве заведующих тоже выступали женщины, как правило, местные учительницы.

В ноябре 1906 г. в Казанском императорском университете женами профессоров и преподавателей был создан Дамский благотворительный комитет [4, с. 91]. Данная организация не имела официально закрепленного названия. В документах используются следующие варианты: «Университетский кружок дам, устроительниц столовых и пекарен для голодающих Казанской Губернии» [2, л. 10об], «Казанский Университетский кружок по организации помощи голодающим» [2, л. 10], «Казанский благотворительный Профессорский кружок» [2, л. 38]. С конца 1906 г. Университетский кружок входил в состав Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе.

В Организационное бюро Университетского Кружка вошли следующие дамы: М.Ф. Польнова, Е.Г. Пионтковская, М.В. Савченко, Е.П. Михайлова, Е.А. Аргутинская-Долгорукова, Н.Я. Литвинова [2, л. 16]. Из постоянных членов Кружка были сформированы две комиссии: Продовольственная (Е. Праксина, Е. Гольдгаммер, Н. Литвинова, Е. Аргутинская-Долгорукова, Е. Клепцова, А. Казем-Бек, Вацуро, Рожковская, Е. Ульянина, А. Миславская, А. Агабабова) и Ревизионная (жена Попечителя Казанского учебного округа О.Г. Деревицкая и супруга профессора Казанского университета К. Кандаратская) [2, л. 46, 17].

В отличие от организации Н.П. Куприяновой, чья деятельность преследовалась представителями официальной власти в Казанской губернии, Университетский кружок не встречал препятствий на своем пути, хотя фактически входил в состав первой организации. Кружок развернул свою работу по открытию столовых и пекарен в Казанском и Тетюшском уездах Казанской губернии [2, л. 18–20].

В это же время самостоятельную работу в деле помощи ведет Академический дамский комитет по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии, открытый под председательством супруги инспектора Казанской духовной академии Р.Н. Виноградовой. 18 ноября 1906 г. Комитет получил разрешение на свою работу от начальника губернии. Кроме Р.Н. Виноградовой, в состав Дамского комитета вошли В. Благовидова, А. Вознесенская, П. Егорова, А. Малова, О. Никольская, М. Писарева, В. Покровская, Е. Преображенская, Л. Протопопова, О. Терновская. За счет отчислений из жалования профессоров и служащих Духовной Академии, Миссионерских курсов и разных пожертвований были открыты 10 столовых и 2 пекарни в Казанской губернии, производилась выдача муки. Вместе с тем оказывалась помощь отдельно лицам духовного звания [1, л. 28об, 29].

Таким образом, можно сделать вывод об активном участии женщин в условиях социально-экономического кризиса в Казанской губернии в начале XX в. Деятельность подобных женских организаций носила временный характер: они появлялись в период острых социальных проблем и с улучшением ситуации исчезали. Несмотря на это, они имели высокую степень организованности, большие возможности по привлечению пожертвований в масштабах Российской империи в целом, могли в короткое время развернуть свою деятельность на территории всей губернии, что говорит о значительной включенности женщин в общественно-политическую жизнь государства в это время.

Список источников и литературы

1. Академический дамский комитет по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии за 1906–1907 гг. // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 10885а.
2. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ед. хр. 2564.
3. Отчет Комитета по оказанию помощи голодающим, состоявшего при Императорском Вольном экономическом Обществе // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1908. №1–2 (январь – апрель). Т. 1.

4. Рукописный фонд Русского сектора Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского: Путеводитель. Казань: Форт-Диалог, 1999.
5. *Фигнер В.* Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. После Шлиссельбурга. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.
6. Цит. по: *Шенк Ф.Б.* «Я так устала быть перелетной птицей». Имперское пространство и имперское господство в автобиографии российской дворянки // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 88–98.

М.А. Текуева, Е.А. Нальчикова

*Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова*

Женское участие в традиционной благотворительной деятельности на Северном Кавказе

Благотворительность как часть традиционного сознания и быта народов Северного Кавказа имеет отчетливый гендерный оттенок. Женская благотворительная деятельность носит более частный индивидуальный характер и часто оценивается не столько материальным участием, сколько эмоциональным сопереживанием, физической помощью и затратами личного времени. В то время как мужская благотворительность является скорее составляющей его социального статуса.

Женская благотворительность укладывалась в рамки исторически сложившихся институтов общественной взаимопомощи в традиционных обществах, где не существовало официальных органов государственной поддержки социально незащищенных категорий населения.

Наиболее ярким проявлением женской помощи можно назвать поддержку семье, потерявшей кормильца, мать семейства и т.п. Женщины были постоянными и основными участницами оплакивания и сидения у тела до 7-9 дней. Первые три дня похорон семья покойного освобождалась от всех работ по домохозяйству

и приготовлению пищи. В эти дни в доме не разжигался огонь, и соседки брали на себя ответственность за кормление членов семьи и многочисленных (до 500) соболезнующих. Публичная помощь во время кульминационных событий похорон продолжалась в частном порядке в отношении вдовы и ее несовершеннолетних детей. Речь идет не о разовой поддержке, а о систематической благотворительной опеке.

До настоящего времени в регионе похоронно-поминальные мероприятия сопровождаются раздачей милостыни, еды, одежды умершего больным и нуждающимся. Со временем раздача поминальной еды и сладостей детям, бедным и лежащим больным трансформировалась в раздачу всем присутствовавшим на поминках пакетов с набором продуктов (рис, сахар, пшено, мясо жертвенного животного, сладости и пр.). Вся работа по подготовке пакетов осуществляется женщинами. По женской инициативе объектом благотворительности современных кавказцев становятся дома престарелых и инвалидов, детские дома, больницы, беженцы (сирийцы).

Описанные способы оказания помощи являются вариантами народной традиции. Но в начале XX в. были сформированы новые направления благотворительности, как, например, «Черкесское благотворительное общество». Сохранилось только два достоверных письменных источника о его деятельности: «Альбом в память о черкесском благотворительном вечере, устроенном в первый раз в г. Екатеринодаре 18 января 1908 года» и «Альбом в память о черкесском благотворительном вечере, устроенном второй раз 2 января 1914 года в г. Екатеринодаре» (оригиналы хранятся в Национальном музее Республики Адыгея). Фотографии свидетельствуют об активном женском участии в них [1].

Поводом для проведения первого благотворительного вечера послужило разрушительное наводнение в январе 1908 г., в результате которого пострадали многие закубанские адыгские селения. Черкесское общество Екатеринодара откликнулось на это бедствие созданием специального «Комитета по сбору пожертвований в пользу пострадавших от наводнения». Судя по информации в прессе тех лет, в первом же мероприятии общества благоотво-

рительные цели включали не только сбор пожертвований, но и просветительские задачи (газ. «Кубанские областные ведомости» 20 января, 1908). Представители местной интеллигенции обратили внимание общественности на культуру и нужды черкесов. «Живые картины» из горской жизни имели большой успех, и материальным итогом вечера был сбор более 2000 рублей.

Екатеринодарское черкесское благотворительное общество было нацелено на объединение сил и средств национальной элиты в интересах своего народа. Уставом и программой общества предусматривалось проведение культурно-массовых мероприятий – театрализованных и танцевальных вечеров, благотворительных спектаклей, лотерей и т.п.

2 января 1914 г. состоялся второй черкесский вечер, на котором была представлена инсценировка по этнографическим произведениям Хан-Гирея. Актерами в постановке были представители дворянской молодежи. Вечер прошел в музыкальном сопровождении военного оркестра, скрипичной группы и ансамбля адыгской народной музыки. Об этом вечере писали в кубанской прессе: «... Черкесский вечер может почитаться не только культурным удовольствием, но может иметь отчасти и общественно-историческое значение. Через посредство живых картин откроется уголок минувшей жизни черкесских племен, мало исследованных в исторической литературе. Правда, интерес вечера местный, но все же должен вызвать общее сочувствие, так как может дать многое в смысле изучения быта и жизни туземного населения...» (цит. по: М. Битокова. В день памяти адыгов. Оживший альбом / Горянка. 18.05.2016). В этот раз средства собирались исключительно на просветительский проект – подготовку педагогических курсов для учителей родного языка и мусульманского вероучения. Курсы, инициированные «Черкесским обществом», на собранные им же средства, открылись летом 1914 г. в селении Тахтамукай.

Вдохновительницей и активной участницей всех благотворительных мероприятий была Фатима Натырбова (Шеретлукова). Она родилась в 1890 г. в станице Суворо-Черкесской, училась в Анапском училище для девушек из привилегированных семей.

Со своими сестрами Зазой и Загрет принимала участие в устройстве черкесских вечеров. Благотворительная деятельность определила судьбу Ф. Натырбовой. Так, в 1919 г., после эмиграции в Османскую империю, она создает Комитет черкесских женщин и оказывает систематическую помощь беженцам. В 1923 г. семья Фатимы и ее сестры переезжают в Нью-Йорк. После смерти мужа в 1925 г., оставшись с четырьмя маленькими детьми на руках, она создает собственный бизнес и продолжает заниматься общественной деятельностью. Вместе с С. Еристовым создала черкесскую и грузинскую ассоциацию «Алаверди». Они приобрели собственность и построили свой центр в Кацкильских горах в штате Нью-Йорк. В этом же центре они часто давали роскошные приемы для сбора денежных средств в фонд [2].

Таким образом, мы рассмотрели несколько аспектов благотворительной деятельности, характерных для женщин Северного Кавказа:

1) традиционная, укладываемая в рамки института крестьянской взаимопомощи: материальная (передача еды, имущества и иных предметов потребления, а также средств их приобретения, в том числе денег) и бескорыстное выполнение работ, оказание услуг (соседская помощь, поддержка);

2) общественная, осуществляемая через благотворительные организации;

3) частная (индивидуальная).

При этом гендерный фактор по-прежнему играет важную роль в оказании и получении различных видов благотворительной поддержки.

Список источников и литературы

1. Брацун Е.В. Адыгейский культурный след на карте старого Краснодара (Екатеринодара): к истории дома статского советника К.Т. Улагая // Наследие веков. 2016. № 1. С.114–117.
2. Битокова М.В. В день памяти адыгов. Оживший альбом // Горянка. 18 мая 2016 г. №20 (873).

Г.К. Азаматова

Нальчик, Кабардино-Балкарский государственный университет

Практики благотворительности в культурном поле северокавказского региона: гендерный аспект

Одним из критериев атмосферы социальной солидарности является степень развития в обществе благотворительной деятельности во всех формах ее проявления. Традиционно благотворительность принято воспринимать как женское направление: женщина-мать, хранительница очага, призванная оберегать и проявлять опеку.

Основными мотивами женских практик благотворительной деятельности, как правило, выступали религиозность, эмпатия, внутренняя потребность сопереживать, заботиться о том, что находится вне жизненного круга и личных интересов. Эта сфера позволяла и позволяет участникам видеть положительную динамику и результат своей деятельности в решении социальных проблем.

Организационная инфраструктура общества и собственные материальные ресурсы участников благотворительных сообществ южных провинций России ограничивали их возможности. Женщины могли принять участие в деятельности уже существующей религиозной общины или благотворительного общества; создать религиозную общину, благотворительный институт или попечительствовать таким организациям.

На рубеже XIX–XX вв. на Северном Кавказе действовали добровольные объединения, большая часть которых имела культурно-просветительский характер. Активное стремление женщин регионов, в том числе женщин Ставропольской губернии и Терской области, к занятию благотворительностью связано с происходившими реформами, ростом общественной активности, религиозностью и высокой степенью ответственности.

Благотворительная практика женщин Северного Кавказа второй половины XIX – начала XX в. была представлена двумя видами благотворительной деятельности – личной и организованной. В

основном объектами внимания местных женщин стали учебные, культурно-образовательные и внешкольные заведения; медицинские учреждения, заведения закрытой и открытой форм призрения для детей и взрослого населения, улицы городов, религиозные центры (преимущественно православные). К категориям населения, на которые была направлена женская благотворительность, относились пострадавшие от стихийных бедствий и войн, потерявшие имущество, беженцы; неспособные к трудовой деятельности; социально обездоленные представители различных конфессий, дети, не имевшие средств получить или продолжить образование.

Личная благотворительность в рассматриваемый период представлена женщинами из разных социальных групп, имевших различные возможности, и реализовывалась в двух основных областях – культурной и социальной, через пожертвования (совершаемые при жизни и по завещаниям) и личным добровольным безвозмездным трудом.

Активное становление социально ориентированных светских организаций на рубеже веков наблюдалось на территории Кабардино-Балкарии («Нальчикское благотворительное общество», «Нальчикское общественное собрание», «Общество распространения образования Нальчикского округа», благотворительная женская община Е.А. Хомяковой).

В частности, на средства «Нальчикского благотворительного общества» содержалась бесплатная женская начальная школа, оказывалась денежная помощь студентам и неимущим [1]. «Общество распространения образования Нальчикского округа» (1906–1907 гг.) имело право открывать школы и курировать их деятельность. Несмотря на финансовые ограничения, общества сыграли положительную роль в «распространении грамотности и образования среди кабардинцев и балкарцев» [3].

Наиболее ярким примером в контексте рассматриваемых практик является благотворительность Екатерины Хомяковой (дочь известного славянофила А. Хомякова), которая основала в Нальчикском округе женскую общину и вела активную социальную деятельность.

Сначала Хомякова имела намерение построить на территории своего имения храм и православный приход. Но из-за удаленности хутора от населенных пунктов с православным населением Екатерина Алексеевна поменяла план, и с 1904 г. она обустроила женскую общину с приютом для детей. В финансировании общины приняли участие представители московского купечества, сделав благотворительные взносы. Официальное утверждение женской общины состоялось 10 января 1907 г. В первые два года существования обители Екатерина Алексеевна Хомякова на свои средства построила несколько зданий, где размещалась школа-приют для 40 сирот. Детей обучали ремеслам, преимущественно вязанию чулок на вязальных машинах, бесплатно переданных общине Министерством торговли. Обеспечение приютом сирот женского пола и возможность получить специальность позволяло им в дальнейшем успешно социализироваться.

В 1915 г. общине из государственного бюджета для расширения имеющегося приюта для детей погибших воинов было выделено 10000 рублей. С этого времени приют вырос с 40 до 150 воспитанниц. «Помимо школьного обучения, всех детей приучают к ручному труду, а теперь по окончании курса начальной школы будут переводить в открытую художественно-ремесленную школу» – сообщалось в епархиальном журнале [2]. Женский монастырь в Терской области – один из немногих, в деятельности которого государственные учреждения принимали активное участие. Таким образом, женская община Е.А. Хомяковой осталась в истории края как, безусловно, положительное явление социальной жизни округа.

Очевидно, что культурное пространство Северного Кавказа отличалось активным взаимовлиянием различных этноконфессиональных традиций, и соответственно благотворительная практика анализируемого периода привнесла значительный вклад в духовное развитие региона. В сферах социального и культурного подвижничества немалую роль играло женское участие представителей православных общин, направлением общественной деятельности стало создание женских благотворительно-про-

светительных обществ и дамских комитетов с целью развития образования, просвещения и социальной помощи в регионе.

Женская благотворительность на Кавказе как составная часть отечественного благотворительного движения только во второй половине XIX – начале XX в. приобретает общественный значимый характер и значительно отличается от предыдущей благотворительной практики, прежде всего – увеличением числа участников движения.

В целом социальное служение этих организаций сыграло позитивно-обусловленную роль в решении социальных задач того времени. Собственно, благотворительная практика для женщин являлась основной возможностью и способом самореализации в обществе. Культурное поле благотворительности позволило стать сферой приложения женской активности в практике повседневности региональных сообществ.

Список источников и литературы

1. *Азаматова Г.К.* Культурно-исторические традиции благотворительности в жизни кабардинцев и балкарцев (региональный аспект): XIX-XX вв. // Благотворительность в России: социальные и исторические исследования. СПб: Лики России, 2001. С. 378–383.
2. *Золотухина О.М.* Свято-Троицкий Серафимовский женский монастырь. http://samlib.ru/o/olxga_m_z/zolotukhina-6.shtml
3. *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX — начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 1996.

К.С. Коваль

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Роль благотворительных организаций в жизни русских эмигранток в Шанхае

На сегодняшний день существует многочисленные статьи, а также книги, посвященные эмиграции. Прежде всего, ученые рассматривают военную эмиграцию и проблему сохранения культурной

идентичности. В меньшей степени известна роль женщин в эмиграции и их благотворительной деятельности. Переезд в другую страну – это всегда большое потрясение для любого человека. В особенно сложной ситуации оказываются женщины, на которых помимо повседневных проблем ложится ответственность за воспитание детей, сохранение уклада и также заработок денег. Русская женская эмиграция в Китае и его центрах становится самостоятельным предметом изучения, что обуславливает научную новизну работы.

Русские эмигрантки в Шанхае занимались разносторонней деятельностью, в том числе и благотворительностью. Сложная адаптация русских женщин в Китае выражалась не только в отсутствии средств существования, но и самореализации. Именно благотворительные организации начали помогать русским женщинам бороться с проблемами. Первой крупной женской организацией для эмигранток стала Лига русских женщин. Она была создана 2 ноября 1930 г. Ольгой Павловной Дронниковой для общественно-культурной и благотворительной деятельности. При Лиге было учреждено Бюро труда, открыты Детский сад и Начальная школа, которая с 1933 г. стала Женской гимназией с четырьмя младшими классами и двумя подготовительными в детском саду. Попечительницей, директором и преподавателем гимназии была Софья Эммануиловна Дитерихс. Организация и ее учебные заведения располагались в трехэтажном особняке на улице Кардинала Мерсье [2].

В 1935 г. художница Таисия Павловна Хомякова основала в Шанхае Дом русской женщины. При минимальной оплате пансиона, а иногда без нее, в нем принимали женщин, оказавшихся в трудной ситуации. Максимально там разрешалось жить до двух месяцев. За первые три года существования пансиона в нем останавливалось около двухсот женщин. Кроме того, в 1933 г. Таисия Хомякова создала учебные курсы при популярной газете «Шанхайская заря» [7], где русские эмигрантки могли за небольшую плату посещать уроки кройки и шитья, рукоделия, стенографии, иностранных языков. Таким образом, женщины имели шанс обучиться новым профессиям и найти работу.

В 1937 г. в Дом русской женщины обратилась известная русская писательница и журналистка Наталия Ильина, которая позже написала в своих мемуарах: «Куда бы делась я и другие обитательницы дома без этой возможности какое-то время прожить бесплатно? Богатые иностранные дамы и пришли на помощь своим “меньшим сестрам”, давая им возможность не кидаться с отчаяния куда попало, а пожить спокойно, без особой торопливости подыскивая себе работу» [3]. На сегодняшний день в здании этой благотворительной организации находится жилой дом, а его жители даже не догадываются, что на месте их квартир в 1930-х годах здесь был приют русских эмигранток.

Несмотря на поддержку женщин благотворительными организациями, они по-прежнему считали себя нереализованными и даже порой несчастными. За духовным общением или поддержкой женщины шли в православные храмы, о чем свидетельствуют строки из стихотворения эмигрантки Марианны Колосовой «Рождество на Чужбине»:

«У женщины русской осталось
Прибежище тихое — храм!
И я свою боль и усталость
Сюда принесу и отдам.
Дай, Господи, — сердце звенело,
— Услыши молитву мою!
Мужчинам — на родине дело,
А женщинам — храм и семью!» [4]

Общественная и культурная жизнь русских женщин часто вращалась вокруг церкви. Почти в каждой русской квартире праздновались два главных православных праздника — Рождество и Пасха. Праздники проводились весело с возлияниями и закусками по рецептам русской кухни. В русских издательствах часто печатали рецепты приготовления пищи для женщин. Так, русские женщины старались не забывать родную кухню.

Большое внимание благотворительности в отношении женщин уделяло Русское православное братство в Шанхае, основанное 22 февраля 1923 г. К 1931 г. братство имело в своем ведении Русский госпиталь, Коммерческое училище, Убежище для престарелых и

одиноких женщин. Кроме того, 20 марта 1936 г. в Шанхае было открыто подворье Пекинского женского Покровского монастыря. Его первой настоятельницей была игуменья Матрона. Монастырь ставил задачу помогать неимущим женщинам из русской эмиграции в Шанхае. Впоследствии на подворье подвизалось около 15 сестер [1].

Нельзя не отметить роль в исследуемом вопросе также русских женщин-монахинь. Матушка Ариадна и ее сподвижницы прошли школу монашеского послушания с игуменьею Руфиной, которая являлась женским лицом русского православия в Китае. Она привнесла большой вклад в сохранение русской церкви за рубежом. Она собрала юных и старых послушниц, инокинь и монахинь, и ей удалось организовать женский монастырь в Харбине. Обитель росла, в 1932 году при ней открылся приют, а в 1935 г. появилось Шанхайское подворье, куда стала постепенно перебираться и вся обитель. Игуменья Руфина переехала в Шанхай и начала активно заниматься благотворительностью, создав приют для бездомных людей. Многие женщины из России находили в лице матушки добрую мудрую наставницу и утешительницу. Милосердная матушка Руфина делилась последним с нуждающимися. По молитвам подвижницы верующим удавалось найти и жилье, и работу [6].

Однако не у всех женщин была возможность воспользоваться помощью благотворительных организаций. Порой нищета и трудности эмиграции не оставляли русским женщинам иного выбора, кроме как идти на работу в ночные рестораны, покидая свою семью или же вообще отказываясь от ее создания. Несмотря на сложности адаптации русской женщины в новом обществе и ее материальные трудности, она все равно оставалась женщиной. Писательница и эмигрантка Наталия Ильина в своих воспоминаниях пишет: «В мире гремит война. Рушатся империи. Грохочут танки. Свистят бомбы. У нас в Шанхае: идут дожди, тротуары затапливаются, потолки обваливаются, население ограбляется, цены растут. Все это, тем не менее, не способно потушить в женской душе вечно-женственного. Так из-под обломков разрушенного дома высовывает голову нежная фиалка» [3].

Для женщин эмиграция с психологической стороны – потеря, травма, сильнейший стресс. Русские дамы столкнулись с массой проблем в большом портовом городе Шанхае. Так или иначе, им необходимо было адаптироваться к новым условиям, принимая правила и обычаи азиатской цивилизации. Какой бы сильной ни была потеря, утрачивая Родину и привычный образ жизни, русским женщинам необходимо было ориентироваться на новом месте. Психоэмоциональная нагрузка была довольно сильной. Наряду с этим поменялось и отношение женщин к самим себе, изменились представления о себе как о личности, возникли новые ориентиры. Если до революции русские женщины искали новые ключи от счастья в виде расширения гражданских прав и модернизации семейных отношений, то после революции, в эмиграции – семейный очаг и сохранение традиций были их мечтой.

Конечно, миграция исторически возникла давно, однако мотивы переселения менялись. Люди уезжали и уезжают в поисках более достойного существования. Однако вынужденная эмиграция без возможности вернуться на Родину заставляет человека переживать сильнейший дискомфорт, что подразумевает под собой ряд очень непростых процессов адаптации к новой реальности, к новому миру, людям, к новому началу собственной жизни. В этой связи нельзя забывать о той услуге и помощи, которые предоставили шанхайские благотворительные организации русским эмигранткам в тех сложившихся условиях.

Список источников и литературы

1. *Ван Ч.* История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит., предисл., послесл. Л.П. Черниковой. М., Русский путь. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008.
2. *Жиганов В. Д.* Русские в Шанхае / Предисл. В.П. Леонова, Ю.В. Шестакова. СПб.: Альфарет, 2008.
3. *Ильина Н.* Иными глазами. Очерки шанхайской жизни. Шанхай: Эпоха, 1946.
4. *Колосова М.* «Вспомнить, нельзя забыть». Барнаул: Алтайский дом печати, 2011.
5. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае: (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997.

6. Поздняев Д. Православие в Китае. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998.
7. Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «Русского Китая». М.: Молодая гвардия, 2006.

Е.И. Якушкина

Воронеж, Воронежский государственный университет

Благотворительная деятельность женских организаций в современном российском обществе (на примере Воронежского региона)

В настоящее время женская благотворительность в России имеет большое количество разнообразных форм и проявлений. Можно, в частности, выделить индивидуальную модель женской благотворительности, при которой женщины, как правило известные, создают и развивают благотворительные фонды, собирают денежные пожертвования. В рамках индивидуальной благотворительности можно выделить женщин, которые жертвуют собственные средства, оказывая материальную помощь нуждающимся, либо женщин, которые занимаются общественной деятельностью, работая в благотворительных фондах.

Коллективную форму благотворительности можно проследить на примере деятельности абсолютного большинства женских общественных организаций, имеющих большой спектр действий по защите и продвижению интересов женщин, и в том числе имеющих благотворительную направленность. Такого рода организации имеют в нашей стране давнюю историю начиная с XIX в. и подробно описаны в литературе по женскому движению [см., напр.: 1, 6, 7, 8].

Какие формы коллективной женской благотворительности можно увидеть на примере постсоветского регионального женского движения? Какие изменения претерпели они в настоящее время?

Сложные, во многом драматичные годы перестройки, оказали огромное влияние на женскую активность в регионах. Госу-

дарство, перестав оказывать поддержку социально незащищенным группам населения, в первую очередь детям с различными заболеваниями, вынудило женщин создавать организации для совместного преодоления трудностей. В обществе сложились условия для гражданской, политической и благотворительной активности женщин. Это способствовало возникновению широкого спектра женских групп. Так, помимо существовавших в Воронежской области с советских времен женсоветов появился целый ряд некоммерческих женских организаций, среди которых были профессиональные, многофункциональные организации по интересам и многие другие [9].

Отметим, что при их широком разнообразии в 1990-е годы каждая женская организация в той или иной мере занималась благотворительностью. В беседе с сопредседателем независимой женской демократической организации (НеЖДи) Н.П. Поливаевой она рассказала о том, что благотворительность как бы шла рефреном в их деятельности. Женские организации живо откликались на призывы о помощи: собирали средства для инвалидов, многодетных семей, продукты для заключенных, вязали носки участникам боевых действий. Кооперировались с активистами других групп и доставляли все, что могли собрать в помощь нуждающимся.

В настоящее время в Воронеже существуют несколько направлений благотворительности женских организаций. Прежде всего назовем наиболее традиционную форму женского активизма, в деятельности которой, безусловно, есть и благотворительная линия. Это традиционные женсоветы. Сегодня областной, районные и муниципальные женсоветы вошли в состав Воронежского регионального отделения Союза Женщин России. Все они сохраняют тесные связи с местными органами власти, особенно активны в селах и райцентрах области, где это единственная форма женского объединения [3].

Свою деятельность продолжают многофункциональные женские организации, которые большое внимание уделяют благотворительности, а также поиску спонсоров для помощи нуждающимся. В частности, это организация «Женское единство»

(руководитель В.М. Плотникова), которая осуществляет систему поддержки детским домам, а также детям с ограниченными возможностями и их семьям. Большое внимание «Женское единство» уделяет интеграции детей с ограниченными возможностями в широкий круг молодежных организаций [5].

Стоит отметить, что сегодня в Воронеже самую многочисленную группу с благотворительностью до сих пор составляют организации, общественная работа которых связана с помощью семьям с детьми с различными заболеваниями (такие как организация инвалидов и родителей детей инвалидов с ДЦП «Надежда», организация родителей детей, страдающих бронхиальной астмой и др.), многодетным семьям («Большая семья», «Многодетная семья» и др.), семьям погибшим военнослужащим («Солдатские матери России»).

В настоящее время можно наблюдать появление новых женских организаций, всецело посвящающих себя благотворительности. Так, в 2013 г. супруги воронежских бизнесменов, состоящих в Гражданском собрании «Лидер», объединились в женсовет, который ведет большую социальную и благотворительную деятельность в Воронежском регионе. На их счету немало крупных социально значимых проектов, среди которых поддержка одаренных детей, помощь онкобольным детям (благотворительная акция «Белый цветок»), помощь детям – воспитанникам интернатов (акция «Рождественское чудо – детям»), проходящая под патронатом Воронежской и Липецкой епархии). Среди насущных мероприятий – посещение детских лечебных и социальных учреждений для ознакомления с их работой, для выявления нужд и передачи предметов первой необходимости. Так, делегации от женсовета периодически посещают Воронежский детский хоспис, онкогематологическое отделение ВОДКБ № 1 и Центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Парус надежды». Воронежский женсовет оказывает содействие в осуществлении региональных культурных и спортивных проектов и экологических акций (например, акция «Воскресенская роща», в рамках которой объектами озеленения стали парки города Воронежа и Адмиралтейская площадь).

В 2019 г., по словам М. Табачниковой, представительницы Гражданского собрания «Лидер», основное внимание традиционно было направлено на поддержку одаренных детей через распределение средств Рождественского благотворительного вечера, талантливых педагогов дополнительного образования через проект «Сердце отдаю детям», онкобольных детей через участие в акции «Белый цветок», формирование доступных и актуальных общественных пространств через проекты «Дети-космонавты», поддержка якорных региональных культурных объектов

По мнению М. Табачниковой, благодаря работе, в том числе и женсовета, Воронеж вошел в число пилотных регионов, где был открыт центр работы с одаренными детьми гуманитарных направлений «Орион» [4].

Еще одной женской организацией, полностью ориентированной на благотворительность, стал женсовет всех матушек, супруг клириков Воронежской и Борисоглебской епархии, созданный в 2003 г. Изначально задачей женсовета стало объединение жен священнослужителей в области социального служения: помощь малообеспеченным и многодетным семьям, детям-сиротам, людям, находящимся в местах лишения свободы, инвалидам и другим социально незащищенным слоям населения. Женсовет при Воронежской и Борисоглебской епархии тесно сотрудничает с Воронежской православной духовной семинарией, администрацией г. Воронежа и области, обществами многодетных матерей и инвалидов. Средства, собранные от ярмарочных продаж, других мероприятий, распределяются на оказание адресной помощи инвалидам, многодетным семьям, участникам Великой Отечественной войны, престарелым, организацию благотворительных обедов, помощь детям из малообеспеченных и многодетных семей [2].

Таким образом, в настоящее время коллективной формой женской благотворительности в Воронежском регионе является деятельность женских организаций, которая характеризуется как традиционными моделями, так и новыми, более активными образованиями, среди которых на первый план выходят группы взаимопомощи, религиозные женсоветы, а также исключительно

благотворительные организации.

Список источников и литературы

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., РИК Русанова, 1998.
2. Воронежская митрополия. <https://www.vob-eparhia.ru/index.php?d=1060>
3. Воронежское региональное отделение Союза Женщин России. <https://wuor.ru/wuorvoronezh>
4. Лидер. Воронежская региональная общественная организация. <http://lider-voronezh.ru/zhensoviet/informaciya/>
5. Официальный сайт г. Воронежа. <http://www.voronezh-city.ru/communications/msgs/detail/24787>
6. Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. №2 (83). С. 15–34. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.2.2>
7. Пушкарева Н.Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.79–84.
8. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917 гг.). Иваново, 1994.
9. Якушкина Е.И. Права женщин и структуры по гендерному равенству в регионах России (2008–2010 гг.). Воронежская область // Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / Отв. ред. О.А. Воронина и др. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 10–40.

ЖЕНСКАЯ БИОГРАФИКА И АВТОБИОГРАФИКА. ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ

РАЗДЕЛ 16

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ И ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИКИ. ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОГО ЭГО-НАРРАТИВА В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.П. Заболотная

Кишинев (Молдова), Национальный музей истории Молдовы

Неизвестные письма о межличностных отношениях Марии Кантемир и Екатерины-Смарагды Голицыной

История частной жизни двух семей Дмитрия Кантемира (26.10.1673–21.08.1723) и особенно его детей до настоящего времени не является предметом специального изучения и остается вне исследовательского поля ученых-кантемирологов. Основной поток и блок научно-исследовательского потенциала ученых направлен на ярких и выдающихся представителей рода Кантемир – Дмитрия и Антиоха. Все остальные члены семьи, особенно женские персонажи, чаще всего фигурируют на фоне жизнедеятельности вышеуказанных либо в контексте имущественно-правовых отношений в семье Кантемир. В современных исследованиях история жизни жен и дочерей Дмитрия Кантемира носит фрагментарный, эпизодический характер, который чаще всего ограничивается биографической или библиографической информацией. Отсутствуют предметно-тематические и фундаменталь-

но-методологические работы, а большая часть публикаций основана на мифологических образах (наших героинь), созданных литераторами и историками XIX в., и приукрашена.

В данной краткой статье на основе неопубликованной переписки между дочерьми Дмитрия Кантемира мы попытаемся увидеть, каковы были отношения между двумя сестрами, которых разделяли не только большая разница в возрасте, но и различная среда и условия воспитания. Применение междисциплинарного подхода и системно-структурный анализ делает возможным комплексно изучить доступные источники и воспроизвести целостную картину реальности изучаемой эпохи. Метод гендерного исследования позволит персонализировать образы двух дочерей Дмитрия Кантемира от разных браков и показать их не только в сравнении, но в системе межличностных отношений.

Главными действующими лицами являются две дочери выдающегося ученого, политического деятеля и молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Княжна Мария Кантемир (28.04.1700, Яссы – 09.09.1757, Москва), старшая дочь Дмитрия Кантемира (26.10.1676 – 21.08.1723) и Кассандры Кантакузино (1682 г. – 11 мая 1713 г., Москва), была первым ребенком в семье. И княгиня Екатерина-Смарагда Голицына (04.11.1720, Петербург – 02.11.1761, Париж), младшая дочь Дмитрия Кантемира и Анастасии Ивановны Трубецкой, статс-дама, жена дипломата князя Дмитрия Михайловича Голицына.

Мария была первым ребенком, рожденным в семье Дмитрия Кантемира, старшей среди детей, а Екатерина, напротив, была последней родившийся, следовательно, самой младшей. Разница в возрасте составляла не просто двадцатилетний разрыв, а, согласно исследованиям в области *возрастной психологии*, целый жизненный пласт. В XVIII в. большую роль в формировании личности играла семья, домашнее воспитание, так как именно в семейном кругу проходила подготовка к жизни. От системы взаимоотношений, сложившихся в семье, от приоритетов ценностей, интересов, а также соблюдении семейных обычаев и традиций зависит будущее каждого ребенка. Дети чутко воспринимают пове-

дение родителей, усваивают модели поведения, образец которых подают близкие и родные люди.

Имущественно-наследственный вопрос стал камнем преткновения в семье Кантемир сразу же после смерти Дмитрия Кантемира и длился более 20 лет. Изучая источники эпохи, нами было констатировано, что на протяжении периода судебнo-процессуального спора между детьми от первого брака – Марией, Матвеем, Сергеем и Антиохом, с одной стороны, и мачехой, Анастасией Ивановной, с другой, никаких сведений о личной переписке между сестрами нами обнаружены не было. Возможно, существовала корреспонденция, но письма не сохранились, а, может быть, ее и не существовало. Все же после окончания процесса (1737 г.), благодаря усилиям Марии Кантемир и встречным – Анастасии Ивановны, отношения между ними были налажены. Тесными, семейными связями эти взаимоотношения назвать нельзя было, т.к. после второго замужества Анастасия Ивановна (1738 г.) часто выезжала с дочерью, Екатериной-Смарагдой, за границу [3, с. 147–149], а после смерти Антиоха (1744 г.) и смерти Константина (1747 г.) между ними вновь возникали имущественные споры [1, с. 27–41].

Удивительно, но объединяющим и примиряющим фактором в отношениях дочерей Дмитрия Кантемира стало замужество Екатерины-Смарагды. Об этом свидетельствует ряд писем, сохранившихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) между Анастасией Ивановной, Екатериной-Смарагдой и Марией Кантемир.

В данном контексте, особый интерес представляет письмо от 12 ноября 1750 г., в котором Анастасия Ивановна сообщает о дне помолвки Екатерины Дмитриевны Кантемир с князем Дмитрием Михайловичем Голицыным: *«Государыня моя княжна Марья Дмитриевна, По власти Божьей и по все высочайшему Ея Императорского Величества монаршему соизволению, дочь моя княжна Екатерина, сего ноября, 9 дня помолвлена в замужество за князь Дмитрия Михайловича Голицына»* [2, л. 25]. Как видно из содержания, письмо было написано спустя всего лишь 3 дня после самого дня помолвки. Это свидетельствует о

том, что Анастасия Ивановна считала свои долгом своевременно сообщить о столь важном событии в жизни единственной дочери. Обращает внимание форма обращения мачехи к своей падчерице, которое наполнено искренним и глубоким уважением. К сожалению, не известно, по каким причинам Мария не присутствовала на помолвке, но письмо говорит о том, что мачеха и сводная сестра относились к ней с большим почтением и уважением. Спустя несколько месяцев, 28 января 1751 г., Екатерина Дмитриевна вышла замуж за капитана Измайловского полка князя Дмитрия Михайловича Голицына (1721–1793), впоследствии посла в Вене. Свадьба состоялась при дворе с большим великолепием и в присутствии императрицы, а на другой день при дворе же был ужин и бал. В день свадьбы Екатерина Дмитриевна была назначена статс-дамой [3, с. 147–149].

31 января 1751 г. Мария Кантемир получает письмо от Анастасии Ивановны, в котором сообщает, что свадьба состоялась: *«Государыня княжна Мария Дмитриевна, ...сего 28 дня января... моя дочь... при дворе Ея Императорского Величества, законным браком сочеталась»* [2, л. 24]. Спустя две недели, 14 февраля 1751 г., Мария получает письмо от сестры, которая обращается к ней *«Милостивейшая Государыня моя княжна Марья Дмитриевна, Вашей Светлости на прошедших днях имею честь сообщить о вступлении моем в брак 28 января... Покорнейшая всегда и верная слуга Княгиня Екатерина Дмитриевна Голицына»* [2, л. 23]. Из письма видно, что Екатерина-Смарагда подписывается уже как княгиня Екатерина Голицына (и только одним именем). Спустя короткое время она вновь присылает письмо Марии, в котором выражает как свое почтение, так и своего супруга: *«К Вам Государыне сестрице свои низжайшие поклоны отдаю и прошу Вас матушка жаловать Государя моего мужа как Вы меня любите, а мы Вас всегда любим и почитаем непременно»* [2, л. 23об].

Обобщая, можно заключить, что письма удивительно теплые, добрые, почтительные и уважительные. Анализ языка, стиль текстовых структур, характер и манеры обращения и изложения в письмах свидетельствует о том, что сестры хотя и изредка, но пе-

реписывались. Анастасия Ивановна не только не препятствовала общению сводных сестер, но, как видно из ее личных писем к Марии Кантемир, напротив, стремилась поддерживать добросердечные отношения. Из писем также следует, что Мария не была на свадьбе и не принимала участия в торжественном и важном событии в жизни своей младшей сестры, но это не вызвало обиды или негодования. Вероятно, у Марии были серьезные проблемы со здоровьем, и Анастасия Ивановна с дочерью прекрасно понимали это. Помимо этого, всем было известно, что Мария всегда вела довольно закрытый образ жизни, а после смерти Антиоха вовсе изолировалась и отдалилась от светской жизни; возможно, приняла пожизненный траур. В письме так ничего не говорится о братьях – Сергее и Матвее. Все это свидетельствует, что общение между сестрами было, но исключительно в плоскости межличностных отношений.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы заключить, что обе дочери Дмитрия Кантемира – Мария и Екатерина-Смарагда – до настоящего времени являются одними из широко известных и культовых женских персонажей в российской и молдавской истории. Они не росли вместе, воспитывались в разной среде, на протяжении многих лет были разлучены и не имели возможности общаться. Однако спустя годы они сумели переступить внутрисемейные конфликты и неурядицы, наладить и поддерживать теплые, добрые семейные отношения. Обе дочери, старшая и младшая, были просвещенными, высокообразованными, интеллигентными, отличались высокими морально-нравственными качествами, достойными своего прославленного отца.

Список источников и литературы

1. *Заболотная Л.П.* Имущественные и наследственные отношения в европейском праве XVIII века (на примере взаимоотношений Екатерины Дмитриевны Голицыной с семьей Кантемир) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 27–41.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1374 «Кантемиры. Дела по имениям в разных уездах. Личная и семейная переписка (1702–1782)». Оп. 1. Ед. хр. 70.

3. Чулков Н. Гессен-Гомбургская принцесса Анастасия Ивановна // Русский биографический журнал. Т. 5 доп., изданный Санкт-Петербургским Императорским Русским историческим обществом под наблюдением его председателя А.А. Половцева, 1916. С. 147–149.

Г.А. Кокорина

Тверь, Тверской государственный университет

Память французской художницы Э. Виже-Лебрен о России как «новой родине»

Современная историческая наука рассматривает источники личного происхождения как возможность получить дополнительную информацию о событии или о конкретном человеке. Такие источники содержат в себе субъективные переживания, чувства автора по поводу описываемых событий. Существуют различные формы источников личного происхождения: дневники, воспоминания, записки, личные письма. Каждый из этих источников уникален и по форме, и по содержанию. Дневники ведутся в течение определенного временного периода. В них описываются последовательные события, происходящие с автором. Мемуары, воспоминания, записки представляют собой авторский рассказ о пережитом событии спустя некоторое время. В таких источниках автором дается оценка произошедших событий. Письма – более узкособытийный источник, в котором автор описывает и оценивает небольшие эпизоды своей жизни.

Огромную роль источники личного происхождения играют в случае изучения восприятия отдельными личностями различных событий. Так, например, смена места жительства, добровольная или вынужденная. Нахождение в чужой стране становится мощным источником переживаний и размышлений. Возникает вопрос, как воспринимали иностранцы новую родину, как ассоциировали себя в «новой» культуре. Таким образом, цель работы – выявить особенности восприятия французской художницы Э. Виже-Лебрен России как «новой родины». В работе использует-

ся источник личного происхождения женщины, находившейся на территории Российской империи в конце XVIII – начале XIX в.

Исследовательская литература о жизни французской художницы Э. Виже-Лебрен делится на три блока. В первый входят работы общего характера, посвященные изобразительному искусству [3]. Второй блок составляют работы биографического жанра, освещающие этапы жизни художницы. Достаточно большое количество работ посвящены творческой деятельности Э. Виже-Лебрен [1], в частности жизни в эмиграции [2]. На данный момент в отечественной исторической науке практически нет работ, специально посвященных восприятию иностранцами России как «новой родины».

В 1789 г. в связи с революцией Э. Виже-Лебрен пришлось покинуть Францию и эмигрировать в Европу. В 1795 г. по приглашению русского посла А.К. Разумовского художница приезжает в Россию, которая становится на семь лет для нее и ее дочери домом.

В своих воспоминаниях Э. Виже-Лебрен много описывает природу, архитектуру, акцентирует свое внимание и на окружавших ее людях [4]. Художницу впечатляет обилие парков, садов, которые дополняют уникальную архитектуру. Воспринимая Россию как новый дом, француженка часто приходит к сравнению. Например, во время разлива Невы художница проецирует это же действие, но относительно родной Сены. Ее поражает широта и мощь разлива Невы. Э. Виже-Лебрен подчеркивает различие времен года. Так, она пишет, что в России совсем нет весны. Для нее весна ассоциируется с пением соловья, с цветочным ароматом в воздухе, с благоуханной природой. Этого художница не видит в России весной, но видит летом. Радует художницу и русский народ, который она находит трудолюбивым, талантливым, ласковым. Очевидно, мадам чаще общалась с аристократией, нежели с крепостными крестьянами.

Привыкает художница и к быту русской дворянки. Ее удивляет обыкновение постоянно приглашать гостей к обеду и к ужину, а еще больше художницу удивляет риск оскорбить пригласившего частыми отказами. Проводя большое количество времени с благородными дамами, Э. Виже-Лебрен отмечала отсутствие надменности, присущей некоторым «нашим французским леди».

В большей степени художница не чувствовала себя чужой. В петербургском придворном кругу французских эмигрантов встречали очень радушно. Сама императрица относилась к французским изгнанникам со вниманием. Бесчисленные балы, концерты и театральные представления – все это погружает Э. Виже-Лебрен в воспоминания о Франции: «видна грация французской компании». Иногда ей кажется, что окружающая ее действительность сделала «прыжок из Парижа в Санкт-Петербург».

Россия оставила теплый отпечаток в памяти Э. Виже-Лебрен. Она отмечала уникальную систему отопления, по которой скучала, находясь во Франции. По душе художнице пришлось длинные широкие диваны.

По воспоминаниям от 25 июля 1795 г. Э. Виже-Лебрен въехала в Санкт-Петербург и оставалась там до 15 октября 1800 г., откуда она уехала в Москву. В середине 1801 г. мадам вернулась в столицу, чтобы через некоторое время покинуть ее навсегда. В ее работе присутствует большое количество словесных портретов. Как художница она, конечно же, обращает особое внимание на внешность, на образ жизни, на внешний вид окружавших ее людей. Э. Виже-Лебрен удается завести большое количество друзей, которые надолго остаются в ее памяти. Без внимания французенки не остаются ни архитектура, ни природа, ни особенности быта. К последнему Э. Виже-Лебрен так и не привыкла.

Мадам Э. Виже-Лебре провела в России семь лет и искренне полюбила новый дом. Перед отъездом художница сама дает оценку тем годам, которые провела в России. Она называет их «счастливые годы». «Пересекая российскую границу, я расплакалась», – пишет художница. Многие ей напоминало о Франции: общество, мероприятия, обстановка. Россия встретила французенку своим колоритом, и в этой стране она нашла пристанище.

Список источников и литературы

1. *Абрамкин И.А.* Жизненный путь Э. Виже-Лебрен как характерный пример биографии художника на рубеже XVIII–XIX веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып.

8. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 215–221.
2. *Лебедева Е.Г.* Иностранцы художницы в России XVIII–XIX вв. // Культурологический журнал 2014. № 4 (18). <http://cg-journal.ru/>
3. *Маркина Л.А.* Художницы в России: от барокко до модерна // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV–XX веков. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2002.
4. *Memoirs of Madame Vigée Lebrun by Elisabeth Vigée Le Brun (1755–1842) / Translated by Lionel Strachey.* N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1903. <http://digital.library.upenn.edu/women/lebrun/memoirs/memoirs.html>

Е.Е. Приказчикова

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

**Е. Хвостова (Сушкова) и М.Ю. Лермонтов:
жизнь через призму романтического жизнотворчества**

С 20-х годов XIX в. на стиль женских мемуаров оказывает большое влияние традиция романтического жизнотворчества. Л.Я. Гинзбург видела в нем крайнюю форму «моделирования» своего исторического характера, предполагающую преднамеренное построение «в жизни художественных образов и эстетически организованных сюжетов» [1, с. 23]. Ярким примером романтического жизнотворчества могут считаться «Записки» Е. Хвостовой, в девичестве Сушковой, бывшей в 30-е годы XIX в. одним из адресатов поэзии М.Ю. Лермонтова.

Основным содержанием записок стали взаимоотношения мемуаристки с Лермонтовым и скандальный разрыв этих взаимоотношений, приведший Сушкову в деревенскую ссылку в село Федосьино, где в 1836–1837 гг. она писала свои воспоминания. «Записки» создавались ею как своеобразный ответ – опровержение на письмо Лермонтова 1835 г., адресованное его двоюродной сестре Александре Верещагиной, приятельнице мемуаристки. В нем поэт откровенно объяснил свою роль в светской интриге с анонимным письмом в декабре 1834 г., в результате которой Екатерина Сушкова стала жертвой светской мести поэта. Более того,

светский роман с Сушковой послужил для Лермонтова основой для сюжетной линии Печорин – Елизавета Негурова в повести «Княгиня Лиговская», где образы Печорина и Елизаветы Николаевны, безусловно, несут на себе отпечаток своих реальных прототипов – Лермонтова и Сушковой.

Работая над воспоминаниями, Хвостова преследовала еще одну важную цель: оправдать себя в великосветской интриге с Лермонтовым и Л. Лопухиным, в которой она едва не стала причиной смертельной дуэли между двумя братьями-друзьями. Выполняя эту задачу, мемуаристка изначально моделирует на себя роль «загнанного, несчастного существа», обреченного на страдания чуть не с колыбели, невинной жертвы, обманутой коварный «байроническим» соблазнителем, но, несмотря на этот жестокий и незаслуженный урок, сохранившей по отношению к своему «злому гению» чувство любви.

Созданию такого впечатления служит, *во-первых*, рассказ о детских годах мемуаристки, омраченных воспоминанием о насильственной разлуке с матерью, урожденной княжной Анастасией Долгоруковой, виновником которой был отец Сушковой, профессиональный игрок, ведущий в 1820-х годах самый разгульный и скандальный образ жизни. Девочке было всего 8 лет, когда отец навсегда разлучил ее с матерью, отдав на воспитание своим сестрам – Прасковье Васильевне и Марье Васильевне. В доме теток, по свидетельству мемуаристки, никто серьезно не занимался ее воспитанием, зато ее часто попрекали куском хлеба, твердя, что она им всем обязана, а без них «пропала как былиночка» [2, с. 70]. Не удивительно, что дом теток на Арбате часто ассоциировался у нее с... могилой, так как «входя в его холодные комнаты, я как будто расставалась с жизнью, дневным светом» [2, с. 36].

Во-вторых, важнейшей чертой романтического жизнетворчества в записках оказывается желание мемуаристки отвести от себя обвинение в бездумном кокетстве, в чем обвинял ее Лермонтов. В записках Сушкова настойчиво подводит свою «приверженность» к «свету» под общую теорию несчастной женской жизни в семье, создавая настоящий панегирик «бальной женской сво-

боде». Для сравнения, в мужском сознании эпохи романтизма, у того же М. Лермонтова, В. Одоевского, Н. Павлова – бал, прежде всего, – символ человеческой несвободы, ярмарка тщеславия и порока, которой противопоставляется «свобода» дружеских собраний и застолий, счастливая семейная жизнь, наконец, гордое одиночество наедине со своим сердцем.

В-третьих, центральным образом записок, мужским alter ego мемуаристки, оказывается великий лирический поэт России Михаил Юрьевич Лермонтов, единственный человек в России, который мог бы дать ей настоящую романтическую любовь, представляемую ею «огнем разрушительным» [2, с. 113].

В «Записках» Е. Сушковой перед нами предстают сразу два Лермонтова. Один – робкий и неуклюжий 16-летний мальчик, ученик университетского пансиона, безответно влюбленный в 18-летнюю черноволосую красавицу Коко Сушкову. Второй Лермонтов, появляющийся на страницах записок Сушковой, имеет очень мало общего с «косолапым» Мишелем. Это уже признанный романтический поэт России, блестящий и насмешливый офицер лейб-гвардии гусарского полка, хорошо знающий себе цену. Теперь роли меняются. Сушкова чувствует к нему искреннюю страстную любовь, он до поры до времени милостиво позволяет себя любить, прикидываясь влюбленным и лелея свой план мести.

Роль Лермонтова в мемуарах Сушковой – роль демона-соблазнителя, облаченного в плащ романтического героя. Сушкова постоянно пишет о «жгучих», «испытующих» глазах Лермонтова, от которых «нельзя было не смутиться, когда он устремлял их с какой-то неподвижностью» [2, с. 134]. Лермонтов мемуаров Сушковой удивительно напоминает героя юношеской лирики поэта и его романтических драм – «странного человека» с байроническим складом души и разбитым сердцем, жаждущим возрождения и возвращения в жизнь через любовь женщины. Лермонтов угрожает мемуаристке смертельной дуэлью между ним и его двоюродным братом, виновницей которой будет только Сушкова: «Нам с Лопухиным тесно вдвоем на земле» [2, с. 149].

В-четвертых, в соответствии с традициями романтического жизнетворчества создается образ главной героини записок. Насмешливая, живая, веселая светская девушка превращается в собственных записках в смиренную, покорную рабу своего романтического властелина и повелителя, испытывающую радость от своего зависимого положения. По отношению к Лермонтову героиня записок испытывает чувство беззаветной жертвенной любви: «...я бы с радостью умерла, унеся с собой на небо, как венец бессмертия, клятву его любви и веру мою в незыблемость этой любви» [2, с. 160].

Что касается самой истории разрыва отношений с Лермонтовым, то под пером Сушковой она получает поистине трагический характер. Уговаривая ее на побег и обещая ей тайный брак, Лермонтов одновременно с этим послал по почте на городской адрес Сушковых анонимное письмо, в котором предостерегал их от «бесчестных» намерений поручика Лермонтова по отношению к Екатерине Александровне. Во время их последнего разговора Лермонтов в духе будущего «героя нашего времени» Печорина холодно говорит мемуаристке: «...что прошло, того не воротить, да я ничего уже и не требую; словом, я вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил» [2, с. 180]. В утешение Сушковой, по ее собственным словам, остается только память о прошлом и благодарность Лермонтову за то, что, хотя он «убил во мне сердце, душу, разрушил все мечты, все надежды, но он мог и совершенно погубить меня и не сделал этого» [2, с. 157].

Понятно, что при подобной расстановке акцентов в мемуарах Сушковой вполне заурядная светская интрига приобретает черты высокой романтической драмы двух сердец, созданных друг для друга, но так и не нашедших себя в этом мире.

Список источников и литературы

1. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999.
2. *Хвостова Е.А.* Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой. 1812–1841. Материалы для биографии М.Ю. Лермонтова. СПб., 1870.

Э. Эндерляйн*Страсбург (Франция), Страсбургский Университет*

Размышления о дневнике Марии Башкирцевой

Мария Башкирцева умерла почти сто сорок лет назад в 25 лет, оставив прекрасные картины, хранящиеся в лучших музеях мира, свой дневник, который снова обнаружили только в 80-х годах прошлого века, и множество легенд о своей жизни.

Безусловный интерес представляют личность и творчество этой одаренной женщины. Однако в данной статье хотелось бы представить прежде всего ее Дневник, причем не только с литературоведческой или исторической точек зрения, а с позиции современной читательницы, изучившей и частично пережившей историю женских движений в Западной Европе. Мне кажется, что именно такой ретроспективный взгляд может в данном случае привести к интересным результатам в отношении того, что мы называем жизнетворчеством женщины. Я буду опираться преимущественно на те отрывки из Дневника, которые были изданы в России в 2003 г., так как он не переиздавался с 1892 г.

Остановимся кратко на биографии Марии Башкирцевой. Мария Константиновна Башкирцева родилась 24.11.1858 г. (а не 11.11.1860 г., как утверждают все издания Дневника! Но ее мать не хотела, чтобы узнали о рождении дочери спустя только 7 месяцев после свадьбы) в Гавронцах, близ Полтавы, в семье богатого помещика. После ссоры родителей они с матерью и братом переехали к деду в Харьков. А в 1871 г. семья поселилась в Ницце, откуда много путешествовала, все время останавливаясь на самых богатых, роскошных виллах. Мария Константиновна получила отличное образование: знала латынь, древнегреческий, французский, английский и немецкий языки, играла на рояле, гитаре, арфе, мандолине. В 1874 г. Мария начала болеть туберкулезом, в 1876 г. из-за развивающегося туберкулезного процесса она стала терять голос, а с 1880 – слух. С 1877 г. она твердо решила посвятить себя живописи и переехала в Париж, где записалась в Академию Юлиана. За один

год (1879) она окончила курс, рассчитанный на семь лет, с такой же легкостью, с которой 6 лет назад окончила за пять месяцев 3-летний курс в лицее. Скончалась от туберкулеза 31.10.1884 г. в Париже. Следовательно, за 7 лет творческой жизни она создала внушительное художественное наследие: 150 картин, 200 рисунков, акварели, скульптуры. Оно было представлено на выставках в Париже (весна 1885), Амстердаме (зима 1887), в СССР (1929). Ныне ее картины находятся в музеях Парижа, Амстердама, Вены, Ниццы, Афин, Чикаго, а также в России и Украины (Саратов, Днепропетровск (Днепр), Красноярск, Русский музей, Третьяковская галерея).

Но самое, по-моему, интересное наследие представляет собой ее дневник. Он был переведен на все европейские языки, и в России его публикация вызвала бурные и противоречивые отклики. Именно это и побудило представителей «нового искусства» видеть в нем исходный пункт тех литературных и эстетических движений, которые стали называться «декадентством», и вокруг его автора создалась настоящая легенда, которая многих вдохновляла, но имела мало общего с настоящей личностью Марии Константиновны.

Дневник Башкирцевой долгое время служил поводом почувствовать молодой девушке, заболевшей туберкулезом и преждевременно погибшей, чистой и нетронутой. В нем видели только отражение души героини «конца века», вундеркинда или салонной мадонны, которая возила свою тоску из Москвы в Рим, из Ниццы в Остенд. Она кажется нарциссическим существом, которому не хочется прощаться со слишком богатой жизнью:

Рассмотрим неизданные отрывки из Дневника – то, что было изъято цензурой или изменено в рукописи Дневника самой матерью нашей героини. (Даже его последнее издание во Франции, в 1980 г. в издательстве *Mazarine*, не является полным, а статья, которую ему посвятили Анн Сутерланд и Харрис и Линда Холин в *Éditions des Femmes* в 1981 г., изобилует ошибками относительно личности адресатов ее переписки, имен ее мнимых учителей и даже даты рождения).

Надо полностью прочитать Дневник, чтобы обнаружить в нем не светское эхо тлеющего общества или прощание с жизнью мо-

лодой девушки-аристократки, а свидетельство настоящей художницы и ответ на столь часто возникающий вопрос: почему так мало женщин-художниц?

Мария Константиновна не стала знаменитым художником конца XIX в. так же, как осталась неизвестной в свое время Камилла Клодель, сотрудница скульптора Родена и сестра выдающегося писателя Поля Клоделя, которую «открыли» только намного позже. Преждевременная смерть помешала Марии осуществить себя в творчестве, о котором она мечтала, но ее записки освещают противоречия и конфликты, пережитые женщиной, решившей посвятить себя творчеству в такое время и в такой среде, которые не были готовы ее принять.

Ее картины были написаны в традициях реализма салонной живописи 1880-х годов. Они менее способствовали ее известности, чем ее дневник, который она вела в течение 12 лет, с октября 1872 г. до своей смерти. Ее ежедневные записки можно читать как рассказ о борьбе, надеждах и отчаянии. Это – подведение итогов, наполненное горечью: мир творчества якобы принадлежит мужчинам, женщины не допускаются в него – за исключением тех случаев, когда они играют ту роль, которую от них ожидают. Женщины – второстепенные существа и, следовательно, допускаются не в высшую Академию Художеств, а в частные мастерские, где женщины могут служить только музами или быть бледными подражателями мастеров. Они слишком красивы, чтобы стать художниками в полном смысле этого слова.

Учитывая эти условия, следует прочитать Дневник Марии Башкирцевой как перечень всех препятствий, которые затрудняли развитие настоящих талантов, как разоблачение системы образования, которая обуславливала низкое качество женской живописи. Кто же теперь помнит имена сокурсниц Башкирцевой (Луизы Бреслау, Амелии Бори-Сорель, Софии Шёппи, Жени Зильхард, Анны Нордгрэн)? Сквозь легкую светскую беседу все ярче просвечивает отпор, который накапливался из года в год, дремлет тихое восстание, которое вспыхнуло 27.7.1885 г. «Ах! Почему же я не мужчина!?»

Дневник Марии Башкирцевой – это рассказ о формировании женской личности: речь идет не только о борьбе девушки против конформизма общества, но и о преодолении собственной раздвоенности между светским и творческим «я». Ее светское «я» оказывается более хитрым, чем социальные рамки, оно пробивается через установленные правила общества, принимая самые разнообразные формы, для которых художественное творчество представляется как простой предлог. А ее настоящая, подлинная личность – это творческое «я». Позже она отдает себе отчет в том, что это желание наталкивается на непонимание, на несогласие других, что оно идет вразрез всему, что составляло успех и удачу для женщины.

Почему же женщина становится художником? Башкирцева дает ответ: творчество для нее стало путем к свободе, возможностью убежать из удушливой атмосферы семьи и ограниченного мира салонов, в которых ее только унижали и куда она мечтала войти как победительница. Искусство она понимала как способ возмещения, освобождения от установленных правил, которые готовили девушку исключительно к замужеству. А творческое «я» требует своего права на одиночества перед полотном, права посвятить себя одной только непрерывной и методичной работе, сбросив маску, которую ей приклеило общество. Со временем дистанция между ней и окружающим ее миром, «светской комедией», становится все больше и больше. Она активно участвует в движении за права женщин, она борется за то, чтобы женщины-художницы признавались полноценными. Внутренняя трансформация влечет за собой трансформацию творческую: постепенно она отходит от стерильного академизма Бутеро и Роберта Флери и развивается в сторону Манэ, которого открывает для себя.

Итак, в Дневнике Марии Башкирцевой искусство служит самораскрепощению, самораскрытию, становлению личности. Оно пролагает путь к освобождению, в данном случае к освобождению женщины, которая поняла, что ее обманули. И за год до смерти в ней пробуждается новая женщина, заявляющая о себе мощным криком надежды:

Крик этот был задушен болезнью, смертью. Ее убил туберкулез, конечно, но борьба за возможность жить в обществе в качестве художницы отняла у нее слишком много сил.

В заключении следует отметить, что дневник Марии Башкирцевой является весьма неординарным свидетельством отношения женщины к искусству. Он был опубликован в России в 2003 г., во Франции благодаря «Кругу друзей Марии Башкирцевой» – с 1995 по 2003 гг., первое издание 1890 г. было переиздано в Париже в 2019 г.

Е.М. Жидкова

Самара, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

Биография с открытой датой. Лидия Кочеткова – эсерка, феминистка, ученая

Имя Лидии Петровны Кочетковой (29 августа 1872, Самара – после 1932), к сожалению, не нашло отражения в отечественной историографии. Не заинтересовало оно историков «женского вопроса», хотя Кочеткова издала в 1908 г. в Швейцарии, а в 1915 г. в Москве брошюру с радикальным названием «Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей» [6]. Также оно не вызвало интереса у исследователей ПСР, хотя Кочеткова вступила в партию эсеров в революционном 1905 г. и активно действовала в Саратовской организации, представляла ее в 1908 г. на партконференции в Лондоне. Забыты и ее труды послереволюционных лет, когда Кочеткова стала «специалистом по овцеводству» на Безенчукской опытной станции, выпустила несколько брошюр и делала доклады на Всесоюзном съезде по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству (1929), на Третьем съезде зоологов, анатомов и гистологов (1927) [7, 8].

Имя Лидии Петровны Кочетковой вернулось через беллетристику, через документальную повесть Михаила Шишкина «Кампанила Святого Марка», впервые опубликованную в 2011 г. в журнале «Сноб» [14]. Шишкина же этой темой увлекла швейцарская

ученая Карин Хузер, которая проанализировала эпистолярное наследие Кочетковой и ее мужа Фрица Брупбахера за семнадцать лет переписки – а это 6 тыс. писем, хранящихся в Архиве международного института социальной истории в Амстердаме. Публикация Хузер доступна и на русском [12]. Подробно рассказывая историю Лидии с момента встречи с будущим мужем на медицинском факультете Цюрихского университета в 1897 г. до окончательного разрыва в 1916 г., исследовательница останавливает свое повествование на Первой Мировой войне, когда Кочеткова вступила в военно-санитарный отряд. Дальнейшая ее биография Хузер не известна. Собственно, ее исследовательский интерес сосредоточен на активной середине жизни, отсекая первые и последние годы. Нам хочется частично восполнить эти лакуны.

На родине Кочетковой, в Самаре, удалось проследить нить ее биографии до марта 1933 г., до увольнения с Безенчукской опытной станции, где она прослужила ровно 10 лет. Карин Хузер опубликовала две фотографии Кочетковой, хранящиеся в швейцарском архиве. Благодаря запоминающейся внешности Кочеткову легко опознать на более поздних групповых фотографиях 1920–1930-х годов из фондов Безенчукской станции. Известна также фотография «Александр Грин в дер. Большой Двор под Пинегой», запечатлевшая писателя в архангельской ссылке. Так вот, рядом с четой Гриневских сидит Кочеткова, причем в той же одежде, что и на снимке с Брупбахером из швейцарского архива [2]. Вероятно, обе карточки сделаны в 1911 г., когда Брупбахер навещал Лидию в ссылке. «Плохим лечащим врачом была она, но широко образованным человеком», – точно подметил тогда Грин [9, с. 106].

По документам, отражающим историю Самарского музея, известно, что в начале 1921 г. Кочеткова служила в губернском отделе народного образования [5]. Думается, это не случайно. Ведь в 1917 г. в Самару вернулся давний друг Кочетковых Е.Е. Лазарев – ветеран-народник, видный деятель партии эсеров. Некоторое время он занимал пост министра народного просвещения в правительстве КОМУЧа, даже принял участие в открытии Самарского университета [4]. В 1919 г. Лазарев эмигрирует. А Кочеткова

осталась в России. «Русские должны крепко держаться за матушку-землю», – любила повторять она [12]. Жизнь забрасывала нашу героиню в самые разные места: от Венеции до Златоуста и Актарска, но, похоже, что в конце пути она вернулась на родину. На эту мысль нас навело упоминание ее имени в архивных документах гимназической подруги – Н.А. Хардиной [13]. Собственно, благодаря фонду гимназии Хардиной имя Кочетковой вошло в круг наших исследовательских интересов. Прояснились биографические сюжеты ранних лет, позволившие понять дальнейший выбор Лидией радикального и бескомпромиссного образа жизни.

Хузер указывает на революционное окружение, которое встретила Кочеткова-студентка в Швейцарии. То были «семидесятники» – старинные знакомые ее матери по Самаре и Иркутску. Действительно, в 1870-е годы Самара была местом ссылки, здесь задерживались политические ссыльные, возвращавшиеся из Сибири. В Самаре, к примеру, выходило единственное в русской провинции социал-демократическое издание – «Самарский вестник» [10, с. 227]. Можно утверждать, что Кочеткова познакомилась с народническими идеями еще раньше, в своей семье. Да, ее мать жила праздно и бесцельно, но дядя К.М. Сумкин – купец и управляющий имением Сибиряковых в Самарской губернии – в 1870-х годах принимал участие в пропагандистском кружке, чудом избежав ареста по делу «193-х». Более того, имея обширные знакомства в народовольческом движении, он ездил с С.Ф. Чубаровым, чье имя обычно связывают с Софьей Перовской и чайковцами, в Америку для образования трудовой коммуны [11]. Позже, в 1880-х, в имении К.М. Сибирякова опыты с коммунами и земельными товариществами будут продолжены [3].

Добавим также, что по линии матери Кочеткова состояла в родстве с богатейшими сибирскими купцами-золотопромышленниками Трапезниковыми и Сибиряковыми. За упоминанием этих имен обычно следуют определения – меценаты, благотворители. Действительно, Трапезниковы жертвовали сотни тысяч на строительство университета в Томске, Сибиряковы – на здание Биологической лаборатории Лесгафта, на постройку дома Бе-

стужевских женских курсов [1]. Имя Сибиряковых упоминается среди почетных членов Общества для доставления средств ВЖК. Поэтому не мифическое «наследство» мещанина Кочеткова стало основой благосостояния его семьи, позволившего вести безбедную жизнь на заграничных курортах, а баснословные богатства иркутских откупщиков. И в этой среде, отторгая ее и ища призвания и «новой жизни», русские студентки 1890-х возвращались к народническим идеалам прошлого.

Список источников и литературы

1. Гаврилова Н.И. Константин Михайлович Сибиряков: материалы к биографии // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 2. С. 244–253.
2. Грин Александр Степанович // Википедия. Свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Грин,АлександрСтепанович> (дата обращения: 01.05.2020)
3. *Ерканов И.* Новые документы о В.И. Ленине // Волжская коммуна. 1962. 24 апреля.
4. *Ёхина Н.А.* Эмигранты, революционеры и коронованные особы: «русская волость» Е.Е. и Ю.А. Лазаревых в Божии над Клараном // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014/15. М., 2015. С. 20–30. <http://www.russianguave.ru/assets/files/lazarev.pdf>
5. *Иванушкина С.А.* Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сам. гос. ун-т., Самара, 2010.
6. *Кочеткова Л.П.* Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей. М.: тип. В.М. Саблина, 1915.
7. *Кочеткова Л.П.* Черкасская овца и ее улучшение. Самара, 1926.
8. *Кочеткова Л.П.* Черкасские овцы на Безенчукской областной сельскохозяйственной опытной станции. Самара, 1923.
9. *Сандлер В.* Архангельская одиссея А. Грина // Север. 1969. № 8. С. 97–114.
10. *Соломински Е.* Яков Тейтель. Заступник гонимых. Судебный следователь в Российской империи и общественный деятель в Германии. СПб.: Алетейя, 2020.
11. Сумкин Константин Михайлович // Деятели революционного движения в России: в 5 т. / Под ред. Ф.Я. Кона и др. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927–1934.
12. *Хузер К.* «Брак по переписке». Необычные отношения русской социа-

- листки-революционерки Лидии Кочетковой и швейцарского анархиста Фрица Брупбахера // Проблемы новейшей истории России: сб. статей к 70-летию со дня рождения Г.Л. Соболева. СПб., 2005. С. 70–82.
13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 300 (Женская гимназия Н.А. Хардиной).
14. *Шишкин М.* Кампания святого Марка // Все о Еве: сборник мемуаров и короткой прозы. М.: Астрель, 2012. С. 539–568.

А.Ю. Морозова

Москва, Институт российской истории РАН

Личное и общественное в воспоминаниях женщин-политзаключенных в России последней трети XIX – первой трети XX в.

Среди политзаключенных в России женщин всегда было значительно меньше, чем мужчин. Несмотря на это, роль их была довольно велика. Мужчины-политзаключенные отмечали, что женщины были для них примером: они были более стойкими, принципиальными, непримиримыми.

Но женщины-политзаключенные во многом остаются до сих пор «молчаливым большинством» [7]. Причиной этого является, с одной стороны, сравнительно небольшое количество их опубликованных мемуаров. (Вероятно, следует согласиться с утверждением, что «большинство мемуаров революционерок находятся в архивах и ждут своего исследователя» [3, с. 317]). С другой стороны, в имеющихся мемуарах специфически женским проблемам внимания практически не уделяется. Это объясняется, в первую очередь, тем, что мотивацией для мемуаристок было стремление рассказать о героике борьбы, о погибших товарищах, но не о своих чувствах и переживаниях, которые было «не принято» выставлять напоказ. В еще меньшей степени было принято писать о чувственной стороне любви, о «половом вопросе», а уж особенности женской физиологии и вовсе были негласно табуированы. (Впрочем, упоминание подобных проблем встречается в написанных позднее мемуарах Е.Л. Олицкой [2, кн. 2, с. 219]).

В то же время, как справедливо отмечала А. Лесневски, «мемуары были местом, где женщины могли контролировать нарративы своих жизней». И «для того чтобы убедиться в том, что в них видят полноценных участников движения, не отвлекающихся на личные заботы, они часто избегали делиться своими чувствами о материнстве» [8]. Однако это утверждение применимо и ко всем другим «женским» чувствам, которые трудно найти в мемуарах. (Впрочем, сосредоточение на борьбе, общем благе и интересах коллектива, превалирование общественного над личным характерно для всего революционного дискурса).

Любопытно, что порой этот недостаток осознавался самими революционерами. Так, народоволка В.Н. Фигнер, проведшая много лет в шлиссельбургской одиночке, в предисловии к сборнику воспоминаний о женской каторге отмечала: «Сборник... имеет один недостаток и притом крупный. В нем нет – человека!... нет индивидуального; и это сильно чувствуется...» [4, с. 11–12]. Добавим, что индивидуально-женского, а не просто индивидуально-человеческого в этом сборнике, как и во многих других мемуарах, еще меньше.

Знакомство с большим количеством мемуаров женщин-политзаключенных позволяет выделить несколько сюжетов, при описании которых мы можем проследить «специфически женский» подход мемуаристок. Так, многие при упоминании о переодевании в арестантскую одежду отмечают не только ее неудобство, грубость ткани и заношенность, но и уродливость, сразу изменявшую ее обладательницу почти до неузнаваемости [5, т. 1, с. 291; 6, с. 272–273].

Еще один момент, который также отмечается многими мемуаристками – это личный обыск с раздеванием. Эта процедура была крайне неприятна, психически болезненна, но неизбежна, протестовать против нее было бессмысленно, оставалось только выработать какую-то защитную реакцию: «Мне было все равно! Душа куда-то улетела, ушла или сжалась в совсем маленький комочек. Осталось одно тело, не знающее ни стыда, ни нравственной боли», – так описывала В.Н. Фигнер обыск при поступлении в Шлиссельбургскую крепость. Так же отстраненно описывала этот момент А. Измайлович [1, с. 351].

Чтобы поддержать себя, Фигнер вспоминала о мученицах первых веков христианства, которых римляне отдавали на растерзание львам. «Но и у меня был свой бог, своя религия – религия свободы, равенства и братства, – писала она. – И во славу этого учения я должна была перенести все» [5, т. 2, с. 7–8].

Эсерка Е.Л. Олицкая, прошедшая череду советских политизолиторов, тюрем и лагерей, имела возможность сравнить обыски по степени изощренности, но неизменным было ее нескрываемое чувство брезгливости по отношению к производившим их надзирательницам: «Какая грязная, какая отвратительная профессия... Что ищут они в складках человеческого тела?» (1923 г.) [2, кн. 1, с. 195]. «Такого гнусного и отвратительного [обыска] я еще не переживала. Очевидно, бабенка прошла особую школу... Кого унижала она? Меня? или себя? Кто разработал такие изысканные приемы обыска?» (1937 г.) [2, кн. 2, с. 160].

Нередки в мемуарах упоминания о дружбе, чувствах симпатии или антипатии, но эта тема, за редкими исключениями (например, размышления А. Измайлович о различном отношении женщин-каторжанок к М. Спиридоновой) [1, с. 414–415], не получает большого развития и описывается, как правило, в терминах общетоварищеских отношений. Редко, но все же встречается в мемуарах описание любви, которое обычно очень целомудренное, возвышенное, косвенно противопоставляемое распущенной и явно манифестируемой «любви» уголовных. «Взаимная поддержка и участие таили в себе зародыш нежного чувства. В тиши безмолвных вечеров выросла волшебная сказка нашей любви» [1, с. 353], – так описывала А. Измайлович свои зародившиеся в ходе тюремного перестукивания чувства.

В заключение отметим, что дальнейшее исследование данной темы требует, прежде всего, привлечения новых источников и работы с большими объемами текстов.

Статья подготовлена в рамках работы над проектом РФФИ № 19-09-00215 «Ментальность и субкультура российского революционера 60-х годов XIX в. – первой трети XX века».

Список источников и литературы

1. *Измайлович А.А.* Из прошлого // Женщины-террористки в России / Сост., вступ. статья и примечания О. Будницкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 325–423.
2. *Олицкая Е.Л.* Мои воспоминания. Кн. 1-2. Франкфурт-на-Майне: Полев, 1971.
3. *Попова А.В.* Жизнь в России и в эмиграции: осмысление социальных проблем на страницах мемуаров революционерок (1905–1920-е годы) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 2. С. 316–319.
4. *Фигнер В.Н.* «Тюремное звено» // На женской каторге. Сб. восп. М.: Изд-во Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.
5. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1–2. М.: Мысль, 1964.
6. *Школьник М.М.* Жизнь бывшей террористки // Женщины-террористки в России / Сост., вступ. статья и примечания О.Будницкого. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 237–324.
7. *Юкина И.И.* «Новая история женщин» России // Библиографии по истории женского движения и феминизма (1850-е – 1920-е годы). СПб.: Алетейя, 2003. С. 1–52.
8. *Lesniewski A.* It Is a Sin to Start a Family: Motherhood and Radicalism in Revolutionary Russia // *Litterae Mentis: A Journal of Literary Studies*. Vol. 4: Absence. University of Kent, 2017 <https://litteraementis.files.wordpress.com/2019/12/litterae-mentis-volume-4-absence.pdf>

Н.А. Казарова

Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Две Веры (В.И. Засулич и В.Н. Фигнер в эго-документах)

Вера Ивановна Засулич (1849–1919) и Вера Николаевна Фигнер (1852–1942), две выдающиеся женщины в истории русского революционного движения, были не просто современницами. Они были почти ровесницами, и ряд переломных моментов в истории связан с их именами. Обе были народоволками, стояли у истоков ре-

волюционного террора в России. Находясь в центре исторических событий, они могли многое рассказать о том, чему были свидетелями. Обе оставили литературное наследие, в том числе и эго-документы, которое является фактом не только истории, но и литературы. В отличие от В.Фигнер, создавшей объемный «Запечатленный труд» [7] и «После Шлиссельбурга» [8], В. Засулич только под конец жизни взялась писать автобиографию и оставила лишь наброски, которые в 1919 г. были опубликованы в журнале «Былое» [1].

И Фигнер, и Засулич, пройдя испытание тюрьмой, ссылкой, эмиграцией, вызывали восхищение своей стойкостью, жертвенностью. В 1917 г. героини увидели результат того, за что боролись всю жизнь. Они не приняли Октябрьскую революцию, но остались в России, испив до дна чашу разочарования. Но если В. Засулич, умирая в страшном 1919 г., проклинала всю свою революционную деятельность [5, с. 43], то всегда уверенная в своей правоте и прожившая еще 23 года в Советской России В. Фигнер, считала, что необходима еще одна революция.

Внешне Вера Фигнер была полной противоположностью Вере Засулич. Вера Фигнер была красавицей, не случайно у нее было прозвище «Топни ножкой». Прекрасной, достойной поклонения называл ее П. Кропоткин уже после того, как Вера Николаевна провела более 20 лет в заточении. С правильными строгими чертами лица, тщательно, со вкусом, но строго одетая, с ровным подбором, с хорошими манерами воспитанницы института благородных девиц, Фигнер совсем не была похожа на нигилистку.

Вера Засулич, напротив, была типичной нигилисткой. Она не отличалась внешней красотой, небрежно одевалась, ходила в истерзанных башмаках, а то и вовсе босиком, постоянно курила, была очень простой в общении и необычайно скромной [6, л. 27].

Совершенно не похожие друг на друга внешне, В. Засулич и В. Фигнер вызывали восхищение у окружающих, которые неизменно давали высокую оценку их уму и моральным качествам. В неопубликованных воспоминаниях А.М. Ладыженский писал, что общение и с той и с другой очищало душу. После встречи с каждой из них казалось, будто вы приняли моральный душ, с той разницей, что

при общении с Верой Ивановной душ был теплый, а при общении с Верой Николаевной – холодный, хотя оба очищающие. Это были люди, при самой мысли о которых обнажалась голова [6, л. 381].

Эго-документы свидетельствуют, что, несмотря на все различия, обе революционерки представляли собой один психологический тип личности. В основе их поведения лежала квазирелигиозная философия, они одинаково были преданы своей идее до самопожертвования. Не случайно на формирование мировоззрения обеих Вер большое влияние оказало чтение Евангелия. Обе отмечают, что в отрочестве Евангелие было их главной книгой, оставившей глубокий след в душе [3, с. 11; 7, с. 160]. В. Фигнер писала в своей автобиографии, что некоторые его принципы – «как отдача себя всецело раз избранной цели, – до сих пор сохранили в моих глазах свою великую ценность. Да и все другие высшие моральные ценности я получила из этой книги» [7, с. 161].

Эго-документы дают богатый материал для понимания психологии и логики обеих террористок: «Если берешь чужую жизнь, отдавай и свою легко и свободно» [7, с. 161]. Кто строг к другим, должен быть строг к себе, даже строже к себе, чем к другим. Личная жизнь, индивидуальная свобода казались несоразмерно малой величиной в сравнении с тяготами народа [7, с. 162; 2, с. 16]. Однако обе мемуаристки признавали, что их представление о тяготах народа было умозрительным. Засулич писала, что народ представлялся ей в мифическом свете, никаких тягот крепостного права она не видела [3, с. 16]. В. Фигнер тоже признается, что ей представлялся образ мужика шоколадного, а не настоящего [7, с. 119].

В. Засулич была первой из женщин-революционерок, применившей на практике метод индивидуального террора, она же первой и разочаровалась в нем. Начало борьбы с терроризмом на страницах «Искры» положила именно статья В. Засулич «По поводу современных событий» в апреле 1901 г. [4, с. 19]. Она писала, что 20 лет назад террор был оружием отчаяния, но теперь для тех русских людей, которые хотят свободы, нет оснований предаваться отчаянию. Отказалась от террора как способа борьбы за свободу и В. Фигнер.

Эго-документы раскрывают психологические переживания В. Фигнер и В. Засулич. За сдержанным повествованием прослеживается их внутренний мир. Особенно это относится к мемуарам В. Фигнер, в которых большое внимание уделено психологическим аспектам поведения революционерок, адаптации к нечеловеческим условиям заключения, а затем к жизни на свободе, когда присутствие людей уже тяготило, вызывало нервное трепетание. Даже много лет спустя, в 1920-е годы Фигнер признавалась: «Мне трудно быть с людьми. Лишь в полной тишине я нахожу себя» [8, с. 111]. В отличие от В. Фигнер, В. Засулич более скупа на описание своего состояния и мотивов поведения. Но одна фраза в ее тексте позволяет понять, какое глубокое потрясение она испытывала после покушения на Трепова. Она передает слова одного из друзей, который решил ее «полечить горами» в Швейцарии: «Вижу, мол, человек с утра до ночи только о том и думает, на каком ему суку повеситься (фигурально, конечно). Ничего хорошего выйти из этого не могло, я и надумал полечить ее горами» [3, с. 80].

В. Фигнер в эго-документах с редким бесстрашием анализирует свои чувства и настроения. Лидия Дан писала: «Меня всегда поражала необычайная ясность Веры Николаевны по отношению к самой себе, она умела анализировать свои чувства и настроения и в своем анализе умела заходить так далеко, как я не видела ни у одного человека» [2.с.207]. В тексте «После Шлиссельбурга» В. Фигнер приводит один эпизод из жизни в глухой деревушке в Архангельской губернии, когда к ней захаживала одна нищенка с четырехлетним сынишкой. Вера Николаевна часто угощала мальчика, разговаривала с ним и однажды предложила ему остаться жить у нее, пообещав поить, кормить и обучить грамоте. Об этом эпизоде и об отказе мальчика («Нет, я с мамкой, ну, что ж, что дома нет. А мы, как придем куда вечером, да ляжем на печку, да обнимемся, так и спим в обнимку, тепло!»), Фигнер рассказала Лидии Дан, которая вспоминала: «Рассказывая это, Вера Николаевна почти дрожащим голосом прибавила: “Обо мне таких слов никто не сказал. Ну, как не позавидовать нищенке!”» [2, с. 208].

Женская потребность о ком-то заботиться, любить и оберегать жила в обеих революционерках. С удивительной теплотой они писали о товарищах, о животных (особенно о собаках), о выращенных ими растениях и т.д.

Таким образом, эго-документы В.Н. Фигнер и В.И. Засулич представляют большую ценность для понимания личности мемуаристок, дают возможность проследить индивидуальные мотивы поведения, обстоятельства, в силу которых они стали революционерками. Для них была естественна жертвенность, они подвергали себя смертельной опасности, отказались от семейного счастья, детей, комфортного быта – всего, что отвлекало от служения революции. Они были в меньшинстве в мужском обществе и стремились стереть гендерные различия, демонстрируя выдержку и силу там, где мужчины-революционеры проявляли слабость. Но эго-документы свидетельствуют, что ничто женское им не было чуждо. Они могли плакать от боли, обиды, предательства. Они умели проявлять нежность и заботу, человечность и гуманность.

Список источников и литературы

1. Воспоминания В.И. Засулич // Былое. 1919. Кн.14. С. 69–107.
2. Дан.Л.О. Встречи с В.Н. Фигнер // Новый журнал. 1970. № 98. С. 200–208.
3. Засулич В. Воспоминания / Подгот. к печ. Б.П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1931.
4. Засулич В. По поводу современных событий // Искра. 1901.(апрель) № 3 // Искра. Полн. текст / Под ред. и с предисловием П.Н. Лепешинского и Н.К. Крупской. Л.: 1925. Вып. 1.
5. Мартов Ю.О. Письма 1916–1922 / Ред. Ю.Г. Фельштинский. Vermont: Chalidze Publications Benson, 1990.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 743. К. 5. Д. 8.
7. Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.
8. Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга. Л.: Колос, 1925.

Г.В. Шебалдина

*Москва, Российский государственный гуманитарный университет;
Российская Академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*

«Вести с того света...» (женский дневник 1937–1938 гг.)

В Гуманитарный архив Российского государственного гуманитарного университета фонд журналиста, писателя, историка-архивиста А.А. Лациса поступил в 2016 г. Фонд состоит из нескольких десятков коробов с большим количеством документов личной и трудовой деятельности самого фондообразователя и членов его семьи. Документы чрезвычайно разнообразны по своему составу и происхождению и представляют большой исследовательский интерес [1].

В процессе работы над описанием архива был найден дневник Милицы Романовны Овакимянц, матери А.А. Лациса. Первоначально мое внимание привлекло время написания дневника: 1937–1938 гг. Время совсем непростое в отечественной истории, и тем более непростое для семьи автора, так как она была женой одного из известных фигур пролетарской революции, видного чекиста, партийного и хозяйственного деятеля латышша Яна Судрабса, со временем взявшего псевдоним – Мартин Лацис.

Дневник М. Овакимянц представляет собой 5 тетрадей нелюбованных и нумерованных страниц без обложки, исписанных довольно аккуратным почерком со следами правки, чаще стилистической, чем смысловой. При поверхностном знакомстве складывается впечатление, что автор пишет подробно о своих любовных похождениях и переживаниях по этому поводу, в некоторых случаях довольно откровенно и цинично. Но даты записей и ознакомление с личностью автора дают надежду на более интересный в общественном смысле материал. Кроме того, было бы интересно проследить как специфику индивидуальной рефлексии происходящих драматических событий, так и то, как работали механизмы самозащиты и взаимодействия с окружающим миром.

Биография Милицы Романовны Овакимянц (по третьему мужу), к сожалению, не очень хорошо задокументирована, но даже то, что подтверждено, предполагает в ней весьма незаурядную личность. После окончания гимназии она уехала учиться в Европу: сначала в Сорбонну, а затем, в Лозанну. Вернувшись на родину накануне Первой мировой войны, она вышла замуж и в 1914 г. родила сына. После Октябрьской революции она как жена белого офицера некоторое время провела в тюрьме, затем переехала в Москву и стала налаживать новую жизнь. Судя по ее отрывочным упоминаниям, она становится актрисой, а так как не имела профессионального образования, работала, скорее всего, в театральной труппе какого-то нового экспериментального театра, каких было немало в начале 1920-х годов. Вероятно, именно там она попала на глаза М. Лацису, за которого она вышла замуж в 1924 г. и самым серьезным образом поменяла статус – теперь она жена видного партийного и хозяйственного деятеля, входящего в правительственную и партийную элиту Советской России. В их распоряжении – прекрасная квартира на улице Горького, дача в элитном поселке, машина, поездки на курорты в международных вагонах и проч.

Благополучная жизнь продолжалась до 1937 г. По делу тайного латышского общества «Прометей» в конце ноября М. Лацис был арестован. Через неделю появилась запись в тетради, надписанной автором римской цифрой II (I тетрадь отсутствует). Надо отметить, что записи в тетрадях имеют внутреннюю нумерацию и практически все начинаются с небольших эпитафий различного происхождения. Запись №15 от 5 декабря 1937 г. озаглавлена «Колымские (вместо зачеркнутого «обреченные») кролики» (в тексте присутствуют более «говорящие» эпитафии: например, запись 20.07.1938 г. «О половых щетках, о Литературных вкусах НКВД и жареных гусях...»). «Неделю тому назад трагически ушел из жизни мой муж. Кошмары последующих дней, вернее ночей (двух-кратное явление ангелов, предрассветный «кросс» по бульварам, попытка выжидания дома и у окошка и т.д. и т.п.) быстро сломили волю и энергию. В горле спазмы: нельзя проглотить ни куска. Особенно удручающе действует общение с другими кроли-

ками Полная безнадежность и чувство обреченности. Уложенные “колымские” чемоданы (ее и сына, которого она называет Алешей, (очевидно, опасаясь называть его подлинным именем) и ожидание: сегодня? завтра? ... С приближением выборов в Верховный Совет, атмосфера все более накаляется». У этого эпизода есть еще одна редакция, написанная (раньше или позже) другим чернилами, из которой мы можем узнать некоторые любопытные подробности. В частности, то, что «ангелы» приходили дважды, так как никак не могли найти ордена арестованного. А в результате самой М.Р. пришлось нести их на Лубянку, где она провела несколько часов в коридоре, каждую минуту думая о возможном задержании.

Упомянутые автором выборы в Верховный Совет проходили 12 декабря 1937 г., и об этом есть информация под №18 от того же числа. Предваряющий ее эпиграф «Да здравствует свободнейшая в мире сталинская конституция» зачеркнут, и заменен автором на «Да здравствует наш гениальный ... собачий хвост». «Выборы. Шум.Гам. Инсценированное по радио “народное ликование”. Слухи: в кабинках спрятаны киноаппараты, на конвертах остаются отпечатки пальцев и т.п. нелепости. В результате: 97% единогласия. У наших дверей каждые полчаса звонки: требуют хозяина». Очевидно, члены избирательной комиссии не знали о трагических переменах в этой семье.

Спустя несколько дней Милица Романовна констатирует, что, кажется, все их опасения излишни, несмотря на наличие время от времени «подозрительных субъектов у дверей». Она принимает «визиты храбрых» и отмечает «поспешное бегство трусливых друзей». И все же действительность время от времени врывается в ее будни. Так, в записи от 10 января 1938 г. она пишет, что к ней прибежал маленький сын (исправлено на «крольчонок») близкой подруги и сообщил, что «крольчиху поглотила бездна», после чего она взяла чемодан и покинула дом. И здесь стоит упомянуть о некоем кружке близких ей женщин, названных ими «Высший Женский Совет» (ВЖС). В 1920–1930-е годы было популярным создание неформальных объединений в самых разных возрастных, социальных и гендерных группах. Это любопытное явление

просуществовало примерно до середины 1930-х годов, до начала широкомасштабных политических процессов в СССР. Например, сын М.Р. Александр Винтер-Лацис, будучи учеником школы № 10, основал «Общество по борьбе с хамством» и разработал его Устав.

Из дневника становится понятно, что основная функция ВЖС – это «критический разбор» любовных приключений его членов, но все же некоторые из подругподдерживали М.Р. в это трудное время самым практическим образом, в частности давали возможность пожить некоторое время в их квартире или на даче, чем она довольно активно пользовалась. Представляется, что именно то, что автор, часто переезжала с места на место, избегая при этом регистрироваться в милиции, а также скорый ее отъезд в Крым позволили ей остаться «в тени» от зоркого взгляда соответствующих органов. Кроме того, по стечению обстоятельств именно их дом попал под снос и расселение в связи с расширением улицы Горького в 1937–1938 гг.

Возвращаясь к содержанию дневника, стоит отметить что, несмотря на то, что его основное содержание – это подробное и очень эмоциональное описание любовных приключений и переживаний автора, время от времени появляются очень интересные фрагменты и детали советской реальности конца 30-х годов. Безусловный исследовательский интерес представляет то, как реагирует на нее, как взаимодействует с ней конкретное действующее лицо, обладающее известными социальными, возрастными, культурными и, конечно, гендерными характеристиками.

Список источников и литературы

1. Гуманитарный архив Российского государственного гуманитарного университета (ГА РГГУ). Фонд А.А. Лациса.

О.Л. Милова

*Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН***Контрасты повседневной жизни московской школьницы
в 1930-х – начале 1940-х годов**

«Человек видит мир из себя, и ему бывает трудно представить, ... что другие люди видят мир иначе» [1, с. 5]. Женское видение мира специфично, эмоционально, детализировано, в чем-то мозаично. Мир детства, взросление ребенка, восприятие жизни подростком всегда интересовали читателя. Эго-нарратив такого рода представляют собой воспоминания Евгении Николаевны Шор.

В книге рассказывается о жизни ребенка в московской интеллигентной еврейской семье с конца 1920-х по осень 1944 г. Семья существует без мужчин (дедушка, врач, работавший в Бактериологическом институте, умер до рождения внучки, отца у девочки не было).

«После смерти бабушки мама осталась главой семьи», «...у нас с мамой и Марией Федоровной образовалась женская семья, более нежная, чем обычные семьи...» [1, с. 40]. Мамой Жени была Розалия Осиповна Шор, ученый-лингвист, доктор филологии, профессор, занимавшая заметное место в советской науке. Кроме мамы, в семью входила Мария Федоровна, воспитательница из «бывших», с ними жила и домработница.

Повествование строится изнутри: Женя – ее семья – ближний круг – большой мир (городской и сельский, в котором оказывается ребенок во время дачной жизни). Детство до школы было жизнью «в поле любви». Оберегавшаяся домашними от проявлений зла, в советской школе, несмотря на неплохую подготовку, она не может начать учиться, мир вокруг вызывает страх и тревогу. Женя быстро осознала, что некрасива (мальчик, выполняя указание учителя взяться за руки, сказал ей: «Дай руку, крокодил. Ты на крокодила похожа»), это принесло пронзительную боль [1, с. 84]. Спасательным кругом стала договоренность мамы с завучем, что Мария Федоровна будет присутствовать на уроках.

Начальная школа окончена, а в средних классах проблем прибавилось. Небольшого роста, близорукая, со слабым здоровьем, Женя физически отставала от сверстников. Являясь интровертом, в то же время она искала общения, еще в детстве с соседскими детьми на даче. В средних классах начались ее поиски дружбы (с девочками).

Она много читала. Кроме обычных детских книг, сказок и классики, ее увлекали книги о животных, о путешествиях, о всевозможных открытиях. В детстве у Жени сложился «культ дикой природы, подвигов», на даче играла в основном с мальчиками. Примечательно, что в 6 лет она почувствовала в себе протест против женского предназначения, о котором говорилось в книгах. Это выразилось в желании «быть мальчиком»: «Мне была куплена рубашка-косоворотка и сшиты из черного сатина короткие штаны с бретельками» [1, с. 64]. Через год это «преображение» закончилось, девочку стали одевать в платье – приближалась школа. Окончательное «смирение» перед женским уделом пришло в 11-12 лет, когда Женя узнала о физиологических особенностях женского организма (сначала об однокласснице, освобожденной от урока физкультуры). «Я была уязвлена в своей гордости – в этом было что-то унижительное, почему так? – и в требовании равенства. Не сравняться, значит, с мужчинами, все подвиги и приключения для них» [1, с. 158]. Летом 1938 г., в двенадцать лет, ей уже «пришлось ходить в сарафане».

Внутри ребенка существовали противоречия: «Мне хотелось ничем не выделяться, не быть предметом никакого внимания, кроме восхищения» [1, с. 130]. С одной стороны, Женя всегда отказывалась от общественной работы, но ее и не «выдвигали», а заставляли заниматься с отстающими. С другой стороны, она гордилась своей учебой, хотя ей казалось, что дети ее за это презирают – то есть отличная учеба не давала «автоматической» дружбы [1, с. 108]. В реальной жизни, школьной, она была достаточно одинока, потребность в общении с детьми удовлетворялась летом, на даче. Но девочке было необходимо уходить в иную реальность, в «грезы»: «Грезы представляли собой постоянный рассказ в изо-

бражениях и словах, со множеством вариантов». Женя действовала не одна, а со своим воображаемым братом и с одноклассницей. «Втроем мы совершали необыкновенные подвиги..., приносящие спасение человечеству, а нам бессмертную славу. Мне хотелось славы» [1, с. 170]. Обычные игры ее также занимали, были и куклы, их посуда, одежда, и мягкие звери, каталась на гигантских шагах, научилась плавать, умела кататься на лыжах и коньках.

Реалии повседневности в воспоминаниях Е.Н. Шор даются «вторым планом», не доминируют в тексте. Впечатления автора дополняют уже известную нам картину довоенной московской жизни (самоуплотнение, коммунальные квартиры, их интерьеры с обязательными сундуками, одежда, клопы и проч.). Однако в книге встречаются интересные детали – о похоронах как неотъемлемой стороне жизни города, их разновидностях; о еженедельных осмотрах детей в школе в рамках борьбы за гигиену. Наиболее яркие, на наш взгляд, страницы посвящены московским продуктовым магазинам после отмены карточек осенью 1935 г. Поражают потрясающие в своей топографической конкретности описания интерьеров Елисейского магазина, убранства большого зала, расположения прилавков, «живописание» товаров, продавцов, упаковки [1, с. 137–141]. Автор уделяет много внимания «стандартам питания» в своей семье, подробно описывается еда: повседневная, праздничная, летняя. Их семья относилась к «обеспеченным», «небедным»: «...мама работала на нескольких работах и получала деньги за печатные труды. К тому же, поскольку, кроме рояля, двух... кроватей и книг, ничего серьезного не покупалось, почти все деньги шли на еду». [1, с. 143].

Во второй части книги Е.Н. Шор попыталась воссоздать образ мамы в мельчайших подробностях ее облика, бытовых привычек, рассказать об общении с ней. Центром жизни Р.О. Шор была работа, дочь пишет о ее ежевечерней работе дома, уже после возвращения со службы, до двух-трех часов ночи. «Мама работала так круглый год, в выходные дни тоже, она не брала отпуск (кроме последних двух лет), все равно ей нужно было летом писать свое или редактировать чужое, к тому же за неиспользованный отпуск

тогда платили» [1, с. 221]). Далее приведена ценная информация о научной и педагогической работе Р.О. Шор (письмо в Наркомпрос 29 июня 1935 г. и «Краткое жизнеописание», вероятно, 1937 г.).

Дочь заново открывает для себя маму, когда в студенческие годы погружается в семейный архив: мама писала тексты, которые публиковались в детских журналах. У мамы были близкие подруги (сохранились их письма) и даже романтические истории – обе не были связаны с отцом девочки. Читать страницы, связанные с болезнью и смертью мамы – Р.О. Шор умерла от рака весной 1939 г., в 44 года – тяжело, настолько «обнаженно», вплоть до натуралистических подробностей, они написаны. После ее смерти дочь была материально устроена (пенсия до 18 лет и ежемесячная сумма со сберкнижки из оставшихся маминых денег и вырученной большой суммы за продажу Институту иностранных языков научной библиотеки).

Война стала вторым ударом, изменившим жизнь не только Жени, но и всех вокруг. В книге мы встречаем описание известных событий и фактов – воздушная «тревога», карточки, бомбоубежище, «московская паника» 16–17 октября и др. Неожиданно они сменяются рассказами о театральном сезоне осени и зимы 41/42 года, об оперных спектаклях в филиале Большого театра с участием С.Я. Лемешева. Хотя старшеклассников отправили рыть окопы, автору удалось по медицинской справке освободиться от трудфронта (в дальнейшем они с подругой нашли способ уклоняться от этих работ). Военные трудности и, прежде всего, недоедание вызвали у автора ожесточение, оцепенелое равнодушие к слабеющей Марии Федоровне, которая умерла зимой 42/43 года: девушка тайком отрезала ломоть от общего пайкового хлеба и съедала его в одиночестве. Два постоянных желания ей надо было удовлетворить – во-первых, добыть дополнительное к карточной норме хлеба питание (с помощью продажи книг, вещей, хождения в гости к более обеспеченным знакомым), во вторых – добыть билеты на лемешевские спектакли. Женья вошла в один из кружков «лемешисток», это увлечение длилось три года, затем оно закончилось, но любовь к музыке осталась (балет сме-

нил оперу). Таким образом, совершается превращение в «антигероиню», совершающую неблагоприятные поступки.

Воспоминания Е.Н. Шор показывают повседневную жизнь обычного человека в сложное довоенное и военное советское время, автор открывает читателю свою противоречивую натуру честно, без снисхождения к себе, и это вызывает уважение.

Работа выполнена в рамках НИР ИЭА РАН.

Список источников и литературы

1. Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Т.В. Битокова

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Ф.Р. Картлыкова

Пятигорск, Северо-Кавказский институт РАНХиГС

«В чужой стране и звезды-то чужие...»: женский эго-нарратив об исторической трагедии

Женское видение мира отличается от мужского, цепляясь за небольшие детали, эмоциональные воспоминания, бытовые привычки. Поэтому восприятие обыденности, повседневного существования у женщин значительно острее. Выстраивая пространство из занавесок, кастрюль, огорода, детского костюмчика, привычного разговора с подружкой, наблюдения за соседской семьей и прочих обычных – мирных – примет привычного, женщина борется за сохранение построенного ею мира. Но когда рушится налаженная жизнь в связи с революцией, глобальным стихийным бедствием, войной, история пишется с мужского голоса, оставляя за кадром все те подробности, что так милы и дороги женскому сердцу. В истории народов Кавказа был период изгнания, совпавший с Великой Отечественной войной, усугубившей трагедию депорта-

ции. Нами была предпринята попытка рассмотреть повседневную жизнь балкарцев в ссылке через призму восприятия мира Жанчикь Жабоевой, пережившей те события, опираясь на тетрадь ее личных воспоминаний и интервью (работа с тетрадью велась в апреле 2017 г., интервью записывалось 27–30 марта 2017 в с. Ново-Ивановское Кабардино-Балкарской республики).

8 марта 1944 г. по решению ГКО СССР началось принудительное выселение балкарского народа из Кабардино-Балкарии в Казахстан и Киргизию. Спецпереселенцам было разрешено вернуться на Родину только в 1957 году. Как историко-политическая проблема депортация балкарцев нашла отражение в ряде исторических исследований политического, экономического и правового характера [1; 2; 3; 7]. Но такие аспекты жизни в ссылке, как повседневная история, механизмы выживания, сохранение ментальных оснований этнического характера сосланных народов находятся на начальной стадии своего развития [4, 5, 6]. Сегодня мы все еще имеем возможность пообщаться с теми, кто уезжал в неизвестность подростками и детьми, а также с теми, кто родился в депортации, а это уникальный материал для антропологического исследования.

Жанчикь Жабоева родилась в 1938 г. в с. Лашкута, на момент выселения ей было 6 лет. Отец пропал без вести на фронте. Ее мать – 25-летняя Ханипа с двумя малышами 4 и 6 лет – имела минимальное количество времени на подготовку к отъезду. Подавив в себе панику, она попыталась запастись всем необходимым: зарезала кур, высыпала в мешок остатки запасов муки, какую-то посуду и пр. Оставшуюся утварь сложила в яму в огороде в надежде на будущее. Для сохранности продуктов воспользовалась традиционными средствами консервации: «Сложила части куриц в небольшое ведерко и залила их говяжьим жиром, чтобы они не протухли. Затем, взяв небольшой кииз (войлочный ковер), сложила в него необходимые вещи и обшила со всех сторон. Уже перед самой погрузкой в машины, отпросившись у конвоира, мать вернулась назад в дом, залезла на чердак, взяла мешок и накидала туда кукурузы и побегала назад к машине. Благодаря этой кукурузе мы смогли прожить первый год на чужбине» – рассказывает Жанчикь.

В различных исследованиях, посвященных депортации, часто отмечают тот факт, что балкарцы тяжело перенесли смену горного рельефа на степную гладь Казахстана и Киргизии. Но что значит тяжело? Как это сказывалось на здоровье? Жанчикь рассказывает, что в первый год жизни на чужбине ее мать не могла работать – все время болела от перемены климата: «У нее часто опухали ноги, и она с трудом передвигалась». Маленький брат Жанчикь погиб в ходе переселения, так что в Киргизии, в г. Къзыл-Кия остались только наша героиня со своей мамой. И так как мужского участия в их жизни не было, Ханипе пришлось пойти работать в шахту, чтобы прокормить своего ребенка. Такая неординарная для кавказской девушки работа повлекла и непривычные перемены в одежде и во внешнем виде: воспитанная в традиционном обществе, она была вынуждена сменить платье на брюки, воспринимаемые как исключительно мужской атрибут. Возвращаясь из шахты, Ханипа собирала вдоль железной дороги осыпавшийся уголь и несла его домой. Жанчикь вспоминает, что никогда не голодала – мать всегда находила способы прокормиться: «Помню как дети во время обеда тайком от воспитателя прятали мякоть хлеба потом выходили на улицу мяли в ладони этот мякоть отщиповали и ели. Я этого никогда не делала!» (*орфография и пунктуация сохранены. – Прим. авт.*)

В своей тетради воспоминаний Жанчикь пишет, что пошла в школу, не зная ни одного слова по-русски, и обучение давалось ей очень тяжело, но она все равно благодарна, что ее отправили в школу, в отличие от многих ее сверстниц, которые так и не научились ни читать, ни писать. Прочувшись несколько лет, Жанчикь в 1954 г. вынуждена была бросить школу и устроиться работать на шахту, чтобы облегчить жизнь матери.

Тетрадь, содержащая 90 страниц рукописного текста, – уникальный документ эпохи. Жанчикь Жабоева описывает типичный пример жизни в депортации, не имея никакого литературного опыта, она тем не менее чувствовала острую потребность в передаче личного (и маминого) женского опыта со всеми подробностями бытового характера и своих эмоциональных переживаний по поводу ломки собственных культурных стереотипов, по-

пытках сохранения этнической ментальности в инородной среде и т.д. Все это совершенно не характерно для сельской кавказской женщины с неоконченным средним образованием, что делает рассматриваемый нарратив ценным источником по антропологии и истории новейшего времени.

История повседневности в ссылке и изгнании по своему существу является женской историей. Это обусловлено тем, что женщины в силу своих физиологических особенностей, эмоциональных реакций и традиционных установок претерпевали больше лишений. Сокращение числа мужчин в семье во время войны возлагало на женщин всю тяжесть моральной ответственности за потомство и еще большую физическую нагрузку. Этнические депортации были направлены, помимо всего прочего, на деструкцию народа как единой системы. Женщины берут на себя ответственность перед обществом за сохранение ментальных основ сознания как залога миропорядка. Когда опасность отступает, женщины, как правило, вновь отодвигаются на второе и третье место и играют свою традиционную роль в более и менее патриархальном обществе.

Список источников и литературы

1. *Алиева С.У.* Так это было: национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы: в 3-х томах. М.: ИНСАН, 1993.
2. *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать»: документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992.
3. *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2004.
4. *Текуева М.А., Битокова Т.В.* Повседневная жизнь ссыльных: женские истории // Частное и общественное в повседневной жизни России: история и современность. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2018. С. 261–267.
5. *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х., Битокова Т.В.* Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Кавказология. 2017. № 4. С. 145–157.
6. *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–1 (68). С. 71–74.
7. *Шабиев Д.В.* Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Г.Э. Рафикова*Казань, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ*

Побег в Советский Союз: аполитичный выбор швейцарской подданной конца 1960-х годов

В отделе рукописей и редких книг библиотеки Казанского федерального университета долгое время хранится личный архив известного в Европе нидерландско-швейцарского композитора и музыканта, профессора Цюрихской консерватории Виллема Де Бура (Willem De Boer) (1885–1962). Архив содержит огромное количество документов, среди которых семейные фотографии и письма (личная переписка композитора, в том числе со многими европейскими музыкантами), документы об образовании, книги, нотные альбомы, рукописи партитур произведений и либретто оперы композитора и многое другое. Архив не был упорядочен и аннотирован, происхождение его оставалось неизвестным, вследствие этого он не имел и каталожного номера. Удалось выяснить, что он принадлежал швейцарской подданной Флорандине Де Бур (Florandina De Boer), дочери композитора, переехавшей на постоянное место жительства в Казань предположительно в конце 1960-х годов. Здесь она прожила более трех лет, и в 1972 г. покончила жизнь самоубийством. Что послужило поводом для переезда, как эта 40-летняя женщина жила и работала в совершенно незнакомом ей городе без знания русского языка, что заставило ее отказаться от возвращения на родину и прервать свою жизнь – вопрос оставался открытым. Сложным оказался поиск следов пребывания Флорандины (в русском варианте Дины Валиевны Дебуровой), очевидцев этих событий и сопоставление обнаруженного с документами личного архива. Обозначилась драматическая картина судьбы необычной женщины, совершившей такой неординарный поступок, как переезд в Советский Союз. Однако выбор Советского Союза как места жительства человеком, совершенно далеким от мира политики и не связанным с коммунистическим движением, и Казани как конечной точки пребывания,

имеет логическое объяснение. Предметом нашего исследования стала трагическая женская судьба в условиях вынужденной языковой и социальной изоляции.

Дина Де Бур родилась в Швейцарии 25 мая 1930 г. (в некоторых документах личного архива годом рождения обозначен 1929 г.). Она была дочерью Виллема Де Бура от второго брака с Мартой Манц (Martha Manz). Первоначально семья жила в Нидерландах, в Амстердаме, затем переехала в Швейцарию, где Виллем многие годы работал в оркестре Тонхалле и был профессором Цюрихской консерватории [1]. Он известен прежде всего как музыкант, скрипач, но также был и композитором (наибольшую известность получила его опера «Тарас Бульба»).

Дина, по всей вероятности, отличалась эксцентричным характером, была крайне неустойчива и излишне эмоциональна в психологическом плане. Среди ее документов сохранилось заключение психолога. Скорее всего, именно психолога, а не психиатра, так как врач не ставит диагноз, а дает психологический портрет. После смерти отца эмоциональное состояние женщины очень пошатнулось. Наложились проблемы со здоровьем – обострилась астма. Лечащий врач посоветовал ей сменить неблагоприятный для астмы швейцарский климат и предложил на выбор среди прочих мест жительства Россию, а именно Казань. Сложно сказать, чем руководствовался доктор, но Дина выбрала именно этот город. Думается, на решение выбрать Россию повлияло общение и с близким другом семьи Де Бур писателем, лауреатом Нобелевской премии по литературе Томасом Манном (1875–1955), известным своими левыми взглядами, активными антифашистскими выступлениями и симпатиями к Советскому Союзу и ГДР [2, с. 179].

Судя по всему, к решению о переезде Дина пришла постепенно и готовилась заранее. Изучив город, в которой ей предстоит переехать, и узнав, что в нем живут татары, она начала самостоятельно изучать татарский язык. Среди документов сохранился составленный ею немецко-татарский словарь. То, что в Казань она переезжала навсегда, говорит тот факт, что она забрала с собой весь семейный архив, а это целый чемодан писем, фотографий и

документов, хотя в Цюрихе у нее осталось много родственников, которые спонсировали ее пребывание в СССР.

В Казани Дина устроилась на работу копировальщицей в Татпроект. Работа эта не требовала знания русского языка. Критерием отбора сотрудников на должность служили умение работать с чертежами, аккуратность и исполнительность. В ее обязанности входило копирование с планшетов на кальку (карандаш, тушь) архитектурных чертежей. По воспоминаниям коллег Дина Дебурова внешне сильно отличалась от советских женщин и прежде всего одеждой. Как выразился один из ее коллег, цветочек на ситцевых платьях был иным, нежели у советских женщин. Она была молчалива, ходила всегда одна, в одиночестве обедала в столовой.

Сложной была для нее и бытовая сторона жизни. Из-за незнания русского языка ей было сложно наладить быт в выделенной ей скромной служебной квартире, находившейся в том же доме, что и Татпроект. Сохранился черновик заявления коммунальщикам о прогнивших полах и текущих трубах, который для нее составили сердобольные соседи.

Круг общения Дины был очень ограниченным. Оказалось, что тот татарский, который она пыталась учить в Швейцарии, имеет мало общего с разговорным языком казанских татар. Те словари, которые она использовала, оказались словарями старо-татарского литературного языка. Тем не менее с кем-то ей подружиться удалось. Судя по фотографиям, она даже ездила в гости в татарскую деревню, где сфотографировалась в национальной одежде с местными жителями. Судя по подаренным ей фотографиям и подписям к ним на татарском языке, весь круг ее общения составляли соседи и случайные знакомые из татар. Коллеги же вспоминали, что она ни слова не понимала по-русски и не имела желания его изучать. Родственники активно пытались вернуть ее домой, забрасывали ее письмами и высылали деньги. Но Дина, не имевшая советского гражданства, продолжала продлевать визу и оставалась в Советском Союзе. Сложно себе представить, что спецслужбы не вели за ней слежку, но на наш запрос они прислали ответ, что в их архивах не сохранилось каких-либо сведений о пребывании

Де Бур в СССР. Причины самоубийства тоже неизвестны, коллеги по работе довольствовались только циркулировавшими слухами. Скорее всего, это была депрессия и отсутствие социализации, на которые наложились давние проблемы с неустойчивой психикой. Ей не удалось завести друзей, наладить быт и найти себя в новом мире. Известно, что родственники не добивались возвращения ее тела на родину, место захоронения ее в Казани не известно.

Богатый семейный архив эмигрантки остался в ее квартире. Один из сотрудников Татпроекта, знавший лично директора библиотеки им. Лобачевского Казанского университета, спустя год после смерти Флорандины Де Бур в 1973 г. передал его в библиотеку. По сей день документы не вызывали интерес исследователей, личность владельца также была не известна. Если искать в сети Интернет информацию о Виллеме Де Бур, то находится всего одна его фотография. И это не удивительно – все остается у нас, в Казани.

Список источников и литературы

1. *Fleisch C., De Boer W.* Willem de Boer: 40 Jahre Konzertmeister des Tonhalle-Orchesters Zürich 1908–1948. Zürich: Berichthaus, 1948.
2. *Wüstner A.* Ich war immer verärgert, wenn ich ein Mädchen bekam: Die Eltern Thomas und Katia Mann. Piper ebooks, 2010.

Н.В. Шалыгина

Москва, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Письма русскоязычных женщин-иммигранток США как источник изучения Русского мира за рубежом (1990–2000-е годы)

Доклад посвящен проблемам сохранения исторической памяти в среде русскоязычной иммиграции США 4-ой волны (1990–2000-е годы). На основе анализа писем женщин-иммигранток своим родственникам в России дается характеристика наиболее важным социокультурным изменениям, происходящим в их со-

знании, а также в сознании членов их семей, родственников и знакомых, проживающих в США.

Методологическая база проведенного анализа в значительной степени заимствована из классических работ Шарлотты Эриксон [2, р. 422] и Дэвида Гербера [3, р. 531], изучавших письма иммигрантов с точки зрения изменения их отношения с родиной и формирования новой идентичности в условиях иной социокультурной реальности.

Источником проведенного автором доклада исследования послужили 2 коллекции писем русскоязычных женщин, переехавших в США на ПМЖ в начале 1990-х годов. Характерная особенность этих писем как эпистолярного источника заключается в том, что писались они в определенных исторических условиях, когда люди массово и семьями уезжали из России от нищеты, возникшей в результате радикально-либеральных реформ, и под влиянием идеологемы о благополучной жизни, получившей название «американская мечта» [1, с. 311].

Тот факт, что письма обеих коллекций написаны женщинами, особо чувствительными к вопросам и событиям повседневной жизни, позволяет не только в подробностях воссоздать атмосферу вживания русскоязычных иммигрантов в американскую действительность (структурную ассимиляцию), но и оценить возможности их социокультурной адаптации (аккультурации).

В докладе рассматриваются несколько сюжетов повседневной жизни иммигрантов, нашедшие отражение в письмах женщин: проблемы поиска работы, отношения в семье (дети, супруги), отношения с родственниками и друзьями, возможности получения образования и медицинской помощи в США, усвоение английского языка.

Основной вывод доклада заключается в том, что письма русскоязычных женщин-иммигранток, переехавших в 1990-х годах на постоянное место жительства в США, адресованные их родственникам и знакомым в России, – это не способ поддержать отношения с родиной, а возможность сохранить себя в условиях потери личностных координат.

Кроме того, анализ писем русскоязычных женщин-иммигрантов последнего десятилетия XX в. позволяет сделать вывод и о том, что ни мужчины, ни женщины, переехав в 1990-е годы на постоянное местожительство в США, не утратили свою этнонациональную идентичность. Однако успешная структурная ассимиляция, т.е. обретение со временем финансового благополучия, недвижимости и стабильного социального статуса негативным образом коррелируют с «русскостью» – исходный культурный код среди «состоявшихся» русскоязычных иммигрантов постепенно истончается даже в первом поколении, сохраняясь почти исключительно в виде ностальгии. И наоборот, если полноценное вхождение в социально-экономическую структуру США по тем или иным причинам так и не состоялось, ощущение себя частью Русского мира усиливается, особенно в условиях процессов деглобализации современного мира.

Тезисы доклада написаны в рамках гранта РФФИ «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепления государственности и российской нации (18-21 вв.» (19-09-00191)

Список источников и литературы

1. Шалыгина Н.В. Полет вниз без парашюта (некоторые аспекты адаптации русских в США) // Русский мир в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 311–321.
2. Erickson C.H. Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth-Century America (Documents in American Social History). Coral Gables, Florida: University of Miami Press. 1972.
3. Gerber David A. Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century. N.Y.: New York University Press, 2006.

М.А. Толстова*Томск, Томский государственный университет***Женские автобиографические рассказы
как форма передачи гендерных смыслов**

Целью настоящего исследования является анализ вербализации гендерных представлений и выявление потенциала женских автобиографических рассказов для их изучения. Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, предполагающего рассмотрение гендера в неразрывной связи с коммуникацией, которая оказывает глубокое влияние на содержание и функционирование гендерных представлений.

Вслед за Е.С. Гриценко под гендером понимается «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [2]. Гендер имеет динамический характер и по-разному воплощается в различных дискурсивных практиках. Дискурсивная реализация гендерных представлений и стереотипов показывает аспекты их содержания, актуальные для данного круга носителей языка и временного среза.

Источником исследования послужили устные тексты, собранные автором в диалектологических экспедициях в 2016–2019 гг.; Томский диалектный корпус, включающий материалы экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по наши дни в районы распространения говоров Среднего Приобья. Тексты отражают речь женщин-старожилок, рожденных с 1881 г. по 1956 г. и ставших очевидцами исторических событий, происходивших в стране в этот период. Всего было проанализировано 400 текстов.

Использование данных текстов дает возможность исследовать гендерные представления с учетом изменений, происходящих в диалектной культуре. По мнению Т.А. Демешкиной и И.В. Тубаловой, анализ трансформаций культурно значимых смыслов «может быть проведен на основании сопоставления результатов

анализа дискурса, продуцируемого на разных этапах развития конкретной культуры» [3].

С точки зрения жанровой принадлежности большинство диалектных текстов, записанных в диалектологических экспедициях, носят автобиографический характер. К жанру автобиографии относятся два типа текстов: 1) тексты, в которых преобладает автобиографическая доминанта – это рассказы о своей жизни в настоящем и прошлом времени; 2) тексты, в которых повествуется о своей жизни, но включается часть воспоминаний. То есть они содержат не только информацию о себе, но и о своей семье: родителях, муже, детях, событиях в личной жизни, о различных сферах деятельности, поэтому являются репрезентативным источником для выявления гендерных смыслов.

Участниками коммуникации, как правило, являются диалектолог и диалектоносите́ль. Одной из важнейших функций такой коммуникации является передача культурно значимой информации от представителя одной культуры (сельской) представителю другой (городской) [1]. В этом случае основной когнитивной установкой, действующей в процессе порождения зафиксированных текстов, является информативно-дидактическая ориентированность записанных в результате экспедиций текстов (передать молодому поколению знание о прошлой жизни) [4].

Методика когнитивно-дискурсивного исследования гендера в настоящей работе предполагает 2 этапа: 1) описание дискурсивных параметров исследуемых текстов: времени и места записи, жанра, субъекта, хронотопа, социально-исторического контекста, тематики, ключевых тактик и стратегий; 2) анализ специфики актуализации гендерных преставлений, которые рассматриваются с позиции выражения разноуровневыми языковыми средствами.

В ходе исследования определено, что гендерная обусловленность автобиографических рассказов связана с характером передачи информации, что находит отражение в определенном наборе тем, закреплённости системы оценок, особенностях реализации коммуникативных стратегий и тактик.

На формирование гендерных представлений женщин оказывают влияние специфика сельского существования, основу которой составляет труд, наличие патриархальных гендерных стереотипов, социально-исторические события и процессы, гендерная идентичность говорящего.

Гендерные представления могут быть выявлены с помощью анализа лексических пар, противопоставленных друг другу по оценочному признаку «положительное» – «отрицательное», в оппозициях «мужчина – женщина» и «норма – отклонение от нормы». Так, наличие меньшего количества слов, негативно оценивающих определенные качества и поведение мужчин, свидетельствует о меньших требованиях, предъявляемых к мужчине, о меньшем осуждении отклонения от принятых социальных норм. Маркер «отступление от нормы» более актуален при вербализации фемининных представлений.

Выявленные гендерные смыслы чаще всего связаны с отображением межличностных отношений «мужчина – женщина». Мужчина оценивается чаще как муж, человек, занимающий большое место в жизни женщины, поэтому высказывания о нем являются неотъемлемой частью любого женского автобиографического рассказа.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-312-90046 Аспиранты «Экпликация разных типов самоидентичности в женском диалектном дискурсе»).

Список источников и литературы

1. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
2. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера. Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.
3. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
4. Тубалова И.В. Проблема трансформации смысла «советского текста» в речевой среде постсоветской деревни // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 94–105.

Л.И. Буряк

*Киев (Украина), Институт биографических исследований
Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского*

**Женский (авто)биографический нарратив:
калейдоскоп контекстов в современной
украинской социогуманитаристике**

Женский (авто)биографический нарратив в украинской социогуманитаристике представляет собою феномен, появившийся на волне политических и социально-культурных трансформаций в Украине после провозглашения государственной независимости. Речь идет о массиве публикаций последних трех десятилетий, посвященных (авто)биографиям женщин, а также их научному, творческому, мемуарному, эпистолярному наследию. Героинями (авто)биографического нарратива стали прежде всего представительницы национальной элиты, которые играли важную роль в украинской истории, науке и культуре, воплощая и отстаивая национальные интересы.

В советское время в силу политической и идеологической ситуации их имена, жизнь, деятельность, творчество длительное время оставались вычеркнутыми из научного и публичного дискурса. Большинство из них стали известными только благодаря общественно-политическим трансформациям.

Акцентируя внимание на судьбах женщин, которым пришлось жить в одно из самых жестоких столетий, реконструируя их жизненный путь на фоне драматических коллизий истории, (авто)биографический нарратив дает ключ к более комплексному пониманию истории XX в., открывая перспективы под иным / женским углом зрения анализировать события, людей, их поступки, модулируя представление о них, дополняя новыми деталями или корректируя уже известные факты.

Особенностью женского (авто)биографического нарратива (его опорными точками), как правило, выступают элементы самоидентификации, которые благодаря сюжетам личной, семей-

ной истории, эмоциям, рефлексиям, эпизодам повседневной жизни обеспечивают ему статус важного фактора как в многоплановых (авто)биографических реконструкциях, та и в углубленном понимании прошлого в целом.

(Авто)биографии “возвращенных из небытия” женщин, их воспоминания, эпистолярный, дневники как разновидность (авто)биографического нарратива отражают различные историко-политические и культурные контексты.

Контекст Украинской революции (1917–1921) представляют воспоминания Елены Отг-Скоропадской (дочери гетмана Украинской державы 1918 г. Павла Скоропадского) [10], Татьяны Кардиналовской (жены Всеволода Голубовича – главы правительства УНР на одном из этапов революции, репрессированного советской властью) [7], Леси Петлюры (дочери Главы Директории и Главного атамана войск УНР) [12].

Значительный сегмент женского (авто)биографического нарратива составляют биографии и эго-нарратив Екатерины Грушевской [9], Натальи Полонской-Василенко [3], Натальи Мирзы-Авакьянц [13], Надежды Суровцовой [14], которые отражают контекст сталинских репрессий. Публикации, посвященные представительницам украинской науки и культуры, пережившим репрессию и преследования (аресты, лагерные заключения, расстрелы, эмиграция), реконструируют, дополняют, углубляют представление о природе и механизмах советского тоталитарного режима.

Женские (авто)биографии в контексте «оттепели» 1960-х годов представлены нарративом, в центре внимания которого находятся представительницы искусства (Алла Горская [1], Стефания Шабатура [15]), культуры (Ирина Жиленко [4], Михайлина Коцюбинская [8]), исторической науки (Елена Компан) [5]. Появление этих публикаций демонстрируют не только стремление создать яркую биографическую инсталляцию неординарной судьбы и творчества каждой из них, но и отражает тенденцию, ориентированную на реконструкцию коллективного женского портрета в контексте образных репрезентаций поколения «оттепели».

Раскрывая многогранность личности и уникальность таланта женщин, нарративные биографические комплексы одновременно предлагают вариативность современных жанровых конструкций. Литературовед Михайлина Коцюбинская, например, представляет мемуарную версию своей жизни в формате отдельных «кадров», останавливаясь на знаковых эпизодах и событиях жизни. Вместо подробных описаний и хронологических последовательностей она использует в автобиографии жанр «мемуарного пунктира». (Авто)биографический нарратив художницы Аллы Горской имеет несколько иную конфигурацию. Это (авто)биография языком писем, документов из личного архива, воспоминаний друзей. Дневник-воспоминания Ирины Жиленко – монолитная «мемуарная эпопея» – одновременно является автобиографией и биографией поколения, основываясь на документальной основе (дневниковые записи и переписка с мужем – писателем Владимиром Дроздом).

На фоне общей деконструкции советского символического пространства, переосмысления украинской истории и культуры в отечественной социогуманитаристике происходило интенсивное освобождение от заидеологизированности, «забронзовелости» и примитивных интерпретаций биографий знаковых представительниц украинской литературы (Леся Украинка [6], Ольга Кобылянская [2], Марко Вовчок [11]). Оксана Забужко, Тамара Гундорова, Соломия Павлычко, были первыми украинскими исследовательницами, кто предложил новые интерпретации биографий этих женских символов украинской культуры, их сложного внутреннего мира, психологии, эмоций, личной жизни, в результате чего стало возможным появление биографий – «реставраций» в контексте культуры.

Это были исследования, которые предлагали совершенно иной взгляд на женщин-авторов и их литературное творчество. Если в книге об Ольге Кобылянской ее творчество анализируется на фоне европейского женского движения, с позиций гендерных и постмодернистских теорий, идей Ницше и фрейдизма, то кардинально новое прочтение биографии Леси Украинки является попыткой раскодировать биографию поэтессы, закодированную в символах ее творчества.

Одной из основных черт украинского женского (авто)биографического нарратива является дискурс драмы и трагедии. У каждой из героинь была своя трагедия в жизни, нарративная репрезентация которой является символом и своеобразной проекцией драматической истории Украины XX столетия.

Таким образом, женский (авто)биографический нарратив, представленный калейдоскопом контекстов, не только реанимирует и реконструирует биографии женщин, ставших национальными героинями, интеллектуальными, культурными символами, но и отражает многообразие историко-культурного ландшафта Украины. Отмечая, что мы живем в эпоху нарратива, британский ученый, профессор университета Брайтона Айвор Гудсон отмечал, что жизненные истории являются важнейшей составляющей того, что делает нас людьми, предопределяя, кроме этого, какими людьми мы становимся. И с этим нельзя не согласиться.

Список источников и литературы

1. Горська А. Душа українського шістдесятництва. К. : Смолоскип, 2015.
2. Гундорова Т. *Femina Melancholika*. Київ: Критика, 2002.
3. Верба І. Життя і творчість Н.Д. Полонської-Василенко (1884–1973). К., 2000.
4. Жиленко І. НОМО FERIENS: Спогади / Передм. М. Коцюбинської. Київ: Смолоскип, 2011.
5. Забужко О. *Notre Dame d'Ukraine: Леся Українка в конфлікті міфологій*. Київ: Факт, 2007.
6. Историк Олена Компан. Матеріали до біографії / Упоряд. Я. Компан. Київ: Вид. Дім «Києво-Могилянська акад.», 2007.
7. Кардиналовська Т. Невідступне минуле. Спогади. Харків : Майдан, 2005.
8. Коцюбинська М. Книга споминів. Х.: Акта, 2006.
9. Матяш І.Б. «Зірка першої величини»: життєпис К. М. Грушевської. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2002.
10. Отт-Скоропадська О. Остання з роду Скоропадських / Пер. з нім. Г. Сварник. Львів: Літопис, 2004
11. Павличко С. Фемінізм. Київ: Основи, 2002.
12. Петлюра Л. Народе мій, улюблений / Упоряд., передне сл., коментар Т. Ківшар. Київ: НБУВ, 2009.
13. Петренко І.М. Историк Наталія Мірза-Авак'янц (1888–1940?): життя і наукова спадщина. Полтава: ПУЕТ, 2014.

14. *Суровцова Н.* Спогади. Київ: Видавництво ім. Олени Теліги, 1996.
15. *Шабатура С.* Вибрана палітра кольорів з мозаїки життя і творчості. Київ: Смолоскип, 2016.

А.Л. Шишелякина

Тарту (Эстония), Тартуский университет

Женские нарративы о традиции: игра с темпоральностью

В нарративах о традиции женский платок является наиболее интересной точкой пересечения гендерных, этнических, религиозных, современных и традиционных смыслов [3, р. 161]. Традиция как слово и как категория неоднозначна, пишет Дороти Нойз [3]; поэтому интерпретация вуали приносит не только разные, но и противоположные значения и смыслы. Я собираюсь обсудить женский платок и традицию, опираясь на этнографические материалы татарско-мусульманского сообщества, собранные в Тюменской области в России (Западная Сибирь) в 2011–2013 гг. и в одной из Балтийских стран – Эстонии – в 2019 г. Женскими голосами, голосами участниц исследования, я демонстрирую, как они, обращаясь к своей семейной истории, семейным фотографиям и собственному пониманию традиции вуали в конце XIX – начале XX в., интерпретируют ее в настоящий момент времени. Используя представления о прошлом и настоящем – играя со временем, темпоральностью – женщины-татарки договариваются о сложностях своего мира [1]. Традиция женской вуали, таким образом, становится сконструированным проектом современности, утверждая, что укоренилась в прошлом и связана с настоящим [2, р. 49].

Список источников и литературы

1. *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Vol. 1. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
2. *Kuutma K.* «From Folklore to Intangible Heritage» // *A Companion to Heritage Studies* / Eds. W. Logan, M. Nic Craith, U. Kockel. L.: Wiley-Blackwell, 2015. P. 41–53.
3. *Noyes D.* Humble Theory // *Humble Theory: Folklore's Grasp on Social Life*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2016.

РАЗДЕЛ 17

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЯЗЫКЕ

В.С. Трофимова

Санкт-Петербург, независимый исследователь

Память о женщинах-авторах в ранних литературных объединениях Западной Европы и России (XVII – начало XIX в.)

На рубеже XVIII–XIX вв. в России возникло сразу несколько литературных обществ. Одни существовали короткое время, другие – в течение нескольких лет. Все они занимались проблемами русского языка и русской литературы. Самым масштабным из русских литературных обществ конца XVIII – начала XIX в. была «Беседа любителей русского слова», официально учрежденная в 1811 г.

«Беседа любителей русского слова» отличалась от обществ-предшественников. Она имела собственный устав, четкую внутреннюю структуру (двадцать четыре действительных члена, члены-сотрудники и почетные члены), распорядок встреч, как закрытых, так и публичных, а также печатный орган – «Чтения в Беседе любителей русского слова». Среди почетных членов было сначала три, а с 1812 г. как минимум четыре женщины.

Стремление очистить родной язык от иностранных заимствований, защитить его самобытность и своеобразие не было новым явлением в истории европейской культуры. Схожая ситуация сложилась на территории германских княжеств в первой половине

XVII в. – во времена Тридцатилетней войны (1618–1648). Со второго десятилетия XVII в. в Германии получили широкое распространение так наз. языковые общества. В 1617 г. князь Людвиг I Ангальт-Кетенский основал первое немецкое языковое общество – «Плодоносное общество или Общество Пальмы», просуществовавшее до 1680 г. Вслед за ним в разных немецких городах было основано еще несколько языковых обществ: «Честное, добродетельное общество Ели», «Товарищество патриотически настроенных людей», «Достохвальный пастушеский и цветочный орден на Пегнице» и «Орден эльбских лебедей». Члены языковых обществ были призваны очистить немецкий язык от засилья иностранных слов, устранить в немецком литературном языке территориальные различия, провести кодификацию в грамматиках и словарях литературных норм и, наконец, урегулировать языковое употребление с помощью поэтик, стилистик и риторик.

Помимо «Плодоносного общества», большую известность получил «Достохвальный пастушеский и цветочный орден на Пегнице». «Пегницкий пастушеский орден», в отличие от европейских академий и от других немецких языковых обществ середины XVII в., не был закрыт для женщин. Так, «Плодоносное общество» допускало участие женщин только под именами их супругов, а «Орден эльбских лебедей» и вовсе наложил запрет на женское членство. Напротив, поэт-виртуоз Георг Филипп Гарсдерфер изначально поддерживал женское участие в делах ордена и считал женское членство «предпосылкой для утонченности в общении» [7, р. 294]. З. фон Биркен в 1669 г. опубликовал книгу в защиту женщин [8, р. 9]. По сведениям Л.М. Кольдау, к 1708 г. женщины составляли пятую часть членов Пегницкого ордена [7, р. 295]. Однако в «Феминистской энциклопедии немецкой литературы» приведены менее оптимистичные цифры: из всех членов общества до 1705 г. женщин было менее семи процентов [6, р. 277]. Членом Пегницкого ордена была виднейшая немецкоязычная поэтесса XVII в. Катарина Регина фон Грейфенберг.

Немецкая литература XVII в. была забыта в эпоху Просвещения, а возродился интерес к деятельности немецких литератур-

ных обществ лишь в XX – начале XXI в. Что касается женского участия в их работе, ключевую роль в коммеморации немецкоязычных писательниц XVII в. сыграли авторы феминистского направления. Такие работы, как «Женщины-музыка-культура» Л.М. Кольдау, «Феминистская энциклопедия немецкой литературы» Ф.У. Эйглер, а также англоязычное издание стихотворений К.Р. фон Грейфенберг способствовали вспоминанию в значительной мере забытых женщин-членов немецких языковых обществ XVII в. В России память о выдающихся немецких поэтессах XVII в. сохраняется благодаря известному тому «Европейская поэзия XVII века» из Библиотеки Всемирной Литературы, сборнику эссе «Поэзия и правда» и некоторым другим изданиям.

Мы не имеем никаких сведений о том, что основатели «Беседы любителей русского слова» знали хоть что-нибудь о немецких языковых обществах XVII в. Надо отметить, что их решение приглашать на открытые заседания как мужчин, так и женщин вызвало негативную реакцию недоброжелателей.

Изначально в «Беседе любителей русского слова» в качестве почетных членов состояли три писательницы – княжна Екатерина Сергеевна Урусова, девица Анна Алексеевна Волкова и девица Анна Петровна Бунина. Их собственную реакцию на принятие в члены «Беседы» мы узнаем из публикации В. Десницкого «На литературные темы» 1936 г. Он не выделял специально женщин-членов «Беседы» в отдельную группу, но его работа способствовала возрождению интереса к «Беседе» и сохранению памяти не только о действительных ее членах, но и о почетных. А.П. Бунина изъявила признательность «Беседе» за избрание в почетные члены в письме к А.С. Шишкову 9 марта 1811 г. [3, с. 205]. Спустя месяц, 11 апреля, Г.Р. Державин получил письмо от княжны Е.С. Урусовой, также с благодарностью за избрание [3, с. 208]. А.А. Волкова предпочла облечь благодарность «Беседе» в стихотворную форму. В первом выпуске журнала «Чтение в Беседе любителей русского слова» были напечатаны ее «Стихи к Беседе любителей русского слова».

Уже в «Дамском журнале» князя Шаликова 1830 г. имя княжны Урусовой увязывалось с членством в «Беседе любителей русского

слова». В «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара А.П. Бунина и А.А. Волкова были названы почетными членами «Беседы»; что касается Е.И. Ланской, принятой в почетные члены «Беседы» в 1812 г., и Е.С. Урусовой, они не попали в эту энциклопедию в связи с тем, что ее издание было остановлено. Князь Н.Н. Голицын в знаменитом «Библиографическом словаре русских писательниц» 1889 г. помещает статьи обо всех четырех женщинах – членах «Беседы любителей русского слова», но собственно о членстве в «Беседе» говорит только в связи с А.П. Буниной, А.А. Волковой и Е.С. Урусовой [2, с. 32, 54, 254]. Хотя он включает в свой Словарь статью о Е.И. Ланской и намекает на ее знакомство с Г.Р. Державиным, о ее членстве в «Беседе» он даже не упоминает [2, с. 146–147].

Из всех женщин-членов «Беседы любителей русского слова» наибольшую известность получила А.П. Бунина. Память о ней сохранили не только представители феминистского литературоведения, например М. Нестеренко, автор нескольких статей о Буниной и редактор сборника «Неопытная муза», но и исследователи, далекие от феминизма – М. Альтшуллер и Н.П. Морозова. Что касается Е.И. Ланской, то ее имя до недавнего времени не упоминалось в связи с «Беседой» даже в редких статьях в биографических словарях. Ситуация изменилась совсем недавно в связи с публикацией С.Д. Дзюбанова в 2019 г. [4]. Е.С. Урусова и А.А. Волкова упоминаются как члены «Беседы» в некоторых словарных статьях.

В условиях практически полного отсутствия музеефикации деятельности женщин в литературных обществах XVII – начала XIX в. как в Германии, так и в России главными местами памяти остаются печатные и электронные публикации. Автор настоящей статьи весной 2020 г. разместила материалы о двух женщинах-членах «Беседы любителей русского слова» – Е.С. Урусовой и А.А. Волковой – в Википедии, дабы способствовать сохранению памяти об этих замечательных поэтессах в России [1; 5].

Список источников и литературы

1. Волкова, Анна Алексеевна // https://ru.wikipedia.org/wiki/Волкова,_Анна_Алексеевна (дата обращения 30.04.2020)
2. *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц.

- СПб: Типография В.С. Балашева, 1889.
3. Десницкий В. На литературные темы. Книга вторая. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1936.
 4. Дзюбанов С.Д. «Не хочу говорить об этой странной женщине...» (штрихи к биографии Е.И. Ланской, урожденной Вилламовой) // Державин и его время: сборник научных статей. Вып. 14 / Под ред. Н.П. Морозовой. СПб: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2019. С. 103–117.
 5. Урусова Екатерина Сергеевна // https://ru.wikipedia.org/wiki/Урусова,_Екатерина_Сергеевна (дата обращения 30.04.2020)
 6. Eigler F.U. The Feminist Encyclopedia of German Literature. Westport: Greenwood Publ. Group, 1997.
 7. Koldau L.M. Frauen-Musik-Kultur. Ein Handbuch zum deutschen Sprachgebiet der Frühen Neuzeit. Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2004.
 8. Tatlock L. Volume Editor's Introduction // Greiffenberg C.R. von. Meditation on the Incarnation, Passion and Death of Jesus Christ. Chicago: University of Chicago Press, 2009. P. 1–38.

Е.Э. Потехина

*Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

**Общественные насекомые и (или?) королевские особы:
фиксация представлений о викторианской семье в повести
А. Байетт «Морфо Евгения»**

Антония Байетт – известный представитель современной британской литературы. Роман писательницы «Обладать» был награжден Букеровской премией в 1990 г. Темы, заявленные в данном романе, – гендерные роли и положение женщины в Викторианскую эпоху, развитие науки и культуры в Британской империи – нашли продолжение и в следующих произведениях А. Байетт, в том числе и в повести «Морфо Евгения» (1992 г.), которая и является материалом данного исследования.

Цель работы – выявить источники формирования мифа об идеальной викторианской семье в повести А. Байетт «Морфо Евгения».

Викторианская эпоха двояка: она известна нам прежде всего как период крайне консервативных взглядов на роль женщины в

обществе и семье, однако, с другой стороны, эти взгляды были полностью опровергнуты личностью и жизнью королевы Виктории. В этом же временном отрезке происходит резкий скачок в развитии естественных наук: внимание ученых-энтомологов привлекают общественные насекомые, иерархический строй которых подрывает привычные представления людей того времени о естественности и непреложности патриархата у животных и людей.

Неслучайно главным героем произведения А. Байетт «Морфо Евгения» становится ученый-энтомолог Вильям Адамсон. Изучение насекомых, в особенности общественных и бабочек, становится делом всей его жизни. Неудивительно, что при таком уровне увлеченности наукой претерпевают изменения и его воззрения на бытовые вещи и явления, окружающий его мир в целом. События в повести происходят на рубеже 1850–1960-х годов, сразу после публикации «Происхождения видов», поэтому Вильям Адамсон не раз упоминает имя Ч. Дарвина. Великий натуралист является кумиром героя. Читатель видит, как энтомолог проецирует на окружающий мир идею Дарвина о том, что человек – тоже животное: в восприятии Вильяма люди уподобляются общественным насекомым.

Именно так Вильям воспринимает семью Алабастров, в которой оказывается сначала в качестве гостя, а после – мужа одной из дочерей, Евгении. Дом Алабастров представляется ему подобным муравейнику или пчелиному улью. Читатель понимает это, например, обнаруживая главу семейства в рабочем кабинете шестиугольной формы, которая очевидно необычна и моментально ассоциируется с пчелиными сотами: «*Harald Alabaster's study <...> was hexagonal in shape*» [1]. Однако важно обратить внимание на иное: спорен вопрос о том, что главой семейства является мистер Алабастер; так кажется лишь на первый взгляд.

Несмотря на то, что мистер Алабастер является священником (а как известно, церковь придерживается патриархальных взглядов), иерархия в его семье выстраивается, как у общественных насекомых, матриархально, а потому ключевой фигурой в семье Алабастров является Гертруда Алабастер.

Портрет этой героини делает ее похожей на муравьиную или пчелиную матку. Описывая ее такой, какой она представляется энтомологу, автор использует следующие выражения: «*rolls of flesh*» [1] вместо нейтрального «*body*», также нам известно, что леди Алабастер «*appeared to be immobilised, by natural lethargy more than by any specific complaint, <...> she waddled, more than walked, when she progressed along the corridors to eat luncheon or dine*» [1]. Автор не раз делает акцент на ее малоподвижности, неповоротливости, пассивности – как и матка у общественных насекомых, героиня крупнее всех других персонажей, подобных рабочим особям улья или муравейника.

Как это свойственно насекомым, Гертруда Алабастер плодовита, она родила своему мужу не меньше восьми детей: «*William had initially supposed that the five children he met were all there were but discovered that there were at least three more in the schoolroom*» [1]. Показательно, что Вильям Адамсон, прожив в доме достаточно долгое время, остается неуверенным в количестве детей в семье. Читателю, как и герою, так и не предстоит узнать их точного числа. И внешностью, и плодовитостью леди Алабастер напоминает королеву Викторину, у которой, как известно, было девять детей.

Взаимодействие героини с детьми и с мужем в произведении мы наблюдаем редко: она практически не вступает в диалог, а если и говорит с ними, то разговор представляет собой несколько коротких нейтральных фраз. Но тем не менее она ответственно подходит к судьбе домочадцев, постоянно контролирует младших детей в учебе. И в этом мы видим параллель с миром насекомых: рождение новых особей и контроль за ульем или муравейником – вот главные задачи особи-матки. Королева Виктория тоже отличалась властным и деспотичным характером, что отражено в ее переписке со взрослыми детьми.

Несмотря на несколько отталкивающие портретные характеристики, Вильям относится к леди Алабастер с уважением, признавая, что дом держится на ней: «*This immobile, vacantly amiable presence was a source of power in the household*» [1].

Леди Алабастер противопоставляется всем остальным персонажам книги: домочадцы и гости на балу в ее доме характеризуются как «*the pale people*» [1]. Таким образом делается акцент на ее особой роли в доме, роли королевы. Многочисленные дети Алабастеров очень похожи друг на друга: одинаково бледны, астеничны, хрупки, печальны, прилежны и сильно привязаны к семье. Именно последнее качество делает их похожими на рабочих пчел: известно, что рабочие пчелы очень привязаны к улью, альтруистичны по отношению к другим особям в ущерб себе. Показательны в этом контексте постоянные отказы в руке и сердце одной из дочерей, Ровены, своим женихам. При доме остаются и взрослые сыновья – Эдгар и Лайонел. Нежелание матери отпускать своих детей роднит героиню не только с пчелиной или муравьиной маткой, но и с королевой Викторией, возражавшей против замужеств дочерей. Старший из сыновей, Эдгар, своей любвеобильностью и страстью к лошадям напоминает принца Эдуарда, старшего сына королевы.

Мистер Алабастер до комичного противоположен своей жене: «*Harald Alabaster was tall, gaunt, and slightly stooping*» [1]. Он увлечен научной деятельностью, покровительствует ученым. Внешностью и характером герой похож на Альберта, принца-консорта.

Семья Алабастеров представляется читателю сплоченной и процветающей, в которой права и обязанности четко распределены между членами семьи. Семейный уклад Алабастеров, парадоксальным образом напоминающий одновременно поведение общественных насекомых и повседневную жизнь семьи королевы Виктории, отражает повседневность викторианского общества, в котором, несмотря на провозглашаемый патриархат, женщины начинают играть все более важную роль в семье и социальной жизни.

Список источников и литературы

1. *Byatt A.S. Angels & Insects: Two Novellas*. 1st Vintage International ed. N.Y.: Vintage Books International, 1994. https://play.google.com/store/books/details?id=m3sYAJb1IFwC&rdid=bookm3sYAJb1IFwC&rdot=1&source=gbs_vpt_read&pcampaignid=books_booksearch_viewport

Т.В. Тернопол*Ярославль, Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского***Гендерные сказки в романе А. Байетт «Детская книга»
как отражение женской семейной памяти**

Английская писательница Антония Байетт известна как автор романа «Обладать», получившего в 1990 г. Букеровскую премию. Не меньшей популярностью пользуется еще один ее роман – «Детская книга», вышедший в 2009 г. и включенный в шорт-лист этой премии. В этом романе А. Байетт продолжает тему женского литературного творчества: главной героиней его является Олив Уэллвуд, пишущая детские сказки. Статья посвящена анализу представленных в «Детской книге» сказок на предмет выявления источников используемых в них сюжетов и репрезентации гендерных ролей.

Несмотря на то, что Олив Уэллвуд (и ее большая семья) находится в центре сюжета романа, А. Байетт довольно скупо вводит в текст примеры творчества своей героини. В полном объеме представлено две сказки: «Кустарник» (о мальчике Перкине, сбегавшем к феям) и «Человечки в домике» (о девочке Розе, поселившейся в кукольном домике эльфов), написанные Олив для публикации. Но миссис Уэллвуд непрерывно придумывает сказки и для собственных детей, и у каждого ребенка эта сказка своя.

Любимой сказкой самой Олив является сказка старшего сына Тома: история о приключениях принца Ланселина-Тома под землей, где он ищет свою тень. Отрывки из нее даются в романе трижды: Олив работает над текстом на последних месяцах беременности Гарри, перерабатывает написанное спустя полгода, а позже посылает продолжение Тому, уехавшему учиться в школу Марло. Еще один пример творчества писательницы мы видим в конце романа – финал сказки, написанной для старшей дочери Дороти.

Таким образом, произведения Олив можно условно разделить на коммерческие тексты и сказки, которые вдохновлены отноше-

ниями писательницы с собственными детьми. При этом «когда Олив не хватало идей, она нехотя обращалась к тайным сказкам, принадлежащим Тому, Дороти, Филлис и Гедде, переписывала куски этих сказок,... чтобы годились в печать» [1]. Она достаточно четко разделяла свое творчество на «хорошие истории и халтурку ради денег» [1]. Очевидно, что хорошие истории опираются на те же источники, что и тайные сказки для собственных детей, а в их основе лежит механизм сублимации. Сказки Олив основывались также на английском фольклоре (истории отца-шахтера о подземном мире и лекций Тоби Юлгрива о волшебных сказках) и романтической литературной традиции (сказки Г.Х. Андерсена, которые читала ей мать). Однако основным источником сюжетов был ее собственный трагический опыт (гибель в шахте отца и двух братьев, смерть сына Питера и дочери Розы) и жизненный опыт ее детей (обучение Тома в пансионе, медицинская карьера Дороти), что превращает сказки Олив в завуалированную семейную историю. Тексты (прежде всего, тайные сказки), создаваемые героиней, становились способом трансляции семейной памяти, поэтому дети (особенно Том) воспринимали использование их сюжетов для коммерческих сказок как предательство.

Однако даже в сказках для печати Олив сублимировала свой материнский опыт: в «Человечках в домике» героиня получает имя ее умершей дочери, в «Кустарнике» имя героя похоже на имя умершего первенца (Перкин – Питер), а описание его матери – Матушки-Гусыни, живущей в красивом загородном доме и обеспечивающей многочисленных детей, в то время как ее супруг самоустранился от забот о семье, явно намекает на саму писательницу. Показательно, что и Перкин, и Розы покидают своих матерей и оказываются во власти мистических существ, что может быть интерпретировано как намек на смерть, разлучившую их с родителями.

Помимо сублимации, основой сюжета этих сказок является проигрывание обряда инициации, для которого ребенок покидает пространство родительского дома и отправляется в чужой мир, чтобы вернуться оттуда взрослым (или не вернуться вообще). При этом в обеих сказках транслируются традиционные гендер-

ные роли: непослушный мальчик Перкин отказывается возвращаться домой, выбирая мир фей; а девочка Роза любит играть в куклы: она ловит маленьких человечков, но, в свою очередь, становится пленницей девочки-великанши. При этом Роза мечтает не только сбежать из плена, но и вернуться домой. Но сказке не сообщается, что ей это удалось.

В тех сказках, которые Олив писала для чужих детей, локусом мальчиков был большой мир, локусом девочек – дом, но в отношении собственных ее детей эти стереотипы не работали: любимый сын Том, своеобразный Питер Пэн [2], не хотел взрослеть и покидать семейное гнездо, а дочь Дороти выбрала совсем не женскую профессию хирурга.

Отношения с Томом были особенно важны для Олив. Сын был для нее источником вдохновения, он *«имел какое-то отношение к ее способности сочинять хорошие истории... и она нуждалась в нем»* [1], недаром после его смерти она *«поняла, что сюжета нет. Сказок больше не будет»* [1]. В сказке, написанной для любимого сына, метафорически излагается его жизнь: поиски своей похищенной тени – инициация, которой в реальной жизни становится его отъезд в школу-пансион. Тень символизирует знания, которые он должен получить: пока герой мал, отсутствие ее не воспринимается трагически, но по мере взросления окружающие и сам принц понимают, что ему чего-то не хватает. Но реальная жизнь не следует в «Детской книге» сказочным законам: пока Олив продолжает развивать сюжет о героических странствиях двойника сына, Том, не выдержав издевательств, сбегает из пансиона и возвращается домой. Парадоксальным образом его сказочный двойник под землей встречается с королевой тенью, которая плетет серебряную паутину – самой Олив, которая говорит о себе: *«Я та самая фея, которая сидит и прядет на чердаке, я Матушка-Гусыня, я сплетаю вроде бы ничего не значащую утешительную сказочку»* [1]. Таким образом сказка, начавшаяся как история о возмужании, заканчивается как история о невзрождении.

Сказка Дороти представлена в романе скупой: ее двойника зовут миссис Хиггел (Пегги) – это девочка, у которой есть ежиная

шкурка-плащ. Шкурку украли, Пегги отправляется на поиски, причем приключения девочки намекают на карьеру Дороти в медицине («Она думала о незнакомцах, которых выручила, когда они запутались в колючих кустах или были ранены холодным железом») [1]. В романе представлен финал сказки – возвращение Пегги домой, где ее никто не ждет. Сказка отражает разочарование Олив в дочери, отказавшейся следовать традиционной гендерной роли и покинувшей родных не ради создания своей семьи, а ради профессиональной самореализации.

Итак, основным источником сюжетов сказок в романе А. Байетт «Детская книга» следует признать жизненный опыт Олив Уэллуд и ее детей, что делает эти сказки воплощением женской семейной памяти, а также отражением гендерных стереотипов викторианского общества.

Список источников и литературы

1. *Байетт А.* Детская книга. <http://knizhnik.org/antonija-s-bajett/detskaja-kniga/1>
2. *Clark A.* Her Dark Materials // The Guardian. 9.05.2009. <https://www.theguardian.com/books/2009/may/09/as-byatt-childrens-book>

Э.Ф. Шафранская

Москва, Московский городской педагогический университет

Женский вектор в фольклорном эпосе Туркестанского края, записанном Н.Н. Каразиным

Николай Николаевич Каразин, известный при жизни писатель и художник (см.: [8]), первым открыл русскому читателю XIX в. культуру Туркестанского края, его фольклор (см.: [7]). Тексты среднеазиатского героического эпоса, записанные Каразиным, разрушают расхожий стереотип о «забитой женщине Востока». Таковы «Сказка о женском ханстве» и легенда «Кара-джигит». По замечанию специалистов, Каразин своими находками опередил открытия фольклористов XX в. (см.: [1, с. 29]).

Оба этих текста каракалпакского эпического фольклора имеют схожий финал: спасение от зла приходит (или должно прийти) со стороны России, прямо не названной в повествовании, но угадываемой в ряде прозрачных характеристик.

В заглавие текста «Кара-джигит» [3] вынесено имя врага, черно-го наездника. Ни воины-батыры, ни бии – никто не может справиться с Кара-джигитом. Отваги сразиться с ним хватает только у женщины, богатырши Узун-Чаш, но и она не совладала с черной силой. Кара-джигит пленил ее. В кульминационный момент приходит спасение – оттуда, откуда никто не ждал. От русской девушки, забарантованной (плененной) во время набегов на русский Орск. Кочевники стали называть ее Ак-Джан (белая, или добрая, душа). Маленькая, слабосильная, она вдруг оказывается храброй и бесстрашной.

Такой поворот сюжета вписывается в исторический контекст – колонизацию Российской империей среднеазиатских земель. Записанная русским писателем-фольклористом, легенда «Кара-джигит» исполнена не без желания угодить писателю-офицеру, в лице которого народный сказитель видел новую власть.

В ряде других фольклорных текстов, записанных Каразиным, прямо или опосредованно выражено отношение исполнителей к власти русских колонизаторов – от льстивого до враждебного. Однако в текстах, услышанных от каракалпакских исполнителей, отмечается расположенность к новой власти. Т.А. Жданко, специалист XX в. по истории и этнографии каракалпаков, в работе, посвященной их колонизации, отмечает тяготение народа к России: известны случаи откочевки каракалпаков из Хивинского ханства к линии русских форпостов, а также о делегации каракалпаков с просьбой принять их в российское подданство [1, с. 6, 7].

Воинственный характер женщин (каракалпачек и туркменок), их независимость, которые Каразин наблюдал в реальности и о которых слышал в эпических текстах, стали толчком для создания его литературных персонажей. Одна из них – молодая женщина Ак-Томак из одноименного повествования. В первой публикации этот текст (Дело. 1874. № 3) имеет подзаголовок – «Очерк нравов Центральной Азии», дающий читателю установку на реальность

описанных событий и персонажей. В этом очерке Каразин делает подробную социологическую выкладку о положении женщины в мусульманском мире. Во всем зависящая от мужчины женщина, пишет Каразин, порой входит в фазу, когда в ней закипает «жгучий протест, не смея еще пока вырваться наружу» [4, с. 128]. Двенадцатилетней девочкой Ак-Томак была отдана в жены кокандскому правителю Худояр-хану. Повзрослев, превратившись в независимую, сильную, атлетического сложения [4, с. 102] красавицу, она совершает немислимое – ее уличают в неверности. Женщина приговаривается к смерти. Сюжетная интрига сопряжена со счастливым спасением Ак-Томак и неожиданным исходом: она убивает своего спасителя, возлюбленного, потому что не хочет попасть «из-под одной плети под другую» [4, с. 141]. Женщины того края, как говорит аналитика Каразина, делились на яремных и свободных. Свободные женщины объединялись в некое содружество гетер – другой ниши для безопасного существования у них просто не было. Эти салоны гетер выплачивали немалый куш своим опекунам: мулле, казию, полиции. Сюда попадает и Ак-Томак. Слава о ней, ее отваге и независимости, доброте и гордости широко пошла по округе, став почвой для молвы и фольклорных сюжетов. Спрашивая рассказчика (Каразина) «Ты разве не слыхал обо мне?» и слыша отрицательный ответ, Ак-Томак говорит: «Ну, неправда! Это ты все врешь! Кто обо мне не слыхал? Обо мне все слышали!» [4, с. 104]. Ожидания женщинами прихода смелой героини, способной противостоять незыблемым правилам, спрогнозировали атмосферу, в которой звучит «Сказка о женском ханстве», записанная Каразиным, – женская мечта о независимости, о безнаказанном рождении дочерей. «Рождение девочки, вместо почему-то всегда ожидаемого мальчика, производит уныние и панику в целой семье. Мать не смеет рассчитывать на привет и ласку со стороны мужа и отца: она редко получает даже обычные в таких случаях подарки» [4, с. 127]. Поддержку женской свободы Ак-Томак и гетеры ее салона тоже связывают с новой властью, исполняя на одном из вечеров (тамаше) аллегорическую песню о курах и петухе (текст песни, со всеми фольклористическими позициями, входит в очерк).

В «Сказке о женском ханстве» представлена утопия – в ней правят женщины. Мужчины в ханстве есть, но их немного – для продолжения рода. Рожденных мальчиков сбрасывают со скалы, живым оставляют одного из ста. Интрига в сюжете возникает тогда, когда собирается родить глава ханства Занай – она рождает мальчика, который должен погибнуть. Путем подлога ее ребенок остается жить. Подросший сын Занай становится могильщиком женской власти. «И прошло то время золотое ханства женского, настало другое, тяжелое, злое, – не лучше как вот и нынешнее... <...> А собьет те замки, повалит стены, развеет горе, вытрет слезы... одна женщина... Придет, прилетит эта чудная с далекого севера, волосы у нее будут как снег белые, глаза как море синие...» [2, с. 294]. Каразин почти каждую находку сопровождает необходимыми для фольклориста данными: кто исполняет, как и где, как слушают и проч. Так, эта сказка была исполнена «старухой лет восьмидесяти». «Я увидел там женщину, одну посреди мужчин, и с лицом открытым, против обыкновения. Впрочем, взглядевшись пристальней, я заметил, что ей нет никакой надобности прятать свое лицо» [2, с. 290]. Скорее всего, чачван и паранджа отсутствовали, потому что, в отличие от других среднеазиатских народов, каракалпакские женщины их не носили.

Еще один образ, разрушающий стереотип о восточной женщине, представлен в рассказе Каразина «Тигрица» [5] с подзаголовком «Быль» (см.: [6]), также основанном на реальном факте и молве о нем.

Такой сторонний взгляд человека чужой культуры на устои мусульманского быта и положение женщины в нем – род острашения, ценного тем, что он разрушает клише «забитая женщина Востока» и создает немонахромную палитру чужой культуры. Ориентализм Каразина отличается от его и наших современников, он много сложнее (см. [8]).

Список источников и литературы

1. Жданко Т.А. Каракалпаки в научных исследованиях периода их присоединения к России (1873–1874) // Среднеазиатский этнографиче-

- ский сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001. С. 5–34.
2. *Каразин, Н.Н.* Сказка о женском ханстве: Отрывок из записной книжки // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. № 11. С. 290–291.
 3. *Каразин Н.Н.* Кара-Джигит: былина среднеазиатских кочевников // Нива. 1880. № 40. С. 794–800.
 4. *Каразин Н.Н.* Ак-Томак: Очерк // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 6. С. 99–143.
 5. *Каразин Н.Н.* Тигрица: быль // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. Т. 6. С. 144–247.
 6. *Шафранская Э.Ф.* Каразин и Лесков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 340–345.
 7. *Шафранская Э.Ф.* Николай Каразин – фольклорист // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 277–282.
 8. *Шафранская Э.Ф.* Каразин! Азия! // Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: романы / Подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525–596.

Е.В. Кузнецова

Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Фемининные и маскулинные нарративные стратегии в женской лирике Серебряного века

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался резким повышением активности женщин в сфере литературы и искусства, появилась целая плеяда писательниц (М. Лохвицкая, Н. Тэффи, А. Вербицкая, Е. Нагродская, Е. Гуро, Н. Львова, А. Ахматова, М. Цветаева и др.). «Женская лирика является одним из достижений того культурного труда, который будет завещан модернизмом – истории», – писал И. Анненский, один из первых, кто отметил масштабное явление женщин на культурной арене [1, с. 333]. Однако выступление женщины в качестве творца, производящего культурные ценности, воспринималось в социуме неоднозначно и противоречиво.

К. Эконен свидетельствует, что культуре русского модернизма был свойственен взгляд на женщину как на объект поклонения, прекрасный, возвышенный образ, идеал, вдохновляющий худож-

ника, но при этом лишенный права на собственный голос. Феминность как отвлеченная категория была при этом чрезвычайно востребована литературой и философией русского Серебряного века. Через нее осмыслялось подсознание, глубины души творческого субъекта, женщина могла выступать также в роли музы или в качестве зеркала, смотрясь в которое, мужчина-творец постигал собственное «Я» [5, с. 61–104].

Но все эти важнейшие функции предписывали женскому началу (и его реальным носительницам) пассивность и порождали глубокое противоречие: *отказ от пассивности означал утрату женственности, а сохранение женственности означало отказ от способности действовать и творить*. Осознав ущербность подобных представлений, многие талантливые представительницы эпохи модернизма предприняли попытки выйти из этого ограниченного положения, что породило кризис самоопределения и распределения ролей между полами. Н. Бердяев описал эти изменения следующим образом: «Женщина как бы уже не хочет быть прекрасной, вызвать к себе восхищение, быть предметом любви, она теряет обаяние, грубеет, заражается вульгарностью. Женщина не хочет быть прекрасным творением божьим, произведением искусства, она сама хочет создавать произведения искусства. Это глубокий кризис не только женского бытия, но и всего человеческого бытия, и связан он с крушением родового начала, с обострением проблемы личности» [2, с. 177]. Приведенная цитата доказывает тот факт, что женская активность и субъектность воспринимались как утрата внешней привлекательности и душевной деликатности.

В процессе преодоления заявленного кризиса женщины-писательницы реализовали в своем творчестве разные модели субъектности и нарративные стратегии, которые можно разделить на две основные группы: *маскулинные* (повествование ведется от мужского лица, создание маски мужского субъекта) и *фемининные* (повествование от женского лица, создание образа женской лирической героини). К первой группе относится лирика З. Гиппиус, П. Соловьевой (Allegro), М. Лёвберг, ранняя лирика В. Инбер, М. Шагинян (некоторые произведения), Л. Рейснер

(некоторые произведения). Ко второй группе относится поэзия М. Лохвицкой, Л. Вилькиной, Е. Дмитриевой (Черубина де Габриак), А. Герцык, С. Парнок, Н. Львовой, Е. Кузьминой-Караваевой, А. Ахматовой, М. Цветаевой и др.

Первопроходцем в деле самореализации и самопрезентации явилась, несомненно, Зинаида Гиппиус. Осознавая приоритет мужской позиции в достижении творческого признания в андроцентричной культуре, она использовала разные способы присвоения себе маскулинного активного начала, например, проводила эксперименты с мужским костюмом, аксессуарами и стилем поведения, конструируя свой гендер как в жизни, так и в слове. Прибегала она и к многочисленным мужским псевдонимам (Антон Крайний, Н. Ропшин, Лев Пущин, Антон Кириша, В. Витовт и др.). Обозначенные философско-социальные стереотипы, царящие в обществе, обусловили и нетипичное лирическое «Я» ее стихов, представленное за исключением единичных произведений в мужском роде [4, 7, 8]. Гендерный маскарад писательницы преследовал две главные цели: право на высказывание независимых суждений и самостоятельная роль на литературно-критическом поприще. По мнению С. Лансер, Гиппиус не только присваивает, но и всячески подчеркивает андроцентрические установки (*androcentrism*) для достижения нарративной авторитетности (*narrative authority*) [6, с. 111].

Позиция Гиппиус и ее взгляды на фемининность представляются в этом плане наиболее радикальными. По тому же пути пошла Allegro (П. Соловьева) и некоторые другие. Однако М. Лохвицкая, Л. Вилькина, Е. Дмитриева (Черубина де Габриак), М. Цветаева выбирают иной способ поэтической репрезентации, подчеркивая женственность, сексуальность, красоту своих лирических героинь и привнося в стихотворения описание собственной внешности и костюма (руки, глаза, волосы, украшения и т.д.). Их современницы А. Герцык, Н. Львова и Е. Кузьмина-Караваева, наоборот, нивелируют черты внешней привлекательности, но отражают в стихах особую религиозность, жертвенность, духовность своих лирических альтер-эго. Например, Дмитриева в ранней лирике создает образ красавицы-испанки с червонны-

ми косами и точеным профилем, а А. Герцык – образ монахини. Однако и те, и другие не решаются разорвать оковы «женского круга» и существующих стереотипных представлений о феминном начале (а даже порой подчеркивают их). И хотя русские поэтессы зачастую сетуют на то, что к женщине-творцу существует предвзятое отношение, они обосновывают свое право на творчество именно особым женским взглядом на мир. Их лирическое «Я» предстает как детерминированное кем-то другим, мужчиной (возлюбленный или Учитель) или Богом, они выстраивают в поэзии сложные, а порой и мучительно-трагические отношения «Я–Другой» (в этом плане можно привести в пример историю любви Н. Львовой и В. Брюсова, запечатленную в поэзии безвременно погибшей поэтессы). Следует также выделить в отдельную подгруппу поэтесс, писавших от женского лица, но занимавших в любви активную позицию и адресовавших свои послания женщинам: С. Парнок и Т. Щепкину-Куперник.

Иногда лирическая саморепрезентация претерпевает существенное изменение со временем, и позднюю лирику Аделаиды Герцык и Елизаветы Дмитриевой отличает схожая нарративная стратегия, основанная на подчеркивании особых, очень личностных отношений с Богом. «Новая женственность» и самоотречение, отмеченные признанием со стороны Высшего начала, рассматриваются ими как духовное подвижничество и возможность обретения права на значимое художественное слово, приобщение к миру высшего знания. М. Волошин тонко почувствовал отличие лирики Ахматовой, Герцык и Дмитриевой от «аналитической», мужской поэзии Гиппиус: «Значительность поэзии названных мною поэтесс придает то, что каждая из них говорит не только за самое себя, но и за великое множество женщин, каждая является голосом одного из подводных течений, одухотворяющих стихию женского, голосом женственной глубины» [3, с. 322].

Таким образом, нарративную стратегию Гиппиус, Соловьевой (Allegro) и некоторых поэтесс младшего поколения можно назвать маскулинной (право на творчество отстаивается путем демонстрации мужского начала: имя, костюм, грамматическая

форма личного местоимения). А Лохвицкая, Вилькина, Герцык, Дмитриева и некоторые другие поэтессы экспериментируют с ультрафемининным способом поэтического высказывания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100 «Конструирование феминности в литературе и культуре русского модернизма») в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. Анненский И. О современном лиризме // Критика русского символизма: в 2 т. Т. II. М.: Олимп; АСТ, 2002. С. 267–369.
2. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб: Издание М.В. Пирожкова, 1907. С. 156 – 192.
3. Волошин М. Женская поэзия // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. М.: Эллис Лак, 2007. С. 319–322.
4. Лавров А.В. З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. С. 5–59.
5. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011.
6. Lanser S.S. Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. L.: Cornell University Press, 1992.
7. Presto J.M. Women in Russian Symbolism: Beyond the Algebra of Love // History of Women's Writing of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 134–152.
8. Presto J.M. Zinaida Gippius and the Fashioning of Gender. Madison: University of Wisconsin, 1996.

В.Б. Зусева-Озкан

Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Амазонки в романе М.А. Кузмина «Подвиги Великого Александра»: историческая память vs авторская мизогиния

В докладе рассматривается конструирование М.А. Кузминым образа амазонок в романе «Подвиги Великого Александра» (1908, перв. публ. 1909).

Этот роман потребовал от Кузмина огромной подготовительной работы и обильного чтения исторических, художественных текстов (так наз. александрий, ведущих свое начало от эллинистического романа об Александре Псевдо-Каллисфена), научной литературы: в рабочей тетради Кузмина этого времени зафиксировано множество материалов, в том числе фундаментальные исследования В.М. Истрина, А.Н. Веселовского и А.Я. Гаркави об Александре Македонском [3, с. 603].

Как показывает сопоставительный анализ романа Кузмина с претекстами (литературными, в частности с романом Псевдо-Каллисфена, и историческими – историями Александра, написанными Квинтом Курцием Руфом и Диодором), его соотношение с ними таково, что можно говорить о следовании основной событийной схеме при значительном смещении смысловых акцентов. Если у Псевдо-Каллисфена амазонкам дается весьма положительная характеристика [6, с. 245–249], то Кузмин, напротив, не жалеет красок для создания самого неприглядного образа: «... пришла сотня высоких мужеподобных женщин, с выжженными правыми грудями, короткими волосами, в мужской обуви и вооруженных пиками, стрелами и пращами. Говорили они грубыми, хриплыми голосами и пахли козлиным потом» [4, с. 200].

Хотя некоторые элементы соответствуют тексту-источнику («высокие») и другим повествованиям об амазонках («с выжженными правыми грудями»), Кузмин добавляет отсутствующие в них детали, призванные вызвать отвращение читателя и показать этих женщин как «ухудшенный», «сниженный» вариант мужчины: «мужеподобие», короткие волосы, «грубые, хриплые голоса» и, конечно, запах «козлиного пота». Даже если предположить, что именно этот эпизод Кузмин излагает не по Псевдо-Каллисфену, нам неизвестны такие трактовки истории Александра, в которых амазонки были бы представлены подобным образом. Напротив, в других вариантах истории Александра встречается более «романтизированный» эпизод его встречи с амазонками. Так, историки Квинт Курций Руф и Диодор Сицилийский приводят эпизод, когда царица амазонок Фалестрис является к Александру с целью зачать

от него ребенка, и царь с удовольствием выполняет ее пожелание [1, с. 320–321; 5, 122–124]. То есть у историков амазонки описаны не только как воинственные, но и весьма привлекательные женщины, и встреча Александра с их царицей имеет эротический характер. В дальнейшем предание о Фалестрис и Александре все более романтизировалось. Так, у Рудольфа Эмского, которого поведствователь у Кузмина называет одним из своих предшественников [4, с. 169], царица амазонок Талистрия становится прекрасной дамой Александра, и он рыцарски ей служит [2, с. 39].

С большой вероятностью галломан Кузмин был также знаком с обработкой этой истории французским поэтом С.Ш. Леконтом в цикле «Свадьба амазонки» («Les noces de l'Amazone», перв. публ. 1901 [7]), где речь идет о так наз. небесном (сакральном) браке Александра и Фалестрис; А. Блок в 1906 г. опубликовал рецензию на книгу стихов Леконта «Кровь Медузы», вышедшую первым изданием в 1905 г. и вторым в 1906 г. [8] и содержащую, в частности, этот цикл, на который поэт обращает особое внимание. Но все это чрезвычайно далеко от версии Кузмина в «Подвигах Великого Александра». В целом, описывая встречу с амазонками и ее результат по Псевдо-Каллисфену (т.е. сводя ее к желанию царя познакомиться с обычаями амазонок и получить от них воинский отряд, что и происходит), он далеко отходит от своего источника в их характеристике, выводя амазонок крайне непривлекательными.

Кроме того, Кузмин всячески снижает героический, воинственный аспект образа амазонок – в частности, описывая их пастушеские занятия (не упомянутые в других источниках, где их быт представлен как быт военного лагеря). Если у других авторов рядом с амазонками упоминаются кони как важнейшие для них животные, то у Кузмина их замещают связанные не с военным, а с мирным и бедным бытом овцы и козы. Если у Псевдо-Каллисфена большая часть рассказа амазонок посвящена описанию их военных обычаев, причем речь идет о «ратоборстве за <...> славу», то у Кузмина, напротив, этот аспект их жизни описан минимально, зато большую часть рассказа амазонок занимают их репродуктивные обычаи. Наконец, амазонки у Псевдо-Каллисфена

ведут за собой в бою мужчин, т.е. иерархически стоят выше них, а не являются мужененавистницами, в принципе исключившими мужчин из своего общества (социальный порядок в государстве амазонок предстает инвертированным по отношению к патриархатной культуре, а не «урезанным»), что Кузминым отмечается.

Стоит обратить внимание и на то, какое место занимает параграф, посвященный встрече Александра с амазонками, в составе целого. Как и у Псевдо-Каллисфена, он следует за эпизодом с царицей Кандакией, но, в отличие от текста-источника, после него идет эпизод с Горгоной, у Псевдо-Каллисфена вообще отсутствующий, однако имеющий место в Александрии русских хронографов, с которой Кузмин был знаком. Примечательно, что интересующий нас эпизод оказывается между двумя историями женских домогательств к герою. Таким образом, Кузмин, не пересказывая эпизод с Фалестрис по Курцию и Диодору, самим размещением истории амазонок между эпизодами женских домогательств к Александру, т.е. посредством контекстуализации, имплицитно воссоздает ее эротический подтекст. Но, напомним, амазонки изображены у него крайне непривлекательно, да и две другие истории соблазнения характеризуются неудачей эротической инициативы женщин (или, точнее, существ женского пола, ибо Горгона не вполне антропоморфна) и крайним отвращением, проявленным Александром. Это отвращение так велико, что в первом случае царь даже прибегает к угрозе оружием, а во втором – непосредственно к убийству. В романе присутствует и третья типологически родственная история – с супругой Александра Роксаной, которая, вопреки всем текстам-источникам, «пребывала даевой к большой своей досаде».

Таким образом, женщины и «женскость», или фемининность, представлены в романе с эссенциалистских (поскольку женщины и категория фемининности уравниваются: амазонки по крупному счету мало чем отличаются у Кузмина от других женщин) и, говоря прямо, мизогинных позиций. Это, однако, не означает, что Александр у Кузмина не знает любовного чувства: следуя за источниками (прежде всего, историческими), но очень сильно

заостряя их, Кузмин делает своего героя адептом мужской любви. Более того, он наделяет его исключительным и совершенным чувством к его «другу» Гефестиону.

Сюжет романа является сюжетом мистериальным, в рамках которого герой совершает путь к познанию тайн бытия, бессмертию и совершенной любви. В этой гомоэротической мистерии, в рамках которой женщинам, в том числе амазонкам, опрокидывающим стереотипы фемининности, места нет. Более того, тип «девицы-мужа» раздражает Кузмина в двойной степени по сравнению с типом женщины «нормативной» – как «подделка» под мужчину. Таким образом, историческая память оказывается подчинена в романе весьма специфическому отношению Кузмина к женщинам.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 276–347.
2. *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М.: Наука, 1972.
3. *Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисловие, подг. текста и комм. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005.
4. *Кузмин М.А.* Стихи и проза. М.: Современник, 1989.
5. *Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М.: Издательство МГУ, 1993.
6. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (продолжение) // Вестник древней истории. 1947. № 3 (21). С. 235–315.
7. *Lecote S.-Ch.* Les Noces de l'Amazone // Mercure de France. 1901. № 137. P. 374–379.
8. *Lecote, S.-Ch.* Le Sang de Méduse. P.: Mercure de France, 1905.

О.А. Симонова*Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН***Фольклорные мотивы в женских воспоминаниях
о махновщине**

Среди противостоявших друг другу во время Гражданской войны вооруженных сил Революционная повстанческая армия Украины под руководством Нестора Махно оказалась наиболее социально и культурно однородной. Большая часть служивших в ней людей были крестьянами, как был выходцем из крестьян и ее предводитель. Для крестьянской среды фольклор в различных своих формах является способом осмысления реальности, существования и передачи информации. Возможно, именно поэтому Махно превратился в народного героя, а связанные с ними нарративы зачастую можно определить как один из фольклорных жанров.

Закреплению подобных нарративов и «признанию» их как вполне достоверных текстов послужило положение в историографии махновского движения. Уже в 1920-е годы о махновщине можно было писать только отрицательно [2, с. 260]. В.Я. Голованов отмечает, что начиная с середины 1920-х годов большевики низводят Махно из политического противника до «атамана». В это время появляются воспоминания людей, знавших его лично или переживших махновщину, в которых формируется образ «архибандита» Махно [1, с. 19–20]. С другой стороны, схожее полупрезрительное восприятие махновской армии характерно и для другого лагеря: белогвардейцы также были склонны мифологизировать Махно (Н.В. Герасименко, само существование которого, впрочем, тоже вызывает вопросы, А.В. Бинецкий), выражая таким образом отношение человека другого социального круга к крестьянину и пытаясь реконструировать либо пародировать его картину мира.

Сохранившиеся воспоминания горожанок, переживших махновщину, написаны как раз в конце 1920-х – начале 1930-х годов [3, 4, 5]. Мемуаристки придерживаются канона описания, который сознательно создавался официальной идеологией: в воспоминаниях

неизбежно присутствует ретроспективность оценки, восприятие прошлого дополняется позднейшими знаниями, что вызывает смещение точки зрения автора. Имевшиеся в воспоминаниях лакуны авторы заполняли информацией, почерпанной из советской прессы, которая по отношению к махновщине не была достоверной.

Женщины больше, чем мужчины, аккумулировали в своих воспоминаниях фольклорный материал о махновщине (в том числе фиксируя и такие традиционные его жанры, как песни, частушки, поговорки и т.п.). Вызвано это было тем, что мемуары были написаны обывательницами, которым военная информация была недоступна в силу их неучастия в войне. Их сведения всегда были вторичны, получены из рук «очевидцев». Тем не менее, не будучи непосредственно погружены в поток военных событий, авторы воспоминаний могли сохранять отстраненный взгляд наблюдателя. Таким образом, мемуаристки выступают в качестве фольклористов, фиксируя и воспроизводя устные истории времен Гражданской войны.

Они воссоздают легендарный образ «батьки Махно», превращают его в своего персонажа, перечисляя связанные с ним военные эпизоды и приключения. Они реконструируют представления о Махно, существовавшие в городской среде того времени, когда достоверной информации практически не было и любое событие обрастало домыслами. Сюжеты устной традиции о Махно не противоречат «реалистичной» картине мира и формально правдоподобны. Но отлитость форм, невероятность приключений Махно, драматургический потенциал связанных с ним событий приводят к выводу о том, что многие описываемые мемуаристками события представляют собой городские легенды, созданные на основе реальных фактов.

Например, захват махновцами Озерного базара в Екатеринославле – реальное событие, которое в пересказе каждой мемуаристки обрастает новыми подробностями [3, с. 383–384; 4, л. 6 об–7]. Так каждый автор как носитель устной традиции вносит в текст толику своей выдумки. Источником сведений может становиться и художественный текст: Т. Серарина описывает жизнь семьи анархиста Щуся, черпая сведения из виденной ею постановки пьесы Василия Галеты «Сожженное гнездо». Подробности ма-

скируют фольклорную природу нарратива, придавая ему «объективность» запечатленного автором факта.

Одной из причин искаженной оценки реальности выступала закольцованность психологических настроений и порождаемых ими нарративов. Представления о деятельности махновцев конструируются на основе уже имевшихся у горожан страхов. Так формировались слухи, которые, в свою очередь, формировали страхи других горожан, не связанные с непосредственным житейским опытом тех и других либо гротескно трансформировавших его. Н. Сухогорская, поддавшись слухам и вызванной ими панике, уезжает из Бердянска, на который движутся махновцы.

Отдельный интерес представляет конструирование особого женского опыта при махновщине. Как свидетельствуют упомянутые мемуаристики, женщины чувствовали себя вполне безопасно: «Женщин тогда еще Махно не трогал» [5, с. 42]. Насилие по отношению к женщинам совершалось преимущественно белогвардейцами.

Фольклор не является специфически женским способом фиксации информации, но именно в женских воспоминаниях о махновщине он представлен в более полном объеме, чем в мемуарах мужчин. Женщины меньше рефлексиируют по поводу недостоверности информации, не отбрасывают непроверенную информацию как несущественную, недостойную упоминания. Махно и его армия мифологизируются, миф выступает одним из способов объяснения реальности. Описание жизни обывательницы при повстанцах, проходящей в атмосфере страха, но в то же время страха не всегда обусловленного объективными причинами, а вызванного специфически функционирующей информационной средой, типично для создания женского мемуарного текста о махновщине. Женщины, традиционно отвечающие за воспроизводство эмоционального и духовного наследия и опыта, сохраняют память о Гражданской войне, альтернативную официально признанной, фактографически выверенной истории. Это проявилось в том, что они зафиксировали устные истории о Махно, бытовавшие в народной среде.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Список источников и литературы

1. Голованов В.Я. Нестор Махно. М.: Молодая гвардия, 2013.
2. Зеленьак О.М. «Махновщина» в радянській публіцистиці та історіографії 20-х – першої половини 50-х років ХХ ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2015. Вип. 43. С. 259–262.
3. *Саксаганская А.* Махно. Под черным флагом / Подгот. текста О.А. Симоновой, коммент. Ю.П. Кравца и О.А. Симоновой // Историография гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов / Отв. ред., сост. Д.С. Московская. М: ИМЛИ РАН, 2018. С. 381–448.
4. *Серарина Т.* Махновщина (записки очевидца) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 203.
5. *Сухогорская Н.* Воспоминание о махновщине // Кандальный звон. Историко-революционный сборник. Одесса: [б.и.], 1927. № 6. С. 37–67.

Л.С. Московчук

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»*

К особенностям формирования женского образа инженерной профессии

Советский кинематограф уделял большое внимание профессиональной принадлежности киногероев. Подавляющее большинство киногероев так или иначе раскрывались в контексте трудовых отношений и действий. Так, с экранов кинотеатров на зрителей смотрели строители, заводские рабочие, слесари, милиционеры, учителя, врачи, руководители предприятий и служащие, ученые и творческие работники и др. Выразительные средства киноязыка отражали, конструировали, мифологизировали и стигматизировали профессии, создавая привлекательные и отрицательные образы. Среди всего представленного в кино многообразия профессий особое место занимает кинообраз инженера.

На основе сопоставительного анализа более 70 советских кинокартин, в которых участвовали героини-инженеры, можно выделить следующие особенности репрезентации инженерной профессии:

размытость профессионального поля (так, инженер часто показывается через призму смежной профессии или должности – ученый или руководитель), включенность в производственный процесс, что отличает его от образов «чистых» ученых, которые часто избражались в стенах лабораторий и учебных аудиторий, часто это герои второго плана («Весна на Заречной улице», «Большая перемена», «Москва слезам не верит» и др.), обычно представлен мужским героем, т.е. профессия репрезентировалась как маскулинная.

Среди мужских образов инженерной профессии можно выделить несколько типажей: изобретатель (этот образ чаще всего воплощался в биографических фильмах, направлен на воспевание творческого начала, героизацию инженерной профессии, например, «Укрощение огня», «Главный конструктор» и др.), управленец (кабинетный работник, руководитель предприятия, например, «Инженер»), интеллектуальное оружие («Поединок»), «бурспек», или буржуазный специалист (один из самых часто встречаемых образов в фильмах 30–40 годов, обычно противопоставлялся идейно правильному выходцу из рабочего класса или показывалась идейная перековка «бурспеца» в советского специалиста, например, «Встречный»), «обыватель» (инженерное дело представляется как рядовая и часто массовая профессия, характеризуется низким уровнем героизации – напротив, создается образ нового «маленького» и «лишнего» человека, например, «Частная жизнь Петра Виноградова», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и др.), «рупор правды» (инженер олицетворяет собой новаторское и творческое начало, способное противостоять вызовам бюрократизма и консерватизма, например, «Смена начинается в шесть») и др.

Доступ в инженерную профессию для женщин в России был открыт еще в 1906 г., когда в Санкт-Петербурге был открыт первый в мире политехнический институт для женщин. Несмотря на то, что в Советском Союзе провозглашались равные возможности мужчин и женщин в профессиональной реализации, тем не менее инженерное дело оставалось территорией маскулинности [1], хотя в реальном производственном процессе женщины были достаточно хорошо представлены, и истории знакомы имена вы-

дающихся женщин-конструкторов, инженеров и т.д. Советский кинематограф подтверждает маскулинизацию инженерии, демонстрируя слабую представленность в качестве героинь женщин-инженеров. Следует сделать оговорку, что в данном случае были исключены из рассмотрения образы киногероинь – технологов пищевой, химической и др. промышленности.

Прежде всего стоит отметить, что чаще всего в фильмах о инженерах женщины выступают в качестве фона – это матери, сестры, жены, подруги и возлюбленные, представительницы партии и др.; в качестве главных или второстепенных героинь, у которых подчеркивается принадлежность к профессии, женщины-инженеры начинают появляться в фильмах примерно с 70-х годов. Отметим, что именно в это время формируется и получает наибольшую распространенность бытовой образ инженера, показывающий рутинную сторону профессии, совпадающий со снижением социальной престижности профессии инженера.

Среди особенностей репрезентации женских образов можно назвать, во-первых, номинальное отношение к профессии, т.е. женщина обычно именуется инженером, но ее включенность в профессиональную жизнь либо не раскрывается, либо вообще не играет никакого значения для сюжета. Во-вторых, женщина-инженер в кино – рядовой сотрудник, т.е. отсутствуют каких-либо упоминания о ее достижениях. В-третьих, чаще всего она – просто служащий. Подтверждение можно найти в фильмах «Осторожно, листопад», «Инженеры», «Самая обаятельная и привлекательная», «В моей смерти прошу винить Клаву К.», «Где находится нофелет» и др. Аналогичное положение дел можно наблюдать и в советской сатире, в частности в карикатурах журнала «Крокодил» и киноальманахе «Фитиль». В них также отсутствуют знаковые и значимые женские образы инженерной профессии, чаще всего высмеиваются нетрудовые функции женщины-инженера – вязание на рабочем месте, разгадывание кроссвордов, однако это не гендерная черта, так как подобные «грехи» осуждаются и у мужских типажей.

Исключением в репрезентации женского инженерного образа можно назвать фильм «Комиссия по расследованию» (1978), в ко-

тором женщины-инженеры выступают как полноправные представители профессии: помогают в расчетах, вскрывают правду о режимах эксплуатации, моделируя образ героя-борца за правду. Стоит отметить, что этот образ укладывается в стереотипные представления о том, что область этического – сфера женской ответственности, в отличие от сферы технического.

В дальнейшем женские образы не получили развития, и на данный момент инженерная профессия репрезентируется как мужская.

Список источников и литературы

1. *Абрамов Р.Н.* Профессиональная культура российских технических специалистов: универсальные элементы // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 97–104.

Г.П. Сидорова

Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

Мужские образы российско-советского киноискусства как культурные герои: женский взгляд

Любой национальный тип культуры представляет единство культуры актуальной и накопленной, или культурной памяти, которая необходима для сохранения единства самосознания социума и индивида. Значительная часть культурной памяти транслируется опосредованно: художественными произведениями, через образы-знаки. Искусство как «зеркало» культуры способно целостно и многопланово отражать сознание общества и личности, художественные образы воздействуют одновременно на ум и сердце – в этом их «великая сила». В произведении искусства мы имеем дело с действительностью, но возведенную в идеал (Г. Шпет), в нем запечатлен как дух времени, так и менталитет, который изменяется мало и длительно, составляет фундамент истории и национальной культуры. Исходя из сказанного, мужские образы советского киноискусства 1950-х – начала 1990-х го-

дов рассматриваются нами как иконические знаки и культурные герои, как *способы сохранения, фиксации и передачи памяти о мужском* в российской культуре.

Чтобы выявить такие образы, мы опросили 25 женщин: 1950–1966 годов рождения; Ульяновск и Тольятти; 20 – высшее образование, 5 – среднее профессиональное; 15 – замужем, 6 – разведены, 2 – вдовы, 2 – не были замужем. Вопрос: «В годы *юности* и *молодости*: какие мужские образы из советских фильмов вызвали восхищение/влюбленность, создавали представление о лучшем/желанном мужчине?» В понимании *юности* и *молодости* мы опираемся на периодизацию возрастной психологии: *юность* с 16 до 20-23 лет (период принятия решений, определяющих всю дальнейшую жизнь человека, в т.ч., избрание спутника жизни); *молодость* с 20-23 до 30-33 лет (период самоутверждения себя в любви, сексе, карьере, семье, обществе). В ходе опроса мы получили 105 образов: называли от 1 до 20. Выявленные в ходе опроса мужские образы советского киноискусства 1950-х – начала 1990-х годов мы попытались типологизировать как культурных героев и путем интерпретации определить их архетипическую основу.

Культурный герой – личность, выступающая образцом культурного подражания и кодом культуры. Как известно, *Е.М. Мелетинский определяет три основных функции культурного героя: мироустройство, защита мира и дарование всевозможных благ* людям. *Е.М. Мелетинский особо выделяет трикстера* – культурного героя, который может выступать демиургом, надделителем благ, редко – защитником, чаще разрушителем, но необходимым в качестве противоположности, потенцирующей развитие. Мы проанализировали образы по этим функциям, объединив *часто совпадающие мироустройство и дарование благ*. Результат: *мироустройство и дарование благ* – 43 образа (2 и более раз повторялись – Болконский («Война и мир»), (Устименко («Дорогой мой человек»), Башкирцев («Укрощение огня») и др.). *Защита* – 45 (повторялись – Морис Джералд («Всадник без головы»), Штирлиц («17 мгновений весны»), Сергей («Романс о влюбленных») и др.). *Трикстер* – 29 (повторялись – Костик («Покровские ворота»), Мюнхгаузен

(«Тот самый Мюнхгаузен»), Ганжа («Большая перемена»), Матвей («Дело было в Пенькове») и др.). Назван и Самохвалов («Служебный роман») – *трикстер* и антагонист главного героя: его безнравственно-провокационные действия потенцируют развитие событий – побуждают главного героя проявить свои лучшие черты. Ряд образов соединят в себе 2-3 функции.

Затем мы проанализировали образы в аспекте воплощения архетипов, выделенных А.В. Чернышовым на основе инструментария, предложенного М. Марк и К. Пирсон, активно используемых в создании образов современного российского масскульта: *Забота, Творчество, Власть; Героизм, Бунт и Магия; Верность, Любовь, Карнавал; Простота, Поиск и Мудрость* [2]. Исходя из предположения, что эти архетипы использовались и в советском искусстве, мы интерпретировали их воплощение в названных образах и получили результат: *Любовь* – 69% образов, *Забота* – 53%, *Героизм* – 49%, *Власть* – 34%, *Простота* – 31%, *Творчество* – 30%, *Мудрость* – 26%, *Бунт* – 23%, *Поиск* – 13,5%, *Карнавал* – 11%, *Верность* – 10,5%, *Магия* – 2%.

Мы также сравнили выявленные образы со списком «Лучший актер года» по опросам журнала «Советский экран» (с 1962 по 1991 г. зрители назвали 30 лучших актеров в фильмах). Результат: всего 13 (43%) названных респондентами образов/актеров совпали с этим списком: А. Баталов («Девять дней одного года»), В. Лановой («Офицеры»), К. Лавров («Укрощение огня»), В. Тихонов («Война и мир»), С. Любшин («Щит и меч»), О. Стриженов («Неподсуден»), В. Шукшин («Они сражались за родину»), А. Мягков («Ирония судьбы»), С. Любшин («Пять вечеров»), Н. Еременко («Пираты XX века»), А. Михайлов («Мужики!»), О. Янковский («Влюблен по собственному желанию») и А. Михайлов («Змеелов»).

Итак, культовые мужские образы советского искусства сохраняли, фиксировали и передавали память о мужском, в первую очередь: *защита* и *мироустройство*; *Любовь* (романтический возлюбленный, его суть в сопереживании, сочувствии и соитии как вершине и цели любви); *Забота* (человек, главное желание и цель которого – защищать беззащитного и слабого от возможного

ущерба, помогать людям, делать им добро); *Героизм* (совершенные выдающихся действий, требующих мужества и готовности к самопожертвованию; человек, выполняющий обязанности ради своей страны, сообщества или семьи, который ищет нестандартные пути и готов рисковать своей жизнью). Для женщин они стали образцами маскулинности и культурными героями. В образах запечатлен «дух времени»: абсолютное большинство – герои советской истории и современности. Среди них – образы «нового человека» в советском кино, по классификации Н.М. Зоркой [1, с. 156, 190–191], «фанатики, подвижники и мученики»: Корчагин и Трубников («Председатель»), а также Губанов («Коммунист») и Женя Столетов, но таких – единицы. Среди фаворитов – воины и разведчики (26%, численное первенство – Штирлиц), но не только советские. Названы Генрих Шварцкопф («Щит и меч») и Георг фон Шлоссер («Вариант Омега»): антагонисты главного героя и *трикстеры*. Вероятно, они привлекли своей харизмой, аристократизмом и утонченной красотой, воплотив архетипы *Власть*, *Верность*, *Любовь*, *Поиск* и *Мудрость*. Для респондентов самыми яркими историческими образами стали Анненков («Звезда пленительного счастья») и Давыдов («Эскадрон гусар летучих»), а самыми яркими образами из зарубежной культуры – Овод, Морис Джералд, Сэм Пэйнти («31 июня»), лорд Горинг («Идеальный муж»), Марин Мирою («Безымянная звезда») и Крис Кельвин («Солярис»). Во всех персонажах, среде действия и ситуациях, значимых для российско-советской культуры, воплотилась архетипическая повествовательная модель, и архетипы «работали». Несомненно, выбор образов обусловлен и категорией *красоты*, вызывающей эстетическое наслаждение.

Список источников и литературы

1. *Зоркая Н.М.* Кино. Театр. Литература. Опыт системного анализа. М.: Аграф, 2010.
2. *Чернышов А.В.* Русские архетипы в брендинге и эффективность теле-рекламы. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Нижегородский государственный университет, Нижний Новгород, 2011.

Е.Ф. Югай*Москва, Институт общественных наук РАНХиГС*

**Женское в поэтическом искусстве:
особенности поведенческих шаблонов
от деревенского причитания до современной поэзии**

Около десяти лет назад вышли два номера журнала НЛЮ, посвященный антропологическому изучению литературы (НЛЮ 2009/6, 2012/1). Антропологический поворот предполагает изучение не просто поэтического текста, а человека в его знаковой деятельности, повседневных практик и ситуаций перформативного исполнения текста [5]. Изучение традиционной культуры в этом смысле находится в авангарде, давно сочетая филологический, социологический и антропологический инструментарий. Используя антропологические методы включенного наблюдения и интервью, а также структурно-типологический анализ практик, я попробую провести параллели между традиционной ролью магического специалиста (причитальщицы) и некоторыми представлениями в современном поэтическом сообществе (условно традиционалистском его крыле).

Поэтический текст существует и воспринимается не автономно, а в комплексе с историей порождения, моментом воспроизведения. В традиционной культуре исполнение перформативно. Причитание как часть обрядового фольклора проигрывает расставание с умершим, изменение его статуса (исключение из социума) и статуса его родных. Чтобы это действие состоялось, не только текст, но и исполнитель должен отвечать определенным требованиям. По замечанию С.Б. Адоньевой, причитальщицами часто становились старшие женщины в деревне, обладавшие опытом [1]. Авторитетные причитальщицы сохраняются в памяти не только своими текстами, но и рассказами о том, какими они были. Мои интервью показывают, что в вологодских деревнях встречались мужчины, умеющие причитать, но их исполнения, даже при условии технического мастерства, вызывало смех и неловкость [8].

Есть общее правило, согласно которому ритуальный специалист занимает особое положение в социуме. В славянской культуре «обладание магическим “знанием” служит компенсацией за низкое социальное положение» [4]. Э. Эванс-Причард считал обвинение в колдовстве у азанде (Центральная Африка) альтернативной системой социального урегулирования. Авторитетность и маргинальность вступают в отношения взаимозависимости. В целом представления о сверхъестественном связаны с социальными и этическими сложностями. Т. Томпсон связывает тему приведений с этически сомнительными проступками по отношению к дискриминируемым группам (этническим, гендерным, социальным) и пророчесствует о появлении в новейшем фольклоре привидений андроидов в связи с развитием дискуссий об этике отношения к ним [6]. Можно сказать, что власть ритуального специалиста становилась альтернативным влиянием притесняемой группы.

В традиционной высокорешеточной (термин М. Дуглас) культуре социальные роли и поэтическая специализация строго закреплены. В частности, роль посредника с иным миром чаще всего принадлежит женщине, что отчасти обусловлено ее положением в традиционном обществе (о чем пишет, в частности, исследовательница греческих причитаний [9]). Эффект, производимый причитанием как обрядовым поэтическим и музыкальным текстом, во многом определяется особым положением причитальщицы, сочетающем некую исключенность из общества и авторитетность в вопросах традиции.

Казалось бы, в городской культуре, где литература выделяется в качестве профессии (специализации), роль автора должна определяться другими признаками. Однако в бытовом восприятии поэзии и поэта возникает холистическая модель, согласно которой текст и биография автора неразрывны. Об этом свидетельствуют полевые материалы автора (ПМА): дневники включенного наблюдения, мини-интервью, записанные в период с 2014 по 2017 гг., серия глубоких интервью, взятых в начале 2020 г. Такой подход замечен в практиках и воспоминаниях студентов и выпускников Литературного института 1990–2000-х, а также поэтов, ставшими признан-

ными в сообществе в это время. Так, в 2019 г. на Семинаре Союза писателей Москвы руководительница семинара предупреждала семинаристку об опасности письма о смерти, потому что тексты имеют обыкновение сбываться. В раннее постсоветское время молодые поэты, конструируя свое поведение, нарочно делали акцент на маргинальности и «раны свои пытались расковырять, содрать хрумки» [3]. Жизненные неудачи становились источником опыта и боли, которая, согласно представлениям, бытующим в этой группе, была необходима для становления настоящего поэта (романтическая модель, актуализированная культурой Серебряного века и Русского зарубежья). Как и послевоенный джазовый музыкант (см. исследование Г. Беккера «Аутсайдеры»), поэт должен был восприниматься как «аутсайдер» относительно общества в целом, чтобы стать «инсайдером» в профессиональном сообществе [2]. Такое положение позволяло ему пересматривать нормы и ценности «обывателей», устанавливая свои.

Хотя само представление о маргинальности обусловлено в первую очередь поколенчески и институционально, конкретные проявления этой маргинальности гендерно специфичны. Так в 1990-е – начале 2000-х для мужчин один из шаблонов поведения предполагал работу дворником [7], безденежье и социальную неустроенность. В то время как наши собеседницы концептуализировали в качестве источника опыта перипетии в личной жизни, переживание своего сиротства и прочих неудач в семейном плане. Женские однополюсные пары демонстрировали свои отношения более открыто, чем мужские. Этому могла сопутствовать вполне респектабельная работа в банке и успешная публикационная карьера автора-женщины. Таким образом, аутсайдерство поэта выстраивалось относительно тех моделей успеха, которые были приняты в обществе (и были гендерно-специфичны).

Холистическая модель поэта в городской культуре имеет общие черты с моделью ритуального специалиста в традиционном деревенском обществе, но она – только один из вариантов поведенческих шаблонов профессионального поэта. Хотя представления о маргинальности поэтической роли до сих пор актуальны в услов-

но традиционалистском сегменте «цеха поэтов», люди 1990-х годов рождения уже относятся к ним с иронией. Что касается «новой поэзии», видимо, идентичность поэта там выстраивается не через маргинальность, а, наоборот, через прогрессивность и сближение с научно-философским дискурсом. Даже если внешне какие-то модели поведения могут совпадать, надо понимать, что в начале 2000-х они смотрелись как вызов общественным нормам и самосегрегация, а сейчас скорее рассматриваются как установливание новых норм. Но модели поведения и ценности в этом сообществе требуют специального изучения, что находится в перспективе исследования.

Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культурах».

Список источников и литературы

1. *Адоньева С. Б., Олсон Л.* Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016.
2. *Беккер Г.* Аутсайдеры. М.: Элементарные формы, 2018.
3. *Егорова Л.В., Сучкова Н.А.* Ната Сучкова. Приближение к биографии // Вестник Вологодского Государственного университета. 2019. № 3 (14). С. 64–70.
4. *Левкиевская Е.Е.* Рецензия на: Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 476–482.
5. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛО. 2012. № 1 (113). https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18492/
6. *Томпсон Т.* Историй о привидениях из «зловещей долины»: андроиды, бессмертные души и будущее призраков // Фольклор и антропология города. 2020. № 1–2 (в печати).
7. *Югай Е.Ф.* Дворник Литинститута как идеальная писательская позиция // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII. М.: РГИ, 2017. С. 386–406.
8. *Югай Е.Ф.* Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М.: Индрик, 2019.
9. *Caraveli-Chaves A.* Bridge between Worlds: The Greek Women's Lament as Communicative Event // The Journal of American Folklore. 1980. Vol. 93. № 368 (Apr.–Jun., 1980). P. 129–157.

Е.О. Бобровская*Минск (Белоруссия), Белорусский государственный университет***Гендерные особенности памяти героев
современной русской прозы
(на материале романов Олега Роя)**

Данная работа продолжает описание хронотопа в творчестве современных российских писателей [1], акцентируя внимание на феномене памяти героев их произведений. В статье мы рассмотрим память персонажей в гендерном аспекте.

Предметом исследования стали произведения Олега Роя, проанализировав которые, мы решили остановиться на следующих романах: «Старьевщица», «Письма из прошлого» и «Мир над пропастью». Наше внимание данные романы привлекли раскрытием темы памяти и воспоминаний в своеобразном аспекте: не только дублируя, но и дополняя друг друга. В этих произведениях воспоминания становятся двигателем сюжета, основной причиной трансформации личности героев.

Муки памяти часто толкают персонажей на вполне определенные поступки, целью которых становится желание забыть травмирующие события, начать новую жизнь. Некоторым героям остается надеяться только на время, которое поможет чувствам притупиться. Иногда у персонажей появляется практически уникальный шанс все забыть в виду определенных жизненных обстоятельств.

В первую очередь, рассмотрим самый ранний из трех романов – «Мир над пропастью» (2007 года издания). Это реалистичное произведение, включающее отсылки к мифам, легендам и упоминаниям о скульптуре, которой приписывают способность осуществлять желания. В данном произведении трагическое событие в жизни главного персонажа привело его к потере семьи. Воспоминания, преследующие героя в родном городе, вынудили изменить место жительства: «Если бы Игорь был один, в своей квартире, то, наверное, сошел бы с ума от воспоминаний», поэтому он, по совету знакомого, переезжает: «Я думаю, выход все-таки есть. Тебе надо уехать из этого города.

Тут все вечно будет напоминать о твоей семье. А там ты начнешь новую жизнь, с чистого листа. Создашь себе новый мир» [2, с. 35]. Новое место и работа помогают ужиться с болью и болезненными воспоминаниями: «Дни потекли за днями, недели за неделями. Рана на сердце не заживала, но все-таки суматошная московская жизнь не давала Игорю часто думать о прошлом. Да и напоминаний об Але и Настене здесь, в столице, было значительно меньше, чем в Озерске, где, казалось, каждый камень был как-то связан с его женой или дочкой» [2, с. 39]. Однако только новая семья помогает обрести душевное спокойствие, которое казалось потерянным, невозполнимым: «Игорь безнадежно пытался вернуться в прошлое, поймать то ощущение молодости и беззаботного счастья. Пусть ненадолго, хоть на час, хоть на минуту, но ему никак не удавалось это сделать...» [2, с. 105]. Счастливые воспоминания направляют главного героя, заставляют придумать способы справиться с душевной болью: это фотографии («Уже через неделю, заходя в квартиру после смены, он словно оказывался в музее. С порога на него глядели глаза жены и дочери. Везде и всюду. И он опускал спортивную сумку, доставал альбом. Смотрел. Отбирал все новые фотографии. Искал негативы. На следующий день отпечатывал следующую партию и снова развешивал снимки. Это превратилось у него в странное хобби» [2, с. 115]), письма ушедшим («Он начал писать им письма. Игорь никогда не думал, что сможет переносить то, что творится в его душе, на бумагу. Но письма получались длинными и напоминали скорее один большой дневник о его жизни, чувствах и мыслях, которыми не с кем было поделиться» [2, с. 115]).

На фоне описания естественных способов справиться с жизненными проблемами романы «Старьевщица» и «Письма из прошлого» (2013 года издания) являются мистическими произведениями Олега Роя, отражающими современную реальность, дополненную фантастическими аспектами, что позволяет автору акцентировать внимание читателя на смещении ценностей в сознании современного человека; увидеть, что желаемое может стать причиной разрушения жизни, потери к ней интереса. Кроме того, эти два произведения дополняют друг друга в разных аспектах.

Во-первых, роман «Письма из прошлого» описывает жизнь главного героя, который стал причиной гибели своей семьи, но утратил об этом воспоминания в результате экспериментального лечения своей любовницы (фантастический элемент сюжета). Героиня хотела уберечь любимого от правосудия, а также мечтала о семейной жизни с человеком, не мучающимся угрызениями совести. Главный герой лишился своих воспоминаний невольно, не имея выбора, причем из памяти были удалены травмирующие воспоминания. Но так же, как в романе «Старьевщица», при добровольном отказе от радостных воспоминаний страдает эмоциональная сфера: «Единственное, что его несколько удивляло, – это некоторое эмоциональное оупение, которое с тех пор не покидало его (со времени завершения лечения)», [3, с. 149]. так наз. дефицитарность эмоциональной сферы («Письма из прошлого», утрата травмирующих воспоминаний); «Все они больше похожи не на живых людей, а на каких-то замороженных зомби... Или биороботов» [4, с. 188]. («Старьевщица», утрата счастливых воспоминаний). В конечном итоге, при утрате «всех светлых и добрых воспоминаний», жизнь героя становится «сплошным, не прекращающимся ни на минуту кошмаром» [4, с. 272]. Героини не утрачивают эмоций, потому что либо вообще не продают свои воспоминания («Старьевщица»), либо избавляются от предельно травмирующих воспоминаний и вещей, связанных с ними (Дарья, Екатерина).

В свою очередь, произведение «Старьевщица» представляет широкую панораму жизненных судеб. Благодаря этому роману мы получили возможность сравнить гендерные особенности памяти: предпочтительные воспоминания, причины и способы избавления от воспоминаний; способы выживания в экстремальных ситуациях.

Гендерные признаки, как внутренние, так и внешние, стираются с утратой воспоминаний героев. На страницах произведений встречаем следующие описания героев: «встретилась невзрачная коротко стриженная мужеподобная особа в строгом деловом костюме. То, что это женщина, можно было понять лишь по юбке, никаких других признаков пола в ее фигуре не наблюдалось. Она равнодушно, без всяких эмоций, поздоровалась с ними голосом,

напоминающим голос автоответчика, и тотчас скрылась за какой-то дверью. Старьевщица не обратила на нее внимания» [4, с. 186].

Женщины хотят избавиться от воспоминаний о несчастной любви и от вещей, которые напоминают им о возлюбленных. Герой-мужчина старшего поколения утратил душу, занимаясь ростовщицеством ради возлюбленной (ее отец хотел для дочери жениха с приданым), однако эта профессия лишила его человеческих качеств, остался один расчет. Героиня молодого поколения решила стать богатой женщиной после того, как ее предал любимый. Персонаж нашего поколения начал продавать воспоминания ради наживы, ради того, чтобы вернуть себе состояние, однако воспоминания о своей единственной любви сохранил и пожертвовал своей жизнью ради возлюбленной. Еще один герой нашего поколения просто хотел обогатиться.

Таким образом, основная цель героев – обогащение, а женщины, в первую очередь, хотят избавиться от травмирующих воспоминаний.

Список источников и литературы

1. *Бобровская Е.О.* Игры со временем на материале фантастических романов Олега Роя // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст.: в 3 ч. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: Т.Е. Автухович (гл. ред.) и др. Гродно, 2016. С. 243–249.
2. *Рой О.* Мир над пропастью. М.: Эксмо, 2007.
3. *Рой О.* Письма из прошлого: роман. М.: Эксмо, 2014.
4. *Рой О.* Старьевщица. М.: Эксмо, 2013.

Ж.Х. Кук, Ф.Х. Сулейманова

Майкоп, Северокавказский филиал Государственного музея Востока

Традиционный костюм как отражение социальной памяти о женском и мужском (на примере коллекций художника-модельера Мадины Саральп)

В статье на примере творчества известного на Северном Кавказе художника-модельера Мадины Саральп авторы рассмотрят

традиционный костюм в контексте социальной памяти о мужском и женском. За последнюю четверть века адыгский национальный костюм стал объектом различных экспериментов и реконструкций в процессе воссоздания традиций. А ведь почти два века он был неизменным и стабильным. Адыгская культура столкнулась с целым рядом сложнейших вызовов, связанных с беспрецедентными темпами и уровнем социокультурной дифференциации, развитием процесса глобализации, усилением инокультурного влияния и последствиями неорганичных проектов модернизации. Эти процессы вызывают эрозию социальной и гендерной памяти, сложившейся за минувшие десятилетия, в которой тем не менее все еще сохраняются многие устойчивые образы и символы прошлого.

Чем было платье для черкешенки? Конечно, дополнением к ее красоте, изящным манерам и проявлениям внутренней культуры, к ее достоинству. Творчество Мадины Саральп также связано с прошлой жизнью адыгской женщины, с ее умением создавать красивую одежду, а также умением сочетать практичность и эстетичность в обустройстве быта и в повседневности. В авторских моделях художника неизмеримо присутствует время, в котором творили ее предшественницы и сегодня творит современная женщина, и таким образом устанавливается связь между временами. И эта связь очень важна и ценна для нее. К национальной одежде Мадина Саральп относится как к летописи, оставленной предками, не знавшими письменности. «Я отношусь к ней, как к особой форме диалога с прошлым, где каждый узор, каждый изгиб, каждый символ говорит со мной на понятном мне языке – языке подсознания», – говорит Мадина Саральп [1, с. 41]. Оглядываясь для того, чтобы знать свое прошлое, прикасаться к природе как к источнику в общем потоке реки времени и творить свое общее и настоящее.

На примере выставочных проектов «...в реке времени», «Твидовый сезон» и «История одного костюма» авторы проследят, как социальная память входит во внутренний мир современного человека и закрепляется в нем с помощью художественных образов. И тут происходит не возрождение этнического костюма, а его трансмутация, замена, подмена языка на визуальный ряд, это отражение

Немого в зеркале современности, это боль и тоска по предкам, это зовущие тебя устоять перед натиском времени корни – они никогда не отпускают... это не прекращается, пока ты жив. Одежда как ничто другое впитывает и отражает культуру, эстетику, нравы и быт.

Кроме того, она раскрывает одну из особенностей женского платья, о котором мы часто забываем, – его динамичность, умение трансформироваться и меняться, в отличие от мужского костюма, который всегда был более консервативен.

В северокавказских комплексах одежды кожаный пояс с металлическим гарнитуром, к которому крепилось оружие, был обязательной деталью одежды, он являлся знаковым элементом мужского костюма, маркирующим гендерный и социальный стереотип. В настоящее время гендерное пространство этой детали одежды почти утеряно, сегодня его может надеть на свое платье любая девушка.

Сможет ли национальный костюм продолжать жить в условиях современной моды? Думаем, что да. Этническое направление набирает обороты, входя в самое сердце модных трендов и в самые заметные культурные слои. Эта некая форма альтернативы какой-то веры в настоящие неизменные формы. Суть в том, что человек всегда ищет точку опоры, и здесь способность этнической одежды продолжать существовать почти неизменной сквозь слои времени очень важна для человеческой природы. Это как символ, проходящий сквозь умирание многих вещей и предметов, которым человек придает значение.

Проведенное исследование позволило выявить особое отношение к национальному костюму, увидеть, как сегодня формируется современный традиционный костюм и как оно связано с пониманием гендерной и социальной памяти.

Поддержано РФФИ, проект № 20-012-00065 «Культурные диффузии черкесов России и Турции: искусствоведческий и социокультурный анализ».

Список источников и литературы

1. *Сараль М.Л.* ... в реке времени... Адыгский национальный костюм в контексте времени. СПб.: Российский этнографический музей, 2009.

Научное издание

**Женское и мужское в традиционной и современной
культуре: сохранение, фиксация, понимание**

Материалы XIII-ой международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории и
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Часть 2

Тексты статей печатаются в авторской редакции

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Ответственный редактор Н.Л. Пушкарева
Составитель А.И. Громова

Дизайн обложки
Е.В. Орлова
Компьютерная верстка
Н.А. Белова

Подписано к печати 11.08.2020. Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 17,3. Тираж 500 экз. Заказ № 169

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а